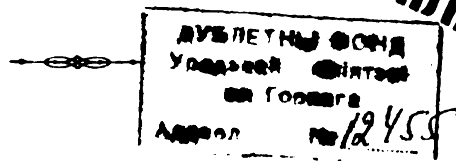

ПОСОШКОВЪ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ.

ОБЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ ПОСОШКОВА

(изданныхъ и неизданныхъ)

СО СТОРОНЫ ИХЪ РЕЛИГІОЗНАГО ХАРАКТЕРА

и историко-литературнаго значенія.

Алексѣя Царевскаго.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснеръ и Ю. Романъ, на Арбатѣ, въ домѣ Карпинской.
1888.

Определеніемъ Совѣта Казанской Духовной Академіи отъ 30-го декабря 1882 года печатать разрѣшается. Января, 17-го дня, 1883 года.

Ректоръ Академіи Протоіерей *А. Владимірскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Введеніе. — Посошковъ какъ человѣкъ и какъ писатель.

Сочиненія Посошкова.

«КНИГА О СКУДОСТИ И БОГАТСТВѢ».

«ЗЕРЦАЛО ОЧЕВИДНОЕ».

I. «Зерцало на раскольниковъ обличеніе»
(1 — XXII гл. Зерц. оч.).

Стр.

II. «О иконоборцахъ».
(XXIII гл. Зерц. оч.).

«ЗАВѢЩАНІЕ ОТЕЧЕСКОЕ».

История петровскаго времени, между множествомъ выдающихся личностей и событий, которыми такъ богата была эта пора сверхъ-нормальнаго напряженія русской жизни, далеко уже заднимъ числомъ отмѣтила замѣчательный фактъ изъ исторіи современной литературы: она сохранила намъ негромкое имя самороднаго русскаго публициста, крестьянина Ивана Тихоновича Посошкова. Долгое время послѣ его смерти, Посошковъ оставался совершенно незамѣченнымъ, какъ онъ не былъ замѣченъ и въ свое время. Случайно открывавшіяся рукописи сочиненій Посошкова постепенно проникали въ печать, на первыхъ порахъ не останавливая на себѣ особеннаго вниманія. Имя «мизернаго крестьянина», вѣроятно, мало внушало къ себѣ довѣрія; о немъ упоминалось вскользь, самое его существованіе даже заподозривалось, сочиненія его также бѣгло оспаривались и во всякомъ случаѣ не находили себѣ серьезнаго изслѣдователя. Пекарскій, въ своемъ спеціальномъ изслѣдованіи о литературѣ при Петрѣ, не счелъ нужнымъ даже и упомянуть о Посошковѣ. Между тѣмъ, ближайшее знакомство съ сочиненіями Посошкова тѣхъ немногихъ лицъ, которыя имѣли къ тому случай (напр. издатели его сочиненій), убѣдило послѣднихъ въ драгоцѣнности этихъ забытыхъ произведеній, какъ памятниковъ литературно-историческихъ, воспроизводящихъ и объясняющихъ любопытнѣйшую эпоху отечественной исторіи. Эти немногія лица (Погодинъ, А. Поповъ, Брикнеръ) увидѣли въ Посошковѣ «геніальнаго мыслителя», «русскаго государственнаго генія, съ умомъ проницательнымъ, толковымъ, спокойнымъ...»; въ произведеніяхъ Посошкова они увидѣли «безсмертныя творенія», «высокое произведеніе здраваго русскаго смы-

сла», «полное, обстоятельное изслѣдованіе о Россіи при Петрѣ великаго русскаго политика-самоучки» и пр. Подобные восторженные отзывы, как бы они ни были немногочисленны, естественно усилили интересъ къ Посошкову. Имя его, наконецъ, извлечено изъ забвенія и начинаетъ теперь пріобрѣтать большую и большую популярность въ наукѣ русской исторіи и литературы. Тѣмъ не менѣе, и теперь личность Посошкова еще далеко не вполнѣ обслѣдована и сочиненія его разсмотрѣны, можно сказать, съ одной только стороны.

Общее представленіе, сложившееся о Посошковѣ у лицъ знакомыхъ съ этимъ именемъ, обыкновенно рисуетъ его какъ русскаго политико-экономиста. Такимъ, главнымъ образомъ, онъ, дѣйствительно, и являлся для читающей публики до настоящаго времени. Ранѣе другихъ приведенное въ извѣстность его сочиненіе: «Книга о скудости и богатствѣ» было по преимуществу экономическаго характера, и оно-то установило взглядъ на Посошкова. Тѣ немногія замѣтки и изслѣдованія о Посошковѣ, которыя появлялись въ литературѣ, почти исключительно разсматривали его съ этой именно стороны. Между тѣмъ уже и Книга о скудости и богатствѣ, помимо ея политико-экономическаго значенія, имѣетъ широкій научный интересъ, какъ документъ собственно *историческій*, какъ полная и правдивая картина внутренней жизни Россіи конца XVII и начала XVIII ст. Но Посошковъ извѣстенъ теперь уже далеко не одною только Книгою о скудости и богатствѣ. Въ послѣднія десятилѣтія сдѣланы новыя капитальнѣйшія открытія о немъ. Въ 1863 году явилось въ печати другое замѣчательное сочиненіе Посошкова: «Зерцало на раскольниковъ обличеніе», которое, какъ теперь оказывается, составляетъ только часть — и притомъ въ сокращенной редакціи — громаднаго полемическаго сочиненія: «Зерцала очевиднаго», рукописный списокъ котораго хранится въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи. Наконецъ, въ 1873 г. было открыто и издано третье большое сочиненіе Посошкова, его «Завѣщаніе отеческое». Эти послѣднія сочиненія не дождались пока спеціальнаго систематическаго просмотра и въ полномъ

ихъ составѣ доселѣ еще остаются неразобранными. Между тѣмъ, они восполняютъ историческія данныя Книги о скудости и богатствѣ новымъ, обильнымъ и еще болѣе дорогимъ матеріаломъ. Здѣсь Посошковъ, воздерживаясь отъ политико-экономическихъ соображеній и проектовъ, является по преимуществу нравоописателемъ своей эпохи, представителемъ своего времени, воспитавшимся подъ воздѣйствіями разнохарактерныхъ направленій, порожденныхъ реформою, является образцомъ здравомыслящаго, глубокорелигіознаго и строгоправославнаго русскаго человѣка вообще и семьянина въ частности, является, наконецъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ даже идеалистомъ, стремящимся упорядочить современную жизнь, поднять ее до уровня возвышенныхъ требованій христіанской морали, довести ее до мѣрки тѣхъ нравственно-практическихъ идеаловъ, которые носились въ представленіи Посошкова. Такимъ образомъ, сообщая въ своихъ сочиненіяхъ положительныя свѣдѣнія о состояніи русскаго общества во время реформы, о состояніи раскола, о вліяніи иновѣрія, о силѣ иноземческаго элемента въ тогдашней Руси и пр. и пр., Посошковъ знакомитъ насъ и съ состояніемъ религіозно-нравственнаго сознанія въ русскомъ обществѣ, съ внутреннимъ міромъ его понятій и воззрѣній, идей и идеаловъ.

Не менѣе интересны сочиненія Посошкова въ отношеніи *литературномъ*. По времени своего появленія они стоятъ на рубежѣ двухъ литературныхъ эпохъ въ исторіи русской цивилизаціи, отсюда и въ содержаніи своемъ представляютъ любопытнѣйшее сочетаніе старыхъ, древнерусскихъ понятій съ стремленіями новаго времени. Служа прекраснымъ образчикомъ до-петровской письменности по своему строго-религіозному характеру и направленію, по своему стилю и языку, они въ то же время переполнены уже мыслями и взглядами, предвѣщавшими наступленіе новой эпохи въ жизни Россіи и навѣянными уже начинавшимся тогда въ ней переворотомъ. Сочиненія Посошкова служатъ, такимъ образомъ, заключеніемъ древней литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ вступленіемъ, подготовительною работою къ литературѣ новой. Нося въ себѣ смѣшеніе старыхъ традицій съ новыми запросами, принадлежа древней Россіи, но уже су-

щественно соприкасаясь и съ новою жизнію, сочиненія Посошкова представляютъ собою живое отраженіе своего времени, служатъ знаменіемъ своей смѣшанной, переходной эпохи.

Въ своемъ изслѣдованіи мы постараемся опредѣлить направленіе, выяснить взгляды и идеалы Посошкова, чтобы выработать болѣе или менѣе цѣльное представленіе о немъ, какъ о живой личности своего времени. Обращаясь же къ спеціальному обозрѣнію сочиненій, какъ единственному источнику нашихъ свѣдѣній о Посошковѣ, мы предложимъ анализъ важнѣйшихъ изъ нихъ. При этомъ будемъ обращать преимущественное вниманіе съ одной стороны на историко-литературное значеніе этихъ сочиненій, т. е. на отношеніе ихъ къ жизни того времени и мѣсто ихъ въ исторіи русской литературы; съ другой на преимущественный, всепроникающій характеръ этихъ сочиненій — религіозно-практическій.

ВВЕДЕНІЕ.

Посошковъ какъ человѣкъ и какъ писатель.

Біографическія свѣдѣнія о Посошковѣ. Литературная дѣятельность Посошкова. Обозрѣніе извѣстныхъ его сочиненій.

Посошковъ, какъ историческая личность, представляетъ собою замѣчательный, въ высшей степени любопытный типъ своего времени и того общества, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ. Необыкновенно трудолюбивый, энергичный, предпріимчивый, Посошковъ представляется живымъ порожденіемъ своей эпохи, искуственно ускоренной въ естественномъ процессѣ роста и развитія, а потому безпримѣрно дѣловой, бурной. Самый фактъ писательства Посошкова, проявляя его необычайную пытливость въ области даже наиболѣе ему чуждой, обнаруживаетъ въ то же время замѣчательную, характерную черту и вообще преобразовательной эпохи, когда кипучая дѣятельность и всякій трудъ получили особенное примѣненіе, когда выработался особый типъ такихъ людей, любознательныхъ, дѣятельныхъ, искавшихъ въ трудѣ выходъ изъ тревогъ и затрудненій жизни общественной, для которыхъ и умственная, дотолѣ непривычная работа сдѣлалась нравственнымъ убѣжищемъ отъ гнетущихъ голову недоумѣній, сомнѣній, желаній, порожденныхъ реформаторскимъ движеніемъ, рѣшительно всполошившимъ умственный сонъ и вѣковую дрему русскаго человѣка. Поэтому, личность Посошкова, уже сама по себѣ, является весьма любопытнымъ и интереснымъ предметомъ изученія. И прежде чѣмъ что либо говорить о сочиненіяхъ Посошкова и по поводу ихъ, мы неизбѣжно должны бросить хотя бѣглый, вслѣдствіе ограниченности матеріала, взглядъ на его трудовую, подвижную жизнь и разно-

характерную дѣятельность, познакомиться хотя въ общихъ чертахъ съ его личностью, тѣмъ болѣе, что ею всецѣло проникнуты и типически запечатлѣны всѣ сочиненія Посошкова, съ первой и до послѣдней ихъ строчки.

Напрасно бы мы стали искать въ нашей литературѣ готовой полной біографіи Посошкова или какихъ либо монографій, касающихся жизни этого забытаго человѣка. За исключеніемъ немногихъ, случайно попавшихся въ старинныхъ архивахъ судебныхъ дѣлъ, тяжебъ, въ которыхъ переплетается и имя Посошкова, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ свѣдѣній о его жизни и положеніи. Единственнымъ памятникомъ о Посошковѣ и источникомъ всякихъ нашихъ свѣдѣній о немъ являются только его сочиненія: чрезъ нихъ мы знакомимся съ крѣпкимъ самороднымъ умомъ Посошкова, изъ нихъ мы получаемъ представленіе нравственной личности этого великаго простолюдина, отсюда же исключительно почти приходится намъ извлекать и біографическія свѣдѣнія о жизни и занятіяхъ, матеріальномъ положеніи и житейскихъ отношеніяхъ Посошкова. Впрочемъ, матеріалъ, даваемый сочиненіями Посошкова въ этомъ послѣднемъ отношеніи крайне ограниченъ, а потому и наши біографическія свѣдѣнія о немъ остаются далеко неполными. Общая манера древнерусскихъ авторовъ намѣренно скрываться за своими твореніями, сказалась и въ Посошковѣ: онъ не только нигдѣ не излагаетъ обстоятельно своего жизнеописанія, а, напротивъ, менѣе всего старается заинтересовать читателя своею личностію, и всякія указанія на себя приводитъ развѣ только въ качествѣ примѣровъ, въ самомъ сжатомъ видѣ и притомъ съ замѣтнымъ стремленіемъ вездѣ только унизить себя. — Извѣстный изслѣдователь древностей литературныхъ — Погодинъ сдѣлалъ первую и единственную попытку, на основаніи бывшихъ тогда въ извѣстности сочиненій Посошкова, сгруппировать его отрывочныя свидѣтельства о себѣ и, при помощи нѣкоторыхъ открытыхъ въ архивахъ документовъ, воспроизвести по крайней мѣрѣ главнѣйшія черты и случаи изъ жизни Посошкова.

Иванъ Тихоновичъ Посошковъ родился, по всѣмъ соображеніямъ, около 1670 года. Въ подписи къ своимъ сочиненіямъ Посошковъ обыкновенно называетъ себя московскимъ уроженцемъ. Точнѣе мѣстомъ своей родины Посошковъ называетъ въ одномъ мѣстѣ подмосковное село Покровское (составляющее теперь часть Москвы): «писавый села Покровскаго крестьянинъ Иванъ Посошковъ» (Донош. къ Ст. Яворскому). Къ концу своей жизни Посош-

ковъ жилъ около Новгорода. По званію своему Посошковъ былъ крестьянинъ, какъ это можно видѣть изъ многократныхъ его указаній: «земледѣлецъ есмь, убогій міранинъ», «писавый сіе убогій земледѣлецъ», «что есмь азъ? — въ разумѣ младенецъ, въ чинѣ земледѣлецъ»[1]) и пр. Постоянно также Посошковъ называетъ себя простолюдиномъ. О молодости и первоначальной семейной обстановкѣ Посошкова мы ничего не знаемъ. Въ первый разъ онъ является намъ уже «крестьяниномъ», т. е. человѣкомъ, во всякомъ случаѣ, взрослымъ, и является прямо какъ личность, выдающаяся изъ ряда по своей сообразительности, смѣтливости, интересующаяся всѣмъ происходящимъ на его глазахъ, критически относящаяся къ порядкамъ жизни. Замѣчательно, что въ первый разъ, такъ же какъ и въ послѣдній, мы встрѣчаемъ Посошкова въ тюрьмѣ. Поводомъ къ первому аресту послужило слѣдующее обстоятельство, приведенное въ извѣстность Соловьевымъ. По вступленіи въ управленіе Петра I-го, поведеніе молодаго царя вызвало всеобщее неудовольствіе: жаловались на потѣхи Петра, на требовавшіе громадныхъ усилій походы, на сближеніе его съ иностранцами и пр. Въ ряду недовольныхъ, разсуждавшихъ о недостаткахъ и порокахъ государя, роптавшихъ на Петра и его образъ дѣйствій, несогласный ни съ привычками прежнихъ царей, ни съ воззрѣніями народа, мы встрѣчаемъ и Посошкова. Разсужденія о политическихъ событіяхъ Иванъ Посошковъ велъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Романомъ и еще нѣкоторыми лицами у строителя московскаго Андреевскаго монастыря Авраамія. Плодомъ этихъ разсужденій была довольно рѣзкая записка политическаго содержанія, которую Авраамій осмѣлился подать Петру. Поднято было по этому случаю дѣло, въ которомъ только братьямъ Посошковымъ удалось оправдаться и освободиться отъ ареста, такъ какъ Авраамій «сговорилъ» съ нихъ. Такова была первоначальная школа Посошкова. Примѣръ Авраамія научилъ Посошкова осторожности, но не отнялъ духа обличать общественныя язвы: въ широкихъ размѣрахъ продолжалъ онъ дѣло, начатое въ кельяхъ Андреевскаго монастыря.

Что касается умственнаго образованія, то, очевидно, Посошкову не удалось пройти никакой школы». Мы люди немудрые, вѣтреной (т. е.

---

[1]) Донош. къ Ст. Явор. Соч. Пос. т. I стр. 316; Проектъ о школахъ — ркп. Ак. Наукъ № 102; Посл. Головину — Соч. Пос. I т. 291 стр., т. II стр. 272 и др.

по Посошкову заморской, свѣтской, школьной) мудрости не учились»[1]), говоритъ онъ вообще, не выдѣляясь изъ своего сословія. Гораздо чаще говоритъ онъ о своемъ лично необразованіи: «книжныя премудрости не наученъ есмь», «человѣкъ я есмь неученый» и пишу «отъ своего простоумія»; «весьма азъ мизеренъ и ученію школьному неискусенъ, и како по надлежащему достоитъ писать, ни слѣда нѣсть во мнѣ, ибо самый простецъ есмь»; «азъ неученый есмь человѣкъ, того ради не по наукѣ и писахъ. Азъ что есмь и кто есмь? — въ разумѣ немотуяй младенецъ, въ художествѣ работникъ» и пр. «Аще кто помнитъ», предусмотрительно замѣчаетъ Посошковъ, «яко я тщеславяся унижаю себя: ни! позри на сложеніе книги сея (Зерцало очевидное), можно бо всякому и по сложенію разумѣти мя, яко простецъ есмь»[2]). Но соглашаясь съ Посошковымъ, что въ школьномъ ученіи онъ неискусенъ, нельзя однако согласиться съ его признаніями о простоуміи, о мизерности и простотѣ разума. Подобныя признанія можно объяснить только смиреніемъ и рѣшительнымъ отсутствіемъ всякой заносчивости въ этомъ высоко-нравственномъ человѣкѣ. Напротивъ, именно сложеніе-то книгъ его и обнаруживаетъ въ немъ человѣка въ высшей степени умнаго, высоко развитаго для своего времени и начитаннаго не въ примѣръ громаднѣйшему большинству своихъ современниковъ. Такъ прежде всего, сознаніе Посошкова, что онъ и «въ художествѣ» только простой работникъ, является въ его устахъ намѣреннымъ самоуничиженіемъ. Хорошо извѣстно, что это былъ человѣкъ замѣчательно способный и свѣдущій въ различныхъ ремеслахъ, извѣстный въ свое время техникъ, механикъ-самоучка. Вышеприведенное дѣло Авраамія, открывая намъ убѣжденія и мнѣнія среды, въ которой вращался Посошковъ, свидѣтельствуетъ и о технической опытности его. Въ протоколѣ допроса Посошкова сказано, что «Авраамій знакомцемъ ему учинился третій годъ: призвалъ онъ его Ивашку къ себѣ для дѣла денежнаго стану, который дѣлалъ на образецъ въ подносъ къ великому Государю»[3]). Нужно полагать, что Посошковъ, призванный Авраміемъ для составленія денежнаго станка, былъ тогда уже опытнымъ и извѣстнымъ механикомъ. Очевидно, его рекомендовали Авраамію, какъ по-

---

[1]) Зерцало очевидное, ркп. Казан. Акад. л. 201.

[2]) Соч. Пос. т. II стр. 272, 194; Проектъ о школахъ л. I; Кн. о ск. и бог.— Соч. Пос. I т. стр. 46; Зерц. очев. л. 243 об. и др.

[3]) Ист. Россіи Соловьева XIV т. 243 стр.

лезнаго мастера въ такихъ работахъ. Вскорѣ послѣ этого Иванъ Тихоновичъ хлопоталъ на денежномъ дворѣ, установилъ денежные станы и состроилъ инструменты для чекана. «Я, на денежномъ дворѣ будучи, ставилъ станы денежные, — и донынѣ стоятъ не вредны». И послѣ, «егда состоялся указъ дѣлать крупныя деньги мѣдныя, то никто не сыскался инструменты къ такому дѣлу состроить. Иноземецъ Фробусъ имался добить мастеровъ изъ-за моря; а я, видя протяжность великую, вступилъ въ то дикое время и все то денежное дѣло установилъ; иноземцамъ въ томъ я аще и учинилъ пакость, обаче мнѣ шкоды никакой не было» (Соч. Пос. т. I стр. 212 и 213). Потомъ мы застаемъ Посошкова въ сношеніяхъ даже съ самимъ государемъ, именно опять-таки вслѣдствіе его механической опытности: «прошлаго году (1700), разсказываетъ Посошковъ въ донесеніи Головину, Великій Государь изъ своихъ царскихъ устъ изрекъ, чтобы сдѣлать рогатки огнестрѣльныя, въ три ряда, а въ нихъ устроить по затинной пищали, обращающейся на всѣ стороны. И потому его государеви словеси нынѣ для примѣру рогатку я сдѣлалъ» (I т. 270 стр.). Въ главѣ «О художествѣ» (Книга о скудости и богатствѣ), говоря о важности вообще всякихъ изобрѣтеній, между прочимъ Посошковъ замѣчаетъ и о себѣ: «кто есмь я, а и у меня вымысловъ пять-шесть было» (I, 142). Итакъ, Посошковъ, очевидно, обладалъ замѣчательною опытностію въ разныхъ механическихъ работахъ. Кромѣ того, онъ былъ хорошо знакомъ со всѣми условіями успѣшнаго приготовленія военныхъ снарядовъ, съ свойствомъ матеріала, который надлежитъ брать для приготовленія боевыхъ орудій; подробно и дѣльно говоритъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ о киркахъ, которыя употреблялись для земляныхъ работъ, о сабляхъ, копьяхъ и пр. (Напр. I т. 283—286 стр.). Посошкову доступны были открытія даже въ минералогіи: «я и небольшое мѣсто поѣздилъ, и хотя я и не знаючи ѣздилъ, обаче не туне моя ѣзда: сыскалъ я самородную сѣру, самую чистую, что подобна каменю янтарю,... лекарственную матерію сыскалъ я, нарицаемую гумъ сфальтумъ,... нефти сыскалъ я многое число, вохры и червлени,... пументъ есть у меня въ пріискѣ» (I, 152 и 153 стр.). Смѣтливости умственной соотвѣтствовала въ Посошковѣ и физическая ловкость въ нѣкоторыхъ упражненіяхъ; такъ, въ молодыхъ лѣтахъ онъ въ совершенствѣ научился искусству владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ и удивлялъ своею ловкостью въ этомъ дѣлѣ: «былъ я, — разсказываетъ онъ, — еще въ

молодыхъ лѣтахъ на Пензѣ и тамошніе жители усмотрѣли во мнѣ, что я гораздо цѣльно стрѣляю, то истинно не лгу, что говорили мнѣ: останься-де ты здѣсь въ лѣто, то-де мы татаръ не будемъ боятьсявидимъ-де мы, что ты скоръ стрѣлять и пулей даромъ не теряешь, а татары-де напорчиво напираютъ, что мы не умѣемъ никого изъ нихъ убить, а тебя видимъ, что ты и по лицу убиваешь» (I, 39). При своихъ природныхъ дарованіяхъ Посошковъ владѣлъ значительно и положительными свѣдѣніями въ разныхъ областяхъ знанія; напр., онъ великолѣпно зналъ почву различныхъ мѣстностей Россіи и способность ея къ плодородію извѣстнаго рода продуктовъ; практически и конечно въ общихъ чертахъ знакомъ былъ съ разными языками: греческимъ, латинскимъ, польскимъ; онъ былъ спеціалистъ въ винномъ производствѣ, такъ что былъ рекомендованъ Меньшикову для этого дѣла и состоялъ у водочнаго строенія въ Москвѣ; зналъ теорію рисованія [1]) и пр. и пр. Но особенно Посошковъ выдается какъ человѣкъ глубоко религіозный и замѣчательно начитанный въ богословской литературѣ. Имѣя въ виду ниже подробнѣе заняться изслѣдованіемъ религіознаго характера сочиненій Посошкова, здѣсь сдѣлаемъ только нѣсколько общихъ замѣчаній о богословской начитанности его. Прежде всего, Посошковъ владѣлъ обширнымъ знаніемъ Священнаго Писанія, доказательствомъ чему служатъ встрѣчающіеся на каждой страницѣ (особенно Зерцала и Завѣщанія отеческаго) тексты изъ книгъ ветхаго и новаго завѣта. Цитированіе извѣстныхъ мѣстъ Писанія и многократныя стремленія Посошкова разъяснять приводимые тексты, показываютъ, что онъ не механически читалъ и заучивалъ священныя книги, но относился къ нимъ сознательно, усиливаясь постигнуть внутренній смыслъ болѣе или менѣе недоумѣннаго. «Я есмь человѣкъ неученый, но токмо въ нарѣчіи Божіимъ дарованіемъ отчасти знаю», признается Посошковъ предъ раскольниками; «обаче васъ многократно вящши въ Писаніи Божіимъ откровеніемъ разумѣю» (т. II, стр. 194). Посошковъ изучилъ также нѣкоторыя свято-отеческія творенія, чему свидѣтельствомъ служатъ многократныя же ссылки на Отцевъ Церкви и выписки изъ ихъ сочиненій. Такъ особенно часто Посошковъ цитуетъ Златоуста, Василія В., Ефрема Сирина, Кирилла Іерусалимскаго, Ѳео-

---

[1]) Соч. Пос. т. I, стр. 137; II, 266, 205; Исторія Петра В. Устрялова, т. I, стр. LX; Полное Собр. Зак. т. IV № 2094; Ист. Россіи Соловьева, т. XV, стр. 93; Завѣщаніе отеческое стр. 188.

филакта, Григорія Двоеслова, Іоанна Лѣствичника, Димитрія Ростовскаго, Іоанна Дамаскина. При написаніи своихъ сочиненій Посошковъ, очевидно, имѣлъ подъ руками книги, на которыя онъ ссылается, потому что ссылки его отличаются въ высшей степени точностію: на такомъ-то листѣ, въ такомъ-то правилѣ, главѣ, словѣ и пр., обыкновенно говоритъ онъ. Посошковъ въ подробностяхъ зналъ соборныя дѣянія, весьма часто ссылается на соборы, припоминая даже количество отцевъ, бывшихъ на соборѣ (напр. Зерц. очев. л. 121 об.), съ точностію указываетъ на подходящія его цѣли правила; такъ онъ цитуетъ правила: 6-го вселенскаго собора, 7-го всел. собора, Лаодикійскаго собора, Антіохійскаго собора, правила Кормчей и пр. Посошковъ отлично зналъ также священную исторію и часто въ качествѣ примѣровъ ссылается или цѣликомъ разсказываетъ историческіе факты: поучая цѣломудрію, онъ неоднократно передаетъ исторію Іосифа Прекраснаго; поучая благотворительности къ церкви, ссылается на примѣръ Соломона; говоря о крестѣ, разсказываетъ о ветхозавѣтныхъ прообразахъ его изъ жизни патріарха Іакова, Моѵсея; указываетъ на непокорство Озіи, Дафана, Авирона; въ доказательство обязательности причащенія ссылается на примѣръ Маріи Египетской и мученика Савватія; упоминаетъ о Товіи, Ананіи и Сапфирѣ; разсказываетъ исторію Лазаря; разсказываетъ чудеса и видѣнія, какъ особыя дѣйствія промысла Божія. Основательно также зналъ Посошковъ исторію ересей въ Христіанской Церкви и сущность ихъ лжеученій; передаетъ кратко исторію гоненій на первенствующую церковь[1]). Какъ человѣкъ религіозный и богословски начитанный, Посошковъ живо интересовался всѣмъ касающимся вѣры и церкви. Внутреннія и внѣшнія волненія, колебавшія въ его время православіе, не могли не обратить на себя вниманіе Посошкова. Расколъ и лютѣранство — вотъ самые сильные и самые опасные враги тогдашней русской церкви, и Посошковъ, какъ мы видимъ изъ его сочиненій, преимущественно, если не исключительно, занятъ былъ полемикою съ тѣмъ и другимъ. Онъ въ совершенствѣ изучилъ расколъ, что обнаружилось въ его Зерцалѣ; изъ многочисленныхъ въ духѣ полемики указаній на иновѣрцевъ и изъ спеціально направленнаго на лютеранъ разсужденія «О иконоборцахъ» (23-я глава

---

[1]) Зав. Отеч. стр. 14, 180, 148, 159, 196; Соч. Пос. II, 54, 102, 127; Зерц. очев. ркп. л. 39, 45, 94, 101, 164 об.

Зерцала очевиднаго) видно также, что Посошковъ хорошо зналъ важнѣйшіе пункты вѣроученія и этихъ послѣднихъ. Что касается религіозной настроенности самого Ивана Тихоновича, объ этомъ скажемъ послѣ, при разсужденіи о религіозномъ характерѣ его сочиненій; теперь же познакомимся съ внѣшнею судьбою Посошкова.

Не смотря на то, что Посошковъ былъ простой крестьянинъ, онъ имѣлъ значительное состояніе, пріобрѣтенное его трудами и коммерческими оборотами. Такъ онъ имѣлъ у себя даже крестьянъ, потому что говоритъ напр.: «у меня человѣкъ пять-шесть сбѣжало въ прошломъ году» или: «мой человѣкъ пойманъ за лошадь мою»; онъ имѣлъ свою землю: «кто есмь я, (а) и за мной съ полтора-ста четвертей есть». Посошковъ имѣлъ свои заводы: «въ прошломъ 719 году ѣдучи къ себѣ на заводъ»...; въ томъ же 719 году онъ подавалъ просьбу князю Д. М. Голицыну о позволеніи ему построить заводъ винокуренный (Соч. Пос. I т., стр. 96, 44; 203, 163, 48). Извѣстно также, что живя въ Новгородѣ, Посошковъ занимался разнообразной торговлей, доставлялъ запасы въ Петербургъ. Дѣла и обороты его были столь хороши, что онъ купилъ два дома въ Петербургѣ, пріобрѣлъ въ Новгородскомъ уѣздѣ деревни: Закарасенье, Марьино, Матвѣеву[1]). Въ смыслѣ, очевидно, этой-то матеріальной обезпеченности и довольства, Посошковъ говоритъ о себѣ: «я еще не весьма послѣдній человѣкъ, есть мизернѣе меня (I, 35, 49 и пр.)—и, по видимому, противорѣчитъ крайне смиреннымъ отзывамъ о себѣ, какъ совершеннѣйшемъ простецѣ, самомъ мизерномъ человѣкѣ. Самъ Посошковъ проговаривается иногда и о томъ, что онъ былъ человѣкъ довольно замѣтный въ свое время. Жалуясь на лѣность духовенства въ отправленіи богослуженія, онъ разсказываетъ случай изъ своей жизни: «въ Новгородскомъ уѣздѣ въ Устрицкомъ погостѣ случилось мнѣ быть; у тоя церкви три попа, а на пасху только два дня литургія была, а тутошніе жители сказывали, что больше одной обѣдни на святой недѣлѣ прежде сего не бывало, то-де *тебя поопаслись*, что двѣ обѣдни были» (т. I стр. 27). Внушая сыну своему смиреніе, Посошковъ говоритъ: «о томъ ничего не размышляй, что ты былъ съ млада въ богатствѣ, или что отца знатнаго сынъ еси» (Зав. от. стр. 179). Извѣстно также изъ сочиненій, что Посошковъ находился

---

1) Ист. Россіи Соловьева т. XV стр. 95.

въ различныхъ сношеніяхъ съ знаменитыми лицами своего времени: съ княземъ Б. А. Голицынымъ, княземъ Д. М. Голицынымъ, Л. К. Нарышкинымъ, бояриномъ Ѳ. Головинымъ и др. Кромѣ того, онъ, какъ мы видѣли, удостоился личнаго порученія отъ Петра В.; онъ помогалъ правительству въ отысканіи мастеровъ для чекана денегъ, для дѣланія пороха (I, 213, 153) и пр. Неизвѣстно, былъ ли знакомъ Посошковъ съ митрополитомъ Ростовскимъ, но достовѣрно извѣстно, что святитель Димитрій, заинтересовавшись Зерцаломъ Посошкова, искалъ знакомства съ нимъ [1]). Митрополитъ Новгородскій Іовъ былъ знакомъ съ Посошковымъ и «разглагольствовалъ» съ нимъ о разныхъ предметахъ, какъ передаетъ самъ Посошковъ. Іовъ, очевидно, зналъ Посошкова съ самой хорошей стороны, такъ что даже рекомендовалъ его особымъ письмомъ князю Я. Ѳ. Долгорукову [2]). Князь Юрій Хилковъ оказывалъ Посошкову личное покровительство и защиту (Соч. Пос. I, 34). Сочиненія же Посошкова остановили на себѣ вниманіе, нѣсколько позднѣе выступившаго на литературное поприще, нашего знаменитаго Ломоносова: въ архивѣ Академіи Наукъ хранится отношеніе послѣдняго отъ 1725 года, при коемъ онъ представлялъ 2 записки Посошкова: объ учрежденіи народныхъ школъ и о размежеваніи земли. Также на имѣющемся въ библіотекѣ Академіи Наукъ спискѣ Книги о скудости и богатствѣ находится приписка: «списана 1752 года, а для списанія получена отъ господина Совѣтника, Михаила Васильевича Ломоносова». Очевидно, послѣдній зналъ сочиненія Посошкова и такъ или иначе былъ заинтересованъ ими. Не безъизвѣстны, кажется, были литературные труды Посошкова и Ѳеофану Прокоповичу: Купріяновъ отыскалъ два проекта Посошкова, тщательно переписанные и, вѣроятно, представленные имъ Ѳ. Прокоповичу, потому что на нихъ имѣется собственноручная приписка послѣдняго: «ex libris Theophanis Archiepiskopi Novogrodensis» [3]). Итакъ, Посошковъ несомнѣнно былъ довольно замѣтный и въ свое время человѣкъ, имѣвшій связи и сношенія съ крупнѣйшими историческими дѣятелями своей эпохи, а своими сочиненіями уже въ ту отдаленную пору обратившій на себя вниманіе великихъ корифеевъ рус-

---

[1]) Хр. Чт. 1875 г. № 1, стр. 62.

[2]) Зерц. очевидное, ркп. л. 58 об.; Москвитянинъ 1855 г. № V стр. 7—9.

[3]) Впрочемъ относительно принадлежности этой записки Посошкову Погодинымъ послѣ высказано было сомнѣніе.

ской литературы. При рѣзкомъ разграниченіи еще и тогда между знатными классами общества и людьми «подлыми», Посошковъ естественно не могъ выбиться изъ послѣднихъ и стать въ ряды первыхъ; но сочиненія его, при такихъ покровителяхъ, нужно полагать, не затерялись бы, всегда нашли бы себѣ надлежащій ходъ, еслибъ нѣкоторыя изъ нихъ не были для своего времени слишкомъ либеральны и еслибъ не была слишкомъ сильна и живуча партія лицъ, обиженныхъ этими сочиненіями. Впрочемъ, самъ Посошковъ, повидимому, тщательно избѣгаетъ всякихъ упоминаній о своей популярности и съ замѣтно бо́льшею охотою разсказываетъ случаи, свидѣтельствующіе о его мизерности, ничтожествѣ; онъ подробно говоритъ о частыхъ оскорбленіяхъ, которымъ онъ подвергался и отъ которыхъ никто не былъ застрахованъ въ то, по его собственному выраженію, «дикое» время. Съ другой стороны, нельзя удивляться и не довѣрять тому, что на долю Посошкова перепадало болѣе, чѣмъ кому либо, обидъ и оскорбленій: при тогдашнемъ неправосудіи, противъ котораго съ такимъ негодованіемъ и смѣлостію вооружался Посошковъ, трудно было бороться замѣчательному мыслителю-земледѣльцу съ чиновниками и знатью; очень естественно, что выскочка изъ крестьянъ возбуждалъ ненависть въ людяхъ «ненавистныхъ, завистливыхъ, ябедникахъ и любителяхъ неправды», какъ Посошковъ величалъ бояръ и вельможъ. Они старались вредить ему при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ 1708 году 21-го марта былъ запросъ такого рода: «для строенія водокъ въ Петербургѣ желаетъ служить Иванъ Посошковъ; онаго брать ли?». Меньшиковъ, который самъ былъ не чистъ на руку и могъ не любить Посошкова, какъ человѣка безпокойнаго и прожектера-мужика, въ резолюціи отклонилъ Посошкова, обозвавъ его для этого воромъ [1]). Не смотря впрочемъ на эту клевету, Посошковъ всетаки опредѣленъ былъ въ Новгородъ водочныхъ дѣлъ мастеромъ и заслужилъ здѣсь полнѣйшее довѣріе, такъ что не былъ считанъ казною за 16 лѣтъ. Посошковъ приводитъ самъ разительные примѣры несправедливости къ себѣ вліятельныхъ особъ. Напр. въ 1719 г. онъ подалъ просьбу князю Д. Голицыну, котораго считалъ «добрымъ и разумнымъ», о дозволеніи построить винокуренный заводъ; но Голицынъ, «не вѣдаю чего ради, велѣлъ меня за караулъ посадить и я сидѣлъ цѣлую недѣлю, и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго а за что сижу, не знаю»,— Посошковъ напомнилъ о себѣ и его выпу-

[1]) Пол. Соб. Зак. IV т. № 2194.

стили. «Я кажется и не послѣдній человѣкъ», размышлялъ онъ по этому поводу, «и князь меня знаетъ, а просидѣлъ цѣлую недѣлю ни за что, кольми же паче коего мизернаго посадятъ да и забудутъ» (I, 48—49). Въ 1721 году въ Новгородѣ, хозяинъ квартиры Посошкова «приличился въ свидѣтельствѣ». Капитанъ Невельскій, «котораго называютъ добрымъ и разумнымъ человѣкомъ», велѣлъ опечатать имущество хозяина; но солдаты и Посошкова съ женой «выбили изъ горницы и животы (пожитки) опечатали». На требованіе защиты «Невельскій прислалъ съ такими грозами: самъ приду и совсѣмъ-де вымечу на улицу, а жену-де твою за косы выволоку вонъ». И вотъ Посошковы «больши дву недѣль скитались по чужимъ дворамъ»; только воевода велѣлъ караулъ снять, а Невельскому все было «хотѣлось сорвать нѣчто», какъ догадывался Посошковъ» (стр. 34). Далѣе Посошковъ разсказываетъ о личномъ оскорбленіи его полковникомъ Порѣцкимъ, который «бранилъ меня», говоритъ Посошковъ, «скверною бранью и называлъ воромъ», хотя «вины своея ни малыя не знаю» (стр. 35); разсказываетъ, какъ его не допустили до Кабинетъ-министра Макарова, которому онъ хотѣлъ представить сочиненное имъ «донесеніе Его Императорскому Величеству о новоначинающихся деньгахъ» и т. д.

Приведенныя сейчасъ свидѣтельства Меньшикова и Порѣцкаго о нравственной неблагонадежности Посошкова, обличеніе его въ воровствѣ, набрасываютъ повидимому нѣкоторую тѣнь на нравственную личность Посошкова. Но даже и въ свое время, свидѣтельство напр. Меньшикова, какъ мы видѣли, осталось непризнаннымъ, было явно опровергнуто фактомъ избранія Посошкова на должность и даже необычнымъ особеннымъ довѣріемъ къ нему. Кромѣ же этихъ голословныхъ уликъ, мы не имѣемъ никакихъ данныхъ къ какому либо опредѣленному заключенію относительно нравственной несостоятельности Посошкова. Что касается сочиненій, въ которыхъ совершенно непринужденно и слишкомъ рельефно отразился духовный образъ Посошкова, то въ нихъ послѣдній является человѣкомъ высоконравственнымъ, слишкомъ ревнивымъ къ требованіямъ долга и справедливости, развившимъ въ себѣ замѣчательно тонкую воспріимчивость въ оцѣнкѣ нравственнаго смысла и значенія человѣческихъ поступковъ. Впрочемъ, зная характеръ того времени, когда разладъ между словами и дѣлами, убѣжденіями и поступками былъ слишкомъ обыченъ, зная напр., что Татищевъ энергично вооружавшійся противъ

взяточничества, по его же признанію, не былъ самъ чистъ отъ этого грѣха, — и мы въ данномъ случаѣ вовсе не желаемъ представлять Посошкова идеаломъ честности и добродѣтели. Нужно предполагать, это былъ обыкновенный человѣкъ, быть можетъ и несвободный отъ обычныхъ, особенно въ ту пору, житейскихъ недостатковъ, но совѣсть котораго несомнѣнно чиста была отъ какихъ либо выдающихся нравственныхъ пороковъ; сочиненія же Посошкова во всякомъ случаѣ рисуютъ предъ нами въ высшей степени свѣтлый, симпатичный образъ этого увлеченнаго, восторженнаго проповѣдника правды и безусловнаго врага всякой несправедливости.

По своимъ занятіямъ Посошковъ былъ человѣкъ коммерческій, предпріимчивый; его занимали промышленные обороты, — поэтому онъ и обнаружилъ въ своихъ сочиненіяхъ удивительную силу и свѣтлость здраваго практическаго смысла. Писательство не было прямымъ призваніемъ и исключительнымъ дѣломъ Посошкова. «Едва отъ многосуетій своихъ въ три лѣта совершихъ невеликую сію книжицу», говоритъ напр. онъ о своей Книгѣ о скудости и богатствѣ (I, 259). Посошковъ писалъ между прочимъ, только потребностями времени отрываемый отъ своихъ спеціальныхъ обязанностей къ умственной работѣ. Безпримѣрносильное движеніе преобразовательной эпохи, новые предметы и учрежденія, расширеніе сферы, противоположность толковъ — все это поглотило всѣ интересы, пробудило всѣ силы и всякія дарованія русскаго человѣка, вызвало дѣятельность небывалую, разнообразную; — все это должно было поднять людей живыхъ и способныхъ въ разныхъ слояхъ общества, возбудить въ нихъ надежду на болѣе широкую дѣятельность. И Посошковъ является именно порожденіемъ современной жизни. Среди своихъ прямыхъ занятій, онъ не безучастно относился ко всему вокругъ него происходящему, а здѣсь было весьма много такого, что вызывало на размышленіе, невольно останавливало на себѣ вниманіе искренняго патріота, какимъ былъ Посошковъ. И онъ увлекся политикою, съ жаромъ предался преобразовательному стремленію, посвятилъ не мало труда на служеніе той мысли, которую тогда олицетворялъ въ себѣ Петръ Великій. Устрояя свои торговыя дѣла, Посошковъ находилъ время слѣдить за всесторонними проявленіями общественной жизни, колебавшейся подъ противоположными направленіями; онъ подмѣчалъ крайности и злоупотребленія, вносимыя въ жизнь разнообразными вліяніями, и умѣлъ извлечь

средства, способствовавшія къ всестороннему исправленію и возвышенію отечества; онъ тратилъ много силъ и времени, чтобы записать свои проекты, идеалы и имѣлъ настолько смѣлости, чтобы адресовать эти проекты, полные безпощадныхъ обличеній, лицамъ, стоящимъ во главѣ обличаемой администраціи. Это послѣднее обстоятельство дѣлаетъ совершенно понятнымъ для насъ тотъ совершившійся фактъ, что бояре, преслѣдовавшіе Посошкова при жизни, заставили его и умереть смертію арестанта. 1725 года 29 августа былъ взятъ подъ караулъ Иванъ Посошковъ, а черезъ три дня въ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ допрашивали нѣкоторыхъ лицъ, не имѣютъ ли «книгу изданія Посошкова, зовомую скудость съ богатствомъ» (предисл. ко II т. соч. Пос. стр. XXXIV). Неизвѣстно, къ чему пришли эти и подобныя изысканія, только Иванъ Тихоновичъ не былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, а 1-го февраля 1726 года онъ христіански скончался.

Но Посошковъ сохранился для насъ въ своихъ замѣчательныхъ сочиненіяхъ. Въ нихъ онъ высказался весь, со всѣми своими чувствами, понятіями и убѣжденіями, своими симпатіями и антипатіями, идеями и идеалами. Нужно удивляться этому замѣчательному человѣку, не получившему образованія, но обладавшему огромнымъ природнымъ умомъ, необыкновенною наблюдательностію, богатѣйшею опытностію и разнообразнѣйшими знаніями и способностями, — человѣку, положившему за свои убѣжденія и жизнь свою, человѣку, сверхъ всего, глубоко благочестивому, искренно богобоязненному, истинному христіанину. Нужно удивляться многостороннимъ свѣдѣніямъ и занятіямъ Посошкова и его безкорыстному желанію принести пользу родинѣ, посвятить свой умъ, запасъ своихъ знаній и опытности на служеніе отечеству, чтобъ сколько только возможно помочь, а въ крайнемъ случаѣ, хоть только указать путь и средства къ улучшенію всѣхъ частей государственнаго управленія и дѣятельности.

Занятый съ молодости, какъ мы видѣли, денежными станками, Посошковъ около 1701 г. составилъ финансовый проектъ: «денежное письмо», которое для насъ потеряно, но о которомъ свидѣтельствуетъ самъ Посошковъ въ донесеніи Головину: «если бы Великій Государь указалъ денежному дѣлу быть противъ *прежняго моего письма*... и буде Великій Государь укажетъ денежное дѣло управить, якоже *явихъ въ денежномъ письмѣ*» и пр. О содержаніи этого утраченнаго письма ничего

неизвѣстно. Очевидно, этотъ проектъ Посошковъ старался довести до свѣдѣнія самого царя. Около того же времени Посошковъ, разсматривая худое состояніе воинскаго дѣла, подалъ предложеніе «О ратномъ поведеніи» бояpину Головину. Въ этомъ письмѣ Посошковъ говоритъ о различныхъ родахъ войска, объ оружіи, о необходимости ученія стрѣльбѣ въ цѣль и о содержаніи солдатъ; упоминаетъ о походахъ Голицына въ Крымъ, объ Азовскихъ походахъ, о Нарвской битвѣ; далѣе Посошковъ предлагаетъ довольно подробную роспись расходовъ при содержаніи войска. Наконецъ онъ выражаетъ надежду, что Петру сдѣлаются извѣстными его предположенія о преобразованіи войска. — Отъ воинства Посошковъ переходитъ къ духовенству и въ 1703 году подаетъ блюстителю патріаршаго престола, Стефану Яворскому, «Донешеніе о духовныхъ дѣлахъ», т. е. объ улучшеніи быта духовенства и нравственности народа. Сюда вошли: жалобы на невѣжество духовенства, которое не въ состояніи было разумѣть коренныхъ началъ христіанскаго ученія и чрезъ то поддерживало грубое невѣжество въ народѣ, лишая его религіознаго наученія, и проекты о распространеніи просвѣщенія въ духовенствѣ. Онъ требуетъ, чтобы начальство имѣло строжайшій надзоръ за духовными лицами, предписывало имъ надлежащее исполненіе обязанностей, составляло точныя правила о томъ, какъ исповѣдывать, учить народъ и пр. Тутъ же Посошковъ заводитъ рѣчь вообще о первоначальномъ воспитаніи дѣтей, обличая неразумныя злоупотребленія въ этой родительской обязанности. Въ заключеніи молитъ «великаго Архіерея не отринуть сего доношенія» [1]). Извѣстны еще двѣ записки Посошкова, адресованныя Стефану Яворскому же. Одна озаглавлена впослѣдствіи: «Проектъ о школахъ» и трактуетъ о раціональной, съ точки зрѣнія Посошкова, постановкѣ школьнаго дѣла на Руси, объ увеличеніи училищъ, о необходимости для Россіи даже высшихъ учебныхъ заведеній, академій. Въ другой запискѣ Посошковъ говоритъ о вѣрѣ, объ отношеніи къ расколу, о необходимости образованія въ духовенствѣ. Вообще по содержанію эти записки напоминаютъ первое доношеніе. Списки этихъ двухъ записокъ составляютъ особый сборникъ, хранящійся въ библіотекѣ Академіи Наукъ (№ 102). Въ 1718 году, послѣ выпуска новыхъ монетъ, Посошковъ написалъ доношеніе государю «о новоначинающихся

---

[1]) Автографъ этого Доношенія хранится въ Москвѣ, въ Синодальной типографской библіотекѣ.

деньгахъ, изъявивъ, что деньги вельми къ воровству способны». Доношеніе это не сохранилось, но на него ссылается самъ Посошковъ (Соч. Пос. I, 250).[1])

Къ послѣднимъ годамъ жизни Посошкова относятся три самыя обширныя и замѣчательныя сочиненія Посошкова. Около 1709 года онъ написалъ «Зерцало очевидное», представляющее, въ полной редакціи, сборникъ двухъ громадныхъ полемическихъ сочиненій — противъ раскольниковъ и противъ лютеранъ. Къ 1719 году Посошковъ написалъ «Завѣщаніе отеческое къ сыну». Наконецъ, за годъ до смерти, въ 1724 г., онъ окончилъ послѣдній безсмертный свой трудъ: «Книгу о скудости и богатствѣ, сіе есть изъявленіе отъ чего приключается скудость и отъ чего гобзовитое богатство умножается». «Утаенно отъ зрѣнія людскаго трилѣтнымъ трудомъ» писалъ Посошковъ это произведеніе и, предлагая оное «на разсмотрѣніе единаго высокопарнаго бѣлаго орла, явнаго правдолюбца, императора Петра», просилъ: «иного ничего не требую, токмо да не явится мое имя ненавистливымъ, завистливымъ людямъ, паче же обидникамъ, ябедникамъ и любителямъ неправды, понеже не похлѣбуя имъ писалъ, а аще увѣдятъ о моей мизерности, то не попустятъ меня на свѣтѣ ни малаго времени жити, но прекратятъ животъ мой»; «за поносное на нихъ слово учинятъ мнѣ какую пакость» (т. I стр. 258, 213; предисл. къ II т. стр. XXX). Неизвѣстно, дошелъ ли до Петра замѣчательный трудъ Посошкова, только извѣстно, что не укрылось имя Посошкова отъ сильныхъ лицъ, не любящихъ правды: «нашли они въ безсмертномъ сочиненіи уголовныя преступленія, заключили они геніальнаго мыслителя, почтеннаго гражданина за его общеполезныя предложенія въ крѣпость, надѣли ему на руки и на ноги кандалы», и умеръ несчастный вдали отъ семьи и отъ людей, съ цѣпями на рукахъ и на ногахъ, на днѣ подземной или подводной темницы!» Такъ въ теплыхъ выраженіяхъ оплакиваетъ горькую судьбу Посошкова, павшаго жертвою своей ревности къ общему благу, Погодинъ, впервые и извлекшій это славное русское имя изъ забвенія.

---

1) Изъ мелкихъ сочиненій, связываемыхъ съ именемъ Посошкова, извѣстны еще: Записка 1725 года, или два проекта о религіозно-нравственномъ образованіи народа и объ умноженіи народнаго богатства; и «Отеческое завѣщательное поученіе посланному для обученія въ дальнія страны сыну». Впрочемъ, принадлежность этихъ двухъ сочиненій Посошкову опровергнута Погодинымъ и Брикнеромъ.

Народность и жизненность сочиненій Посошкова. — Взглядъ на состояніе русскаго общества во время реформы. Борьба двухъ направленій: привязанность къ старинѣ и влеченіе къ новизнѣ. — Направленіе Посошкова.

Посошковъ происходилъ изъ среды народа и въ своихъ сочиненіяхъ является какъ полный его представитель. Счастливая въ этомъ отношеніи судьба Посошкова доставила ему полную возможность гораздо болѣе другихъ всесторонне познакомиться съ состояніемъ Россіи, ближе всмотрѣться въ современное положеніе дѣлъ. По своему происхожденію, отчасти по образованію и вообще по своему положенію, Посошковъ находился въ тѣсной и непосредственной связи съ низшими и средними слоями русскаго общества; съ другой стороны, его промышленныя предпріятія, его знакомство съ высокопоставленными лицами, матеріальная обезпеченность, спеціальныя порученія отъ правительства — давали ему возможность имѣть сношенія съ органами управленія, съ высшими кругами общества. Будучи лишенъ всякаго правильнаго образованія и вращаясь преимущественно въ средѣ своего брата — людей некнижныхъ, Посошковъ въ то же время имѣлъ сношенія съ современными представителями русской науки, каковы: Стефанъ Яворскій, Димитрій Ростовскій и др. Испытавшій даже на себѣ, какъ увидимъ послѣ, давленіе русскаго неподвижнаго старообрядства, онъ въ то же время близко знакомъ былъ и съ противоположнымъ направленіемъ проникавшаго на Русь лютеранскаго либерализма, имѣлъ связи съ проводниками вольнодумства на Руси и т. д. Словомъ, Посошковъ все видѣлъ, ему было все извѣстно, все совершалось у него на глазахъ. Онъ могъ, поэтому, всмотрѣться подробно въ разныя задачи и порядки администраціи, законодательства, во весь строй соціальной, религіозной, нравственной и умственной жизни современнаго общества. И все, что дѣлалось въ различныхъ сферахъ русской жизни, что такъ или иначе затрогивало интересы народа, обсуживалъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ. Онъ писалъ о томъ, что происходило предъ глазами всего народа, касалось непосредственно его, въ чемъ

живо былъ заинтересованъ каждый членъ общества; онъ старался установить взглядъ на тѣ предметы, которые волновали общество; изображалъ тѣ злоупотребленія, которыя тяготѣли надъ русскимъ народомъ; выводилъ наружу тѣ бѣдствія, отъ которыхъ стоналъ русскій народъ, на которыя готовъ былъ пожаловаться всякій русскій человѣкъ. Посошковъ предлагалъ мѣры, проекты къ избѣжанію зла и удовлетворенію народныхъ потребностей, указывалъ выходъ изъ тѣхъ затрудненій, въ которыхъ очутились русскіе люди. Это опять-таки не было плодомъ какихъ либо теоретическихъ умствованій на почвѣ чужеземной науки, а было просто произведеніемъ здраваго народнаго смысла, смѣлыми соображеніями смѣтливаго крестьянина о томъ, какъ и что ему казалось лучше, какъ и чему научилъ его жизненный опытъ. Посошковъ въ подробныхъ чертахъ нарисовалъ идеалъ человѣка-христіанина, занимающаго то или другое положеніе въ обществѣ, и идеалъ этотъ вышелъ всецѣло жизненнымъ; онъ нарисованъ чисто народными красками; въ немъ живо отразились идеальныя представленія здравомыслящихъ русскихъ людей, современныхъ Посошкову. Словомъ, Посошковъ писалъ изъ среды народа и какъ бы отъ лица народа; сочиненія его вызваны были самою жизнію и являются порожденіемъ своего времени.

Являясь въ своихъ сочиненіяхъ представителемъ цѣлой народности, сыномъ своего времени, Посошковъ обладалъ вполнѣ и личными качествами, потребными для почетной роли народнаго представителя. Кромѣ умственныхъ средствъ Посошкова, о чемъ мы уже говорили, стоитъ обратить вниманіе на его глубокій патріотизмъ, любовь къ отчизнѣ, преданность своему государю, полнѣйшее и безкорыстнѣйшее желаніе имъ всякаго блага и доходящее до самоотверженія стремленіе принести имъ свою посильную помощь. Какія, въ самомъ дѣлѣ, были побужденія къ его писательству? Если и теперь появленіе подобныхъ выходцевъ обличителей изъ среды простаго народа вещь вовсе не обыкновенная, тѣмъ болѣе это было необыкновенно во время Посошкова, когда русское общество, въ лицѣ даже высшихъ своихъ представителей, еще вовсе не навыкло и боялось всякой публицистики, когда всякій, особенно «мизерный» Посошковъ, могъ имѣть справедливыя опасенія поплатиться за свое дерзновеніе. Только крайняя злоба дня съ одной стороны и искреннѣйшій патріотизмъ Ивана Тихоновича съ другой — могли побудить его взяться за перо! «Страшенъ ми», признается онъ, «сей глаголъ, что дерзнулъ

о дѣлѣ великомъ писати, но презѣльная моя горячесть понудила мя на сіе дѣло: Богъ ми свидѣтель, что не ради какого поисканія, или прибытка желая себѣ, но токмо самыя ради любви, юже имѣю къ Его Императорскаго Величества самодержавію. Ибо я отъ юности своей бѣхъ таковъ, что лучше ми каковую либо пакость понести, нежели видя что неполезно, умолчати» (I, 215). «Свидѣтель ми есть Богъ, еже азъ не себя ради сіе писахъ, но токмо ревность моя понудила меня на сіе дѣло. И тако пламень любви къ Его Царскому Величеству воспалился во мнѣ, еже никакая нужда пресѣщи не могла» (стр. 259). При такой преданности своему государю и неукротимомъ стремленіи содѣйствовать ему, Посошковъ, естественно, не могъ равнодушно смотрѣть на самоотверженную дѣятельность Петра, при полномъ равнодушіи, какимъ его дарило устрояемое имъ общество. «Видимъ мы вси, какъ Великій нашъ Монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что пособниковъ по его желанію не много: онъ на гору аще и самъ-десятъ тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то како его дѣло споро будетъ? И аще кого онъ и жестоко накажетъ, ажно на то мѣсто сто готово». «Откуда не посмотришь, нѣтъ у Великаго Государя прямыхъ радѣтелей, но всѣ криво ѣдутъ». «Вси бо люди и управители нарицаются Царскому Величеству радѣтели и слугами вѣрными наричуютъ себя, а если здравымъ окомъ посмотришь на нихъ, то всѣ ихъ радѣнія вопреки явятся прямому радѣтельству» (I, 95, 92, 106). Между тѣмъ Посошковъ сознавалъ всю трудность царственнаго дѣла, видѣлъ необходимость для государя помощниковъ, совѣтниковъ изъ среды подданныхъ, которые бы по крайней мѣрѣ останавливали вниманіе его на томъ, что требовало исправленія: «аще бо Государь и великое прилежаніе о дѣлахъ имѣетъ, обаче трудно въ тонкость все познать, понеже человѣкъ есть; и сего ради потребно ему Государю помощь подавать, елико кто можетъ, и всякіе примѣры на разсудокъ предъ очи его предлагать и о всякомъ дѣлѣ самую истину доносить, а безъ вѣрныхъ помощниковъ трудно (ему) управить» (I, 282). Тѣмъ болѣе, по мысли Посошкова, эта помощь и единодушное сочувствіе нужны были въ преобразованіяхъ, которыми дѣятельно заявлялъ себя царь и которыя ему, оставленному безъ поддержки, «не измѣня древнихъ порядковъ, колико не бившись, покинуть прійдется» (I, 95). И вотъ, Посошковъ, побуждаемый такими соображеніями и сознавая въ то же время свою прямую обязанность по-

могать своему государю, ревностно берется за роль царскаго пособника. «Не ради своихъ какихъ прихотей, или исканія какого, а отъ самыя ревности я подвигнулся. Мое намѣреніе то, чтобы мнѣ тунеядцу у Государя не быть и за то-бъ мнѣ отвѣту Богу не дать» (стр. 283). Но въ то же время Посошковъ съ совершеннымъ смиреніемъ сознаетъ свою неподготовленность и недостоинство къ принятому имъ на себя дѣлу и потому всю надежду свою возлагаетъ на Бога: «не постави, Господи Боже мой, сего моего словесе въ осужденіе, еже дерзнулъ.... писати; самъ весь, ни предъ Богомъ, ни предъ царемъ, ни предъ простымъ народомъ чѣмъ исправенъ; но токмо отъ мнѣнія моего припало желаніе, да негли изъ сего моего изъявленія Богъ израститъ нѣкое исправленіе» (стр. 10). «Ей, Государь, пишетъ онъ Стефану Яворскому, не взысканія какова желая подвизаюся, но да вины избѣгну...» (Пр. о школахъ л. 1). «Прошу о прощеніи», пишетъ онъ Головину, «въ моихъ прегрѣшеніяхъ, яже отъ дерзновенія написахъ о дѣлахъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ; елико ми Богъ въ мысль вложилъ не восхотѣхъ умолчати. Писаніе возвѣщаетъ, что Богъ изводитъ честное отъ недостойнаго. Сему примѣняющеся, дерзнухъ и азъ нѣчто изнести, понеже есть жажда Государю.... негли и чрезъ мое непристоинство и сухомысліе учинитъ (Богъ) ему нѣчто полезное и прохладительное». «Того ради я тебѣ Государю и докучаю, Господа ради не возгнушайся моего неразумія и многословія, и разсмотри вся моя изреченія съ прилежаніемъ и кая дѣла полезна узриши и Государю доложи» (т. I стр. 265 и 283).

Взявшись помогать Государю, Посошковъ слѣдитъ за современною жизнію, за потребностями правительства, за всѣмъ, «въ чемъ жажда есть великому Государю»; по частнымъ вопросамъ онъ предлагаетъ на обсужденіе государя свои взгляды и мнѣнія, пишетъ особыя доношенія о животрепещущихъ вопросахъ, пишетъ наконецъ цѣлую книгу, полную проектовъ. О чемъ же онъ пишетъ, во имя чего ратуетъ, какая объединяющая идея всѣхъ его мнѣній и проектовъ? — «Не хитрости ради, не киченія ради, или самохвальства начахъ строити и состроихъ (свои сочиненія), но отъ самыя любви побожныя потрудихся для общія пользы... Азъ бо, аще и грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ, обаче *любитель есмь правды* и *видя правду отвержену, возжелахъ тую объявить*, елико ми Богъ даровалъ» (т. II стр. 271 и 216), — такъ отвѣчаетъ на поставленные вопросы самъ Посошковъ. Итакъ, онъ преслѣдуетъ об-

щую пользу всѣхъ, онъ ратуетъ за попираемую часто правду. Цѣль его стремленій — «ради самыя правды такъ учинить, чтобы какъ богатымъ и сильнымъ, такъ и убогимъ и маломочнымъ безобидно было; чтобы истребити изъ народа неправду и неисправности, и насадить прямую правду, водрузить любовь и безпечное житіе народное» (I, 99; II, предисл. стр. XXIX). Съ этою-то цѣлію онъ и предложилъ свои знаменитыя «девять главъ (Книга о скудости и богатствѣ), а вся сія девятерица главъ состягаются къ насажденію правды, неправды же и всякаго воровства ко истребленію; да негли — льститъ себя Посошковъ надеждою — изъ сего моего изъявленія Богъ израститъ нѣкое исправленіе» (I, 8 и 10). Но Посошковъ сознавалъ всю непосильность своего предпріятія: искорененія неправды во время ея полнаго господства, когда, по его словамъ, съ одной стороны «древностная неправда одолѣвала всѣ новыя статьи, колико ихъ не издано», а съ другой — самые «древніе уставы обветшали и отъ неправыхъ судей всѣ исказились» (I, 96 и 87). Поэтому, всю надежду на успѣхъ онъ поставляетъ въ прямую зависимость отъ воли Божіей: только «аще Богъ на ны призритъ и помощь Свою ниспошлетъ, мочно правосудію устроиться у насъ въ Россіи». И Посошковъ молитъ, чтобы «Господь Богъ помощь Свою ниспослалъ, еже бы древнюю страсть неправды искоренити». Въ надеждѣ только на Божіе содѣйствіе Посошковъ и излагаетъ свои мнѣнія: «елико ми Богъ помощи Своей ниспослалъ, сія мнѣнія о истребленіи всякія великія и малыя неправды и насажденіи правды написахъ» (I, 87, 95, 258 и др.).

Вѣрный своей задачѣ — дѣйствовать во имя правды, въ интересахъ общественной пользы, въ помощь государю, Посошковъ прежде всего хочетъ обратить вниманіе Петра на тѣ прямыя нарушенія справедливости, которыя выносилъ русскій народъ безъ воли и свѣдѣнія о томъ государя. «Едвали сіе право учинено», пишетъ напр. онъ, «еже солдату мундиръ дадутъ, а послѣди за тотъ мундиръ изъ жалованья вычтутъ... Мню я, что Его Императорскому Величеству сіе не весьма извѣстно. Инымъ солдатамъ и по десяти алтынъ жалованья не приходитъ въ мѣсяцъ, о таковой ихъ скудости, чаю, никто Государю не донесетъ, но доносятъ, будто всѣ сыты и всѣмъ довольны» (I, 5 и 32). Перечисляя различныя злоупотребленія въ военномъ вѣдомствѣ, Посошковъ говоритъ: «мню, что Государю о семъ не весьма извѣстно, но дѣлаютъ все правители», которые «аще и съ докладу (царю) дѣлаютъ,

да докладываютъ не прямо, но только слово у Государя изъ устъ вытянутъ, да и дѣлаютъ что хотятъ, и запишутъ въ указѣ, яко бы по имянному Его Величества указу...» (I, 92). Выставляя на видъ крайнюю нужду русскаго народа въ такихъ насущныхъ потребностяхъ, какъ напр. соль, Посошковъ прибавляетъ: «крестьяне, кои маломочны, всѣ пропадаютъ и отъ безсолицы помираютъ, да никто о томъ Государю не доноситъ, а судьи, хотя и вѣдаютъ, да о томъ они не пекутся, чтобъ люди всѣ цѣлы и здоровы были» (I, 224). Говоря о злоупотребленіяхъ и страшномъ корыстолюбіи высшихъ сословій, Посошковъ прямо приводитъ факты, въ которыхъ «дворяне Государя своего оболгали» (I, 243) и пр. и пр.

Много усмотрѣлъ Посошковъ въ общественной жизни и такого, что дѣлалось иногда съ вѣдома государя и по требованію существующихъ правилъ, но что уже устарѣло, не мирилось съ современными потребностями, что было тяжело или неполезно для народа, чего не могъ признать Посошковъ здравымъ. Онъ счелъ своею обязанностію обратить вниманіе государя на эти порядки, обстоятельно объясняя ихъ неумѣстность. «Мелочной сборъ по деньгѣ на рубль моему мнѣнію противенъ, понеже...» — слѣдуетъ подробное изложеніе доказательствъ. Вооружаясь противъ предпочтенія, оказываемаго иноземцамъ предъ Русскими, онъ говоритъ: «въ россійскихъ нашихъ правителяхъ есть разсужденіе на сіе дѣло самое нездравое, ибо....». «Дворяне земли раздѣляютъ частей на десять и больше, такое обыкновеніе весьма нездраво....». «И сіе не только не право, но и весьма гнило, еже землямъ достовѣрнаго измѣренія и межъ не сдѣлано...». «Сей судъ, еже простолюдину обиды своей на солдата у солдата-жъ милости просить, мнѣ мнится не весьма правъ». Доказывая неудобство нѣкоторыхъ правилъ Уложенія, способствовавшихъ волокитству въ судебныхъ дѣлахъ, заключаетъ: «мнѣ ся мнитъ: тыи статьи стараго Уложенія надлежитъ оставить и сдѣлать такъ...». «Въ старомъ Уложеніи напечатано, еже сажать за вину въ тюрьму года на четыре и больше, и та статья мнѣ возмнилась весьма непристойна...». «И нынѣшній указъ о нищихъ учиненъ не весьма здраво...». «И сіе не право дѣется: дозорщики описываютъ деревни, и въ глаза (ихъ) не видавъ...» (I, 220, 145, 7, 43, 103, 110, 192) и пр.

Вмѣсто многихъ порядковъ, отвергаемыхъ Посошковымъ, какъ нездравыхъ, отжившихъ свои дни, онъ, въ помощь законодателю и ради

блага народнаго, предлагаетъ свои мѣры, новые порядки, болѣе справедливые, по его мнѣнію, и болѣе цѣлесообразные въ жизни государственной.

Высказанныя сейчасъ общія соображенія о жизненности и значеніи сочиненій Посошкова ближе всего относятся къ политико-экономическому труду Посошкова, къ его Книгѣ о скудости и богатствѣ. Но то же должно сказать въ частности и о другихъ сочиненіяхъ его, болѣе спеціальныхъ по своему содержанію и не имѣющихъ столь всесторонняго отношенія къ дѣйствительной современной жизни. Зерцало очевидное представляетъ собою исключительно богословское сочиненіе, въ которомъ, какъ и въ Доношеніи къ Стефану Яворскому, Посошковъ ратуетъ противъ страшнаго зла русской церковной жизни, чрезмѣрно усилившагося при Петрѣ, — противъ раскола и протестантскаго вліянія. Такимъ образомъ, какъ видно уже изъ главнаго предмета, сочиненіе это было по меньшей мѣрѣ современно, служило отвѣтомъ на прямой вопросъ времени. Опытно дозналъ Посошковъ всю опасность «антихристіанской прелести раскола». Это сознаніе еще болѣе усилилось въ немъ при видѣ засвидѣтельствованнаго имъ полнаго безсилія и умственной скудости лицъ, призванныхъ, по своему положенію, хранить чистоту вѣры. И вотъ онъ, не смотря на присущее ему сознаніе своего недостоинства, «яко неукъ есмь и неразуміе мое явно есмь, яко простецъ есмь» и «по самому бытію моему не мое сіе дѣло», но припоминая прошеніе Златоуста, «еже бы мы, и простолюдинове суще, тщаніе имѣли неоскудное о наставленіи заблудшихъ», рѣшается, «призвавъ Бога на помощь», подвигнуться «о подъятіи и исправленіи погибающихъ членовъ, падшихъ въ расколъ» (Зерц. очев. ркп. л. 8). Плодомъ этой рѣшимости было Зерцало. Посошковымъ движетъ въ данномъ случаѣ та же его искренняя приверженность къ своей отчизнѣ, съ ея святою, чистою вѣрою, неподдѣльная любовь и сожалѣніе о своихъ братьяхъ, «отпадшихъ отъ матери своея Святыя Церкве и подпадшихъ царству діавола»; имъ движетъ, наконецъ, и тутъ та же высокая ревность и благородное возбужденіе: «токмо едина мя ревность на таковое великое дѣло подвиже. Богъ меня на сіе дѣло возбудилъ, буди Его Божія воля. Единъ бо есмь талантъ прія, потолику и трудихся» (л. 9). — Завѣщаніе отеческое носитъ также характеръ богословскій и относится къ назидательной литературѣ. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ сочиненіи встрѣчается подробное раскрытіе мыслей Посошкова объ администраціи, судопроизводствѣ, о солдатахъ, крестьянахъ и пр., какъ и въ Книгѣ о

скудости и богатствѣ, оно имѣетъ едва ли не болѣе всѣхъ громадное историческое значеніе, потому что въ немъ мы находимъ полный катихизисъ, подробную догматику и иконику набожнаго русскаго человѣка ко времени Петра Великаго; здѣсь находимъ изображеніе идеаловъ этого человѣка, въ высшей степени предусмотрительную программу жизнедѣятельности, составленную религіознымъ древне-русскимъ человѣкомъ, подъ вліяніемъ уже и новаго порядка вещей.

Историческое значеніе литературныхъ произведеній точнѣе и ближе опредѣляется обыкновенно болѣе или менѣе непосредственнымъ отношеніемъ ихъ къ современной исторіи. Чѣмъ болѣе публицистъ въ своихъ сочиненіяхъ обращаетъ вниманія на жизненные запросы своего времени, чѣмъ болѣе онъ касается общаго теченія современной исторіи; тѣмъ болѣе историческаго смысла и цѣны получаютъ его произведенія. Всѣ извѣстныя намъ сочиненія Посошкова, при всей разнохарактерности ихъ содержанія, имѣютъ важное историческое значеніе, потому что, какъ мы сказали, они были вызваны самою жизнію, изъ нея брали свое содержаніе и цѣлію своею имѣли удовлетвореніе насущныхъ, жизненныхъ потребностей. Но чтобы ближе видѣть отношеніе сочиненій Посошкова къ современной жизни и такимъ образомъ уяснить историческое ихъ значеніе, мы неизбѣжно должны разсматривать ихъ въ связи съ состояніемъ тогдашняго русскаго общества и опредѣлить напередъ точку зрѣнія Посошкова, принятое имъ общее направленіе.

Посошковъ жилъ и писалъ въ замѣчательнѣйшую эпоху русской исторіи: на его глазахъ совершалось великое дѣло всесторонняго преобразованія Россіи; онъ, слѣдовательно, непосредственно испытывалъ, вмѣстѣ съ своими современниками, всю тяжесть и силу историческаго переворота; въ его сочиненіяхъ нужно искать отображеніе первоначальныхъ впечатлѣній здравомыслящаго русскаго человѣка въ виду многочисленныхъ новинокъ.

XVIII-й вѣкъ открывается на Руси всеобъемлющею реформой государственнаго устройства. Начало его, названное эпохою преобразованій, имѣетъ смыслъ если не всецѣлаго, кореннаго разрыва между старымъ и новымъ, то ускореннаго перехода Россіи отъ ея обособленнаго существованія къ непосредственному общенію съ Европой. Ко времени Петра Великаго по разнымъ отраслямъ государственнаго устройства стало уже обнаруживаться

недовольство настоящимъ и стремленіе къ нововведеніямъ. Лучшіе русскіе люди путемъ вѣковаго опыта дошли до убѣжденія, что для лучшаго благоустройства и процвѣтанія Россіи въ средѣ другихъ европейскихъ государствъ необходимо ближайшее знакомство съ ними, необходимо заимствованіе плодовъ западной цивилизаціи. Какъ ни преданъ былъ Алексѣй Михайловичъ праотеческимъ обычаямъ, всетаки уже и онъ допустилъ въ своемъ дворѣ нѣсколько новыхъ западныхъ обычаевъ, каковы: новыя увеселенія, переводъ иностранныхъ журналовъ и т. п. Петръ Великій, посланный провидѣніемъ довершить необходимое для блага Россіи ея всецѣлое преобразованіе, дать народу русскому болѣе живое и обширное образованіе умственное и общественное, началъ рѣшительно и радикально устроять Россію по образцамъ и началамъ западно-европейской гражданственности. Но не могъ, разумѣется, этотъ переходъ Россіи отъ ея древней исторіи къ новой совершиться безъ болѣзненныхъ явленій, безъ сопротивленія, безъ борьбы. Уже съ начала обнаруженія первыхъ реформаторскихъ попытокъ въ эпоху, предшествовавшую еще Петру, явился громадный процентъ людей, для которыхъ старое было идеаломъ и совершеннаго, и прекраснаго; съ самаго начала въ обществѣ обнаружилось уже раздвоеніе новыхъ стремленій съ старыми убѣжденіями, раздвоеніе, какъ признакъ и задатокъ разыгравшейся потомъ въ громадныхъ размѣрахъ борьбы между старымъ и новымъ началами. Само правительство, только при Петрѣ впервые сознательно вступившее на путь реформы, доселѣ дѣйствовало въ этомъ отношеніи безотчетно и во всякомъ случаѣ высказывалось въ пользу народнаго большинства; оно даже поддерживало поборниковъ старины, побуждаемое къ тому если не слѣпою приверженностію къ старинѣ, то опасеніемъ, чтобы съ латинскаго запада не пришло къ намъ чего нибудь вреднаго, противнаго пользамъ государственнымъ, опаснаго для чистоты древне-русскаго православія. Такъ уже во 2-й половинѣ XVII вѣка отчужденіе Россіи отъ Европы старательно охранялось государственными мѣрами: въ 1675 году вышелъ указъ, запрещавшій, подъ опасеніемъ опалы, «перенимать иноземскихъ, нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ» (Пол. соб. зак. т. I № 607). Діаметрально измѣнилась политика русскаго правительства при Петрѣ. Смѣло, часто путемъ принужденія, шло оно отъ преобразованія къ преобразованію; но за то съ точностію опредѣлилось и во всей силѣ обнаружилось теперь противоположное направленіе приверженцевъ старины: борьба стараго

порядка съ новымъ достигла высшей степени напряженія. Русское общество рѣзко раздѣлилось на два враждебныхъ между собою лагеря. Масса простаго народа стала въ оппозицію всякимъ нововведеніямъ и составила собою партію защитниковъ стараго порядка. Другую противоположность составили люди, сочувствующіе новому строю жизни, приверженцы нововведеній, принятыхъ со стороны, заимствованныхъ отъ иноземцевъ.

Въ этотъ-то рѣшительный моментъ общественнаго разъединенія и борьбы стараго направленія съ новыми стремленіями жилъ Посошковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что его болѣе чѣмъ всякаго другаго интересовалъ круговоротъ современной жизни, разрозненность народныхъ стремленій, доходящая до партіозной борьбы. Но напрасно бы мы стали искать въ его сочиненіяхъ духа этой партіозности. Посошковъ сохранилъ, насколько это было возможно, безпристрастіе среди общаго возбужденія и увлеченія; свѣтлымъ, непредубѣжденнымъ взоромъ смотрѣлъ онъ на новыя перемѣны и потому остался свободенъ отъ увлеченія крайностями. Его не увлекало безотчетно ни усилившееся стремленіе къ новизнѣ, ни усиливающаяся въ своей закоренѣлости привязанность къ старинѣ. Онъ сознавалъ хорошее того и другаго направленія, но въ то же время видѣлъ и худыя ихъ стороны. Поэтому Посошковъ и въ сочиненіяхъ своихъ не высказался рѣшительно въ пользу того или другаго направленія, какъ, съ другой стороны, воздержался и отъ огульнаго осужденія какого либо изъ нихъ. Симпатіи Посошкова высказываются только усвоеніемъ хорошаго въ томъ и другомъ направленіи. Въ большинствѣ случаевъ являясь представителемъ набожнаго старо-русскаго человѣка, Посошковъ въ то же время является человѣкомъ новаго времени, сотрудникомъ великаго реформатора. Разсматриваемый съ точки зрѣнія стараго времени, Посошковъ является выходцемъ, членомъ новаго общества, но въ рядахъ этого послѣдняго Посошковъ далеко не раздѣляетъ крайняго увлеченія рьяныхъ западниковъ и остается человѣкомъ отсталымъ, старымъ ригористомъ. Съ одной стороны, онъ желаетъ усвоить все хорошее изъ указаннаго Петромъ, напр. научное образованіе, новый строй государственной жизни и пр.; съ другой—стремится сохранить и все доброе, выработанное многовѣковою жизнію русскаго народа, какъ напр. его благочестіе, религіозность, уваженіе къ духовенству и пр. Въ политическихъ, гражданскихъ убѣжденіяхъ Посошковъ является всецѣло новаторомъ; въ убѣжденіяхъ же религіозно-нравственныхъ, оказавшихъ въ большинствѣ

русскихъ людей удивительную силу, неподвижную стойкость, живучесть, и Посошковъ остается тѣмъ же древне-русскимъ раскольникомъ, только безъ крайностей и заблужденій послѣдняго, остается проповѣдникомъ той же обрядности, того же строгаго православія, старой вѣры. Само собою разумѣется, эти, въ своемъ родѣ, тоже крайности въ направленіи Посошкова — тяготѣніе къ новымъ условіямъ жизни и привязанность къ старинѣ — у него взаимно примирялись и умѣрялись. Какъ сынъ старой Россіи, онъ напр. упорно отстаиваетъ всѣ и мелочи старой обрядности; а какъ человѣкъ новаго склада, какъ новаторъ, онъ старается сгладить традиціонныя воззрѣнія напр. на науку, на иностранцевъ и т. п.; сообщаетъ и старымъ русскимъ воззрѣніямъ совершенно новый духъ, новый характеръ, старается придать всему внѣшнему, обрядовому новый для русскихъ людей, дотолѣ несознаваемый и смутно представляемый смыслъ, высшее духовное значеніе. Такимъ образомъ, Посошковъ является примиряющимъ два крайнія направленія, является представителемъ того быть можетъ немногочисленнаго разряда здравомыслящихъ русскихъ людей начала XVIII вѣка, которые служили посредниками и соединяли собою увлекшихся въ крайностяхъ соотечественниковъ въ одну народность. Здѣсь припоминаются слова Посошкова, обращенныя къ сыну: «не склоняйся ни на шуе, ниже на мнимое десно»; нельзя не узнать здѣсь въ высшей степени удачной характеристики направленія самого Посошкова!

Во всякомъ случаѣ, это среднее между крайними направленіе Посошкова является громаднымъ достоинствомъ, благодаря которому въ его сочиненіяхъ мы имѣемъ правдивые историческіе мемуары внутренняго состоянія Россіи, начертанные безпристрастнымъ современникомъ. Это не партизанъ, смотрящій на современность изъ подъ извѣстнаго угла, а честный, правдивый историкъ, который рисуетъ предъ нами общественную жизнь въ ея главнѣйшихъ проявленіяхъ, со всѣми язвами, застарѣвшими уже при прежнихъ порядкахъ дѣлъ и вновь открывавшимися подъ вліяніемъ новыхъ болѣе или менѣе неудачныхъ попытокъ измѣненія. «Въ россійскомъ народѣ», пишетъ Посошковъ въ просьбѣ, приложенной къ Книгѣ о скудости и богатствѣ, «присмотрѣхъ, яко многое множество содѣвается неправды и всякихъ неисправностей. Того ради возжелахъ о достовѣрныхъ и слышанныхъ и мнимыхъ дѣлахъ предложити изъявленіе» (т. II стр. XXVIII). Такимъ образомъ, сочиненія Посошкова есть живая картина Россіи при Петрѣ Великомъ, съ ея нуж-

дами и запросами. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ выразившіеся въ сочиненіяхъ Посошкова отношеніе Русскихъ къ иностранцамъ и здравый взглядъ Посошкова на сущность раскола. Иностранцы и расколъ — эти два пункта съ особенною рельефностію выступаютъ въ сочиненіяхъ Посошкова. И въ этомъ нельзя не видѣть главнѣйшее доказательство современности и жизненности сочиненій Посошкова, такъ какъ эти два пункта служили въ то время противоположными полюсами, между которыми колебалось русское общество, то совершенно отдаваясь подъ опеку иностранцевъ, то раскольнически закупориваясь въ своей національности. Сохраняя себя свободнымъ отъ безотчетнаго пристрастія къ тому или къ другому направленію, Посошковъ наполнилъ свои сочиненія дѣльными и рѣзкими укоризнами и обличеніями какъ иностранцевъ съ ихъ русскими подражателями, такъ и переступившихъ границы отчужденія отъ всего новаго своихъ соотечественниковъ современниковъ.

Итакъ, вопросъ объ общемъ направленіи Посошкова и объ отношеніи его къ двумъ крайнимъ партіямъ того времени можно рѣшить, на основаніи его сочиненій, съ достаточною опредѣленностію. Несомнѣнно, Посошковъ остался свободенъ отъ полнаго слѣдованія какому либо изъ двухъ крайнихъ направленій того времени, онъ не принадлежитъ всецѣло ни къ старовѣрамъ, ни къ безусловнымъ новаторамъ, онъ держитъ середину между тѣми и другими, идетъ своею дорогою. — Какъ же Посошковымъ пройденъ этотъ путь, насколько удовлетворительно выдержано имъ избранное направленіе?

Нельзя сказать, чтобы среднее направленіе между стариною и новизною проведено было Посошковымъ безукоризненно, безъ всякихъ неровностей, что всегда и вездѣ одинаково успѣшно ему удавалось избѣгать недостатковъ завѣдомо шуей стороны и мнимой правоты пути деснаго. Въ частностяхъ и отдѣльныхъ случаяхъ мы находимъ у Посошкова очень много невыдержаннаго, непослѣдовательнаго, слишкомъ замѣтную смѣсь въ понятіяхъ и взглядахъ. Часто Посошковъ удивляетъ высокими и слишкомъ смѣлыми въ его положеніи мыслями, новыми идеями; за то еще чаще встрѣчаются у него и такія старинныя требованія и рутинныя воззрѣнія, которыя являются какъ будто даже недостойными Посошкова, непріятно поражаютъ въ его сочиненіяхъ. Съ одной стороны, взгляды, изобличающіе въ Посошковѣ человѣка въ высшей степени здравомыслящаго, новаго: съ другой — взгляды, выдающіе въ Посошковѣ

древняго простеца и старовѣра. Многія частныя стороны религіозныхъ воззрѣній Посошкова и его соціальныхъ идеаловъ показываютъ, какъ мы послѣ увидимъ, что Посошковъ далеко не всегда умѣло и равномѣрно сочеталъ новыя понятія съ старыми требованіями, новое содержаніе съ древнею формою, что онъ часто смѣшивалъ великое съ ничтожнымъ, серьезное съ смѣшнымъ, существенно важное съ безразличнымъ, что онъ съ неменьшимъ упорствомъ гонялся за обрядомъ, какъ и за одушевляющимъ его смысломъ, въ регламентаціи выраженій внѣшняго богопочтенія и нравственныхъ поступковъ постоянно переходилъ въ древне-русскую крайность точнѣйшихъ и подробнѣйшихъ предписаній. Нельзя конечно ставить Посошкову въ упрекъ его обрядоваго направленія настолько, насколько обрядъ необходимъ для выраженія извѣстной идеи, того или другаго духовнаго настроенія, насколько форма неизбѣжна, какъ оболочка даннаго содержанія; но дѣло въ томъ, что Посошковъ часто переходитъ законную, разумную мѣру формализма, — весь, такъ сказать, уходитъ въ обрядность и, съ чисто стариннымъ русскимъ навыкомъ и съ видимою охотою, распоряжается въ этой области, какъ въ чемъ-то самостоятельномъ; онъ выставляетъ мелочныя требованія древне-русской обрядности, какъ нѣчто само по себѣ существенное, безусловно обязательное; онъ часто не обрядъ подставляетъ къ выраженію извѣстной идеи, а наоборотъ къ готовому уже обряду силится привязать извѣстное движеніе души, не форму полагаетъ необходимою для содержанія, а скорѣе существованіе уже готовой, неизмѣнной формы, какова бы она ни была, обусловливаетъ для него необходимость подыскать къ ней какое нибудь содержаніе. Все это служитъ знакомъ того, что Посошковъ всетаки не избѣжалъ безусловно тѣхъ крайностей, которыхъ въ принципѣ онъ видимо берегся, что онъ всетаки далеко заходилъ въ область старовѣрческаго направленія, подчасъ повторяя излишнія требованія послѣдняго и уже болѣе или менѣе насильственно связывая ихъ съ новыми идеями, внушенными вліяніемъ другаго направленія, усвоенными изъ новыхъ началъ.

Причину такой невыдержанности взгляда и смѣшенія понятій въ сочиненіяхъ Посошкова нужно искать не столько въ личности самого Посошкова, сколько съ одной стороны въ характерѣ вообще того неустойчиваго, переходнаго времени, а съ другой — въ личныхъ обстоятельствахъ жизни Посошкова и условіяхъ его писательства. Прежде всего, Посош-

ковъ представляетъ собою въ этомъ случаѣ интереснѣйшій типъ современника великой реформы русскаго царства, на которомъ мы наглядно можемъ наблюдать столкновеніе двухъ направленій, порожденныхъ реформою, когда новыя, прививаемыя начала дѣятельно вторгались въ жизнь на смѣну тоже еще слишкомъ живучихъ началъ старыхъ; когда умственный и нравственный кругозоръ русскаго человѣка представлялъ собою хаосъ часто противорѣчивыхъ взглядовъ и убѣжденій; когда болѣе или менѣе случайно сохраненное изъ стараго и схваченное изъ новаго, иногда при всей своей несовмѣстимости, могло мирно уживаться въ одной и той же головѣ. Словомъ, Посошковъ представляетъ собою любопытнѣйшій экземпляръ тѣхъ русскихъ людей, которые, будучи тронуты реформою, еще не свыклись съ новымъ положеніемъ, не успѣли спокойно осмотрѣться, во все вдуматься, дать отчетъ въ своихъ воззрѣніяхъ и идеалахъ, подвергнуть критикѣ разсудка и упорядочить свое новопріобрѣтенное умственное и нравственное богатство. — Съ другой стороны, причину сбивчивости и неравновѣсія въ понятіяхъ Посошкова нужно видѣть въ обстановкѣ и обстоятельствахъ его жизни, въ крестьянствѣ, лишившемъ Посошкова правильной школьной подготовки, научнаго теоретическаго образованія, которое единственно и могло сообщить полную отчетливость его понятіямъ, дало бы возможность ему оріентироваться въ массѣ противорѣчій и крайностей своего бурнаго времени. Но за то тамъ же, въ той же обстановкѣ и житейскихъ условіяхъ можно отчасти усматривать ту, хотя и отрицательную, силу, которая воздержала Посошкова отъ всецѣлаго увлеченія крайностями и упрочила за Посошковымъ именно безопасный путь середины. Посошковъ не видалъ школы, не имѣлъ возможности ближе ознакомиться съ европейскою цивилизаціею, а потому и не могъ усвоить какъ того поверхностнаго образованія, которое кружило головы русскимъ новичкамъ, приготовляя изъ нихъ большой процентъ модныхъ западниковъ, такъ и научныхъ подробностей солиднаго образованія, борьбы богословскихъ направленій, въ расходящіяся разности которыхъ почти невольно уклонялась мысль напр. такихъ великихъ ученыхъ людей времени, каковы Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ, Татищевъ и др. Правда, всякія крайности, гдѣ бы и въ чемъ бы онѣ ни проявлялись, для неученыхъ, темныхъ людей бываютъ въ жизни, на практикѣ, наиболѣе опасными и заразительными. Но въ этой-то именно области, т. е. на почвѣ практической жизни, и былъ непоколебимо силенъ Посошковъ.

древняго простеца и старовѣра. Многія частныя стороны религіозныхъ воззрѣній Посошкова и его соціальныхъ идеаловъ показываютъ, какъ мы послѣ увидимъ, что Посошковъ далеко не всегда умѣло и равномѣрно сочеталъ новыя понятія съ старыми требованіями, новое содержаніе съ древнею формою, что онъ часто смѣшивалъ великое съ ничтожнымъ, серьезное съ смѣшнымъ, существенно важное съ безразличнымъ, что онъ съ неменьшимъ упорствомъ гонялся за обрядомъ, какъ и за одушевляющимъ его смысломъ, въ регламентаціи выраженій внѣшняго богопочтенія и нравственныхъ поступковъ постоянно переходилъ въ древне-русскую крайность точнѣйшихъ и подробнѣйшихъ предписаній. Нельзя конечно ставить Посошкову въ упрекъ его обрядоваго направленія настолько, насколько обрядъ необходимъ для выраженія извѣстной идеи, того или другаго духовнаго настроенія, насколько форма неизбѣжна, какъ оболочка даннаго содержанія; но дѣло въ томъ, что Посошковъ часто переходитъ законную, разумную мѣру формализма, — весь, такъ сказать, уходитъ въ обрядность и, съ чисто стариннымъ русскимъ навыкомъ и съ видимою охотою, распоряжается въ этой области, какъ въ чемъ-то самостоятельномъ; онъ выставляетъ мелочныя требованія древне-русской обрядности, какъ нѣчто само по себѣ существенное, безусловно обязательное; онъ часто не обрядъ подставляетъ къ выраженію извѣстной идеи, а наоборотъ къ готовому уже обряду силится привязать извѣстное движеніе души, не форму полагаетъ необходимою для содержанія, а скорѣе существованіе уже готовой, неизмѣнной формы, какова бы она ни была, обусловливаетъ для него необходимость подыскать къ ней какое нибудь содержаніе. Все это служитъ знакомъ того, что Посошковъ всетаки не избѣжалъ безусловно тѣхъ крайностей, которыхъ въ принципѣ онъ видимо берегся, что онъ всетаки далеко заходилъ въ область старовѣрческаго направленія, подчасъ повторяя излишнія требованія послѣдняго и уже болѣе или менѣе насильственно связывая ихъ съ новыми идеями, внушенными вліяніемъ другаго направленія, усвоенными изъ новыхъ началъ.

Причину такой невыдержанности взгляда и смѣшенія понятій въ сочиненіяхъ Посошкова нужно искать не столько въ личности самого Посошкова, сколько съ одной стороны въ характерѣ вообще того неустойчиваго, переходнаго времени, а съ другой — въ личныхъ обстоятельствахъ жизни Посошкова и условіяхъ его писательства. Прежде всего, Посош-

ковъ представляетъ собою въ этомъ случаѣ интереснѣйшій типъ современника великой реформы русскаго царства, на которомъ мы наглядно можемъ наблюдать столкновеніе двухъ направленій, порожденныхъ реформою, когда новыя, прививаемыя начала дѣятельно вторгались въ жизнь на смѣну тоже еще слишкомъ живучихъ началъ старыхъ; когда умственный и нравственный кругозоръ русскаго человѣка представлялъ собою хаосъ часто противорѣчивыхъ взглядовъ и убѣжденій; когда болѣе или менѣе случайно сохраненное изъ стараго и схваченное изъ новаго, иногда при всей своей несовмѣстимости, могло мирно уживаться въ одной и той же головѣ. Словомъ, Посошковъ представляетъ собою любопытнѣйшій экземпляръ тѣхъ русскихъ людей, которые, будучи тронуты реформою, еще не свыклись съ новымъ положеніемъ, не успѣли спокойно осмотрѣться, во все вдуматься, дать отчетъ въ своихъ воззрѣніяхъ и идеалахъ, подвергнуть критикѣ разсудка и упорядочить свое новопріобрѣтенное умственное и нравственное богатство. — Съ другой стороны, причину сбивчивости и неравновѣсія въ понятіяхъ Посошкова нужно видѣть въ обстановкѣ и обстоятельствахъ его жизни, въ крестьянствѣ, лишившемъ Посошкова правильной школьной подготовки, научнаго теоретическаго образованія, которое единственно и могло сообщить полную отчетливость его понятіямъ, дало бы возможность ему оріентироваться въ массѣ противорѣчій и крайностей своего бурнаго времени. Но за то тамъ же, въ той же обстановкѣ и житейскихъ условіяхъ можно отчасти усматривать ту, хотя и отрицательную, силу, которая воздержала Посошкова отъ всецѣлаго увлеченія крайностями и упрочила за Посошковымъ именно безопасный путь середины. Посошковъ не видалъ школы, не имѣлъ возможности ближе ознакомиться съ европейскою цивилизаціею, а потому и не могъ усвоить какъ того поверхностнаго образованія, которое кружило головы русскимъ новичкамъ, приготовляя изъ нихъ большой процентъ модныхъ западниковъ, такъ и научныхъ подробностей солиднаго образованія, борьбы богословскихъ направленій, въ расходящіяся разности которыхъ почти невольно уклонялась мысль напр. такихъ великихъ ученыхъ людей времени, каковы Стефанъ Яворскій, Өеофанъ Прокоповичъ, Татищевъ и др. Правда, всякія крайности, гдѣ бы и въ чемъ бы онѣ ни проявлялись, для неученыхъ, темныхъ людей бываютъ въ жизни, на практикѣ, наиболѣе опасными и заразительными. Но въ этой-то именно области, т. е. на почвѣ практической жизни, и былъ непоколебимо силенъ Посошковъ.

И между тѣмъ какъ его сильный и энергичный умъ во всеоружіи науки и образованія, очень можетъ быть, склонился бы къ отважной, смѣлой работѣ и, пожалуй, легко бы поддался крайнимъ увлеченіямъ; его только практическая, крѣпкая русская смѣтливость, его только природный мощный смыслъ, сдерживаемый неотступнымъ сознаніемъ своей темноты, некнижности, спасли Посошкова отъ крайностей, обусловили для него срединный путь и только болѣе и болѣе закаляли въ немъ стояніе «яко на камнѣ» въ томъ, что лучшаго дается другими, что предлагается «богопросвѣщенными и разумѣтельными мужами».

Болѣе близкое знакомство съ сочиненіями Посошкова нагляднѣе выяснитъ намъ направленіе Посошкова, золотую середину, избранную имъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ту встрѣчающуюся смѣсь неустановившихся взглядовъ и понятій, которая унаслѣдована была Посошковымъ отъ своего времени и обличаетъ въ немъ человѣка переходной эпохи.

Характеръ сочиненій Посошкова. — Религіозный элементъ въ сочиненіяхъ Посошкова, какъ существенный пунктъ, связующій ихъ съ древнимъ періодомъ русской жизни и письменности. — Черты религіозности въ сочиненіяхъ Посошкова. — Характеръ богословскихъ убѣжденій Посошкова. — Практичность, какъ другая всепроникающая черта въ характерѣ сочиненій Посошкова.

Сочиненія Посошкова, какъ и вообще вся литература времени Петра Великаго, представляютъ собою переходную эпоху древне-русской письменности къ новой литературѣ, подготовительныя работы къ послѣдней, начавшейся съ Ломоносова. Съ одной стороны, сочиненія Посошкова, представляютъ собою послѣднюю стадію въ развитіи древне-русской письменности, завершеніе древней литературы; съ другой стороны, на нихъ лежитъ печать уже новаго времени, въ нихъ проводятся взгляды, которыхъ Посошковъ не могъ унаслѣдовать отъ своихъ отцовъ и предшественниковъ. Особенный интересъ представляетъ это смѣшеніе двухъ элементовъ въ сочиненіяхъ Посошкова, благодаря чему они являются живымъ памятникомъ той исторической эпохи, когда къ старымъ понятіямъ стали прививаться новыя, когда традиціонныя воззрѣнія и убѣжденія начали колебаться подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни и переработываться подъ вліяніемъ вновь усвояемыхъ взглядовъ. Это сочетаніе стараго съ новымъ проходитъ чрезъ всѣ сочиненія Посошкова, проникаетъ всѣ воззрѣнія и идеалы его, и служитъ источникомъ какъ всѣхъ достоинствъ, возвышающихъ Посошкова, такъ и всѣхъ несовершенствъ, болѣе или менѣе его унижающихъ. Но прежде всего сочиненія Посошкова, независимо отъ ихъ содержанія, драгоцѣнны въ литературномъ отношеніи по ихъ *общему направленію* и *характеру*. Разсматриваемыя съ этой стороны, они представляютъ собою послѣдній памятникъ нашей древне-отечественной письменности; въ нихъ со всею строгостію выдержаны религіозное направленіе и церковный тонъ, выработанные исторической жизнію русскаго народа и характеризующіе всю нашу до-петровскую литературу.

Отсюда, общій характеръ сочиненій Посошкова, составляя самое крупное и замѣтное заимствованіе, сдѣланное Посошковымъ отъ стараго періода русской жизни и литературы, служитъ однимъ изъ интереснѣйшихъ пунктовъ изученія въ нихъ.

Строго-религіозное направленіе Посошкова, набожный взглядъ его на все, глубокое уваженіе къ духовенству, отвращеніе къ иновѣрцамъ, стремленіе къ просвѣщенію народа подъ опекою православія и т. д. — вотъ существенныя характерныя черты въ сочиненіяхъ Посошкова. Все это было также послѣднимъ словомъ до-петровской Руси и въ ней находитъ себѣ полное объясненіе.

По историческимъ обстоятельствамъ, опредѣлившимъ бытъ Россіи, религіозная стихія преобладала въ жизни русскаго народа; религія была главнымъ двигателемъ, одушевлявшимъ всѣ отрасли жизни; религіозные интересы брали верхъ надъ другими, руководили обществомъ. Отсюда, частнѣе, и все образованіе до-петровское, вся древняя письменность были если не исключительно религіозными, то во всякомъ случаѣ съ преобладающимъ религіознымъ элементомъ. Не говоря о сочиненіяхъ религіозныхъ по самому содержанію, каковы: поученія, пастырскія посланія, полемическія сочиненія и т. п., даже и свѣтскія произведенія древней Руси всецѣло проникнуты были тѣмъ же религіознымъ началомъ. Лѣтописецъ ли записывалъ прошедшій фактъ, извѣстный ли сказатель выступалъ съ нравственною повѣстью, — тотъ и другой имѣли одну общую религіозно-нравственную цѣль, произведенія того и другаго получали неизгладимую печать религіозности. При этомъ припоминается бѣглое, но въ высшей степени характеристичное, замѣчаніе Посошкова, что у русскихъ людей даже «егда перо и чернила отвѣдывали», невольно подвертывались набожныя выраженія и они писали «по древнему обыкновенію: помилуй мя Боже, или — за молитвъ Святыхъ отецъ нашихъ...» и пр. (Зав. от. 214 с.).

Религіозный характеръ, выработанный, такимъ образомъ, всею исторіею русскаго народа, запечатлѣвшій собою весь умственный строй древне-русскаго человѣка и всю его жизнь, усвоенный всею древне-русскою литературою, съ особенною рельефностію отразился въ заключительныхъ произведеніяхъ древняго періода — въ сочиненіяхъ Посошкова. Религіозный характеръ его сочиненій выразился въ набожности самого Посошкова, насколько она обнаружилась въ сочиненіяхъ, въ нарисованныхъ

имъ жизненныхъ идеалахъ, въ его взглядѣ на иновѣрцевъ, наконецъ,— даже въ тонѣ сочиненій и внѣшней формѣ выраженія.

Было бы повтореніемъ давно извѣстныхъ истинъ пускаться въ подробное изображеніе общаго склада до-петровской жизни, которая породила Посошкова, и той среды, въ которой онъ воспитался, жилъ и дѣйствовалъ. Если крестьянское сословіе, къ которому принадлежалъ по своему происхожденію Посошковъ, и доселѣ отличается особенною силою вѣры и преданностію церкви; то тѣмъ болѣе это должно сказать о крестьянахъ времени Петра Великаго,— времени сильнѣйшаго религіознаго возбужденія, подъ вліяніемъ раскола и иновѣрческихъ вліяній. Посошковъ сохранилъ намъ свидѣтельство (съ которымъ ниже познакомимся), что въ его родовой семьѣ крайняя привязанность къ истинной вѣрѣ даже переходила границы благоразумія и являлась суевѣрною, слѣпою привязанностію къ обрядамъ церковнымъ. Какъ бы то ни было, Иванъ Тихоновичъ воспиталъ въ себѣ простосердечную силу вѣры, истинно-сыновнюю привязанность къ православной церкви, ревностнаго борца за ея славу и чистоту, строжайшаго, неуклоннаго исполнителя ея предписаній и обрядовъ. Такое именно настроеніе Посошкова, бывшее причиною явленія нѣкоторыхъ его сочиненій, каковы: Зерцало очевидное, Доношеніе Стефану Яворскому и даже Завѣщаніе отеческое, всѣмъ вообще его сочиненіямъ сообщило извѣстное направленіе, опредѣлило ихъ строго-религіозный характеръ. Обширное знаніе Священнаго Писанія, обильное и совершенно свободное пользованіе его текстами, самый тонъ — полуцерковный, переполненный словами и оборотами изъ книгъ священныхъ, отеческихъ, богослужебныхъ, уже ставятъ автора этихъ сочиненій на ряду съ представителями нашей отечественной церкви. Религіозныя колебанія, которыя переиспыталъ Посошковъ въ своей молодости подъ вліяніемъ раскола, имѣли для него, безъ сомнѣнія, то важное значеніе, что, такъ сказать, закалили его въ твердомъ, непоколебимомъ стояніи на почвѣ православнаго ученія. По его собственному признанію, онъ остался «твердъ въ истинѣ, твердъ въ вѣрѣ» (Зерцало л. 20 об. и 201), и свою непреклонность «на шуе, ниже на мнимое десно» доказалъ энергическими, рѣзкими обличеніями заблужденій раскола и иновѣрія. Искренность же религіозныхъ убѣжденій самого Посошкова, сила его личной вѣры являются въ сочиненіяхъ до осязательности очевидными и несомнѣнными. Поэтому-то чтеніе Посошкова возбуждаетъ невольно самое отрадное, согрѣвающее впечатлѣніе, какое,

обыкновенно, получается отъ знакомства съ человѣкомъ, для котораго чужды сомнѣнія, который вѣруетъ всею силою своего неиспорченнаго сердца, сила убѣжденій котораго неотразимо дѣйствуетъ на слушателя. Завѣщанія Посошкова, своею искренностію, неподдѣльностію чувства, теплотою и силою дѣйствія, становятся въ уровень съ пастырскими посланіями и увѣщаніями древне-русскихъ святителей. Однимъ словомъ, самъ Посошковъ является предъ нами типомъ, пріобрѣтшаго всемірную извѣстность своею религіозностію и благочестіемъ, русскаго человѣка; его сочиненія являются типическими для всей древне-русской, почти исключительно религіозной, письменности.

Религіозною настроенностію лично самого Посошкова объясняются и пріемы его наставленій, совѣтовъ. Всѣ его сочиненія, какъ мы сказали, испещрены множествомъ текстовъ Священнаго Писанія, и стóитъ обратить вниманіе на то значеніе, которое имѣютъ эти божественныя свидѣтельства въ глазахъ Посошкова. Поразительною представляется эта патріархальная, благоговѣйная преданность его слову Божію, несомнѣнная увѣренность въ божественности, истинности его словъ, готовность исполнять его предписанія, какъ очевидныя велѣнія Самого Бога. Тексты, приводимые Посошковымъ, получаютъ въ его сочиненіяхъ именно силу божественныхъ свидѣтельствъ, являются непреложными истинами, аксіомами, не требующими и превышающими всякія усилія человѣческихъ доказательствъ, являются обыкновенно вѣнцомъ аргументаціи Посошкова. Исключенія могутъ составить только полемическія сочиненія Посошкова, гдѣ по необходимости приходилось, сверхъ доказательствъ отъ Писанія, предлагать и свои «разглаголанные нѣкіи доводы». Посошковъ самъ раскрываетъ значеніе приводимыхъ имъ словъ Писанія и свою безусловную вѣру въ ихъ непреложность. «Божій глаголъ никогда измѣненъ не бываетъ и умаленія нѣсть ему». «Не изнеможетъ глаголъ ангеловъ», говоритъ напримѣръ Посошковъ, приводя слова ангела Товіи: «како-бо онъ изрекъ, тако то и будетъ, понеже онъ отъ Самого Бога посланъ.... Ангели бо Господни никогда не лгутъ; ангелово слово — слово Божіе есть, вѣрно оно есть» (Зерц. л. 12; Завѣщ. 27 и 28 с.). Этому глубоко вѣрующему человѣку представлялось даже невозможнымъ какое либо перетолкованіе записаннаго въ Евангеліи; съ своей строго религіозной точки зрѣнія, онъ даже склоненъ былъ въ принципѣ отвергать всякое самостоятельное отношеніе къ христіанскому ученію и свободное поведеніе

въ дѣлѣ вѣры. Ученіе христіанское, изложенное въ Евангеліяхъ, какъ слово Самого Бога, не должно допускать всякой возможности сомнѣній и даже только обсужденій: «егда Самъ Богъ сказалъ, то нечего больше того умничать...; всякое бо людское самоумственное мудрованіе безумство есть предъ Богомъ» (Зерц. л. 202 и 210). Почти такую же безусловную и обязательную силу для Посошкова имѣетъ и ученіе Отцевъ Церкви, свидѣтельства которыхъ приводятся обыкновенно Посошковымъ на ряду съ словами Писанія и непосредственно за послѣдними. Уваженіе его къ Отцамъ Церкви простирается до того, что Посошковъ, повидимому, расположенъ къ точному и буквальному выполненію ихъ нерѣдко строгоподвижническихъ правилъ, уже ослабленныхъ церковною практикою. Такъ напр., правила отеческія объ эпитиміяхъ принимаются Посошковымъ за обязательныя (Завѣщ. 39 с.). Не останавливаясь на церковныхъ правилахъ о постахъ, Посошковъ, на основаніи примѣра І. Христа, который «мяса и млека не ѣлъ, но токмо рыбу», рекомендуетъ вовсе не ѣсть мяса и рѣзко обличаетъ тѣхъ, которые «по вся дни, яко свиньи, ничего не разсуждая, мясо жрутъ». Такого же точнаго выполненія требуетъ Посошковъ и относительно предписаній церковно-богослужебныхъ книгъ, опредѣляющихъ жизнь вѣрующихъ. По этому поводу Посошковъ даже упрекаетъ пресвитеровъ въ незнаніи требованій церковныхъ и обнаруживаетъ свою обширную начитанность и въ этой области. Такъ, напр., говоря о нареченіи имени новорожденному, Посошковъ совѣтуетъ сыну: «потщися нарещи имя того святаго, въ онь же день родится младенецъ: то бо пресвитери отъ недознанія своего тако творятъ, еще тщатся нарещи имя того святаго, коего случится по рожденіи въ осмый день, а въ требникахъ того не положено» (Завѣщ. 50 с.). Не ограничиваясь буквальнымъ и неуклоннымъ выполненіемъ всѣхъ правилъ и предписаній церковныхъ, Посошковъ желалъ построить жизнь на самыхъ возвышенныхъ, идеальныхъ основахъ; въ ряду его правилъ мы находимъ повторенія евангельскихъ требованій идеальнаго христіанства, евангельскихъ совѣтовъ. Такъ напр., вмѣстѣ съ правилами о соблюденіи постовъ, предостереженіями отъ воровства и т. п., стоятъ: «а кто твое похититъ, не возвращай; кто тя ударитъ по ланитѣ, обрати ему и другую» и пр. Въ подтвержденіе своихъ мыслей, Посошковъ часто въ сочиненіяхъ приводитъ разсказы изъ прологовъ, сказанія о чудесахъ и пр., обнаруживая при этомъ безусловную свою вѣру, не допуская и тѣни сомнѣнія

относительно подлинности разсказываемаго. — Посошковъ является строжайшимъ чтителемъ всего такъ или иначе касающагося вѣры и церкви. Онъ обнаруживаетъ глубокое благоговѣніе къ церковному богослуженію, особенно къ литургіи, «понеже литургія есть дѣло великое»; съ уваженіемъ относится къ священнымъ предметамъ, составляющимъ принадлежность христіанскаго богослуженія, и на этомъ преимущественно основаніи онъ вооружается противъ лютеранъ, которые «въ плотской нечистотѣ, яко безсловесный скотъ, въ церковь идутъ и святыни касаются» (Завѣщ. 47 с.). Благоговѣйное почитаніе святыхъ угодниковъ Божіихъ, составляющее одно изъ національныхъ прекрасныхъ качествъ русскаго народа, встрѣтило себѣ полное сочувствіе и выраженіе въ Посошковѣ. Онъ старается даже восполнить пробѣлы, усмотрѣнные имъ въ чествованіи этихъ «во плоти херувимовъ», какъ называетъ онъ святыхъ. Такъ, онъ указываетъ на несправедливость вѣрующихъ въ отношеніи къ тѣмъ святымъ, которые «за тяжелость именъ въ презрѣніи бываютъ: сей бо обычай въ народѣ весьма не правъ, еже имяна давати младенцамъ знакомыя, а дикихъ именъ обѣгаютъ и тымъ святымъ презрѣніе чинятъ напрасно, и не безъ обиды сіе имъ, понеже они такіе же угодницы Божіи». Поэтому Посошковъ совѣтуетъ и выражаетъ желаніе, чтобы «никакого имяне не обходили, но и тіи бъ (т. е. съ дикими имяны) святіи славились: овъ бы тезоименника своего образъ написалъ, инъ бы и церковь во имя тезоименнаго патрона воздвигъ» (Зав. 49 с.).

Какъ человѣкъ глубоко вѣрующій, Посошковъ, при всемъ сознаніи своей грѣховности «паче всѣхъ человѣкъ», видимо одушевленъ тою свѣтлою, ободряющею надеждою, которая составляетъ удѣлъ истинно-вѣрующихъ, надеждою «вѣчныхъ благъ, идѣ же православно жившіи христіане пребывати имутъ» (Зав. 2 с.). Эта христіанская цѣль жизни руководитъ всѣми дѣйствіями и убѣжденіями Посошкова. «Намъ надлежитъ украшать себя добрымъ нравомъ, школьнымъ ученіемъ и христіанскою правдою, между себя любовію и непоколебимымъ постоянствомъ въ благочестивой христіанской вѣрѣ», чтобы быть «не токмо на земли, но и на небѣ славными» (Соч. Пос. т. I с. 127). Завѣтнымъ желаніемъ его настоящей жизни было «животъ вѣчный наслѣдити», чтобы послѣ христіанской жизни и «христіанскія кончины не лишитися: намъ въ мірѣ живущимъ, то и надежда наша, еже бы при кончинѣ сподобилъ Богъ чисто покаятися и достойнѣ Пресвятаго Тѣла Христова причаститися».

«Что бо человѣку больши сего надлежитъ обрѣсти, токмо еже бы вѣчнаго мученія убѣжати и царствія небеснаго наслѣдникомъ быти, а Богъ уже вѣдаетъ, чѣмъ кого надѣлити и какъ кого упокоити (Зав. 149 и 203 с.).

При своей религіозности и обширной начитанности, Посошковъ является человѣкомъ, вообще значительно развитымъ богословски. Нельзя при этомъ особенно не пожалѣть, что Посошковъ лишенъ былъ всякаго правильнаго, систематическаго воспитанія и теоретической подготовки. Только предварительное школьное обученіе могло бы сообщить ему навыкъ къ умственному труду и послужить исходною точкою для его самостоятельнаго развитія; и будь поставленъ Посошковъ именно въ такія условія, мы съ увѣренностію предполагаемъ, что посошковская ревность, энергія и любовь къ книжному труду нашли бы исходъ себѣ въ другихъ, болѣе самостоятельныхъ и цѣнныхъ богословскихъ трудахъ. Между тѣмъ, простая только начитанность, естественно, не могла послужить для Посошкова основою къ самостоятельному возвышенному богословствованію, и сообщить ему смѣлость къ свободному умозрѣнію, не могла совсѣмъ оторвать Посошкова отъ книгъ и намного возвысить его надъ компиляціею. По преимуществу такой именно — компилятивный характеръ и имѣютъ теоретическіе доводы Посошкова, которые, какъ мы уже и говорили, въ большинствѣ случаевъ суть выдержки изъ книгъ священныхъ, отеческихъ и богослужебныхъ. Тѣмъ не менѣе, и въ этой теоретической области крѣпкій природный, по преимуществу практическій умъ Посошкова не всегда и вездѣ довольствуется рабскимъ подражаніемъ: можно замѣтить по мѣстамъ стремленіе Посошкова къ самостоятельности мысли и въ этой несродной для него области. Само собою разумѣется, эти стремленія не могли обнаружиться въ рѣшеніи какихъ либо отвлеченныхъ вопросовъ христіанской догматики: въ этихъ случаяхъ умъ Посошкова, проникнутый полнѣйшимъ сознаніемъ своей некнижности и мизерности, всецѣло преклонялся предъ вѣрою; эти попытки къ самостоятельному богословствованію можно усматривать въ желаніи Посошкова при всякомъ удобномъ случаѣ разъяснять христіанскіе догматы, разъяснять по своему разумѣнію, хотя и подъ строгою опекою авторитетныхъ руководителей — писаній отеческихъ. Кромѣ мелкихъ и весьма часто встрѣчающихся случаевъ поясненія Посошковымъ указываемыхъ имъ основаній для христіанской вѣры и жизни, особенно останавливаетъ на себѣ вниманіе въ этомъ

отношеніи 4-я глава его Завѣщанія отеческаго: «о мірскомъ моленіи и молитвѣ». Здѣсь, заведя рѣчь о молитвахъ, которыя сынъ его долженъ «отправлять во вся дни», Посошковъ останавливается на молитвѣ Господней, Богородичной и Сѵмволѣ вѣры, и съ замѣтнымъ увлеченіемъ подробно объясняетъ эти молитвы. Говоря далѣе о молитвѣ въ храмѣ, онъ довольно подробно объясняетъ важнѣйшіе моменты литургіи. Правда, эти объясненія напоминаютъ толкованія отеческія, подъ вліяніемъ которыхъ Посошковъ находился, и склоняются въ практическую сторону, представляя собою въ большинствѣ случаевъ непосредственное приложеніе къ жизни; тѣмъ не менѣе всетаки, Посошковъ высказалъ здѣсь всѣ свои религіозныя богословскія убѣжденія, изложилъ всю свою догматику. По поводу раскольническихъ волненій, Посошковъ самостоятельно занялся изученіемъ текста Священныхъ Писаній, рѣшился критически отнестись къ переводамъ библіи, дерзнулъ даже усмотрѣть въ переводахъ ошибки: «аще и неукъ есмь, обаче въ библіи много позналъ неправостей, по разуму рѣчей позналъ, яко не право переведены и напечатаны. И ради свидѣтельства съ иноязычными библіями сличалъ и тамо явились правѣе и приличнѣе тѣ глаголы» (Соч. Пос. II, 205). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своихъ сочиненій Посошковъ самыми оборотами рѣчи даетъ знать, что онъ слишкомъ сознательно относился ко всему въ области религіознаго знанія, что онъ старался многое самостоятельно понять, усвоить и осмыслить, могъ одно принимать, а съ другимъ не соглашаться. Напр. «азъ признаваю, яко не вси святіи будутъ Бога видѣти, но кійждо по достоинству своему, по заслугѣ своей» и пр. (Зерц. л. 183 об.); съ другой стороны, напримѣръ въ практикѣ церковной, въ разсужденіи разныхъ благочестивыхъ обычаевъ, Посошковъ часто заявляетъ свой протестъ: сіе не потакаю, сіе не одобряю, сего не могу похвалити и т. п. Обращая вниманіе на частности, можно отмѣтить нѣкоторые небезъинтересные взгляды Посошкова, отразившіеся въ его сочиненіяхъ. Такъ напр., начитанный въ святоотеческихъ твореніяхъ, въ которыхъ между прочимъ отразилось платоновское дѣленіе человѣка на духъ, душу и тѣло, и Посошковъ твердо усвоилъ себѣ это ученіе и неоднократно воспроизводитъ его въ своихъ сочиненіяхъ. (Зерц. л. 179, 209; Зав. 99 с. и др.). Небезъинтересно между прочимъ, что у Посошкова отразился въ сочиненіяхъ древне-русскій взглядъ на святыхъ, какъ на раздаятелей извѣстныхъ спеціальныхъ даровъ, какъ на представителей и защитниковъ извѣстныхъ

добродѣтелей. Въ извѣстной мѣрѣ взглядъ этотъ находитъ себѣ справедливое основаніе въ четьихъ-минеяхъ и церковныхъ книгахъ. Какъ остатки такого взгляда на святыхъ, и доселѣ блюдутся въ русскомъ народѣ повѣрья, по которымъ напр. св. Пантелеимонъ признается цѣлителемъ болѣзней, Власій—покровителемъ стадъ, Флоръ—лошадей и пр. Но во время Посошкова этотъ кодексъ святыхъ, какъ нарочитыхъ покровителей въ той или другой добродѣтели и пособниковъ въ тѣхъ или другихъ потребностяхъ, повидимому, былъ еще полнѣе современнаго. Излагая для сына молитвенное «правило», Посошковъ между прочимъ обязываетъ его обращаться съ молитвою къ слѣдующимъ святымъ и опредѣляетъ о чемъ именно каждаго нужно молить: Іоанна Предтечу — о цѣломудренномъ житіи, Іоанна Богослова — «о благовразумленіи», священномуч. Власія — «о благополученіи», Спиридона — «о утвержденіи во благочестіи и о утвержденіи въ православіи нашемъ», св. Онуфрія Великаго — «о оставленіи грѣховъ», св. Великомуч. Варвару — «да не постигнетъ внезапная смерть, ни болѣзнь» (стр. 92 и 93).

Религіозность Посошкова, со всею очевидностію отразившаяся въ его сочиненіяхъ и внушающая полнѣйшее уваженіе къ этому русскому человѣку, великому своимъ православіемъ, сильному своею вѣрою, весьма часто однако принимала своеобразный характеръ и одностороннее направленіе. Мы должны отмѣтить многія изъ частныхъ религіозныхъ воззрѣній и убѣжденій Посошкова, носящихъ на себѣ печать темной старины и довольно замѣтнымъ диссонансомъ звучащихъ въ ряду его понятій свѣтлыхъ, новыхъ. Находя себѣ совершенно достаточное объясненіе въ самомъ времени тогдашнемъ и условіяхъ литературной работы Посошкова, такое смѣшеніе понятій, невыдержанность взглядовъ являются для насъ весьма интересными въ выясненіи личности Посошкова, въ выработкѣ общаго представленія о немъ. — Посошковъ весьма часто останавливается на частныхъ вопросахъ христіанскаго вѣроученія; такъ напр. онъ приводитъ болѣе или менѣе обстоятельныя разсужденія объ отношеніи новаго завѣта къ ветхому, объ истинномъ смыслѣ иконопочитанія, о необходимости иконъ, о значеніи, силѣ и условіяхъ дѣйственности христіанской молитвы и пр. и пр. Съ нѣкоторыми изъ этихъ взглядовъ Посошкова мы и познакомимся поближе, поговоримъ объ ихъ характерѣ и богословской состоятельности.

Въ общемъ, всѣ религіозно-богословскіе взгляды и разсужденія Посошкова являются замѣчательными по ихъ правдивости, глубинѣ и строго логической основательности. Часто можно забыться при чтеніи, что эти мысли высказываются неученымъ крестьяниномъ еще первыхъ годовъ XVIII столѣтія, что онѣ самостоятельно усвоены, переработаны и превратились въ непреложныя убѣжденія простаго древне-русскаго начетчика. Невольно убѣждаешься, что въ сочиненіяхъ Посошкова приходится имѣть дѣло съ личностію, уже нечуждою и новыхъ, возвышенныхъ идей, не съ книжникомъ только буквы, а въ то же время уже и съ истиннымъ богословомъ одухотвореннаго христіанскаго ученія. Такимъ бы Посошковъ всецѣло и оставался въ нашихъ глазахъ, если бы мы, зная его общее міровоззрѣніе, не знали практическаго раскрытія онаго, зная общій взглядъ, не знали крайностей, переполнившихъ собою частныя предписанія и дробныя наставленія, данныя Посошковымъ. Вмѣстѣ съ разумною постановкою общихъ вопросовъ, въ сочиненіяхъ Посошкова удержана громадная масса мелочей, частностей, только запутывающихъ дѣло, ослабляющихъ значеніе общаго взгляда и стушевывающихъ разумный смыслъ основнаго положенія; вмѣстѣ съ требованіями въ высшей степени дѣльными, во имя христіанской нравственности, проводятся требованія часто ничтожныя и проводятся даже съ бóльшею настойчивостію, какъ равно значительныя, одинаково обязательныя, столь же важныя въ экономіи спасенія.

Неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ Посошковъ касается вопроса объ отношеніи новаго завѣта къ ветхому. Въ общемъ, совершенно справедливо Посошковъ разсуждаетъ, что съ наступленіемъ новой благодати старый законъ уже утратилъ свое значеніе, свою спасительную силу; какъ тѣнь свѣта, при явленіи самого свѣта, онъ долженъ миновать, потерять свою обязательность. «Жидовскія всѣ догмы», развиваетъ Посошковъ свою мысль, «въ новой благодати оставлены. Начальная ихъ догма, т. е. обрѣзаніе, оставлено, субботство оставлено, пасха жидовская оставлена же, за еже древняя мимоидоша и наста новая благодать» (Зерц. л. 205). Усматривая въ лютеранскихъ опрѣснокахъ остатки жидовства, Посошковъ вооружается противъ этого продолженія практики церкви іудейской и изъ-за принципа «опрѣснокъ жидовскій весьма отрѣваетъ отъ себя, — дабы новая благодать прославлялась въ насъ, а ветхозаконіе истреблялось» (Зерц. л. 206 об.). Въ другихъ же мѣстахъ, при другихъ случаяхъ, Посошковъ становится въ діаметральное противорѣчіе

къ своимъ взглядамъ. Напримѣръ въ Завѣщаніи отеческомъ, успокоиваясь уже на новомъ положеніи, что Господь *не могъ* «законъ Свой нарушить», Посошковъ постоянно доказываетъ, что ветхій законъ не отставленъ, что всѣ его предписанія обязательны и для христіанъ, что, стало быть, съ этой точки зрѣнія, законъ Христовъ сравнительно болѣе «тяжелоносенъ, а той законъ (Моѵсеевъ) слабѣе нынѣшняго былъ» (Завѣщ. 41, 42, 34 с.). И въ обращеніи къ своему сыну Посошковъ уже высказываетъ задушевное свое желаніе, чтобъ онъ былъ «истинный Господень ученикъ», не только новаго, но и «ветхаго завѣта творитель». «Господь въ новой благодати не ослабилъ и перваго своего законоположенія не нарушилъ, но паче перваго подкрѣпилъ» (стр. 72 и 42). Приводя слова Спасителя, что Онъ пришелъ не разорить законъ, но исполнить, Посошковъ, сказанное о внутреннемъ знаменованіи и сущности ученія ветхозавѣтнаго, пріурочиваетъ ко всѣмъ частностямъ послѣдняго, къ обрядности ветхозавѣтной, и становится, такимъ образомъ, не только вообще на ложный путь, а даже и въ разладъ самъ съ собою. Онъ хочетъ буквальнаго соблюденія іудейскихъ предписаній, онъ силится внушить всѣмъ неуклонное исполненіе ихъ, считаетъ не только обязательными для христіанъ такія напр. предписанія ветхозавѣтнаго обрядоваго закона, какъ о неяденіи крови животныхъ, объ омовеніяхъ, но даже требуетъ усиленія старыхъ предписаній, такъ сказать, количественнаго увеличенія, возвышенія благочестія, чтобы этимъ-то отмѣтить сравнительную высоту христіанства надъ іудействомъ. Напримѣръ, если въ ветхомъ завѣтѣ Соломонъ поставилъ семь свѣтильниковъ въ храмѣ, то теперь, «въ новой благодати», Посошковъ почитаетъ нужнымъ достойное увеличеніе этой пропорціи: «нынѣ подобаетъ седмьдесятъ или и вящши свѣчъ воспалити». Если тамъ въ пользу церкви полагалась десятина, то тутъ къ десятинѣ «приложи рублевъ пять или и больши, приложи по своему намѣренію, дабы тебѣ превышшити фарисеево подаяніе». Если тогда два раза въ недѣлю постились, то теперь и въ постѣ нужно «превзыти древнихъ». Однимъ словомъ, Посошковъ желаетъ и заповѣдуетъ «тщатися и всѣми своими добродѣтельми превышшити книжниковъ и фарисеевъ» (Завѣщ. 136—139 с.), полагая въ данномъ случаѣ суть добродѣтели въ исполненіи обряда, т. е. давая тѣмъ новый образчикъ смѣшенія существеннаго съ второстепеннымъ и становясь въ еще большій разладъ съ самимъ собою.

Несравненно чаще и подробнѣе Посошковъ останавливается на христіанскомъ догматѣ почитанія св. иконъ и еще съ большею очевидностію выдаетъ здѣсь непослѣдовательность своихъ убѣжденій, еще полную свою зависимость отъ старыхъ, отживших понятій, свою готовность, даже и при правильномъ пониманіи христіанскаго ученія, при сознательномъ разграниченіи существеннаго въ дѣлѣ вѣры отъ несущественнаго, смѣшать то и другое, послѣднему усвоить значеніе и силу обязательности перваго. Самый догматъ православный объ иконопочитаніи раскрытъ Посошковымъ съ безукоризненною правильностію; Посошковъ обнаружилъ въ этомъ случаѣ такую свѣтлость и высоту взгляда, какую только можно желать въ истинномъ христіанинѣ и какую навѣрное наполовину нельзя встрѣтить даже и въ современныхъ намъ неученыхъ простолюдинахъ. За то въ примѣненіи этого догмата къ жизни, въ практическомъ его раскрытіи, у Посошкова высказалась цѣлая масса мелочныхъ, частныхъ предписаній, которыя тою настойчивостію, съ которою они проводятся, и своею скрупулезною точностію, строго количественными вычисленіями, рѣшительно не гармонируютъ съ возвышеннымъ взглядомъ Посошкова на смыслъ и значеніе иконопочитанія. И Посошковъ — здравомыслящій, самобытно развившійся, недюжинный для своего времени богословъ, становится вмѣстѣ съ тѣмъ и зауряднымъ русскимъ начетчикомъ, типомъ стариннаго буквалиста, знающаго, повидимому, только количественное измѣреніе добрыхъ дѣлъ и какъ будто не подозрѣвающаго мѣры имъ качественной.

Съ одной стороны, Посошковъ, особенно въ полемикѣ съ иконоборствомъ, раскрываетъ истинный смыслъ и значеніе иконъ. «Мы святыхъ иконъ не боготворимъ, но токмо за воображеніе Божія образа и за надписаніе святаго Его имени святимъ ихъ, а Богомъ святыхъ иконъ никогда не нарицаемъ». «Образовъ мы себѣ въ помощь не призываемъ и въ молитвѣ своей не тако глаголемъ, еже — образе Божій, помилуй насъ, но глаголемъ чрезъ той образъ, предъ нимъ же стоимъ, на небо къ Самому Богу, глаголя: Отче нашъ, иже еси на небесѣхъ; а тако не глаголемъ: иже еси на образѣ. По сему всякъ разумѣй, яко мы не образы молимъ, но Самого Бога, на небесѣхъ сущаго» (Зерцало л. 183 и 213). И въ Завѣщаніи отеческомъ, вооружаясь противъ обычнаго различія въ почитаніи иконъ старыхъ и новыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ и пр., Посошковъ завѣщаетъ сыну всѣмъ безъ различія иконамъ воздавать почитаніе одинаковое «и поклонъ творити равный: ты ни за старость, ни

за новость, ниже за мастерство иконописцово, но за первообразное и за имя Божіе образъ святый почитай. Богъ ни краски, ни древо, ниже художество прославляетъ образы... О семъ завѣщеваю тебѣ, сыне мой, да не токмо изображенія коего либо святаго, но и Самого Господа начертаннаго образа Богомъ да не нарицаеши, ниже въ равенство съ Богомъ образъ Его счисляеши» (Зав. 112, 117 с.). На истинномъ значеніи иконъ Посошковъ обосновываетъ и разницу въ ихъ чествованіи: какъ «Самого Бога не ровняй съ Угодниками, такъ и образу Божію вящшую честь твори, образу же раба Божія съ уятіемъ», чтобы «никоего святаго въ равенство съ Самимъ Богомъ не равнять» (110 с.). — Развивая православное ученіе объ иконахъ, Посошковъ столь же безукоризненно раскрываетъ православное ученіе объ истинномъ значеніи нашего *поклоненія* предъ ними. Какъ человѣкъ, уже способный возвыситься надъ буквою, отыскивающій въ формѣ ея содержаніе, въ обрядѣ его смыслъ, Посошковъ, въ данномъ случаѣ, съ замѣчательною отчетливостію своихъ богословскихъ воззрѣній, различаетъ поклонъ тѣлесный отъ духовнаго, «поклонъ видимый, творимый безъ духовнаго намѣренія» отъ «поклона, творимаго съ сердечною теплотою и богомысліемъ», старается первый осмыслить вторымъ, связать ихъ нераздѣльно. «Егда бо образъ Божій на чесомъ либо начертанный узриши тѣлесныма очима, тогда ты и умныма очима, по примѣру того образа, узриши невидимаго Бога, на небесѣхъ сущаго, и егда тому видимому образу сотвориши поклонъ тѣлесный, душевный и духовный поклонъ истинному Богу вкупѣ съ тѣлеснымъ отдается: и той твой поклонъ будетъ истинный, понеже поклонился еси ты съ богомысліемъ». «Поклонъ же безъ богомыслія пропадаетъ» (Зерц. л. 180 об., 209; Зав. 96 с.). Почитая и тотъ, и другой поклонъ — духовный и тѣлесный — равно обязательными для христіанина и одинаково необходимыми для цѣли, Посошковъ и повторяетъ постоянно сыну, предлагая ему подробную програму моленія предъ иконами: «тѣлесныма очима воззри на Спасителевъ образъ, умныма же очима взирай на небо къ Самому Богу; тѣлесныма очима зри на образъ пресвятыя Богородицы, а умныма очима такожде на небо зри; воззри на образъ св. Іоанна Предтечи, а умныма очима на душу его святую, стоящую на небеси» и т. п.

Съ другой стороны, эти въ высшей степени здравыя мысли, строго православныя убѣжденія рѣшительно тонутъ у Посошкова въ массѣ предписаній о количествѣ и величинѣ поклоновъ предъ разными иконами, о

количествѣ и сравнительной величинѣ свѣчъ, поставляемыхъ предъ тѣми или другими иконами, о разныхъ пріемахъ и ограниченіяхъ при цѣлованіи иконъ и пр. и пр. Механическая обрядность, форма заѣдаетъ и здѣсь Посошкова, поглощаетъ въ себѣ его возвышенныя воззрѣнія, правильный богословскій взглядъ; мысли новыя, очищенныя переполняются традиціонными, домостроевскими. Тотъ же Посошковъ пишетъ: «воставъ (отъ сна) сотвори три поклоны»: первый предъ образомъ Божіимъ «сотвори по своему разсужденію», второй образу Богородицы «поклонъ сотвори якоже и первый», третій — Ангелу уже «мнѣе первыхъ двухъ». Послѣ этихъ «воставальныхъ» трехъ поклоновъ, уже отправляя дневную молитву, твори поклоны «по празднеству дня», т. е. по случившемуся дню — праздничному или не праздничному — земные поклоны или «токмо до пояса». Затѣмъ слѣдуютъ точныя вычисленія — за кого, предъ какимъ образомъ, по скольку и какихъ именно поклоновъ полагать, такъ что на всемъ протяженіи главы Завѣщанія отеческаго «о мірскомъ моленіи и молитвѣ» только и видится: три поклоны, единъ поклонъ, первый поклонъ, второй поклонъ, поклонъ до пояса, поклонъ подобенъ первымъ, поклонъ третій вящшій первыхъ двухъ и пр. и пр. А тутъ же и общія наставленія на всякій случай: «а въ поклонахъ имѣй разньство: каковъ поклонъ сотвориши образу Спасителеву или Богородичну, то такого поклона никоего святаго образу отнюдь не твори, того же паче стерегися дабы тебѣ при Спасителевѣ образѣ коему либо святому нижши не сотворити поклона; никогда убо въ равенство съ Богомъ святыхъ его Угодниковъ не ровняй.... и сего ради образу раба Божія поклонъ твори со уятіемъ». «Есть бо въ простомъ народѣ много того, иже образу Божію поклонъ творятъ въ поясъ, Николая же Чудотворца образу и иныхъ святыхъ поклоны творятъ до земли». Этимъ «несмысліемъ», по мнѣнію Посошкова, «привлекается грѣхъ на себя великъ», такъ какъ онъ усматриваетъ въ этомъ уже «презираніе и сниженіе святаго образа Божія» (стр. 110, 116, 117). При описаніи моленія въ храмѣ Посошковымъ допускаются еще болѣе дробныя разновидности и подраздѣленія въ поклонахъ; тутъ различаются: преклоненіе головы, преклоненіе головы съ принагнутіемъ спины, поклонъ до пояса, поклонъ до пояса съ рукоопертіемъ (на земли), поклонъ въ землю. И всѣ эти измѣренія и исчисленія поклоновъ закрѣпляются у Посошкова правиломъ: «надлежащіе поклоны незабвенно всѣ отправляй». Однимъ словомъ, если не при-

нимать въ разсчетъ внушаемаго Посошковымъ богомыслія и умной молитвы, о которой онъ постоянно твердитъ, то его молящійся христіанинъ представляется машиною, механически дѣйствующею по неизмѣннымъ законамъ, даже гораздо строже опредѣленнымъ, нежели въ Домострое, — машиною, которая въ извѣстные, указанные моменты дня или богослуженія должна исполнять извѣстныя, тоже строго опредѣленныя и измѣренныя движенія въ указанномъ, опредѣленномъ количествѣ.

Столь же подробныя правила и оригинальныя разграниченія излагаетъ Посошковъ, говоря объ украшеніи и чествованіи иконъ. Заботясь вообще о приличномъ украшеніи иконъ и заповѣдуя для этой цѣли носить въ церковь пѣнязи, Посошковъ особенно настаиваетъ на «неоскудномъ подаваніи свѣщей» и видитъ въ этомъ столь важное обстоятельство, что, по его мнѣнію, даже самыя иконы являются какъ бы излишними безъ свѣчей: «аще за недостаточествомъ своимъ свѣщи подавать тебѣ не можно, то и иконъ во олтарѣ не поставляй» (стр. 136). «Не моги того учинити, чадо мое, еже бы тебѣ у литургіи быти, а свѣщи предъ Тѣло Христово не подати; аще не въ моготу тебѣ копѣечныя свѣщи, то подай денежную или и полушечную; аще же въ могутствѣ неоскудномъ будеши, то не моги ниже алтынныхъ свѣщъ подавати... Аще ко церкви свѣщи принесеши неравныя, то большія подай во олтарь» и пр. А и «образовъ святыхъ не почитай за едино равенство: Божіему образу отмѣнную честь отдавай и свѣщу большую поставляй, образу Богородицы — мало чимъ по мнѣе, а святымъ — меньше. И аще кой и празднуемый святой, обаче не моги больши или лучши Спасителевы свѣщи подати, но праздника ради постави развѣ равную» и пр. «Сицѣ творя, сугубую себѣ мзду пріимеши» (108 и 109 с.). И Посошковъ рѣзко обличаетъ то обыкновенное явленіе, что «бываетъ, еже предъ образомъ раба Божія свѣщъ полна лампада наставлена, а предъ Спасителевымъ образомъ и единыя нѣсть». Равнымъ образомъ и «егда имаши св. иконы цѣловати, то ты и тамо имѣй разньство: Спасителевъ образъ цѣлуй въ нозѣ, прочіихъ же святыхъ цѣлуй въ руцѣ, а не нозѣ» (116, 110 с.).

Не ограничиваясь поклонами, иконами и т. п. видимыми проявленіями религіозности христіанина, Посошковъ обратилъ вниманіе и постарался установить правильный взглядъ и на актъ болѣе отвлеченный, въ сущности своей менѣе зависимый отъ формы, — на христіанскую молитву собственно. И здѣсь также мы прежде всего должны отмѣтить

общій взглядъ Посошкова, въ высшей степени замѣчательный для своего времени, неожиданный въ простомъ крестьянинѣ, питомцѣ Домостроя. Въ принципѣ Посошковъ совершенно понимаетъ смыслъ, значеніе и условія успѣшности молитвы и богословствуетъ на эту тему замѣчательно правдиво. «Сіе, сыне мой, памятуй», говоритъ напр. Посошковъ сыну, «еже бы во время своего правила (молитвеннаго) ни о чесомъ тебѣ не размышляти и постороннихъ словесъ не глаголати, но токмо едину молитву отправляти и о томъ токмо и да помышляти, о чесомъ у тебя моленіе идетъ» (95 с.). «И егда кій глаголъ имаши глаголати языкомъ, то вкупѣ глаголи и умомъ своимъ». Сообразно этому, Посошковъ, перебирая напримѣръ дневныя молитвы и подробно разбирая содержаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, постоянно повторяетъ сыну: «тожде и умомъ своимъ глаголи и сердцемъ къ Богу возглашай; умомъ своимъ тожде помышляй; во иныя никакія дѣла или вещи ума своего никамо не отпускай, но при глаголаніи твоемъ и умъ свой держи». «Таковыя молитвы, пѣнія и поклоновъ требуетъ Богъ, дабы и духъ совокупно съ умомъ и съ языкомъ молился. И аще съ богомысліемъ речеши токмо: Господи помилуй, то той твой глаголъ пріятнѣе Богу будетъ паче всецѣлаго канона, безъ богомыслія глаголаннаго». «Аще будеши молитися яко внѣ ума своего и ума своего въ ту молитву не простреши, то ты будеши яко бездушный бубенъ, — что гремиши того и самъ не вѣдаеши. Богъ бо ту токмо молитву пріемлетъ, которую человѣцы отъ всего сердца и помышленія на небо возводятъ съ богомысліемъ». «Богъ ни отъ языка, ни отъ гортани требуетъ молитвы, но отъ сокрушеннаго сердца и отъ чистаго ума» (стр. 86, 101, 121 и 135). Самое главное въ молитвѣ: духъ смиренія, любовь и теплота сердечная, полнѣйшее откровеніе души предъ Богомъ, простота молитвы, потому что «многословіемъ и витійствомъ Бога не удивиши, ниже многимъ подаяніемъ его одолжиши» (117 с.).

Совершенно справедливо, такимъ образомъ, смотря на молитву христіанина, какъ на сопровождаемое тѣлесными поклонами духовное сближеніе съ Богомъ, мысленное возношеніе къ Нему, какъ «поклонъ невидимый отъ сердца своего и восхожденіе умное на небо», Посошковъ, въ примѣненіи къ практикѣ, не могъ однако представить себѣ истинную молитву какъ нѣчто совершенно духовное, свободное, независимое отъ обряда, и на самое понятіе молитвы онъ наложилъ нѣкоторую печать земляности, а въ отправленіи оной постарался также и ее связать

строгими, неуклонными опредѣленіями. Даже освобожденная отъ всего вещественнаго, отъ всякихъ поклоновъ, молитва представляется Посошкову и трактуется имъ какъ нѣчно вещественное, что можетъ носиться, расплываться въ воздухѣ, восходить болѣе или менѣе высоко, можетъ быть болѣе или менѣе остро и т. п.: «кую молитву глаголетъ кто въ забытіи ума своего, та молитва до Бога не доходитъ, но въ воздусѣ демони ю расторгаютъ». «Острая молитва всѣ небеса пробиваетъ и подножія Божія касается» (Завѣщ. 96, 106 с.). «Аще же кто будетъ токмо усты двизати и аще и гласъ изъ устъ испускати, а въ умъ свой богомыслія не вложитъ, или по книгѣ будетъ что читати, а помышленія своего въ богомысліе не вперитъ, то та молитва не токмо до Бога, но и изъ храмины вонъ не изыдетъ, но вся тутъ по воздуху и расплывается». «Едина токмо молитва отъ сердечнаго намѣренія и отъ умнаго помышленія къ Богу восходитъ и колѣнъ Его божественныхъ касается; она девятеры небеса пробиваетъ и до престола Божія доходитъ, понеже ангелъ Господень ю доноситъ. Аще же кто будетъ сѣдя или лежа молитву дѣяти, то тая молитва не токмо на небо, но и до ангела хранителя не дойдетъ, исчезнетъ» (Зерц. л. 181, 180 об.). Такимъ образомъ, Посошковъ не только связывалъ молитву съ обрядомъ, ставилъ ее въ прямую зависимость напр. отъ положенія молящагося, но и на самую молитву смотрѣлъ слишкомъ земными глазами. Еще большая погоня за обрядомъ, за формою высказалась у Посошкова въ практической постановкѣ молитвы, при разсужденіи о томъ, какъ именно и когда нужно молиться. Полагая образцомъ молитвъ молитву Господню и другія, освященныя христіанскою практикою, Посошковъ пускается и здѣсь въ подробныя опредѣленія — когда, какую молитву и сколько разъ нужно произносить. Такъ напр., въ программѣ «правила дневнаго» Посошковъ говоритъ сыну: «азъ принуждаю тя проглаголати отъ Самого Бога узаконенную молитву (т. е. Отче нашъ) трижды»; потомъ «проглаголи трижды же поздравленіе архангелово ко Пресвятѣй Богородицѣ: глаголи же» — не упускаетъ случая напомнить Посошковъ — «не борзяся, но со вниманіемъ и богомысліемъ. Потомъ проглаголи православныя вѣры символъ единожды, а удобнѣе бы и его проглаголати трижды». Далѣе, за молитвою «отъ себя», причемъ подробно сказано и точно опредѣлено, о чемъ должно молиться отъ себя, слѣдуютъ, съ нѣкоторыми перерывами: «паки проглаголи Отче нашъ единожды... И паки проглаголи Отче нашъ

единожды,... по семъ проглаголи Богородице Дѣво радуйся единожды» и пр. Еще болѣе замѣтною крайностію являются очерченныя Посошковымъ условія, въ которыхъ должна быть возносима молитва, его правила о положеніи молящагося. Здѣсь, вмѣстѣ съ разумными требованіями, предлагается масса предписаній, одинаково упорно проводимыхъ, а между тѣмъ не имѣющихъ уже никакой нравственной цѣны и значенія, предписаній чисто обрядовыхъ и до смѣшнаго мелочныхъ, въ родѣ напр. того, что «не моги двигнутися, почесатися, о стѣны не опирайся, жезломъ не подпирайся, гордостно не плюй» и т. п. Впрочемъ, съ этими правилами мы будемъ имѣть случай встрѣтиться послѣ, при знакомствѣ съ посошковскимъ общимъ идеаломъ христіанина.

Не обошелъ въ своихъ сочиненіяхъ Посошковъ и богословскаго вопроса о христіанскомъ милосердіи. И въ раскрытіи его замѣчается у него тоже двойство, смѣшеніе серьезнаго съ ничтожнымъ, общій одухотворенный взглядъ и не связанныя съ нимъ, не вытекающія изъ него формальныя подробности. Опредѣляя милостыню какъ проявленіе чистой сердечной любви къ людямъ, какъ свободную, непринужденную готовность помочь ближнему «единовѣрному своему и всякому человѣку — яко другу тако и не другу», высказывая, наконецъ, замѣчательно смѣлый для древнерусскаго человѣка взглядъ, что «многимъ подаяніемъ Бога не одолжиши», а что только искренностію, сердечностію добраго дѣла можно «Бога должна себѣ сотворити» (Завѣщ. 117 с.); Посошковъ и тутъ пускается въ регламентацію о количествѣ и непреложныхъ условіяхъ подаянія, т. е. актъ свободной воли связываетъ нѣкоторыми исключающими всякую свободу предписаніями. Напр., «азъ тебѣ, сыне мой, завѣщаваю, егда изыдеши изъ дома, изо чпага своего изми три пѣнязя и каковы тебѣ первые попадутъ нищіе, кто каковъ ни будетъ, аще старъ или младъ, увѣченъ или здравъ, не разбирая даждь первымъ, близь тебя случившимся.... не разбирая между ними даждь тѣ три пѣнязя первымъ.... неизмѣнно отдаждь случившимся первымъ». «Послѣди вечерняго пѣнія подаждь три пѣнязя, а по утреннемъ пѣніи шесть пѣнязей; аще же могуты твоея толикія не будетъ, то по вечернѣ подаждь единъ пѣнязь, по утрени два, а по литургіи четыре» и т. д. (Завѣщ. 174 и 133 с.).

Какъ человѣкъ новаго времени, съ полнотою разумнаго убѣжденія смотрящій на вещи, болѣе или менѣе все и недоумѣнное постигающій, такъ или иначе объясняющій, Посошковъ въ принципѣ вооружается про-

тивъ всякихъ суевѣрій, которыми рѣшительно затоплена была жизнь древне-русскаго человѣка. Этотъ недостатокъ религіозной русской жизни, возбуждавшій крайнюю ненависть въ людяхъ новаго времени, начиная съ самого Петра В., всѣми мѣрами заклинавшаго русскія повѣрья и суевѣрья, былъ настолько, должно быть, распространенъ и неприглядень, что и самъ выходецъ изъ среды русскаго простонародья — Посошковъ рѣзко осуждалъ его и энергически силился искоренить эту застарѣлую нравственную немочь древне-русской жизни. «Во всѣхъ своихъ поступкахъ», писалъ напр. онъ сыну, «живи христіански, ворожей къ себѣ ни каковыхъ не призывай и самъ ни касайся вороженья, ни бобами не разводи, ни въ примѣты никаковыя не вѣрь. А аще ворожбѣ какой коснешися, то всѣ свои добрыя дѣла погубиши, вмѣсто благословенія пріимеши клятву, вмѣсто же царства небеснаго наслѣдиши вѣчную муку». «Ни въ каковыя встрѣчи, Господа ради, не вѣрь» (стр. 205 и 174) и пр. Но самъ же Посошковъ, такъ категорически отрицавшійся суевѣрій, повидимому, не совсѣмъ былъ свободенъ отъ этого грѣха: по крайней мѣрѣ нѣкоторыя его рѣчи носятъ на себѣ явную печать еще старыхъ, суевѣрныхъ понятій. Такъ напр., въ наставленіяхъ о пищѣ и питьѣ онъ предполагаетъ законное «сумнительство» на счетъ такъ называемой порчи: «питія никакого просто не пей, но пріявъ сосудъ въ руцѣ свои, въ сосудъ той дуни крестообразно; аще тако будеши творити, то никакая пакость, отъ діавола наносимая, не прикоснется, еже вредити тебя». «Аще въ какову храмину пойдеши впервые, или и не впервые, да давно въ ней не бывалъ, то ты просто не входи въ ню, но во двери вступая, возлагай на ся крестное воображеніе, а просто отнюдь не входи, дабы на тебя діаволъ пакости каковыя не навелъ» (Завѣщ. 172 и 173 с.). Еще интереснѣе и очевиднѣе смѣшеніе понятій въ слѣдующихъ разсужденіяхъ, пропитанныхъ духомъ старо-русскихъ суевѣрій. «Аще, сыне мой, найдетъ на тя какая бѣда или болѣзнь тяжка, не моги ты призвати къ себѣ какова колдуна или шептуна, діавольскою силою помогающаго, и аще отъ таковыхъ ти станетъ что давати ясти или пити: отнюдь не пріемли; или кто отъ какія либо болѣзни, а наипаче отъ трясавичныя, напишетъ какое отрицательное письмо и велитъ тебѣ съясти, аще и сожженое — отнюдь не яждь: *бойся, дабы тебѣ въ таковомъ письмѣ прикровеннаго не съясти діавола*» (стр. 173 и 174). Въ полемикѣ съ иконоборцами, Посош-

ковъ, доказывая силу иконъ, между прочимъ пускаетъ въ ходъ слѣдующій доводъ: «еще же и по сему можно разумѣть, яко при образѣхъ святыхъ Божія сила есть, понеже діаволъ егда мечты творитъ или привидѣнія и страхованія дѣетъ, то никогда въ тѣхъ мѣстахъ ничесого не дѣйствуетъ, идѣже образы святые стоятъ, но дѣйствуетъ изъ запечья или изъ задняго угла или изъ бани, идѣже образовъ святыхъ нѣтъ» (Зерц. 222 л.). Излагая подробныя правила о бракѣ, Посошковъ говоритъ сыну: «егда пріидетъ година твоего брака, не дерзни къ себѣ пригласити какого либо волхва или чародѣя» и пр., и далѣе продолжаетъ: «аще кто ни волхвовъ, ни шептуновъ не призываетъ, того человѣка никаковая *порча* во время брака коснуться не можетъ.... А вѣнчающагося «тайнымъ обычаемъ или не въ указное время *всякая порча касается*» (Завѣщ. 24 и 25 с.). Итакъ, Посошковъ, энергично протестующій противъ вѣры въ колдовство, является самъ представителемъ темнаго крестьянскаго люда въ его повѣрьѣ въ злую порчу, которая можетъ постигнуть напр. брачущихся и отъ которой можетъ соблюсти только особенная божественная охрана.

Можно отмѣтить въ сочиненіяхъ Посошкова много частныхъ мѣстъ, въ которыхъ высказалась нѣкоторая неустойчивость его религіозныхъ понятій и сбивчивость въ богословскихъ воззрѣніяхъ. Какъ человѣкъ, заразившійся новыми взглядами, Посошковъ позволялъ себѣ относиться ко всему критически и нерѣдко энергично вооружался противъ нѣкоторыхъ обычаевъ въ религіозной жизни, «застарѣлыхъ въ народѣ нашемъ и не весьма правыхъ», по мнѣнію Посошкова; но съ другой стороны, самъ Посошковъ, на смѣну этихъ неправыхъ, вводилъ свои обычаи, не превосходящіе своею правотою и основательностію. Напримѣръ, онъ порицаетъ священниковъ, которые отъ недознанія своего «тщатся нарекать младенцу имя того святаго, кой случится по рожденіи во осмый день»; а на мѣсто этого обыкновенія, Посошковъ вводивъ свой, совершенно того же разбора и качества, обычай и настойчиво требуетъ соблюденія его: «да наречеши тое имя, кое впреди ближее имѣется, а назадъ не моги давати имяне» (Завѣщ. 51 с.) и пр.—Разсуждая о брачныхъ обрядахъ, Посошковъ требуетъ присутствія на брачномъ обѣдѣ именно трехъ пресвитеровъ и двѣнадцати причетниковъ. Хотя самъ онъ не объясняетъ, но самая точность требованія изобличаетъ въ данномъ случаѣ стояніе Посошкова за какой-то обычай или за его личное, оче-

видно, символическое и даже, быть можетъ, суевѣрное воззрѣніе. Въ томъ же родѣ идутъ и слѣдующія наставленія, предлагаемыя во всей этой главѣ «о брачномъ житіи». — Преслѣдуя во всемъ обрядовомъ внутренній смыслъ, Посошковъ въ то же время обрядамъ придаетъ слишкомъ существенное значеніе, такъ что они, повидимому, играютъ въ его глазахъ иногда первостепенную роль. Напр., Посошковъ, въ полемикѣ съ лютеранами, тѣлесное омовеніе представляетъ въ дѣлѣ спасенія одинаково нужнымъ, не менѣе важнымъ и обязательнымъ, какъ и душевное покаяніе, — такой по крайней мѣрѣ выводъ естественно предполагается изъ категорическихъ заявленій Посошкова, напр. въ такомъ родѣ: «единымъ покаяніемъ не можно очиститься, но омовеніемъ и приложеніемъ труда очистишися» (Завѣщ. 34 с.).

Разсматривая богословскія воззрѣнія Посошкова со стороны ихъ состоятельности, можно отмѣтить, наконецъ, еще нѣсколько единичныхъ мѣстъ въ его сочиненіяхъ, гдѣ высказаны Посошковымъ не вполнѣ чистыя христіанскія понятія. Для образца можно указать на то напр., что Посошковъ, повидимому, имѣлъ взглядъ на будущую жизнь черезчуръ земнаго свойства, — онъ усвоивалъ той жизни характеръ семейности, гдѣ можно «въ нескончаемые вѣки вѣковъ здравствовати съ сожительницею своею, вкупѣ и съ чады, и веселитися, яко на бракѣ» (Завѣщ. 28 с.). — Какъ человѣкъ простой, неученый, Посошковъ, замѣтно, не чуждъ былъ нѣсколько крайнихъ, антропоморфическихъ представленій о Богѣ, приписывалъ Ему въ совершенной степени не только добродѣтели человѣческія, а даже и страсти, побужденія и дѣйствія человѣческія, которыя трактуются въ православномъ богословіи какъ несогласныя съ чистою христіанскою нравственностію и совершенно чуждыя существу Божію. Напримѣръ, въ полемикѣ съ лютеранами, хотя Посошковъ и порицалъ Кальвина за «безумные приводы», въ которыхъ тотъ «прилагалъ Христа къ простымъ мужикамъ, Бога низводилъ въ проста человѣка»; но и самъ не избѣжалъ такихъ же приводовъ: онъ напр. пугаетъ лютеранъ страшною местью Бога за непочтеніе лютеранами Божіей Матери: «какой той сынъ будетъ, иже за обруганіе матере своея не будетъ мстити... Вѣмъ, аще вы и зли суще, обаче за безчестіе матерей своихъ мстити будете; я чаю, что иной изъ васъ готовъ будетъ за безчестіе матере своея и голову свою положити, а того и въ части изсѣчетъ, иже матерь его обругалъ. И по сему сами вы

себѣ судите, каково Господу Богу, аще кто Матерь Его ругаетъ и къ своимъ скверным женамъ верстаетъ? ей, мстя отмститъ!» (Зерц. л. 197 и 198). Само собою разумѣется, что эти и подобныя мѣста въ сочиненіяхъ Посошкова являются не признакомъ какого либо еретичества или намѣренной тенденціозности, а просто слѣдствіемъ недовѣдѣнія Посошкова, знакомъ того, что онъ не могъ, со всею отчетливостію, постигнуть глубину христіанской догматики.

Не будемъ болѣе останавливаться на разборѣ богословскихъ убѣжденій и религіозныхъ взглядовъ Посошкова, тѣмъ болѣе, что съ этими взглядами намъ неизбѣжно еще придется встрѣтиться при разборѣ Завѣщанія отеческаго. Изъ представленнаго же анализа нѣкоторыхъ наиболѣе выпуклыхъ въ его сочиненіяхъ убѣжденій видно, что они носятъ характеръ довольно неопредѣленный, смѣшанный; Посошковъ обнаружилъ въ нихъ неустойчивость, невыдержанность, отсутствіе строгой отчетливости и послѣдовательности, допускалъ смѣшеніе духовнаго съ матеріальнымъ, содержанія съ обрядомъ, жертвуя въ пользу послѣдняго чистотою и неприкосновенностію перваго. Это обстоятельство въ сочиненіяхъ Посошкова со всею очевидностію характеризуетъ намъ какъ самого Посошкова, — этого простаго начетчика, не получившаго систематической школьной подготовки и точнаго христіанскаго образованія; такъ и вообще всю ту неопредѣленную, переходную эпоху. За человѣкомъ новымъ, здраво смотрящимъ на вещи, все осмысливающимъ, въ сочиненіяхъ Посошкова отчетливо выступаетъ и старый древне-русскій начетчикъ, неуклонный проповѣдникъ обряда, съ раскольническимъ упорствомъ гоняющійся за формою, стоящій на буквѣ закона. Иными словами говоря, предъ нами выступаетъ живой Посошковъ, съ его смѣсью взглядовъ старыхъ и новыхъ, консервативныхъ и либеральныхъ, выступаетъ какъ порожденіе своего смѣшаннаго времени, какъ естественный ростокъ, стоящій на рыхлой, непрочной почвѣ и потому неустойчивый, колеблющійся.

Въ заключеніе обозрѣнія религіознаго элемента въ характерѣ сочиненій Посошкова и какъ на одно изъ очевиднѣйшихъ проявленій этого элемента, стоитъ обратить вниманіе на религіозный тонъ ихъ и вполнѣ церковный характеръ ихъ стиля. Въ этомъ отношеніи Посошковъ исключичительно является человѣкомъ стараго русскаго времени, сочиненія его могутъ служить образчикомъ древней письменности. Не говоря уже о постоянныхъ выдержкахъ изъ церковныхъ книгъ и вообще о церковно-

библейскомъ слогѣ и оборотахъ рѣчи, сочиненія Посошкова переполнены постоянными призываніями имени Божія, набожными выраженіями, молитвенными обращеніями. При всякомъ удобномъ случаѣ Посошковъ старается провести свои религіозно-нравственныя сентенціи, высказать свое религіозное убѣжденіе и внушить его читателю. Подыскивать примѣры этого въ сочиненіяхъ Посошкова было бы совершенно напрасно, потому что можно поцитовать любую страницу каждаго его сочиненія. Возьмемъ напр. Книгу о скудости и богатствѣ, какъ сочиненіе сравнительно менѣе другихъ запечатлѣнное религіозностью. На 46-й страницѣ Посошковъ говоритъ о правосудіи: «Судія праведный подобенъ Богу, понеже Богъ — самая правда. Судьѣ подобаетъ у Бога милости просити, дабы Богъ ему открылъ, како между людьми Божіими судъ правдивъ судити. Мой умъ не постигаетъ, какъ правосудіе устроити, но елико ми Богъ даруетъ, возложася на Его Божію милость, дерзнулъ мнѣніе свое изъявити. Аще кто будетъ опредѣленъ къ управленію судному, подобаетъ умолити пресвитера, дабы Господу Богу всенощное бдѣніе отправилъ и литоргію и молебное пѣніе Богу Отцу нашему небесному-бъ воспѣлъ, и просилъ бы у Господа Бога, еже бы Богъ подалъ ему познавати правость въ дѣлѣ; и во всемъ надлежитъ вручить себя Богу» и пр. и пр. въ томъ же родѣ. Впрочемъ, уже изъ всѣхъ приводимыхъ нами словъ Посошкова очевидно преобладаніе религіознаго элемента не только въ содержаніи, а и въ языкѣ сочиненій Посошкова.

Говоря о характерѣ сочиненій Посошкова, нельзя не отмѣтить другой, также преобладающей и всепроникающей черты въ нихъ, — ихъ практическаго направленія. Не только въ своихъ политико-экономическихъ разсужденіяхъ о преобразованіи разныхъ частей государственной жизни и дѣятельности Россіи, но даже и во всѣхъ своихъ богословскихъ умозрѣніяхъ Посошковъ является неизмѣнно вездѣ строго разсчетливымъ практикомъ. Практическій складъ его ума, отразившійся въ сочиненіяхъ, дополняетъ, такимъ образомъ, сущность характеристики и самого Посошкова, и его сочиненій. Какъ въ его собственной личности, насколько она вырисовывается въ сочиненіяхъ, такъ и въ этихъ собственно его произведеніяхъ, религіозность и практичность до послѣдняго слова все проникаютъ и обусловливаютъ. Въ то же время, разсматриваемыя въ от-

дѣльности, въ отвлеченіи, онѣ между собою взаимно усвояются и объединяются. Практичность Посошкова получаетъ религіозный оттѣнокъ, нерасторжимо соединяется съ религіозностію, а послѣдняя, безспорно, получаетъ у Посошкова всюду практическій характеръ, является въ сознаніи Посошкова прежде всего своею практическою стороною. Все христіанское ученіе онъ понимаетъ и разсматриваетъ съ практической стороны. Это былъ *практикъ-богословъ*, — и въ этомъ его особенность напр. отъ Сильвестра, автора Домостроя, въ которомъ видится попреимуществу только практикъ-хозяинъ. Надъ всѣми практическими разсчетами у Посошкова возвышаются цѣли и интересы религіозные, хотя и съ тѣмъ же характеромъ практичности. Доброе дѣло, справедливый поступокъ, обязательны для христіанина и имѣютъ цѣну потому, что ими удовлетворяется требованіе религіи; а исполненіе человѣкомъ религіозныхъ требованій неминуемо привлекаетъ на него *воздаяніе* отъ Бога: эта зависимость въ представленіи Посошкова является нерасторжимою и оба члена ея постоянно варіируются въ его сочиненіяхъ. Но съ особою настойчивостію Посошковъ преслѣдуетъ религіозно-практическіе интересы въ Завѣщаніи отеческомъ, гдѣ онъ спеціально занятъ изображеніемъ идеала жизни. Еще съ самаго ранняго дѣтства Посошковъ рекомендуетъ втолковывать ребенку кланяться Богу для того, чтобъ Онъ, «видя поклоненіе, помиловалъ и далъ того и того много». Ту же неособенно возвышенную мораль Посошковъ постоянно проповѣдуетъ и взрослымъ людямъ: доброе дѣло и возмездіе за него стоятъ вездѣ въ тѣснѣйшей зависимости, одно другимъ обусловливаются, одно въ другомъ находятъ смыслъ и значеніе. «Аще по вышеписанному сотвориши», постоянно Посошковъ внушаетъ сыну, «то никая ти пакость не коснется, Господь Богъ не попуститъ на тя пріити никакому злу, соблюдетъ невредна»... «Аще тако сотвориши», говоритъ онъ сыну, убѣждая его храниться въ чистотѣ тѣлесной, «то и на семъ свѣтѣ великъ и честенъ будеши, паче же по отшествіи отъ сего свѣта вѣчныхъ благъ наслѣдникомъ явишися». «Аще тако научите дѣтей», говоритъ Посошковъ, рекомендуя воспитаніе дѣтей въ духѣ религіи, «то они и вы милость Божію получите». «Буде тако сотвориши» говоритъ онъ, научая сына смиренію, «то великъ ты у Бога будеши». «Аще тако сотвориши», располагаетъ онъ къ немстительности, «то Господь Богъ твоихъ грѣховъ не вспомянетъ, введетъ тя въ царство свое небесное». «Сице творя», рекомендуетъ онъ

приношенія въ храмъ, «сугубую себѣ мзду пріимеши». «Аще во всякомъ дѣлѣ будеши совершенную правду дѣлати, то ты и на семъ свѣтѣ блаженъ будеши и на ономъ свѣтѣ вѣчныхъ благъ наслѣдникъ явишися». Располагая купцовъ къ добросовѣстности въ торговлѣ, Посошковъ силится соблазнить ихъ надеждою воздаянія за то: «Богъ, видя твою правду и постоянство, наградитъ тебя и — откуду ты и не чаеши — пришлетъ тебѣ». Требуя накормить бѣдняка «неимущаго безъ цѣны», т. е. безплатно, Посошковъ успокоиваетъ поручительствомъ Бога: «Богъ тебѣ за него заплатитъ». Въ добромъ дѣлѣ даже о понесенныхъ «ранахъ или тщетѣ какой не скорби», потому что «наградитъ тебѣ Господь, аще и смерть пріимеши — не сумнѣвайся» и пр. и пр. (Завѣщ. стр. 30, 11, 53, 83, 144, 109, 219, 189, 205, 171). Словомъ, вездѣ Посошковъ рекомендуетъ упражненіе въ христіанскихъ добродѣтеляхъ, требуетъ неуклоннаго соблюденія правилъ религіозно-нравственнаго закона, поставляя при этомъ вездѣ на видъ сопряженныя съ добродѣтелію выгоды, указывая практическую пользу религіозности и неразсчетливость грѣха.

Проникая, такимъ образомъ, собою религіозность Посошкова, практическое направленіе его съ очевидностію отразилось и во всѣхъ другихъ сферахъ его дѣятельности и мышленія. Его мы увидимъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ въ крайне мелочныхъ хозяйственныхъ вычисленіяхъ, въ выясненіи самомалѣйшихъ поводовъ къ обогащенію или оскудѣнію царственному. То же направленіе уже видѣли мы и въ разобранныхъ выше богословскихъ воззрѣніяхъ Посошкова, гдѣ также вездѣ практическая разсчетливость, строго точныя вычисленія свѣчъ, поклоновъ, пѣнязей и пр., гдѣ всѣ и возвышенные, чисто духовные пункты христіанской догматики разобраны преимущественно съ практической стороны, со стороны ихъ приложенія и примѣняемости къ церковной практикѣ. Въ этомъ крайнемъ до односторонности направленіи, Посошковъ, естественно, не былъ застрахованъ и отъ неразумныхъ увлеченій, отъ мнѣній и выводовъ, слишкомъ уже практическихъ, низменныхъ, не вездѣ отвѣчающихъ самому предмету содержанія и обсужденія. Даже и въ хозяйственныхъ собственно его вычисленіяхъ, какъ послѣ увидимъ, является весьма многое уже не столько полезнымъ и нужнымъ, сколько курьезнымъ и смѣшнымъ. Въ его же богословскихъ разсужденіяхъ практическая сторона въ раскрытіи взятыхъ вопросовъ только часто запутываетъ, затѣняетъ со-

бою суть дѣла; его узко-утилитарный взглядъ на практическую сторону христіанской дѣятельности, на добрыя дѣла, представляется настолько крайнимъ, что, строго говоря, и добрыя дѣла въ представленіи Посошкова много теряютъ своей цѣны и нравственнаго значенія. Однимъ словомъ, на все Посошковъ стотрѣлъ глазами разсчетливаго хозяина, все иногда даже и несоизмѣримое мѣрялъ на свой аршинъ. Практическое направленіе у него является всепроникающимъ и всеобусловливающимъ; оно невозбранно мирится, нерасторжимо соединяется съ другою всеобъемлющею чертою его и характера, и сочиненій — религіозностью.

Сочиненія Посошкова.

„Книга о скудости и богатствѣ“.

Политико-экономическая литература въ Россіи до Посошкова. — Экономическій характеръ книги о скудости и богатствѣ. — Основныя политико-экономическія воззрѣнія Посошкова. — Состояніе общественныхъ сословій на Руси по Посошкову и сущность его проектовъ. — Мысли Посошкова объ иностранцахъ въ русской торговлѣ и производительности. — Значеніе Книги о скудости и богатствѣ.

Какъ сочиненіе съ извѣстнымъ направленіемъ, Книга о скудости и богатствѣ Посошкова принадлежитъ къ разряду сочиненій политико-экономическихъ. Литература этого вида началась на Руси ранѣе Петра Великаго, хотя возникновеніемъ своимъ обязана уже реформаторскимъ стремленіямъ. Потребность преобразованій, которая почувствовалась еще въ XVII вѣкѣ и вызвала нѣкоторыя отдѣльныя перемѣны, была сознана не столько правительствомъ, сколько самимъ народомъ, въ лицѣ его избранныхъ представителей. Частныя лица, благодаря природному здравомыслію, практической смѣтливости и собственному жизненному опыту, имѣли бо́льшую возможность чувствовать и сознавать недостатки общества, наблюдать хорошія и дурныя стороны всего вокругъ происходящаго. Нѣкоторыя изъ этихъ личностей старались, при помощи литературнаго слова, такъ или иначе направить дѣятельность правительства, поставить на видъ предметы, требовавшіе реформы. Такъ возникла политико-экономическая литература на Руси, и сочиненіе Посошкова не есть явленіе одинокое: оно слѣдовало за трудами другихъ, ему предшествовали замѣчательныя политическія творенія, хотя и нельзя допустить, чтобы Посошковъ былъ съ ними знакомъ и испыталъ на себѣ силу ихъ вліянія. Мы разумѣемъ два сочиненія, относящіяся къ XVII вѣку: «О Россіи въ царствованіе

Алексѣя Михайловича» Котошихина и «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка» Крижанича.

Котошихинъ — русскій подъячій шестидесятыхъ годовъ XVII ст. — вынужденъ былъ бѣжать въ Швецію, гдѣ принялъ лютеранство, а впослѣдствіи былъ казненъ за убійство. Вдали отъ родины Котошихинъ написалъ свое сочиненіе, которое, по обилію своего содержанія, знанію дѣла, чистотѣ изложенія, составляетъ явленіе весьма замѣчательное для своего времени. Авторъ обнимаетъ всѣ отрасли и внутренній составъ государственнаго управленія, исключая дѣла церковныя; описываетъ всѣ существенные обычаи и порядки русской земли; бросаетъ смѣлый взглядъ на внутренній міръ древне-русскаго человѣка, на общій характеръ народной жизни. Преимущественно Котошихинъ распространяется о бытѣ высшихъ сословій: бояръ и князей, и развертываетъ здѣсь мрачную картину общественнаго быта при Алексѣѣ Михайловичѣ, изображаетъ грубое невѣжество, родовитую спѣсь и непроходимый эгоизмъ тогдашняго барства. По внѣшнему виду, сочиненіе, раздѣленное на 13 главъ, представляетъ родъ отдѣльныхъ историческихъ монографій: объ обычаяхъ, сопровождавшихъ царскую свадьбу, о воспитаніи царевичей, объ управленіи московскимъ царствомъ и пр., и все это безъ критической оцѣнки, хотя съ замѣтною тенденціей обратить вниманіе отсталаго русскаго народа на доброе у иноземцевъ, съ которыми Котошихинъ имѣлъ случай близко познакомиться. Сочиненіе Котошихина имѣетъ близкое отношеніе къ сочиненіямъ Посошкова, разсматривающимъ тѣ же жизненные вопросы, о которыхъ трактовалъ и Котошихинъ.

Въ гораздо большей связи, по содержанію и направленію, съ сочиненіями Посошкова стоитъ «Русское государство въ половинѣ XVII в.» Крижанича, по происхожденію хорвата, по религіи католика. Это былъ замѣчательный человѣкъ, оставившій въ сочиненіяхъ доказательство обширнаго ума, трудолюбиваго изученія Россіи, истиннаго желанія принести ей пользу. Не только сочиненіями, а и внѣшнею судьбою этому великому человѣку суждено было сдѣлаться прототипомъ Посошкова: его убѣжденія и заботы о русскомъ народномъ благѣ были слишкомъ смѣлы для старой Россіи и они то заставили Крижанича многіе годы прожить въ ссылкѣ. Изъ многихъ его сочиненій, «Политика» или «Разговоры объ владательству» по своему предмету и направленію имѣетъ большое сходство съ политическими трудами Посошкова. При написаніи этого

сочиненія Крижаничемъ руководили тѣ же побужденія, какія дѣйствовали и въ Посошковѣ: тотъ же глубокій патріотизмъ, то же безкорыстное желаніе принести посильную помощь русскому государю, соблюсти народные интересы. «Съ великимъ страхомъ», говоритъ онъ въ предисловіи, «съ крайнимъ уничиженіемъ царскому твоему Величеству челобитіе чиню; въ даръ приношу нѣсколько политическихъ думъ, которыя съ великимъ настояніемъ собралъ и которыя считаю твоего Величества владанію полезны. Твердо вѣмъ, аще изволишь, государь, въ сія книжицы позрѣти, дознаешь: не возможно, дабы сіи бесѣды изошли отъ человѣка ласкателя, или который бы не былъ тебѣ искренно вѣренъ и всѣмъ сердцемъ завѣщанъ». «Могутъ сія книги служить вмѣсто памятила и обрѣтала въ помощь памяти тебѣ, сильный Царю» (Рус. гос. въ пол. XVII ст. т. II стр. 3 и 7). Вездѣ и во всемъ Крижаничъ, какъ и Посошковъ, преслѣдуетъ, чтобы «царству польза произошла, казнѣ государевой причинилась корысть» (т. I стр. 56). Его, какъ и Посошкова, возмущали на каждомъ шагу встрѣчавшіяся нарушенія человѣческой правды, и онъ настойчиво требовалъ правосудія. Онъ мечтаетъ объ изгнаніи всѣхъ должностныхъ лицъ, которыя могутъ сдѣлать народу какую либо тираннію или какую бы то ни было несправедливость (II, 21). Его задушевное желаніе: «да будетъ судія праведенъ, не алченъ, не лицепріятенъ и не взяточникъ», а «да будетъ людскій». Правосудіе въ его глазахъ является первою и величайшею изъ добродѣтелей: «primum et maximum omnium privilegiorum est justitia» (I, 89 и II, 20). Непоколебимое убѣжденіе Крижанича въ этой истинѣ вдохновило его смѣлостію прямо указывать царю, какъ на преступленіе, особенно оскорбляющее Бога и со всею строгостію отмщаемое Богомъ, на «угнетеніе бѣдныхъ и подданныхъ» (II, 222). Вообще, личность Крижанича въ свое время была выдающаяся, замѣчательная по своему уму и обширной начитанности. Ревностный богословъ соединяется въ немъ съ умнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ теоретическія свѣдѣнія и много практическаго знанія въ дѣлахъ государственныхъ. Его «Разговоры объ владательству» состоятъ исключительно изъ разсужденій о внутренней и внѣшней политикѣ русской, а потому представляютъ собою подробную картину тогдашняго состоянія Россіи, вмѣстѣ съ множествомъ дѣльныхъ и серьезныхъ замѣчаній на существующіе порядки. Авторъ увлекается своимъ стремленіемъ указать средства для улучшенія администраціи и государственной

жизни, такъ что сочиненіе состоитъ изъ безпрестанной критики настоящаго и проектовъ будущаго, и носитъ характеръ не столько исторіи, сколько политическаго проекта: въ этомъ его существенное отличіе отъ Котошихина и главная связующая нить съ Посошковымъ. Крижаничъ старался сдѣлать свой обзоръ какъ только можно полнымъ: то въ формѣ категорическихъ разсужденій, то въ формѣ бесѣды царя, обращенной къ народу, то въ формѣ разговора выведенныхъ имъ лицъ, Крижаничъ излагаетъ свои мысли о торговлѣ, ремеслахъ, воинствѣ, образованіи, славянскомъ языкѣ, нравахъ, о «чужебѣсіи», которымъ начинала уже страдать Русь, о государственномъ управленіи, объ испорченности народной и пр. Всякія установившіяся правила и обыкновенія разсматриваетъ Крижаничъ исторически: какъ было прежде, какъ теперь у другихъ народовъ, какъ у насъ и, наконецъ, какъ лучше, какъ должно быть. Таковы пріемы и такова патріотическая программа Крижанича. Чѣмъ болѣе могли имѣть значенія для своего времени сочиненія Крижанича, направленныя на самые жгучіе вопросы законодательства и администраціи, политическаго и общественнаго быта, тѣмъ болѣе остается сожалѣть о томъ, что они остались неизвѣстными. Крижаничъ былъ ссыльнымъ, незамѣченнымъ, забытымъ. Свое время, такимъ образомъ, не могло извлечь пользы изъ его столь богатыхъ содержаніемъ сочиненій; современники не могли учиться у него. Слѣдовательно, Крижаничъ какъ-бы не существовалъ и для Посошкова; сочиненія его не могли служить источникомъ и пособіемъ для сходныхъ по мысли сочиненій Посошкова. Крижаничъ предшествовалъ Посошкову только хронологически, а не по вліянію. Посошковъ развивался самостоятельно; онъ былъ самоучка. Разумѣется, это былъ недостатокъ, съ устраненіемъ котораго мы, быть можетъ, имѣли бы отъ Посошкова что нибудь еще болѣе дорогое, чѣмъ что теперь мы имѣемъ; но, съ другой стороны, это придаетъ гораздо болѣе чести и славы имени Посошкова, который совершенно самостоятельно и ни отъ кого независимо не только не отсталъ отъ своихъ замѣчательно великихъ предшественниковъ, но во многомъ опередилъ и возвысился надъ ними. Мы не намѣрены, впрочемъ, излагать сравнительное достоинство проектовъ и политико-экономическихъ мѣръ Посошкова; въ нашу задачу входитъ знакомство съ *историческимъ элементомъ* въ сочиненіи Посошкова, разсмотрѣніе его взглядовъ и убѣжденій, внутренній историческій смыслъ его сочиненій.

Книга о скудости и богатствѣ знакомитъ насъ съ современнымъ Посошкову состояніемъ Россіи. Въ ней Посошковъ перебралъ всѣ формы и проявленія общественной жизни, пересмотрѣлъ всѣ важнѣйшіе выработанные историческою жизнію порядки и обычаи, отнесясь ко всему съ посильною критикою. По его собственнымъ словамъ, онъ изъявилъ тутъ достовѣрное, слышанное и мнимое касательно состоянія русскаго общества, въ лицѣ всѣхъ сословій, его составляющихъ, и со всѣми отправленіями государственнаго организма. Неисправности и уклоненія отъ нормальныхъ обязанностей возбудили Посошкова; поэтому онъ и обращаетъ вниманіе вездѣ на «содѣвающіяся неправды и всякія неисправности», съ цѣлію «елико ему Богъ даровалъ, мнѣнія своя изложити ко исправленію тѣхъ неправостей и неисправностей». Это изображеніе общественныхъ недуговъ Россіи и соединенныя съ этимъ свои мнѣнія, взгляды, проекты Посошковъ совокупилъ въ «трекратномъ трекратіи. Первое трекратіе (гласитъ) о неисправѣ и юправѣ духовенства, воинства, правосудія; второе трекратіе — о неисправѣ и поправѣ купечества, художества и разбойниковъ съ бѣглецами; третіе трекратіе — о неисправѣ и поправѣ яко во крестьянѣхъ, тако и во владаніи земли безобидномъ и о собраніи царскаго интереса гобзовитомъ»[1]).

Самое названіе сочиненія изобличаетъ уже экономическій характеръ его содержанія. «Книжицу нарекохъ о скудости и богатствѣ, понеже имѣетъ въ себѣ изъявленіе, отъ чего содѣвается напрасная скудость и отъ чего умножитися можетъ изобильное богатство». Но данное Посошковымъ заглавіе книгѣ не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію, — оно представляется узкимъ для такого сочиненія, въ которомъ подвергнутъ разбору весь общественный бытъ и предложено множество важныхъ мѣръ, коренныхъ преобразованій, законодательныхъ реформъ, то, съ другой стороны, это заглавіе вполнѣ оправдывается, если примемъ во вниманіе, что хозяйственные вопросы преобладаютъ въ сочиненіи, что разборъ вопросовъ чисто духовныхъ, юридическихъ, военныхъ занимаетъ, сравнительно, мало мѣста, что даже въ главахъ о духовенствѣ, о правосудіи, о воинскихъ дѣлахъ особенное вниманіе обращается на хозяйственное положеніе духовенства, на гибельныя слѣдствія произвола въ судѣ и расправѣ для экономическаго быта

---

[1]) Просьба Посошкова, съ которою онъ представлялъ свою книгу Петру В. Соч. Пос. т. II стр. XXVIII.

народнаго, на расходы при содержаніи войска и т. п. Во всякомъ случаѣ, Книга о скудости и богатствѣ имѣетъ всецѣло предметомъ практическую жизнь, въ ней Посошковъ является по преимуществу писателемъ-экономистомъ. Писательство, въ этомъ именно направленіи, было вызвано самою жизнію, служило отвѣтомъ на современныя потребности. Еще до времени Петра В. обнаружились финансовыя затрудненія въ Россіи. Казна была истощена; государственное банкротство всею тяжестію ложилось на народъ; подати увеличивались годъ отъ году. Постепенно возраставшая государственная скудость, естественно, обращала на себя вниманіе лицъ, говорившихъ и писавшихъ о Россіи. Котошихинъ уже коснулся вопроса о состояніи государственныхъ финансовъ: «мѣдныя деньги годъ отъ году подешевѣли, сперва ходили рубль противъ рубля, а потомъ начали ходить по 2 по 3.... и по 15 и по 17 рублевъ за серебряный рубль. Серебрянымъ деньгамъ учала быть скудость въ государствѣ, а на мѣдныя все дорого — и многіе помираютъ съ голоду» (о Россіи въ ц. А. М. стр. 83). Такую бѣдность государственную Котошихинъ объясняетъ бѣдностію пріисковъ въ Россіи металла для денегъ: «золота и серебра не родится; хотя въ кроникахъ и пишутъ, что русская земля на золото и серебро урожайная, однако сыскать не могутъ» (стр. 78). Разореніе народа отъ усиливающихся поборовъ глубоко возмущало великаго славянофила Крижанича. «Несчетны», говоритъ онъ, «въ нашемъ государствѣ люди, которые нещадно притискиваютъ и выжимаютъ своихъ подданниковъ... Многіе чинятъ всякія крутости, съ коихъ бы казнѣ какова прибыль могла допасть» и пр. (Рус. гос. I, 178 и 305). Согласно Котошихину и Крижаничъ причину «убожества и нуждъ земли русскія» видитъ, между прочимъ, въ «неплодности земли: земля бо не родитъ драгаго каменія, злата, сребра, мѣди...» (т. I стр. 154). И Крижаничъ поэтому счелъ нужнымъ въ началѣ своей Политики предложить цѣлыхъ 4 раздѣла (т. е. главы, стр. 1—64) «о средствахъ и способахъ, которыми собирается и обогащается государственная казна». При Петрѣ Великомъ финансовыя затрудненія возрасли съ особенною силой, такъ какъ внѣшнія войны и внутреннія предпріятія, новые предметы и учрежденія требовали новыхъ и крупныхъ затратъ отъ безъ того тощей казны. Все дѣло реформы должно было начаться именно съ преобразованія экономическаго; вопросы экономіи стояли на первомъ планѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о бѣдности и богатствѣ, о бѣдности Россіи

сравнительно съ другими государствами, о средствахъ сдѣлать ее богатой, прежде другихъ обращалъ на себя вниманіе всякаго мыслящаго русскаго человѣка, возбужденнаго общественнымъ движеніемъ преобразовательной эпохи. Изслѣдованіе причинъ — «отчего содѣвается напрасная скудость», и изобрѣтеніе средствъ, отъ которыхъ «умножитися можетъ изобильное богатство», было не только современно и полезно, но было необходимо, составляло насущную потребность. Посошковъ видѣлъ въ жизни всѣ гибельныя послѣдствія разстроенности государственнаго хозяйства; онъ видѣлъ, что народъ гибъ отъ недостатка въ предметахъ первой необходимости: «нынѣ въ деревняхъ», говоритъ онъ напр., «такую нужду подъемлютъ, что многіе безъ соли ѣдятъ и оцинжаютъ и умираютъ; отъ задержанія соли во иныхъ мѣстахъ выше рубля пудъ покупаютъ, да и то не всегда, и отъ такой безсолицы напрасно люди помираютъ, крестьяне, кои маломочны, всѣ пропадаютъ». Посошковъ видѣлъ, какъ разорялся народъ отъ непосильныхъ поборовъ, какъ «за недоимку дворъ и пожитки отбирали, да оцѣнивъ въ полъ или въ треть, или въ десятую долю, продавали и такъ совсѣмъ разоряли... и отъ такого порядка многое множество народа въ нищіе пошли» (Кн. о ск. и бог. Соч. Пос. I, 223 и 72 с.). Поэтому-то Посошковъ и рѣшился «предложить свое мнѣніе о собраніи царскихъ сокровищъ», свои взгляды «о здравомъ, гобзовитомъ и постоянномъ собраніи интересовъ Его Императорскаго Величества» (стр. 3).

Какъ представитель народа и прибыльщикъ государя, Посошковъ совершенно справедливо сливаетъ интересы народные съ интересами государственными, поставляя въ богатствѣ народномъ богатство и государственное. Эта истина была, впрочемъ, извѣстна и ясно сознана предшествующимъ русскимъ политикомъ — Крижаничемъ, который неоднократно проводилъ ее въ своемъ сочиненіи: «Убого королевство, убогъ и король, богато королевство, богатъ и король; королевское добро есть добро всего народа; что полезно головѣ, полезно и всему тѣлу» (т. I стр. 41; т. II, 40, 31, 41, 50). «Scitote, quod bonum regis, est bonum totius gentis» и пр. Поэтому, Крижаничъ внушалъ, что «король, аще самъ хощетъ быть богатъ, сначала долженъ заботиться, да подданники будутъ богаты», и вооружался противъ разоренія народнаго въ пользу казны, причисляя «выдираніе нещадное и немилостивое отягченіе подданниковъ» къ вреднымъ, «злымъ способамъ стяжанія» (т. I стр. 3). Убѣжденіе

въ непосредственной связи народнаго благосостоянія съ государственнымъ богатствомъ Посошковъ высказываетъ въ основаніи своего сочиненія: «не то царственное богатство», говоритъ онъ на первой же страницѣ, «еже въ царской казнѣ много, но то самое царственное богатство, еже бы весь народъ по мѣрностямъ своимъ богатъ былъ домовыми своими богатствы». И «по моему мнѣнію, сіе дѣло не великое и не трудное, еже царская сокровища наполнити богатствомъ, за еже царь, яко Богъ, еже восхощетъ, можетъ сотворить; но то великое и многотрудное дѣло, еже бы народъ обогатити... понеже все что есть въ народѣ богатства — богатство царственное, подобно и оскудѣніе», и проч. (стр. 1, 3, 71, 72 и пр.). Поэтому, Посошковъ въ основаніе своей экономической теоріи полагаетъ обязательность попеченій о народномъ богатствѣ, поставляетъ необходимость «о всенародномъ обогащеніи пещися безъ уятія усердія, дабы никто въ убожество не входилъ, но всѣ бы по своей мѣрности изобильны были» (стр. 1 и 189). Разореніе народа поборами представляется Посошкову дѣйствіемъ, прямо парализующимъ свою цѣль; поэтому, онъ требуетъ «правыхъ и здравыхъ» началъ «въ собраніи царскихъ интересовъ, чтобъ никаковыя обиды ни на кого не навести. Худой тотъ сборъ, аще кто казну царю собираетъ, а людей разоряетъ. Только то собраніе споро и прочно будетъ, аще кто государю тщится служити, а паче собранія людей отъ разоренія соблюдаетъ». «Нужно стремиться къ тому, чтобъ и казна была цѣла съ приплодомъ и люди были всѣ цѣлы и невредимы» (стр. 209, 73 = Завѣщ. от. 232 сгр.). Миръ, безопасность и благосостояніе подданныхъ Посошковъ ставитъ выше всякаго финансоваго обогащенія государственнаго. Гоняясь за самомалѣйшею мелочью въ государственныхъ прибыткахъ, Посошковъ отказывается, напримѣръ, отъ весьма доходныхъ встарину судныхъ пошлинъ, во имя общаго мира, спокойнаго развитія гражданской жизни. Подобныя мысли являются одними изъ самыхъ свѣтлыхъ въ сочиненіяхъ Посошкова, обнаруживая въ немъ совершенно здравыя, вполнѣ разумныя политико-экономическія воззрѣнія.

Какіе же способы указываетъ самъ Посошковъ, чтобъ избѣжать народнаго разоренія и достигнуть гобзовитаго богатства? — Какъ человѣкъ въ высшей степени честный, высокодобросовѣстный, любитель правды, Посошковъ причину всякихъ золъ и нуждъ полагалъ въ нарушеніи общечеловѣческой правды; съ другой стороны, въ правдѣ, въ возстановленіи ея Посошковъ видѣлъ главнѣйшее и необходимое условіе

всякаго добра, всякаго успѣха въ человѣческихъ дѣлахъ. Правда составляетъ предметъ его задушевныхъ желаній вездѣ и во всемъ, въ ней онъ видитъ средство и душевнаго спасенія, и внѣшняго благосостоянія. «Паче всего надлежитъ намъ пещися о истинной правдѣ: правдѣ отецъ Богъ, и правда вельми богатство и славу умножаетъ, а неправдѣ отецъ діаволъ, и неправда въ нищету приводитъ и смерть наводитъ». Посошковъ столь непреклонно вѣритъ въ истинность своего начала, что, при господствѣ правды, онъ почитаетъ невозможнымъ существованіе скудости, или чего нибудь въ этомъ родѣ: «егда правда въ насъ утвердится, то не можно царству россійскому не богатитися и славою не возвыситися». Отъ правды зависитъ «и царственное украшеніе, и прославленіе, и честное богатство, понеже правда никого обидити не пускаетъ»... и пр. «Безъ насажденія же правды никоими мѣрами народу всесовершенно обогатитися невозможно» (стр. 2 и 3). Высказанныя Посошковымъ мысли находили себѣ полнѣйшее подтвержденіе въ современномъ положеніи дѣлъ: Россія, при крайней бѣдности матеріальной, изобиловала неправдою. Дѣйствительно, трудно ей было достигнуть благосостоянія, когда она была полна «обидчиковъ, воровъ, разбойниковъ и всякихъ явныхъ и потаенныхъ грабителей», когда не было правды въ томъ, что «на словахъ ладогозили», когда поэтому требовалось, кромѣ очевидныхъ мѣръ, и «прозрительное око», чтобъ отыскивать правду. И вотъ Посошковъ, повторяемъ, рѣшился поставить на видъ Государю все извѣстное ему, что не право, что было нарушеніемъ справедливости, отъ чего народу была тягость, а государству скудость. Съ этою цѣлію Посошковъ разсматриваетъ всѣ сословія, всѣ главнѣйшія проявленія общественной жизни и вездѣ ищетъ правды, все подводитъ подъ требованія справедливости, ставя мѣркою основныя правила общественной жизни. Такъ прежде всего, онъ признаетъ права личности каждаго члена общества и потому требуетъ, чтобъ неправо, незаконно, «даромъ ничто ничье нигдѣ не пропадало»; нужно «за богатыми и за убогими прилежно смотрѣть, чтобъ нигдѣ ничто и ихъ даромъ не пропадало». Съ другой стороны, каждый долженъ трудиться, чтобы не быть излишнимъ, безполезнымъ нахлѣбникомъ общества: нужно смотрѣть, чтобъ «дней своихъ даромъ никто не терялъ, хлѣба бы напрасно безъ работы не ѣли, но всѣ бы были у дѣлъ своихъ,... чтобъ лишнихъ людей не было, безъ работы никакой человѣкъ не былъ, никто нигдѣ даромъ не шатался». Сообразно своимъ тру-

дамъ и званію, каждый имѣетъ право издерживать пріобрѣтенное, но надлежитъ «прилежно смотрѣть, чтобъ излишняго ничего нигдѣ не тратили, чтобъ всякъ свою мѣрность зналъ, чтобъ у всякаго чина денежныя истраты лишнія не было, выше своея мѣры себя бы не убытчили». Такъ какъ каждый принадлежитъ цѣлому обществу, то кромѣ законнаго обезпеченія себя, каждый долженъ приносить пользу обществу, чтобы каждый не только не даромъ хлѣбъ ѣлъ, а чтобы и «плодъ приносилъ», чтобъ отъ всякаго и частнаго дѣла государю «прибытокъ былъ» (стр. 71, 106, 108, 130, 73). Таковы основныя положенія политико-экономической системы Посошкова, развитіемъ которыхъ служитъ вся Книга о скудости и богатствѣ. Нѣкоторые изъ существенныхъ пунктовъ этой системы служатъ полнымъ отголоскомъ взглядовъ Крижанича, который также стремился, чтобъ «никто не жилъ въ кралевствѣ бездѣленъ и общему добру некорыстенъ», — что «неприлично и всякой правдѣ противно» (Рус. гос. т. I стр. 333 и 253).

Самъ Посошковъ является въ книгѣ вообще, какъ мудрый практикъ, разсчетливый до мелочности хозяинъ. Частныя правила касательно хозяйственной экономіи показываютъ всю тонкость практическаго ума Посошкова, не оставившаго безъ вниманія самые, повидимому, микроскопическіе предметы финансоваго изъяна. Самыя мелочныя вещи домашняго обихода онъ разсматриваетъ съ общегосударственной точки зрѣнія, вездѣ онъ старается предотвратить напрасную трату, во всемъ преслѣдуетъ государственное сбереженіе. Предусмотрительность Посошкова въ этомъ отношеніи доходитъ иногда до смѣшнаго. Таковы, напримѣръ, его наставленія объ употребленіи обшивныхъ пуговицъ, «россійскому царству отончительныхъ», причемъ Посошковъ рекомендуетъ употреблять такія, которыя бы «портищевъ пять-шесть износили»; — о лакомыхъ ядяхъ и заморскихъ винахъ, «и для здоровья вредительныхъ, и для государства истощительныхъ»; о лентахъ и платкахъ, «на утираніе носа», объ орѣхахъ и мелкой рыбѣ, о бумагѣ, «несозидательно истрачиваемой при разметистомъ письмѣ», съ точнымъ вычисленіемъ надлежащаго количества строкъ на страницѣ «письма уписистаго»; — о тюремщикахъ, «подобно червямъ хлѣбъ въ тлю претворяющихъ» и пр. (I т. 125, 126, 180, 84 и пр. Зав. от. 58, 213 и пр.) «Пчела-муха весьма невелика и собираетъ медъ не корчагами, обаче множество ихъ собираютъ тысячи пудъ! Тако и собираніе богатства царственнаго, аще вси будутъ

жить бережно и ничего напрасно тратить не будутъ, то царство можетъ весьма обогатиться» (I, 85 стр.). Таковы соображенія, которыми руководился Посошковъ въ подобнаго рода предписаніяхъ. Кромѣ того, Посошковъ отлично сознавалъ, что вещественнымъ богатствомъ обусловливается и нравственное, умственное развитіе, какъ съ другой стороны, усовершенствованіе въ доброй нравственности, истинное просвѣщеніе содѣйствуютъ умноженію матеріальнаго благосостоянія. На основаніи этой нерасторжимой связи, въ книгѣ Посошкова мы встрѣчаемъ, вмѣстѣ съ указаніями злоупотребленій собственно въ практической жизни, указаніе и нравственныхъ недостатковъ своего времени.

Свое политическое обозрѣніе Посошковъ начинаетъ съ духовенства (I, стр. 3 и 4, 9—31). По его мнѣнію, это — высшее сословіе, источникъ религіозно-нравственнаго и умственнаго просвѣщенія, представители образованія. «Священство — столпъ и утвержденіе всему благочестію,... они наши пастыри, они и отцы, они и вожди». На духовенство Посошковъ обращаетъ вниманіе прежде всего, потому что поставляетъ въ прямой зависимости отъ него чистоту вѣры, нравственное совершенство и, даже умственное образованіе всѣхъ другихъ сословій: «мое мнѣніе тако мысли моей касается, яко вся наша погибель и спасеніе залежитъ въ пресвитерахъ: аще они будутъ несмысленіи, то и люди паствы будутъ несмысленіи, а аще пресвитеры будутъ разумны и святи, то и люди паствы будутъ разумительны и святости близко»[1]). Но уже въ самомъ духовенствѣ Посошковъ замѣчаетъ множество недостатковъ, прямыхъ уклоненій отъ идеала, нарушенія законныхъ требованій. Оказалось, что духовенство не удовлетворяло вполнѣ своему назначенію и не имѣло должнаго вліянія на народъ. А эти недостатки духовенства, естественно, влекли за собою гибельныя послѣдствія: «въ духовномъ чину, аще будутъ люди неученые, въ писаніи неискусные, аще будутъ пьяницы и инаго безчинства наполнены, то благочестивая вѣра наша исказится и вмѣсто древняго благочестія вси разыдутся въ разногласные расколы». Эта мысль, высказанная здѣсь въ формѣ предположенія, находила себѣ подтвержденіе въ жизни, потому что въ невѣжествѣ и небрежности духовенства Посошковъ видѣлъ причину усиленія раскола и распространенія на Руси иновѣрческаго вліянія.

[1]) О взглядѣ Посошкова на духовенство скажемъ подробнѣе при разборѣ Завѣщанія отеческаго.

Тѣ, которые должны быть «всему благочестію опора и отъ ересей забрало, и отъ адскихъ волковъ оборона, которые должны людей отвлачать отъ погибельныхъ вратъ», оказались не въ состояніи даже «себя чѣмъ оправдати не только отъ лютерскія или отъ римскія ереси, но отъ самаго дурацкаго раскола». Видѣлъ я, разсказываетъ Посошковъ, въ Москвѣ пресвитера изъ знатнаго дома, который «и татаркѣ противъ ея заданія отвѣта здраваго дать не умѣлъ». Сельское же духовенство стояло еще ниже: «сельскіе бо пресвитеры самые люди простые: возростетъ онъ въ деревнѣ, деревенскія дѣла и смышляетъ, а что Богъ взыщетъ погибшія души на нихъ, ничего того не знаютъ». Тѣ, которые обязаны были учить пасомыхъ истинному правовѣрію, сами находились въ такомъ религіозномъ невѣжествѣ, что «и вѣра христіанская на чемъ основана, не вѣдали», не могли «не то чтобы кого отъ невѣрія въ вѣру привести, но и того не знали, что то есть реченіе вѣра и не до сего-ста, но есть и такіе, что церковныя службы како отправити не знаютъ: отправляютъ наугадъ, какъ кому примыслится; того ради въ градѣхъ въ церквахъ многое несогласіе бываетъ, а о сельскихъ и дивити нечего» (тоже въ проектѣ о школахъ л. 6). «Сельскихъ уже и почитать въ дѣло нечего, тѣ мало и церковныя службы отправляютъ, пекутся паче о пашнѣ да о сѣнныхъ покосахъ». Что касается пастырской обязанности правственнаго руководства, то «пресвитеры, кіи и во градѣ живутъ, не весьма знаютъ, въ чемъ грѣхъ или въ чемъ спасеніе, и того ради прихожанъ своихъ къ покаянію не принуждаютъ, не наставляютъ и отъ того многіе люди въ невѣдѣніи своемъ погибаютъ». Обязанные заботиться объ умственномъ развитіи народа и дѣтей духовныхъ увѣщавать, чтобъ они «дѣтей своихъ учили грамотѣ», пастыри сами были «въ книжномъ разумѣніи не весьма довольни», такъ что и по книжкамъ богослуженія отправлять не всегда могли. «Въ Новгородѣ видалъ я новопоставленника діакона: не всегда могъ единыя страницы въ Евангеліи прочести, еже-бы разовъ пяти-шести не помѣшатися. А всякая намъ погибель чинится отъ неученыхъ нашихъ пастырей» (о школахъ л. 8). Наряду съ религіознымъ и умственнымъ невѣжествомъ, коренились въ жизни духовенства и нравственные недостатки и пороки: «обязанные о паствѣ своей пещися, дабы вси праведно жили», духовные сами были неисправны отъ «неключимствъ». Какъ во все время нашей исторіи, такъ и во время Посошкова обращалъ на себя вниманіе главнымъ образомъ извѣстный,

особенно отвратительный въ духовенствѣ порокъ. «У насъ попы первые пьяницы, по кабакамъ ходятъ, въ крови дерутся», съ обычною рѣзкостію заявлялъ Ломоносовъ[1]). «Пьянство великъ порокъ пресвитеру наноситъ», разсуждалъ Посошковъ, и съ своей стороны тоже долженъ былъ признаться, что «пьянственная страсть вельми овладѣла попами», а что «пьяные попы гораздо хуже во нравахъ, нежели простолюдины бываютъ»; вынужденъ былъ засвидѣтельствовать существованіе такихъ пресвитеровъ, которые, «напившися до пьяна, по улицѣ ходя, или гдѣ сидя, кричали нелѣпостно и бранно, и сквернословили, и дрались, и пѣсни пѣли...»; вынужденъ былъ вслѣдсвіе этого совѣтовать, «дабы пресвитеры и діаконы чрезмѣрно до пьяна не напивались. А буде каковымъ случаемъ и напьется до пьяна, то шелъ-бы въ утишное мѣсто и выспался, отнюдь не открывая себя народу».

Таково было русское общество въ лицѣ представителей его высшихъ интересовъ! Посошковъ старается указать причины столь безотраднаго положенія духовенства. Эти причины видитъ онъ съ одной стороны въ небрежности высшей церковной власти, въ злоупотребленіяхъ, а съ другой стороны — въ общей для всей земли русской скудости матеріальной. «Азъ признаваю», говоритъ Посошковъ, «отъ оплошки архіерейскія тако чинится, понеже полагаются на служебниковъ своихъ», которые «у новоставленниковъ пріемлютъ дары и пріявъ дары, дадутъ ему затвердить по Псалтири нѣкоторые псалмы и заложа, дадутъ при архіереи прочитать; архіерей же, видя твердо и разумно читающа, вознмнитъ, якобы и во всякомъ чтеніи таковъ, благословитъ его въ пресвитерство. Отъ такого порядка у иныхъ грамота и плоха». Весьма важнымъ препятствіемъ къ образованію вообще было отсутствіе почти всякихъ къ тому средствъ. Стоило большихъ трудовъ и требовалось во всякомъ случаѣ пройдти не всегда удобную практическую школу гдѣ нибудь «въ городѣ, при соборѣ, или при разумномъ пресвитерѣ въ подначальствѣ», чтобы выучиться только правильно отправлять Богослуженіе; — требовалось это по той простой причинѣ, что непосредственно научиться было «не по чему: печатнаго двора справщики отъ многаго питья и отъ роскошнаго житья утыли и не хощутъ яснаго изъявленія о всякомъ церковномъ служеніи напечатать, чтобъ всякій могъ разумѣти, какъ что отправляти».

---

[1]) Объ обязан. духовенства. Лѣтописи Тихонравова, ч. IV стр. 197.

Главная же причина совершенной неразвитости, невѣжества духовенства и крайне небрежнаго выполненія пастырскихъ обязанностей была бѣдность и матеріальная необезпеченность: «попы обременены земледѣльствомъ и того ради не тако пекутся о служеніи церковномъ, яко о пашнѣ своей, а паства душевная уже въ сторонѣ стала быть». «Жалованья государева имъ нѣтъ, отъ міра никакого подаянія имъ нѣтъ же и чѣмъ имъ питаться, Богъ вѣсть». Поэтому, «у насъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою и ничѣмъ они отъ пахатныхъ мужиковъ не отмѣнны: мужикъ за косу и попъ за косу, а церковь святая и паства остаются въ сторонѣ. Въ праздничный день гдѣ было идти въ церковь, а попъ съ мужиками пойдетъ овины сушить, и гдѣ было обѣдню служить, а попъ съ причетники хлѣбъ молотить. Аще пашню попу не пахать, то голодну быть». Отъ бѣдности происходила небрежность въ выполненіи пастырскихъ обязанностей по отношенію къ пасомымъ, въ нравственномъ надзорѣ и руководствѣ: «въ такихъ суетахъ живуще», справедливо замѣчаетъ Посошковъ, «не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упасти. Отъ такого ихъ земледѣлія многіе христіане помираютъ не токмо сподобившися пріятія тѣла Христова, но и покаянія лишаются и умираютъ яко скотъ».

Не ограничиваясь указаніемъ недостатковъ и злоупотребленій, Посошковъ гораздо болѣе даетъ мѣста въ своемъ трудѣ разсужденіямъ о мѣрахъ къ избѣжанію этихъ недостатковъ, предлагаетъ проекты. Сущность ихъ, въ отношеніи къ духовенству, состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить пастырей въ матеріальномъ ихъ содержаніи и затребовать отъ нихъ предварительнаго образованія. Нужно освободить ихъ отъ неподобныя, унизительныя работы, чтобы «пашни имъ не пахать и сѣна не косить, но пещися имъ о церковной службѣ, да о паствѣ, а вмѣсто пашни чтобъ получать десятую долю отъ приплода, какъ изъ хлѣба, такъ изъ мяса и изъ вина и съ прочаго харча» (23 с.). При этомъ нужно измѣнить «гнусныя, многошвенныя, раздранныя рясы и лапти растоптанные», потому что предъ престоломъ Божіимъ нужно имѣть чистоту въ душѣ и въ одеждѣ. Главное же средство возвысить духовенство до его идеала— образованіе. Съ этою цѣлію «построить бы въ епархіяхъ школы просторныя и собрать всѣхъ духовныхъ дѣтей отъ десяти до двадцати пяти лѣтъ, брать бы и неволею, и учить грамматикѣ и всякаго книжнаго разума». А для этого нужно выправить азбуку и грамматику, чтобъ вся-

кія скрытности откровенны были въ ней; надлежитъ библія напечатать и въ школы разослать; тако жъ маргаритовъ, сборниковъ, евангеліевъ толковыхъ, четьихъ-миней и пр.; рекомендуетъ также, ради охраненія отъ люторскія, кальвинскія и прочихъ ересей, напечатать книги: Камень вѣры, Розыскъ, Зерцало очевидное, Пращицу. Издать книги о ересяхъ, ихъ исторію, отступленія, чтобъ всѣ знали, что въ нихъ пороку. Сверхъ того, нужно давать школьникамъ читать книги и «гражданскія, бытейскія; не худо бы и лѣтописныхъ книгъ давать имъ почитать, чтобъ обо всемъ знали, что доселѣ бывало». Изучившихъ грамматику молодыхъ школяровъ нужно учить риторикѣ и философіи. «Вельми потребно ученикамъ въ доспытаціяхъ подтверждатися». Учителя же должны наблюдать, кто изъ учениковъ къ какому дѣлу склоненъ, къ духовному или къ свѣтскому». Въ концѣ концовъ, «положить недвижимый предѣлъ: буде кой человѣкъ школьнаго ученія не принесъ и грамматическаго разумѣнія не научился, таковыхъ бы отнюдь въ пресвитеры и діаконы не посвящати» (о школахъ л. 2 и 3).

«Аще по вышеписанному устроитъ Богъ о духовныхъ», твердо надѣется Посошковъ, «то пресвитеры будутъ всесовершенные слуги Божіи; и въ крестьянскомъ житіи свѣтъ бы возсіялъ и вся Россія умудрилась бы. А сіе преславное дѣло трудно токмо начати, да основати, а тамо будетъ оно уже и само правитися».

Свидѣтельство Посошкова о состояніи современнаго ему духовенства и его существенныхъ недостаткахъ вполнѣ согласно и совершенно подтверждается всѣми историческими данными. Жалобы на печальное нравственное состояніе духовенства, которое не въ состояніи было воспитывать погрязшій въ порокахъ народъ, жалобы на невѣжество духовенства, лишавшее его учительской способности въ то время, когда оно болѣе всего нуждалось въ этой способности, когда нравственными, научными средствами нужно было защищать православіе отъ своихъ и отъ чужихъ, отъ раскола и западныхъ иновѣрцевъ, жалобы на злоупотребленія матеріальными средствами въ духовенствѣ, — эти жалобы раздавались давно и громко, между мірянами, самимъ духовенствомъ и па соборахъ церковныхъ. Даже Крижаничъ, который менѣе всего упоминаетъ и касается духовенства, и онъ предлагаетъ относительно «духовнаго чина» нѣкоторыя требованія, вполнѣ согласныя съ требованіями Посошкова и вызванныя, очевидно, тѣми же недостатками, которые усмот-

рѣлъ Посошковъ [1]). Стефанъ Яворскій рѣзко обличалъ духовенство, которое, по его отзыву, «свои должности позабыша и гладъ слова Божія въ церкви сотвориша» [2]). «До того пришло», говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, «что пріемшіи власть наставляти и учити людей сами христіанскаго перваго ученія не вѣдаютъ, слѣпіи слѣпыхъ водятъ [3]). Юридическій памятникъ петровскихъ временъ, Регламентъ, жалуется также на «развращеніе церковнаго причта» (ч. 2-я стр. 2), обличаетъ злоупотребленія при занятіи, напримѣръ, священнослужительскихъ должностей, гдѣ имѣли силу только подкупъ архіерейскихъ слугъ, которые, «обычнѣ бываютъ лакомыя скотины» и родственныя связи (ч. 1-я стр. 39 и ч. 2-я стр. 23 об.). Строго укоряетъ Регламентъ духовныхъ за суевѣрія, которыя они распространяли въ народѣ новоизмышленными святынями и своими, напримѣръ, молитвами, разсылаемыми въ шапкахъ (ч. 1-я стр. 14, 15, 84; ч. 2-я стр. 21). Регламентъ требуетъ строгаго наблюденія за нравственнымъ поведеніемъ духовныхъ, чтобъ «не безчинствовали по улицамъ, не шумѣли пьяни въ церквахъ, не ссорились по мужитски, не храбрствовали въ бояхъ кулачныхъ, не ложились бы спать на улицѣ, не ходили по кабакамъ» (ч. 2-я стр. 24 об. и 25) и пр.; особенно же настойчиво и Регламентъ требуетъ образованія въ духовенствѣ (ч. 1-я стр. 23 и 24; ч. 2-я стр. 2 об.). Впрочемъ, настоятельная необходимость въ школьномъ ученія для духовенства засвидѣтельствована непосредственно самимъ Петромъ Великимъ, который говорилъ патріарху Адріану: «священники ставятся малограмотные, надобно ихъ прежде учить, а потомъ ужъ и въ этотъ чинъ ставить» [4]). Слова Петра не остались словами: какъ и вездѣ, онъ отвѣчалъ на нихъ дѣломъ, исправленіемъ зла. Поднять русское духовенство, давши ему могущество—науку,

---

[1]) Таковъ напр. проектъ объ освобожденіи духовенства отъ черной работы и т. п. Русск. Госуд. въ пол. XVII ст. т. I стр. 311; также т. II стр. 66, 43 и пр. Особенно сильныя жалобы на вопіющіе недостатки духовенства находимъ въ Стоглавѣ (напр. гл. 5 вопросъ 23 стр. 51) и въ свидѣтельствахъ просвѣщенныхъ предстоятелей русской церкви, напр. Димитрія Ростовскаго (Моск. Унив. Изв. 1871 г. ч. 9 стр. 518 ст. «О дух. регламентѣ»), Патр. Іосафа (тамъ-же стр. 505).

[2]) Пропов. Стеф. Явор. т. I стр. 272.

[3]) Слова. Часть 2, стр. 67.

[4]) Соловьевъ Ист. Рос. т. XV стр. 115.

снабдивши его средствами возстановить свое учительское значенiе и свое нравственное влiянiе, согласно съ новыми потребностями и новыми условiями; сообщить духовенству возможныя матерiальныя средства, недостатокъ которыхъ мѣшалъ успѣшному и достойному исполненiю его обязанностей, — такова, какъ извѣстно, была преобразовательная программа Петра относительно духовенства.

Отъ духовенства, во 2-й главѣ Книги о скудости и богатствѣ, Посошковъ переходитъ къ воинскимъ дѣламъ (стр. 4—5, 31—44). Онъ сознавалъ всю важность въ государствѣ служенiя воинской силы. «Военный людъ», говоритъ онъ, — «стѣна и твердое забрало царству. Царство воинствомъ расширяется». Между тѣмъ, съ чувствомъ горькаго сожалѣнiя Посошковъ находитъ въ военномъ вѣдомствѣ слишкомъ много неправаго, злоупотребленiй и описываетъ въ высшей степени бѣдственное положенiе въ ту пору солдатъ. Посошковъ видѣлъ, что русскiе солдаты не вполнѣ удовлетворяютъ своему прямому назначенiю: «военный артикулъ не гораздо твердъ, еже бы на войнѣ не смѣшатися». Вообще, въ постановкѣ военнаго дѣла замѣчалось много недостатковъ, требовавшихъ немедленнаго исправленiя; такъ Посошковъ говоритъ о «нецѣльныхъ къ стрѣлянiю, нескорыхъ въ ратоборствѣ орудiяхъ», высказываетъ свое оригинальное мнѣнiе о неудобствѣ «древняго повычая солдатскаго, что только ладятъ одно, чтобы вдругъ выстрѣлить: при банкетѣ кровавомъ тотъ артикулъ не годится». Главную причину недостатковъ въ военномъ дѣлѣ Посошковъ видитъ въ крайней скудости и матерiальной необезпеченности солдатъ. «Плоха служба, когда у солдатъ пищи нѣтъ. Истинно слыхалъ я отъ солдатъ, что ради смерти своей». При этомъ Посошковъ разсказываетъ случаи крайней бѣдности солдатъ, доводящей ихъ иногда до самоубiйства. «А когда солдатъ и голоденъ, и холоденъ, и ходитъ скорчась, то какой онъ воинъ, что служа воетъ? Въ такой скудости будучи, какъ солдату не своровать, какъ ему изъ службы не бѣжать? — нужда пригонитъ къ побѣгу, а иной и измѣнить будетъ радъ. Какая отъ нихъ спорина въ службѣ, когда онъ не желаетъ непрiятеля убити, а самъ желаетъ убiенъ быти, дабы ему вмѣсто здѣшнiя нужды какое либо упокоенiе прiяти». Много говоритъ Посошковъ о распущенности солдатъ, о дерзостяхъ, которые дозволяли даже офицеры къ мирнымъ жителямъ; особенно же обращаетъ вниманiе на военный судъ, который, по обычаю всѣхъ административныхъ учрежденiй своего времени, былъ

полонъ страшныхъ несправедливостей. «Солдаты не могутъ смирно стояти; па притчю кто издается изъ нихъ смирный человѣкъ. Офицеры чинятъ страшныя обиды, а расправы не сыщутъ на нихъ. Военный судъ аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать его, понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей; и военный человѣкъ не на равнаго себѣ не скоро судъ сыщетъ» (Зав. отеч. 199 с.). Да и вообще, по мнѣнію Посошкова, это «не весьма право, еже простолюдину у солдата на солдата милости просить: воронъ ворону глаза не выклюнетъ, свой своему поневолѣ другъ».

Говоря о средствахъ къ избѣжанію указанныхъ недостатковъ, Посошковъ прежде всего признаетъ необходимымъ матеріальное обезпеченіе солдатъ: «нужно служивыхъ беречь, надлежитъ весьма великое попеченіе о нихъ имѣть, дабы они пищею и одеждою были не скудны». Затѣмъ, исправивъ военныя орудія, «учить солдатъ цѣльному стрѣлянію», отличая особенно умѣлыхъ прибавкою жалованья. Наконецъ, «ради общежительства любовнаго, нужно устроити судъ единъ, каковъ землевладѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, солдату и генералу, — судъ близостный и для низкочинца, судъ безъ понаровки». Только съ устраненіемъ недостатковъ, т. е. когда солдаты «бросятъ свою прыткость и озарничество, когда военный артикулъ гораздо будетъ твердъ» и пр., воинское дѣло удовлетворитъ своей цѣли и солдаты «будутъ на бою яко каменна стѣна».

Историческій очеркъ Посошкова о состояніи древне-русскаго воинства составляетъ новый документъ, подтверждающій всѣ историческія данныя. Еще Котошихинъ, въ качествѣ, впрочемъ, историческаго факта, свидѣтельствовалъ, какъ солдаты на своей службѣ, даже въ военное время, «мерли съ голоду» (стр. 106). Крижаничъ, говоря, что если немногіе «вояки отъ голода помираютъ», то гораздо болѣе «отъ безодежья, отъ мраза погибаютъ», — предлагаетъ «первѣе всего промыслить о воякахъ, т. е. о пищѣ, платьѣ, оружіи, также о обученіи ихъ, храбрости» и пр. (т. I, стр. 83).

Болѣе другихъ интересное разсужденіе Посошкова заключается въ 3-й главѣ Книги о скудости и богатствѣ — о правосудіи (стр. 5, 45—111). Тутъ вполнѣ высказался предъ нами любитель правды, котораго мучила всякая несправедливость. Посошковъ имѣлъ въ высшей степени высокій взглядъ на правосудіе и вообще убѣжденъ былъ въ громадной важности

суднаго дѣла. «По своему мнѣнію, судное дѣло и управленіе я вельми высоко поставляю, паче всѣхъ художествъ, на свѣтѣ сущихъ. Правосудное установленіе самое есть дѣло высокое. Судія, дѣлающій правду, подобенъ самому Богу, а дѣлающій неправду, уподобляется лживому діаволу. Паче всякаго дѣла надлежитъ старатися о правомъ судѣ. Всему добру основаніе нелицепріятный судъ. Отъ правосудія зависитъ и богатство государственное, съ кимъ и собраніе царскія казны будетъ сугубо». Съ другой стороны, «всѣ пакости чинятся отъ неправаго суда, отъ нездраваго разсужденія, ,отъ неразсмотрительнаго правленія». Но ничто, кажется, въ древней Руси не страдало такъ злоупотребленіями, какъ правосудіе. Подробно Посошковъ описываетъ плачевное состояніе его въ свое время. «Всѣ древніе уставы обветшали и отъ неправыхъ судей исказились; того ради, всякія дѣла государевы и неспоры, и сыски неправы, и указы недѣйствительны. Вси бо правители дворянскаго чина, и какъ кому что угодно, такъ то и чинятъ». Лица, въ рукахъ которыхъ сосредоточена власть исполнительная, ослушаются верховныхъ распоряженій: «государевы указы въ презрѣніи. Се бо нынѣ колико новыхъ статей издано, а не много въ нихъ дѣйства, ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ». Главнымъ образомъ эта неправда проявлялась въ насиліяхъ богатыхъ надъ бѣдными, знатныхъ надъ мизерными, маломочными: правители знатнымъ наровятъ, а власть имутъ и дерзновеніе токмо надъ маломочными людьми». «Неправда вельми твердо вкоренилась: кто съ кого сможетъ, тотъ того и давитъ, а кои люди ядовитые, то маломочныхъ вконецъ разоряютъ; а судьи сильниковъ и ябедниковъ, аще и видятъ, что напрасно нападаютъ, а воспретить не смѣютъ и суда на сильнаго сыскать не можно». На ряду съ указанными несправедливостями, въ судахъ развилось до ужасающихъ размѣровъ взяточничество: «всѣ отъ мала до велика стали быть поползновенны ко взяткамъ»; «иманіе» перешло мѣры излишества: «за гривенное дѣло берутъ по полтинѣ и больше». Съ особеннымъ негодованіемъ вооружается Посошковъ противъ этого укоренившагося порока въ русскомъ судопроизводствѣ, потому что онъ сознавалъ крайне вредныя слѣдствія его: «мзда заслѣпляетъ и мудрому очи». «Отъ взяточничества никакое дѣло никогда право и здраво не будетъ разсуждено, но всячески будетъ на одну сторону криво». Наконецъ, само судопроизводство полно было несправедливыхъ дѣйствій. Напримѣръ, такъ отзывается Посошковъ о по-

вальныхъ обыскахъ: «а что въ проклятыхъ повальныхъ обыскахъ, то самъ сатана сидитъ, а Божія правды и слѣда нѣтъ; всѣхъ свидѣтелей пишутъ за очно» и т. д. Много говоритъ Посошковъ также объ извѣстномъ въ древне-русскомъ судѣ волокитствѣ и о происходящихъ отъ того «въ мірѣ вельми многихъ пакостяхъ»; разсказываетъ случаи разоренія вслѣдствіе волокитства,—какъ многіе безвинно цѣлые годы просиживали въ тюрьмѣ, какъ нѣкоторые подсудимые, забытые въ безконечныхъ процессахъ, помирали съ голоду въ тюрьмахъ. Также жалуется Посошковъ на безцѣльное задерживаніе постоянно накопляемыхъ преступниковъ: «нынѣ, истинно, стыдное дѣло, что въ нищихъ да въ колодникахъ пройдти нельзя» (=Зав. от. 239 с.). Тяжело отзывалась неправда судебная вообще на жизни народной и благосостояніи государственномъ: «отъ неправаго суда много чинится и воровства, и разбоевъ; всякія многія обиды содѣваются въ людѣхъ ни отъ чего иного, а токмо отъ неправаго суда. Крестьяне, оставя домы, бѣгутъ отъ неправды и россійская земля во многихъ мѣстахъ запустѣла и все отъ неправды, и какія гибели ничинятся, а все отъ неправды». Постоянное нарушеніе правосудія религіозному взору Посошкова представляется уже особымъ, непосредственнымъ дѣйствіемъ духа злобы: онъ считаетъ судей, какъ и вообще всѣхъ чиновъ, во всѣхъ дѣлахъ вмѣсто правды чинящихъ неправду, запечатлѣнными въ руку печатію антихриста (Зерцало л. 137 об.).

Само собою разумѣется, что Посошковъ напрягъ всѣ силы своего практическаго ума, чтобы изобрѣсти мѣры къ возможному искорененію судебной неправды, — и эта глава его сочиненія вышла особенно обильна проектами. Но Посошковъ сознавалъ, что важности дѣла соотвѣтствуетъ его трудность: «умъ мой не постигнетъ столь великаго дѣла», какъ устроеніе правосудія; и только «елико ми Богъ дарова и не безъ страха» Посошковъ берется излагать свои мнѣнія. Сообразно религіозному начину, и «первое мнѣніе о̆ судействѣ» у Посошкова вышло «сицевое: егда кто опредѣленъ будетъ къ управленію судному, то подобаетъ ему умолить пресвитера, дабы Господу Богу всенощную, литургію и молебное пѣніе воспѣлъ и въ томъ моленіи просилъ-бы, еже-бы подалъ ему Богъ правость и виновность во всякомъ дѣлѣ распознавать» (= Зав. от. 219—221 с.). Далѣе Посошковъ предлагаетъ цѣлый рядъ совѣтовъ судьямъ, какъ вести себя, чтобы избѣжать обычныхъ несправедливостей: помнить постоянно о колодникахъ, безъ замедленія рѣшать дѣла и пр. Относи-

тельно обысковъ Посошковъ предлагаетъ сложный порядокъ допросовъ, очныхъ ставокъ, увѣщаній, предлагая даже образцы, какъ и что говорить; главнымъ образомъ при этомъ Посошковъ желаетъ дѣйствовать на религіознонравственное чувство подсудимыхъ. Для искорененія взятокъ, Посошковъ совѣтуетъ сдѣлать таксу платы за различныя дѣла въ судахъ «и кто возметъ лишку, хотя малое число, взять на немъ штрафу, за всякую излишнюю копѣйку по рублю». Для избѣжанія волокитства, Посошковъ совѣтуетъ установить сроки для рѣшенія дѣлъ, подъ строгою отвѣтственностію подъячихъ. Отыскивая по всѣмъ статьямъ судопроизводства неудобныя или несправедливыя основанія, Посошковъ высказываетъ замѣчательную мысль о пересмотрѣ старыхъ законовъ и объ изданіи новаго уложенія. «Ни милостію, ни жесточію, ни измѣнными судіями, ни иными какими вымыслы учинить правды невозможно, аще не сочинить всякимъ дѣламъ недвижимаго расположенія особливымъ сочиненіемъ. Аще и самыя жесточайшія казни судіямъ учинить, а древняго уложенія не измѣнить и новаго регула не учинить, то не можно правдѣ въ приказныхъ дѣлахъ установиться. При этомъ заслуживаетъ особеннаго вниманія самый способъ составленія новаго уложенія, предложенный Посошковымъ. Здѣсь вполнѣ высказалась чисто народная натура Посошкова и его стремленіе оцѣнить и сберечь нѣкоторыя своеобразныя — общинныя стороны русской жизни. Онъ ставитъ обязательнымъ свободное участіе въ этомъ общемъ дѣлѣ всего народа. «Для установленія правды надлежитъ первѣе состроить судебную книгу съ тонкостнымъ расположеніемъ на великія и малыя дѣла, какъ кои рѣшать». Для этого избрать «разумныхъ, правдолюбныхъ и смысленыхъ» людей изъ всѣхъ безъ исключенія сословій, потому что даже «и въ Мордвѣ разумные люди есть». Потомъ «освидѣтельствовать тыи новосочиненные пункты всѣмъ народомъ, самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ». Я знаю, говоритъ онъ, что на это вознепщуютъ, яко бы азъ народосовѣтіемъ самодержавную власть снижаю, но самая истинная правда того требуетъ, — «безъ многосовѣтія и безъ вольнаго голоса никоими дѣлы невозможно». Своимъ проектомъ о составленіи новаго уложенія Посошковъ возвышается и надъ своимъ великимъ предшественникомъ на политико-литературномъ поприщѣ — Крижаничемъ, который, какъ мы видѣли, также обратилъ вниманіе на эту не менѣе разрушительную въ его время язву общественную — неправосудіе и который также настоятельно требовалъ правды.

(I, 7, 89; II, 21, 222). Но не только тогда не осуществилось это желанiе Крижанича, а даже и послѣ, Посошковъ не надѣялся, чтобы сильные люди согласились установить правду, «дабы не быти самимъ отъ праваго суда потиснутымъ»; онъ прямо высказывалъ опасенiе, что «сильники» постараются даже препятствовать насажденiю правды, будутъ «препинати въ сочиненiи праваго изложенiя». И Посошковъ остался правъ въ этомъ случаѣ, потому что несправедливости стараго суда пережили петровское время и позднѣе вызывали новыя жалобы, вполнѣ подтверждающiя слова Посошкова [1]). Тѣмъ не менѣе, своею мыслью объ измѣненiи стараго уложенiя и изданiи новаго «свода», Посошковъ является не только современникомъ Петра, а его сподвижникомъ, единомышленникомъ: извѣстно, что Петръ Великiй замышлялъ увѣнчать свое царствованiе изданiемъ свода законовъ; дѣло было начато, новое уложенiе составлялось, какъ смерть Петра положила конецъ этому дѣлу.

Первая глава второй третицы посошковскаго «трекратнаго трекратiя» занята разсужденiемъ о купечествѣ и торговлѣ (стр. 5—6, 112—139). Какъ истый политико-экономъ, онъ убѣжденъ въ громадной важности для государства торговли, считая купечество «украшенiемъ царства». «Купечество воинству товарищъ: воинство воюетъ, а купечество помогаетъ и всякiя потребности имъ уготовляетъ». «Торгъ дѣло великое! Купечествомъ всякое царство богатится, а безъ купечества и малое государство быть не можетъ. Яко душа безъ тѣла не можетъ быть, такъ и воинство безъ купечества. Нѣтъ на свѣтѣ такого чина, коему бы купецкiй человѣкъ не потребенъ былъ» и проч. Поэтому, нужно «о купцахъ попеченiе имѣть неоскудное; подъ великимъ охраненiемъ блюсти ихъ надлежитъ и отъ обидъ оберегати, дабы во убожество не входили и Его Величеству приплодъ бы несли, интересъ его умножали. Между тѣмъ, положенiе купечества было далеко незавидное; въ общественной жизни оно не пользовалось никакимъ уваженiемъ и стояло въ ряду самыхъ низшихъ, презрѣнныхъ сословiй: несмысленные люди по словамъ Посошкова, ни во что ставили купечество, гнушались имъ, бояре не ставили

---

1) Напр. Кн. М. М. Щербатовъ описываетъ состоянiе русскаго судопроизводства въ чертахъ совершенно сходныхъ съ Посошковымъ; и онъ напр. свидѣтельствуетъ „о презрѣнiи узаконенiй“, о „лихоимственной продажѣ правосудiя“ и пр. О поврежденiи нравовъ. Рус. стар. 1870 г. ч. 2, стр. 4 и 5.

купечество и въ яичную скорлупу, на грошъ готовы были промѣнять его. Торговыя операціи купцовъ сопровождались страшными злоупотребленіями. Едва только возникшее, купечество не могло сообразоваться съ новыми формами и требованіями; оно не составляло даже особаго сословія: «люди всякаго чина: и отъ синклита, и отъ офицеровъ, и отъ дворянства, и отъ приказныхъ, и отъ церковныхъ причетниковъ, и крестьяне, торговали пролазомъ, утайкою, воровски, безъ пошлиннаго платежа». Самая торговля «чинилась вельми неправо: другъ друга обманываютъ и другъ друга обидятъ, товары худые закрашиваютъ, цѣну берутъ непрямую, между собою союзства не имѣютъ, другъ друга ѣдятъ — и тако вси погибаютъ. Обманами всѣхъ вельми изъянятъ и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ, и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, и въ цѣнѣ облыгаютъ», и пр. и пр. Посошковъ предлагаетъ прежде всего выдѣлить купеческое сословіе, возвысить его въ государствѣ, воспретивъ торговлю всѣмъ, которые не хотятъ «промышлять прямымъ лицомъ, съ платежомъ пошлинъ. Буде же у кого желаніе есть въ купеческій чинъ вписатися, надлежитъ ему быть подъ вѣдѣніемъ магистратскимъ и пошлину платить». Для надзора за честностію въ торговлѣ, «ради неподвижныя въ купечествѣ правды», Посошковъ совѣтуетъ избрать изъ купцовъ же десятскихъ, сотскихъ и пр., а на товары установить таксу (Зав. от. 189—192 с.).

Торговля, естественно, обращала на себя и прежде вниманіе русскихъ политиковъ. Но если и во время Посошкова она далека была отъ правильной органической постановки, то неудивительно, что мы встрѣчаемъ отзывы о болѣе неудовлетворительномъ состояніи русской торговли въ болѣе ранніе періоды. Котошихинъ описываетъ самую первобытную форму торговли въ его время: «торгуютъ всякихъ чиновъ люди, вездѣ, всякими торговыми промыслы»; берутъ съ нихъ, въ качествѣ пошлины въ казну, «что доведется взяти» (стр. 111 и 192) и пр. Крижаничъ свидѣтельствуетъ о крайней неразвитости русской торговли: «земля сія», говоритъ онъ о Россіи, «мало торговищъ имаетъ и товаровъ», потому что «люди не умѣтельны къ торгованію, — разумы косны и тупы, требуютъ обостренія, то есть поученія; а къ тому лѣнь противится» (I, 8, 13, 42 стр.). Въ видахъ государственнаго обогащенія и Крижаничъ совѣтуетъ усилить торговлю; проектируетъ преграждение «всякаго самоторжія» и нѣкоторыя правила, обезпечивающія цѣлесообразность торговыхъ отправленій (I, 12, 13, 325, 20).

Какъ бы непосредственнымъ продолженіемъ разсужденія о торговлѣ, слѣдуетъ въ 5-й главѣ Книги о скудости и богатствѣ разсужденіе «о художествѣ», т. е. о ремесленной производительности на Руси (стр. 6, 140—153). Посошковъ посвящаетъ этому частному вопросу цѣлую главу, въ видахъ важности предмета съ точки зрѣнія государственной экономіи и какъ человѣкъ лично заинтересованный, — потому что и самъ Посошковъ былъ промышленникъ, изобрѣтатель, механикъ. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, возмущали его злоупотребленія въ этой сродной и излюбленной имъ сферѣ дѣятельности. «Въ художественныхъ мастерствахъ весьма неисправно дѣлается у насъ, начинаетъ Посошковъ. Первое злоупотребленіе въ этомъ отношеніи Посошковъ видитъ въ неразвитости добраго мастерства (= Зав. от. 185 с.). Это же зависитъ отъ недостаточнаго обученія и вообще отъ неправильной постановки дѣла въ ученіи ремесламъ: ученикъ, «отдавшись въ наученіе лѣтъ на 5—6 и годъ-другой поживъ, да мало-мало понаучась, прочь отойдетъ, да и станетъ дѣлать собою, и цѣну спуститъ, — и мастера оголодитъ, и себя не накормитъ, да такъ вѣкъ свой изволочитъ — ни онъ мастеръ, ни онъ работникъ». При недостаткѣ же настоящихъ мастеровъ, «много у насъ гніетъ добра», безъ всякаго примѣненія и пользованія имъ. Что же касается самостоятельнаго развитія художествъ, изобрѣтеній, то всякій боится руки приложить, потому что ничѣмъ не ограждена неприкосновенность открытій: «не смѣютъ вымысловъ своихъ объявить, понеже вымышляя и дѣючи пробу, изубытчится, а егда достигнетъ, другіе, увидя у него, начнутъ дѣлать тая-жъ дѣла и цѣну спустятъ и тако кормъ отнимаютъ». Въ предотвращеніе этихъ и подобныхъ злоупотребленій, Посошковъ совѣтуетъ закономъ оградить строгое исполненіе «уреченнаго срока» въ наученіи ремесламъ у мастеровъ; требуетъ ручательства мастеровъ въ своихъ издѣліяхъ; проектируетъ устройство новыхъ фабрикъ, даже табачныхъ плантацій и т. п. Особенное вниманіе Посошковъ, какъ человѣкъ религіозный, обращаетъ на «иконное мастерство», которому, по его мнѣнію, «наипаче всѣхъ художествъ научиться надобно» и надзирателямъ за которымъ «надлежитъ быть самымъ умнымъ и искуснымъ людямъ». Посошковъ тѣмъ болѣе останавливается на этомъ, что «такъ небрежительно иконы пишутъ», по его словамъ, «что иныя страшно и видѣти, — тѣлесные члены пишутъ какихъ невидано ни у какого человѣка и ни въ коемъ человѣкѣ не обрящеши» (= Зав. от. 188). Посошковъ

даже предлагаетъ краткую теорію иконописи и подробно излагаетъ программу особой иконной азбуки, каковую «надлежитъ сдѣлать и написать русскимъ манеромъ». Нужно удивляться энциклопедическимъ познаніямъ Посошкова и его удивительной предусмотрительности!

Вопросъ о ремеслахъ не пройденъ молчаніемъ и у Крижанича. «Ремесла, по его мнѣнію, корыстнѣе для кралевства, нежели лучшія рудокопины и златыя горы». Благоразумно, по этому, имѣть особенную «скорбь о ремеслахъ». Для благоустройства ремесленнаго производства и Крижаничъ предлагалъ нѣкоторыя мѣры, повторенныя послѣ Посошковымъ, такъ напр. онъ требовалъ также, чтобы «всякій ученикъ ученіе свое оканчивалъ у одного учителя (I, 30 и т. д. стр.).

Въ статьѣ о разбойникахъ, которая слѣдуетъ непосредственно за статьею о художествѣ (стр. 6, 154—170), Посошковъ предлагаетъ въ высшей степени невыгодную картину общественнаго спокойствія и безопасности въ древней Россіи. Это величайшее зло, какъ извѣстно, особенно привилось въ Россіи и если остатки его искоренялись уже на нашей памяти, то въ до-петровскую эпоху оно царило во всей силѣ. Нѣтъ, поэтому, ни одного болѣе или менѣе обстоятельнаго сочиненія о состояніи тогдашней Россіи, въ которомъ не упоминалось бы о разбойникахъ. Котошихинъ вообще относительно грабежей и разбоевъ въ русской землѣ дѣлаетъ замѣчаніе, что «натура московскихъ людей небогобоязливая», и указываетъ далѣе отсутствіе всякой безопасности даже въ городахъ: «по улицамъ грабятъ и убиваютъ»; въ случаѣ же какой нибудь ночной церемоніи, «сыщется того дни мертвыхъ людей убитыхъ и зарѣзанныхъ больше ста человѣкъ» (стр. 17). Онъ же пишетъ, что учрежденъ былъ особый «разбойной приказъ», въ который приводили «князей, бояръ и простыхъ людей, изыманныхъ на разбоѣ, или татьбѣ, или въ смертномъ убійствѣ и въ поджогѣ, и въ иныхъ воровскихъ дѣлахъ» (стр. 90). Съ свидѣтельствомъ Котошихина согласно показаніе Крижанича. «Многіе чинятся разбои и татьбы», говоритъ послѣдній. «Едва преминетъ ночь, въ которую не нашлось бы многихъ убіенныхъ (въ Москвѣ), особенно во время великихъ праздниковъ, когда многіе упиваются». Однажды напр. «начтено было 15 мертвецовъ на одномъ только Земскомъ дворѣ. Также и внѣ Москвы многіе разбои чинятся» (I, т. 162 стр.). При Петрѣ Великомъ, вслѣдствіе всеобще-народнаго возбужденія и усилившейся скудости, грабежи и разбои усилились. «Во всѣхъ государствахъ христіанскихъ

и даже басурманскихъ», сознается Посошковъ, «нѣтъ такихъ разбоевъ, каковы у насъ на Руси». Разбойничество до того сдѣлалось общераспространеннымъ, что пріобрѣло нѣкоторую систематическую организацію, «ибо не токмо по 10 или 20 человѣкъ, но бываетъ по сту и по двѣсти человѣкъ въ артели и больше». Русскій народъ до того свыкся съ этимъ возмутительнымъ зломъ, что иногда рѣшительно симпатизировалъ ему; такъ, обыкновенно помѣщики и князья, не ради крайности, а просто для охоты и развлеченія дѣлались подорожными разбойниками, «великими озорниками и губителями» [1]). Простой народъ до того присмотрѣлся и освоился съ грубыми насиліями воровъ и разбойниковъ, что считалъ это дѣло самымъ обыкновеннымъ, если даже не законнымъ; поэтому напр., «сосѣди, если и слышатъ и видятъ, какъ сосѣда воры разоряютъ и до смерти замучиваютъ, на выручку нейдутъ и ворамъ даютъ волю». Итакъ, «чинятся вездѣ разбои, деревни разбиваютъ и сожигаютъ, крестьянъ жгутъ, до смерти запытываютъ». Прямую причину усиленія разбоевъ Посошковъ видитъ въ слабости законовъ и злоупотребленіяхъ подъячихъ. «Указы на воровъ у насъ учинены вельми милостиво ворамъ, такъ что и поимки не боятся: поймавъ вора или разбойника у насъ не могутъ съ нимъ разстаться,—посадятъ въ тюрьму, да кормятъ его, будто добраго человѣка, и держатъ въ тюрьмѣ лѣтъ десять и двадцать, такъ что ихъ много уходитъ». Еще болѣе приносила вреда въ данномъ случаѣ потачка отъ судей, которые уличившихся въ разбоѣ, не только знатныхъ лицъ, а даже и слугъ отъ «сильнаго лица, или ябедоватаго, или свойственнаго себѣ, или хлѣбосольца, отпускаютъ на волю, такъ что крестьяне и дворовые, надѣючись на своихъ помѣщиковъ, смѣло воруютъ». Но еще болѣе спасала разбойниковъ отъ преслѣдованія «молитва денежная».

Объ истребленіи всеконечномъ воровъ и разбойниковъ мое мнѣніе лежитъ сицевое, пишетъ Посошковъ: «учинить сотскихъ, десятскихъ..., чтобы тыи накрѣпко смотрѣли, чтобъ никто и изъ высокихъ персонъ безвѣдома никуда не уѣзжалъ, а брали бы отпускныя письма. Буде кто вѣдаетъ о разбойникахъ, объявилъ бы безъ утайки (а буде утаитъ — смертная казнь). Дать страхъ судьямъ и подъячимъ, чтобъ ворамъ не потакали

[1]) Множество примѣровъ, подтверждающихъ слова Посошкова, мы находимъ въ запискахъ современника Желябунскаго.

и не берегли ихъ. Древніе указы о ворахъ многоплодные отставить и учинить указъ новый, краткостный».

Седьмая и осьмая главы Книги о скудости и богатствѣ содержатъ разсужденія о положеніи крестьянъ, ихъ отношеніи къ помѣщикамъ и о землѣ, какъ главной и исключительной статьѣ крестьянскаго содержанія и богатства (стр. 7, 171—208). Кромѣ этихъ двухъ главъ, спеціально занятыхъ крестьянствомъ, многія отдѣльныя замѣчанія о крестьянахъ разсѣяны и въ другихъ главахъ и во всѣхъ сочиненіяхъ Посошкова, такъ что вопросъ о положеніи крестьянъ является однимъ изъ преобладающихъ въ сочиненіяхъ Посошкова. А это, при множествѣ самыхъ разностороннихъ предметовъ, затронутыхъ Посошковымъ, несомнѣнно доказываетъ важность, которую онъ придавалъ устройству крестьянскаго сословія въ общей системѣ тогдашняго государственнаго строя. Посошковъ весьма подробно разсматриваетъ положеніе русскаго крестьянина въ 1-й половинѣ XVIII вѣка, говоритъ о недостаткахъ и злоупотребленіяхъ въ его жизни, указываетъ много дѣльныхъ мѣръ, которыя могли бы упрочить его благосостояніе. Изъ сочиненій Посошкова мы узнаемъ, что печальный бытъ крестьянъ въ ту пору обусловливался общею неустановившеюся еще организаціею государства. Главнымъ бѣдствіемъ для крестьянъ была та же, замѣчаемая во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ сферахъ государственной жизни, бѣдность: «крестьянское житіе скудостно» — такъ начинаетъ Посошковъ главу о крестьянствѣ и далѣе подробно излагаетъ свой взглядъ на причины этой скудости. Бѣдственное положеніе крестьянъ происходитъ «ни отъ чего инаго, токмо отъ своея ихъ лѣности, а потомъ, отъ неразсмотрѣнія правителей, отъ помѣщичья насилія и отъ небреженія ихъ» (= Зав. от. 176 с.). Обыкновенная тѣснота и скученность крестьянскихъ поселеній также весьма часто служила причиною «всеконечнаго разоренія, потому, въ тѣснотѣ аще у кого загорится дворъ, то вся деревня выгоритъ, ни одного двора не останется, у иного ни хлѣба, ни скота не останется». Важнымъ препятствіемъ къ народному благосостоянію были столь многочисленные въ ту пору разбои и грабежи. Совершенное отсутствіе грамотности тоже давало себя чувствовать въ практической жизни крестьянства. Неблагонамѣренные люди находили полную возможность безпрепятственно злоупотреблять народнымъ невѣжествомъ: пріѣдетъ въ деревню, говоритъ Посошковъ, кто нибудь «съ указомъ или безъ указа, да скажетъ, что указъ у него

есть, то тому и вѣрять, и отъ того пріемлютъ себѣ излишніе убытки; потому что всѣ крестьяне слѣпы, ничего не видятъ и не разумѣютъ. Многіе безъ указа пріѣхавъ, пакости имъ чинятъ великія и въ поборахъ много съ нихъ излишнихъ денегъ емлютъ» При изслѣдованіи причинъ народнаго убожества, не могла не обратить вниманія на себя совершенная разобщенность, враждебныя отношенія между крестьянами. Посошковъ такъ много придаетъ этому значенія, что высказываетъ надежду: «аще бы крестьяне жили всѣ въ одну душу, союзно, другъ другу обидъ не чинили, то бы всѣ были сыты и житіе ихъ было святое». Наконецъ, причину народной бѣдности Посошковъ видитъ въ неумѣньи крестьянъ обращаться съ источниками своего довольства, въ ихъ хозяйственной безтактности, «несмысліи». Какъ строгій практикъ и спеціалистъ-хозяинъ, Посошковъ осуждаетъ крестьянъ за то, что они губятъ молодые лѣса, рубятъ на дрова строевыя деревья, обрываютъ непоспѣлые орѣхи и тѣмъ губятъ «царственную прибылицу, понеже спѣлые орѣхи идутъ въ Персиду, въ Шведы и во иныя мѣста», ловятъ недорослую рыбу, отъ чего не токмо царскій интересъ, но и у ловцовъ тѣхъ прокорма пропадаетъ» и пр. и пр. Въ противовѣсъ указаннымъ причинамъ скудости крестьянской, Посошковъ предлагаетъ положительныя мѣры къ улучшенію ихъ быта. Такъ онъ проектируетъ надзоръ за добросовѣстностію въ трудахъ крестьянскихъ, чтобъ никто не сталъ лежебочить, не изгулялся, и лежа, не потрудився, не ѣлъ бы хлѣба». Для предохраненія отъ непредвидимаго разоренія, напр. въ пожарѣ, Посошковъ предлагаетъ новую распланировку селъ: «не сплошь дворъ подлѣ двора, но съ переступкою, гнѣздами». Противъ открытыхъ разбоевъ, желаетъ ввести дружный отпоръ всего населенія деревни, или даже совокупныхъ силъ нѣсколькихъ деревень, «съ ружьемъ, съ крючьемъ, съ дубьемъ». Чтобъ ввести грамотность въ народѣ, Посошковъ совѣтуетъ даже «поневолить» крестьянъ учить дѣтей. Въ качествѣ учителей онъ рекомендуетъ единственно образованныхъ въ селахъ лицъ, которые и донынѣ суть едва ли не самые популярные цивилизаторы простонародья, дьячковъ. Наконецъ, Посошковъ желаетъ оградить строгими правилами цѣлость частныхъ статей общественнаго хозяйства, особенно лѣса.

Далѣе Посошковъ разсматриваетъ положеніе крестьянъ въ отношеніи ихъ къ помѣщикамъ. Въ то время, не смотря на всѣ заботы и усилія Петра Великаго объ улучшеніи быта крѣпостныхъ людей, указы его имѣли

мало силы, отъ тяжести цѣлыхъ милліоновъ, по выраженію Посошкова, тянувшись подъ гору, въ противоположную сторону. Помѣщики наши еще до Петра умѣли утвердить огромныя права надъ своими крестьянами: еще по словамъ Котошихина, «вѣдали, судили своихъ крестьянъ во всякихъ дѣлахъ, сами налагали подати, сколько съ кого взяти». Правда, въ жалованныхъ на помѣстья грамотахъ помѣщикамъ внушалось беречь крестьянъ, но самыя эти безпрестанныя подтвержденія и постоянные побѣги крестьянъ должны свидѣтельствовать о слабомъ соблюденіи подобныхъ внушеній. Между тѣмъ, при существованіи крѣпостнаго права и соединеннаго съ нимъ вѣчно-обязательнаго труда, устройство быта крестьянъ не могло никогда достигнуть прочнаго обезпеченія, такъ какъ, при корыстныхъ разсчетахъ большинства помѣщиковъ и при переходахъ крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому — то по куплѣ, то по наслѣдству — положеніе ихъ было подвергаемо безпрестаннымъ измѣненіямъ. Посошковъ такъ характеризуетъ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ: «помѣщики на крестьянъ своихъ налагаютъ бремена неудобоносимая; есть такіе безчеловѣчные дворяне, что въ работную пору не даютъ крестьянамъ единаго дня, еже бы что на себя сработать и тѣмъ крестьянство въ нищету пригоняютъ. Который крестьянинъ станетъ посытѣе, на него и подати прибавятъ. Многіе говорятъ: крестьянину-де не давай обрости, но стриги, яко овцу, догола. И тако творя, царство пустошатъ, понеже такъ ихъ обираютъ, что у иного и козы не оставляютъ». Въ разореніи крестьянъ и вообще въ тяжеломъ ихъ положеніи Посошковъ находилъ объясненіе другаго въ высшей степени вредно отзывавшагося общественнаго зла — крестьянскихъ побѣговъ. «Отъ нужды», продолжаетъ Посошковъ, «домы свои оставляютъ и бѣгутъ въ зарубежныя мѣста; чужія страны населяютъ, а свою пусту оставляютъ». А сколь велико было количество бѣжавшихъ, видно изъ выраженной Посошковымъ увѣренности, что если всѣ крестьяне возвращены будутъ изъ бѣговъ, то «во всей Россіи всю пустоту населятъ; даже порожнія пустоши будутъ населяться». Еще Крижаничъ ставилъ одною изъ причинъ «нуждъ русской земли» пустоту, невоздѣланность ея, что, въ свою очередь, объяснялъ крутымъ, жестокимъ законоставіемъ (т. I стр. 155, 297).

Сознавая всю невыгоду положенія помѣщичьихъ крестьянъ, Посошковъ не могъ, однако, дойти до мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права; напротивъ, онъ убѣжденъ, что положеніе крестьянъ потому и плохо,

что они еще мало укрѣплены за помѣщиками, какъ ихъ полная собственность: «крестьяномъ помѣщики *не вѣковые владѣльцы,* того ради они ихъ *не берегутъ;* прямой ихъ владѣлецъ Самодержецъ, а они владѣютъ временно». Чтобъ оградить своихъ односословниковъ отъ грубаго произвола помѣщиковъ, Посошковъ совѣтуетъ «указнымъ расположеніемъ» предотвратить насилія, «чтобъ крестьяномъ сносно было государеву подать и помѣщику заплатить, и себя прокормить». Много я размышлялъ, говоритъ Посошковъ, «како бы право поборы съ крестьянъ собирать», — и вотъ предлагаетъ новый способъ поборовъ, не по воротамъ и избному дыму, какъ это прежде было, а по надѣлу земли. Главною основою крестьянскаго труда и богатства Посошковъ считалъ землю; ее онъ называетъ самымъ гобзовитымъ данникомъ великаго государя и къ ней исключительно желаетъ привязать рабочія руки крестьянъ, даже воспрещая имъ другія занятія, какъ напр. торговлю. Надѣлъ помѣщичьихъ крестьянъ поземельными участками долженъ былъ привести къ двоякой цѣли: къ опредѣленію податныхъ сборовъ въ казну и къ опредѣленію размѣра оброка и барщинныхъ работъ въ пользу помѣщика. Для удобства, Посошковъ предлагаетъ разверстать землю на цѣлые дворы, на полдворы, четверти и осьмыя доли двора. И по той землѣ расположить подати надлежащіе въ казну и прочіе поборы. При введеніи системы поземельнаго сбора, необходимо было прежде всего размежевать землю, и Посошковъ весьма подробно говоритъ о способахъ межеванія, о составленіи межевыхъ плановъ, канцеляріи и проч.

Въ высокомъ взглядѣ на крестьянскій трудъ Посошковъ сходится съ Крижаничемъ, который также въ земледѣліи видѣлъ «всему богатству корень и основаніе: тежакъ бо кормитъ и богатитъ и себя, и ремесленника, и торговца, и боярина, и краля». Но такъ какъ на взглядъ Крижанича русскій народъ и въ тежачествѣ былъ косенъ, то авторъ «Политики» и совѣтуетъ обратить особенное вниманіе «на умноженіе и на совершеніе тежачества», какъ одного изъ «наилучшихъ и наипотребнѣйшихъ промысловъ» (т. I стр. 41 — 43). Впрочемъ, въ разсужденіи о земледѣліи и соприкасающихся къ этому частныхъ вопросахъ Крижаничъ далеко не такъ обстоятеленъ и свѣдущъ, какъ крестьянинъ Посошковъ.

Въ IX-й и послѣдней главѣ Книги о скудости и богатствѣ Посошковъ сгруппировалъ все, частію уже высказанное имъ въ предшествующихъ главахъ, о государственномъ хозяйствѣ и о сборахъ въ царскую

казну (стр 8, 209—259). Онъ находитъ и въ этой области крупныя упущенія и злоупотребленія. «Собранное надобно блюсти: охраненіе добрый товарищъ собиранія» — таково общее начало, положенное Посошковимъ въ основаніе главы. Но не смотря на всѣ финансовыя затрудненія и государственную скудость, въ Россіи не умѣли какъ должно пользоваться собраннымъ. «Въ Новгородѣ видѣлъ я», расказываетъ Посошковъ въ примѣръ, «двѣ палаты накладены были конской сбруи и иныхъ полковыхъ припасовъ, и все то сгнило и пропало, и весь тотъ припасъ вырыли изъ палатъ лопатами, и на колико сотъ рублевъ того было, Богъ вѣсть. Въ такихъ небреженіяхъ много казны съ сего свѣта погибаетъ». Въ собираніи царскаго интереса также, по словамъ Посошкова, не весьма право дѣялось: «ибо покушаются съ одного вола по двѣ и по три кожи содрать, а елико ни нудятся, токмо лоскутье сдираютъ; хощутъ излишнюю пошлину взять, да и истинную истеряли». Кромѣ насилій надъ бѣдными крестьянами, Посошковъ находитъ неблагоразумные поборы въ торговлѣ, именно поборы мелочные: «чтобы сборы пополнить вымыслили сборы поземельные, подушные, хомутейные, банные» и пр. и пр. Между тѣмъ за этими мелочными сборами «нельзя быть сборамъ пошлиннымъ великимъ» и т. д. Но особенно при банкротствѣ казны и разореніи народа возмутительны были злоупотребленія, которыми сопровождались сборы пошлинъ. «Люди приходятъ въ оскудѣніе отъ многихъ сборовъ, потому что колико разныхъ сборовъ есть, толико и бурмистровъ, а у всякаго бурмистра цѣловальники и ходоки особые. Всѣ они кормятся тѣми же государевыми деньгами, — сборныя деньги крадутъ. И того ради, несборы никакіе сборы, а люди всѣ тонѣютъ». Не смотря на всѣ заклятія и присяги, служилые люди такъ скоро «въ грѣхъ впадаютъ, что и перваго дня безъ кражи не пробудутъ». При сборахъ пошлины, напримѣръ съ торговли солью, «бурмистровъ, цѣловальниковъ, управителей, работниковъ, надзирателей тысячъ 5—6 есть, а всѣ они, будто черви, точатъ тое-жъ соль, нищу пріобрѣтаютъ отъ тоя-жъ соли», между тѣмъ какъ народъ «отъ безсолицы помираетъ». «И питейный сборъ весьма неисправно дѣется, и отъ того царскаго интересу много тратится». Неисправности въ этомъ случаѣ кроются въ продажѣ ненастоящаго вина, въ корыстолюбіи бурмистровъ, завѣдывающихъ питейными сборами, и въ самоволіи помѣщиковъ, которые и ногою съ государевымъ питьемъ на свою землю не пускаютъ, питья отымаютъ, посуду

разбиваютъ, а строятъ свои кабаки, называя ихъ квасняии. Наконецъ, Посошковъ обращаетъ вниманіе на плавленіе монетъ: «о денежномъ дѣлѣ нужно тщаніе великое приложить. О семъ не единымъ умомъ, но острыми и твердыми умы помыслить, какъ бы деньги устроити, дабы онѣ прочны, непорочны и похвальны были». Разсужденіе о деньгахъ вызвано было постепенно вкрадывавшимся злоупотребленіемъ: сравнивая старинныя и современныя монеты, Посошковъ замѣтилъ, какъ серебро въ нихъ постепенно ухудшалось; «а нынѣ иноземцы приглашаютъ прилагать въ деньги мѣди». Посошковъ счелъ своею обязанностію предупредить правительство «о тѣхъ новоначинающихся деньгахъ, яко вельми къ воровству способны».

Параллельно раскрытію злоупотребленій въ государственномъ хозяйствѣ и сборахъ, Посошковъ предлагаетъ мѣры къ ихъ исправленію. Рекомендуя вообще бережливость, онъ предлагаетъ свои практическія соображенія, напр. о матеріалѣ для постройки кораблей, о канатахъ, употребляемыхъ на казенныхъ судахъ, и проч. Вмѣсто «противныхъ и неприличныхъ» мелочныхъ сборовъ, Посошковъ предлагаетъ свою систему сборовъ «постоянныхъ, недвижимыхъ и никогда ненарушимыхъ». Въ предосторожность отъ противозаконныхъ расхищеній собираемой казны, предлагаетъ цѣлый рядъ мѣръ, начиная съ выбора въ бурмистры особенно надежныхъ, честныхъ лицъ и кончая обезпеченіемъ ихъ посредствомъ опредѣленнаго жалованья. Какъ спеціалистъ въ винномъ дѣлѣ, Посошковъ много разсуждаетъ о средствахъ извлеченія изъ него пользы государственной. Главнымъ образомъ въ этомъ отношеніи онъ желаетъ подчинить производство и продажу вина исключительно надзору государственному, установить опредѣленную доброкачественность и цѣну винамъ. Наконецъ, подробно говоритъ Посошковъ объ исправленіи денежнаго дѣла, при чемъ, кромѣ цѣнности самаго матеріала, обращаетъ особенное вниманіе на изображеніе царскаго наименованія на монетахъ: «мы не серебро почитаемъ, ниже мѣдь цѣнимъ, но намъ честно и сильно именованіе Его Величества; у насъ толь сильно Его Пресвѣтлаго Величества слово, аще бы повелѣлъ на мѣдной золотниковой цатѣ положить рублевое начертаніе, то бы она за рубль и ходить стала во вѣки вѣковъ неизмѣнно».

Въ предложенномъ анализѣ Книги о скудости и богатствѣ мы постарались извлечь историческія свѣдѣнія, познакомиться со взглядомъ Посошкова на современное состояніе Россіи, съ ея тогдашними недостатками, требовавшими немедленнаго, радикальнаго исправленія. Но нельзя сказать, чтобъ этимъ только и исчерпывался интересъ его книги. Изъ множества частныхъ вопросовъ, затрогиваемыхъ здѣсь, считаемъ не лишнимъ въ заключеніе остановиться на особенно выпукломъ вопросѣ объ иноземцахъ, въ ихъ отношеніи къ Россіи. Вопросъ этотъ, играющій одну изъ самыхъ видныхъ ролей во всѣхъ сочиненіяхъ Посошкова, въ данномъ сочиненіи разсмотрѣнъ съ точки зрѣнія политической экономіи. Всесторонняя критическая провѣрка соціальнаго положенія Россіи всюду даетъ Посошкову поводъ обращать вниманіе на иностранные порядки, на степень иноземнаго вмѣшательства въ нашемъ отечествѣ. Особенно ощутительно было это вмѣшательство иностранцевъ въ русской торговлѣ и промышленной производительности. Поэтому, 4-я и 5-я главы Книги о скудости и богатствѣ (о купечествѣ и художествѣ) наполовину посвящены Посошковымъ знакомству съ иноземцами въ русской торговлѣ и промышленности. Что касается взгляда Посошкова на иностранцевъ въ этомъ отношеніи, то основанія его кроются еще въ предшествовавшей исторіи, какъ и самое явленіе иноземцевъ во главѣ русской торговли и промышленности предшествовало эпохѣ Петра. Еще со времени Іоанна III стали приглашать въ Россію изъ Венеціи и другихъ странъ «заморскихъ мастеровъ», и уже съ того времени иноземцы являются въ Россіи въ качествѣ архитекторовъ, типографщиковъ и пр., являются въ службѣ: въ войскѣ, въ посольскомъ приказѣ и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ производилась торговля, гдѣ можно было устроить какое либо выгодное промышленное предпріятіе. Опытность въ дѣлахъ, многостороннее, сравнительно, образованіе, покровительство вліятельныхъ лицъ, добываемое подкупомъ и взятками, сообщили пришельцамъ рѣшительный перевѣсъ надъ русскими. Само правительство первоначально предоставляло иностранцамъ, какъ учителямъ нашимъ, нѣкоторыя весьма важныя льготы, въ видѣ, напримѣръ, безпошлинной торговли (при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ), между тѣмъ какъ русскіе купцы должны были платить пошлины на каждомъ шагу при покупкѣ и продажѣ товаровъ. Мало по малу иностранцы захватили въ свои руки всѣ важнѣйшіе торговые пункты въ Россіи. Это зло въ значительной степени осложнялось отъ злоупотребленій, которыя себѣ дозволяли ино-

странцы-торговцы, напримѣръ превышеніе цѣны товаровъ сверхъ договора, ввозъ къ намъ запрещенныхъ товаровъ и т. п. Ропотъ противъ насилій и недобросовѣстности соперниковъ русской торговли послышался еще ранѣе Петра и Посошкова. Алексѣю Михайловичу подана была жалоба отъ русскихъ торговыхъ людей, въ которой, высказавъ жалобы на неправду англійскихъ торговцевъ, они просили государя «не дать имъ, сиротамъ, отъ иновѣрцевъ быть въ вѣчной нищетѣ и не пущать ихъ къ Москвѣ» [1]). Отвсюду слышались жалобы, что «торжишки у насъ стали гораздо худы, потому что ихъ отняли иноземцы» [2]). Крижаничъ, ратующій вообще противъ всякаго иноземнаго вмѣшательства въ дѣла Россіи, одну изъ главныхъ причинъ государственнаго упадка видитъ въ томъ, «аще въ торгахъ отъ окольныхъ народовъ нашъ народъ хитростію ся обмаляетъ и нищаетъ». «Инородское торгованіе — земли разореніе» и пр. Поэтому, Крижаничъ требовалъ совершеннаго изгнанія иностранцевъ изъ Россіи и предоставленія всѣхъ отраслей торговли и промышленности исключительно Русскимъ (т. I стр. 39, 325, 23, т. II стр. 73, 271, 57).

Какъ патріотъ и человѣкъ коммерческій, Посошковъ счелъ своею обязанностію явиться обличителемъ зла, происходящаго отъ иностранцевъ. Онъ горько жалуется на ихъ несправедливости, со всею дерзостію совершавшіяся въ прежнее время, и радуется наступленію новаго времени, новыхъ порядковъ. «Плохо ли иноземцамъ было надъ нами ломаться тогда, когда наши монархи въ купеческія дѣла не вступали, а управляли бояре. Пріѣхавъ, они, иноземцы, засунутъ сильнымъ персонамъ подарокъ рублевъ во сто — другое, а за сто сдѣлаютъ они прибыли себѣ полмилліону. Цѣня наши деньги, они всякимъ своимъ товарамъ цѣну возвысятъ, наложатъ цѣну двойную да тройную». Въ мастерскихъ работахъ они «токмо о томъ и пекутся, чтобъ деньги взять за работу. Имъ то надобно, чтобъ они одни славились и богатѣли-бъ, а мы бы отъ нихъ изъ рукъ глядѣли». «А нынѣ, слава Богу, монархъ нашъ вся сія самъ разсмотрѣлъ, и подлѣзть имъ уже нельзя» (стр. 122, 212). Такимъ образомъ, Посошковъ надѣялся на Петра Великаго, по его мнѣнію, лучше прежнихъ царей умѣвшаго обезпечить интересы русской торговли. Но на этомъ Посошковъ не успокоивается: онъ желаетъ предостеречь Государя, установить болѣе опредѣленныя отношенія къ иноземцамъ. Онъ

[1]) Ученыя Записк. Казан. Унив. 1857 г. № 4 стр. 60.

[2]) Исторія Россіи, Соловьева. Т. IX стр. 304 и 316.

силится возбудить ожесточенную войну противъ иностранныхъ купцовъ, требуетъ самыхъ радикальныхъ враждебныхъ мѣръ противъ нихъ и уже надѣется на безусловную побѣду. «Хотя они и хитры, а аще увѣдаютъ нашего купечества твердое положеніе, упрямство свое и гордость нехотя отложатъ: нужда пригоняетъ и къ поганой лужѣ». Кромѣ возстановленія русскаго купечества, Посошковъ стремится торговыя сношенія съ иностранцами подчинить опредѣленнымъ основаніямъ; онъ предлагаетъ: допускать только обоюдную торговлю съ иноземцами (мѣну товаровъ), и то съ позволенія «командира купеческаго управленія»; установить строгій контроль за доброкачественностію привозимыхъ товаровъ и мастерскихъ издѣлій, производимыхъ ими въ Россіи; предполагаетъ опредѣлять «настоящую цѣну» ихъ товарамъ. При томъ, подъ опасеніемъ штрафа, «только тѣ надлежитъ заморскіе товары покупать, безъ коихъ намъ пробыть не мочно, а иныя ихъ нѣмецкія затѣйки и прихоти пріостановить, дабы напрасно изъ Руси богатства не тащили», и пр. (стр. 119, 144, 124, 138). Въ этихъ видахъ — ограниченія иностранной торговли на Руси, Посошковъ, съ обычною практичностію, стремится изгнать всякіе признаки роскоши и неразсчетливости въ жизни русскаго народа. Онъ вооружается, напр., противъ привоза стеклянной посуды, непрочныхъ матерій, пуговицъ, платковъ, суконъ солдатскихъ, «потому что наши русскія сукна, аще и дороже заморскихъ станутъ, обаче тыи деньги изъ царства вонъ не выйдутъ»; «наипаче же запретить касаться заморскихъ питій» и пр. «Нѣмцы только выхваляютъ то, отъ чего бы пожитокъ кой имъ припалъ; они какую бездѣлицу ни привезутъ, то надсѣдаясь хвалятъ, чтобы мы больше у нихъ купили» (стр. 125, 127, 135, 124). Подобныя подозрѣнія къ иностранцамъ Посошковъ повторяетъ и въ доношеніи къ Головину. «Дивлюся и недоумѣваюся, пишетъ онъ здѣсь, что сказываются нѣмцы люди мудры и правдивы, а учатъ все насъ неправдою, во всякихъ дѣлахъ себя и свою братію хранятъ и возносятъ, а насъ ни во что вмѣняютъ. Они ради, чтобъ мы въ поношеніи были и всегда ихъ за господъ себѣ имѣли» (Соч. Пос. т. I стр. 272 = Зерцало л. 208). Поэтому, «вѣрить имъ вельми опасно, — мню, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ дураки». Такія же подозрѣнія относительно русскихъ цивилизаторовъ высказывалъ и другой знаменитѣйшій русскій патріотъ — Ломоносовъ. Стремясь къ очищенію отечества отъ иноземцевъ и самостоятельному развитію русской промыш-

ленности, онъ съ негодованіемъ вооружался противъ недобросовѣстности нѣмцевъ-учителей. Говоря, напр., о совершенной неразвитости аптекарскаго искусства въ средѣ русскихъ людей, онъ замѣчаетъ: «стыдно и досадно слышать, что ученики россійскаго народа, будучи по десяти и больше лѣтъ въ аптекахъ, никакихъ лекарствъ составить не умѣютъ; а ради чего? — затѣмъ, что аптекари держатъ еще учениковъ-нѣмцевъ, русскіе-же у нихъ при рѣшетѣ и при угольѣ до старости доживаютъ, учениками и умираютъ» [1]).

Итакъ, Посошковъ всюду подозрѣвалъ несправедливости иностранцевъ и стремился къ освобожденію Россіи отъ всякихъ услугъ съ ихъ стороны. Въ то же время онъ былъ полонъ національной гордости, самоувѣренности въ силѣ и способностяхъ русскаго человѣка: «иноземцы такіе-жъ люди, какъ и мы; егда у насъ гражданскій уставъ будетъ твердъ, то наши художники могутъ превышати ихъ». «Иноземцы не отъ небеси пришли, а такіе-жъ люди, что и мы, и у нашихъ людей такія-жъ руки». «Нѣмцы умнѣе насъ науками, а наши остротою не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно». Что же касается торговли съ иностранцами, то «мы можемъ прожить и безъ ихъ товаровъ, а они безъ нашихъ (матеріальныхъ) прожить не могутъ. Того ради, подобаетъ намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовати предъ нами (стр. 147, 282, 273, 122). Насъ, Россіянъ, благословилъ Богъ хлѣбомъ и медомъ, и всякихъ питей довольствомъ: водокъ у насъ такое довольство, что и числа имъ нѣтъ, пива у насъ предорогія, меды у насъ преславные; табаку намъ можно кораблями за море отпускать; полотенъ можно на всю Европу наготовити»; однимъ словомъ, «добра у насъ много» (стр. 136, 137, 150, 141 = Рус. гос. въ пол. XVII ст. I т. 47 стр.). Но высказывая столь заманчивыя и отрадныя для патріотическаго сердца предположенія и надежды, Посошковъ, однако, сохранилъ себя отъ крайняго увлеченія, — онъ воздержался отъ огульнаго порицанія иностранщины и не требуетъ безусловнаго разрыва съ ней; напротивъ, какъ человѣкъ практически разсудительный, Посошковъ съ завистію смотрѣлъ на добрые порядки, заведенные въ чужихъ земляхъ, на знанія, которыми располагаютъ иноземцы» [2]). Отсюда, поставляя въ необходимость русскому народу «свой умъ дер-

[1]) Соч. Ломон. изд. Смирдина. Т. I, стр. 646.

[2]) Примѣры уваженія иностр. порядковъ: т. I стр. 71, 84, 87, 140, 165 и пр. Зерцало л. 208.

жати» (стр. 138), въ то же время Посошковъ вовсе не прочь отъ пересадки въ Россію чужестранныхъ добрыхъ плодовъ науки и опытности, и, вооружаясь исключительно противъ причинъ государственнаго разоренія, противъ того, «чтобъ русскія деньги изъ царства вонъ не ушли», онъ настоятельно желаетъ, чтобъ русскіе люди переняли иноземныя мастерства (стр. 127, 151). А для этого, естественно, вытекала необходимость «добыти мастеровъ добрыхъ. Надлежитъ Его Величеству призвать къ себѣ иноземцевъ отъ военныхъ, отъ мастеровыхъ, отъ докторовъ, аптекарей...., аще и съ трудомъ, а вельми надобно ихъ добыти и учениковъ имъ дать, чтобъ тому мастерству нашихъ русскихъ людей научили» (151, 152 = у Крижанича I т. 31, 39, 76, 134 стр.). «Буде кто иноземецъ пріѣдетъ въ Русь художникъ добрый, мастерства именитаго, тому дать домъ и отдать ему въ наученіе человѣкъ десять и больше, чтобъ училъ ихъ прилежно и нескрытно; и буде выучитъ противъ себя, надлежитъ съ награжденіемъ его отпустить, съ честію, чтобъ, на то воздаяніе зря, и иные мастеровые люди выѣзжали и всякія бы мастерства въ Руси размножали» (стр. 145). Высказанныя желанія Посошкова были въ то же время желаніями и Петра, который сознавалъ недобросовѣстное поведеніе иностранцевъ въ русской торговлѣ и промышленности[1]), и который поощрялъ въ Русскихъ переимчивость иностранной техники[2]). Такимъ образомъ, мысли Посошкова сходились съ мыслями Петра, хотя послѣдній и не могъ никогда сдѣлаться сторонникомъ національнаго антагонизма въ такой мѣрѣ, какъ Посошковъ. Петръ былъ посредникомъ между цивилизаціей Запада и русскимъ народомъ, между тѣмъ какъ Посошковъ, во многихъ отношеніяхъ, оставался старовѣромъ, исходя изъ традиціонно-религіозныхъ воззрѣній на все иноземное-иновѣрное, — но объ этомъ рѣчь ниже.

Разсмотрѣнное сочиненіе Посошкова вызываетъ читателя на многія мысли. Прежде всего приходится пожалѣть, что остался въ безвѣстности этотъ трудъ человѣка, принадлежащаго, по своимъ началамъ, къ кругу тѣхъ немногихъ свѣтлыхъ личностей, которыя жертвуя собою, готовы

---

[1]) Напр. Пол. Соб. Закон. Россійск. Имп. Т. I № 3017.

[2]) Журналъ Минист. Народ. Просв. 1876 г. № 2 стр. 310.

были нести слово правды къ царямъ и народамъ. Посошковъ опоздалъ съ своимъ трудомъ, чтобъ обратить на него и на себя вниманіе преобразователя Россіи, между тѣмъ какъ онъ имѣлъ несомнѣнное право на это вниманіе, могъ сдѣлаться государственнымъ дѣятелемъ, сподвижникомъ въ трудахъ великаго Императора, которому крайне нужны и дороги были люди, подобные Посошкову. Извѣстно, что Петръ Великій, выдающеюся чертою духовной природы котораго было правдолюбіе и ненависть ко всякой лжи, всегда самъ требовалъ правды отъ своихъ подданныхъ. «Весело слышать, — говорилъ онъ, — когда сыны отечества королю говорятъ явно правду»[1]). Но если сочиненіе Посошкова не получило прямаго, дѣйствительнаго значенія въ свою пору, то за нимъ всегда неотъемлемо останется важное значеніе въ исторіи цивилизаціи русскаго народа вообще и его литературѣ въ частности. Какъ бы то ни было, но несомнѣнно что по духу своему сочиненіе Посошкова представляетъ въ нашей литературѣ единственное въ своемъ родѣ произведеніе, въ которомъ убогій, мизерный крестьянинъ дерзаетъ указывать самодержавному владыкѣ недостатки и ошибки его правленія и смѣло даетъ ему совѣты въ томъ, какъ улучшить бытъ народа, защитить слабаго отъ сильнаго, воцарить правду на землѣ. Полной чести и вниманія Посошковъ заслуживаетъ и за то, что, высоко чтя царскую власть, онъ далекъ былъ отъ языка льстецовъ. Напротивъ, какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ его сочиненіяхъ, найдется весьма много выраженій, которыя раскрываютъ печальную правду предъ глазами государя, обнаруживаютъ ошибочность и безуспѣшность многихъ его начинаній, и весьма мало можно подыскать мѣстъ, которыя бы отзывались неискреннею восторженностью и напыщенною хвалою. Притомъ, Посошковъ имѣлъ въ виду представить свое сочиненіе Петру уже въ ту пору, когда Императоръ могъ думать, что, послѣ продолжительныхъ трудовъ и постоянныхъ заботъ, онъ уже устроилъ окончательно свою державу. Слѣдовательно, представляя Петру печальную картину тогдашней Россіи, Посошковъ рисковалъ оскорбить самолюбіе царственнаго труженика.

Мы не останавливались на проектахъ Посошкова, и не наше дѣло судить объ ихъ экономическомъ достоинствѣ, тѣмъ болѣе, что мы имѣ-

[1]) Достоп. повѣств. и рѣчи Петра Великаго. Москвитянинъ 1842 г. част. II, анекд. 6-й.

емъ таковые отзывы судей, болѣе компетентныхъ въ данномъ отношеніи. Что же касается нравственнаго достоинства мыслей Посошкова, то, не укоряя его за то, что онъ подчинялся иногда понятіямъ своего времени и являлся въ сочиненіяхъ твердымъ, хотя во всякомъ разѣ безсознательнымъ поборникомъ многихъ идей, самовластно господствовавшихъ въ то время (какъ напримѣръ: взглядъ на одного человѣка, какъ на законную собственность другаго, допущеніе купли и продажи людей, требованіе смертной казни и пр.), и извиняя всю ошибочность подобныхъ воззрѣній духомъ того времени.—должно сказать, что Посошковъ высказалъ весьма много мыслей, совершенно вѣрныхъ въ своихъ основаніяхъ, проводилъ порою такія воззрѣнія, которыя были совсѣмъ чужды тогдашнимъ общимъ понятіямъ и которыя между тѣмъ имѣли важное общественное значеніе. Его описаніе всесторонняго состоянія русскаго государства и народа, составляя во многихъ чертахъ теперь уже достояніе исторіи, изобличаетъ въ авторѣ глубокое пониманіе русскаго быта. Его совѣты отличаются здравымъ практическимъ взглядомъ, въ нихъ видно близкое знакомство съ тогдашнимъ бѣдственнымъ положеніемъ народа, что особенно было важно въ ту эпоху, когда Петръ пересаживалъ въ Россію иностранные порядки, не всегда притомъ соображаясь съ народнымъ духомъ. Въ своихъ сочиненіяхъ, Посошковъ, какъ представитель народа, современникъ реформъ Петра, прекрасно оцѣнилъ эти реформы, не увлекаясь на сторону защитниковъ старины, но и не находя безъ исключенія хорошими нововводимые порядки въ томъ видѣ, какъ они заводились. Смѣлые, всегда жизненные и въ большинствѣ разумные проекты Посошкова останавливаютъ и теперь на себѣ вниманіе, заслуживаютъ и въ настоящее время глубокаго уваженія. Такъ напримѣръ, въ высшей степени замѣчателенъ предлагаемый Посошковымъ способъ составленія новаго уложенія, — способъ, въ которомъ должны были выразиться не одни только юридическія понятія государственной власти, но и всѣ живыя потребности и нужды цѣлаго народа. Замѣчателенъ проектъ общаго совѣта господъ и дворянъ о дѣлахъ своихъ и крестьянскихъ. Разсужденія о неправомъ судѣ и введеніи правосудія не лишены смысла и значенія и въ настоящее время, потому что Россія только съ недавняго времени получила настоящій судъ, построенный на вполнѣ правыхъ основаніяхъ. Къ разряду свѣтлыхъ мыслей Посошкова принадлежатъ также мысли: о возстановленіи духовенства, о матеріальномъ его обезпеченіи, объ образованіи, объ устройствѣ обще-

ственныхъ благотворительныхъ заведеній, о межеваніи и проч.: всѣ эти проекты обличаютъ въ Посошковѣ мыслителя, во многихъ отношеніяхъ далеко опередившаго свой вѣкъ. Выписки, приведенныя нами изъ разныхъ мѣстъ книги Посошкова, показываютъ, какой ясный взглядъ имѣлъ этотъ простой русскій человѣкъ на различныя причины общественныхъ и домашнихъ неустройствъ. Эти взгляды человѣка еще первыхъ дней XVIII столѣтія сдѣлали бы честь многимъ людямъ даже нашего времени. Въ приводимыхъ нами словахъ Посошкова отражается личность его самого и дѣлается совершенно яснымъ его право на названіе замѣчательнаго русскаго дѣятеля, изшедшаго изъ среды народа и вытерпѣвшаго на своемъ вѣку много бѣдствій и горя, которыя основательно познакомили его съ русскою жизнью и сообщили его сочиненіямъ достоинство истины.

„Зерцало очевидное“.

Библіографическія замѣчанія о составѣ и редакціяхъ Зерцала очевиднаго.

Зорко слѣдилъ Посошковъ за теченіемъ современной жизни, чутко прислушивался онъ къ волненіямъ въ общественномъ сознаніи. Какъ человѣкъ прежде всего религіозный, онъ прежде всего оглядѣлъ общенародное колебаніе религіозной мысли, шатаніе русской православной вѣры. И однимъ изъ первыхъ, по времени написанія, явилось у Посошкова «Зерцало очевидное», — громадное богословско-полемическое сочиненіе, своимъ объемомъ превосходящее всѣ другія сочиненія Посошкова. Двоякая опасность грозила тогда русскому православію; съ двухъ сторонъ, два равно опасныхъ врага тревожили его миръ и неприкосновенность. Внутри русской церкви въ ужасающихъ размѣрахъ поднялся расколъ, какъ неразумное стояніе въ старинѣ, какъ протестъ преобразованіямъ, оппозиція всякой новизнѣ въ жизни вообще и въ сферѣ церковной особенно; съ другой стороны, извнѣ дѣятельно вторгался еще болѣе пугавшій русскихъ людей врагъ — лютеранство, ближайшимъ образомъ, и вольнодумство вообще, какъ направленіе крайняго либерализма, какъ прямая противоположность старовѣрческой косности и консерватизма. Врагъ всякихъ крайностей, порожденныхъ петровскою эпохою, Посошковъ рѣшился въ своемъ сочиненіи подвергнуть посильной критикѣ оба крайнія направленія, взялся поразить обоихъ враговъ въ ихъ основаніяхъ, разбить въ принципѣ тѣ источники, изъ которыхъ возникалъ и распространялся съ одной стороны духъ крайняго обскурантизма, съ другой — духъ опаснаго вольнодумства, т. е. русскій расколъ старообрядства и основоположенія лютеранства. Отсюда двѣ части «Зерцала очевиднаго», два обстоятельныхъ, законченныхъ полемическихъ трактата, вошедшихъ въ составъ его: «Зерцало на раскольниковъ обличеніе» и глава «О иконоборцахъ».

Въ настоящее время не остается уже никакого сомнѣнія въ томъ, что Зерцало Посошкова существовало въ двухъ редакціяхъ — полной и сокращенной. Судя по сравнительной количественности сохранившихся экземпляровъ, сокращенная редакція была распространена гораздо болѣе. По крайней мѣрѣ намъ извѣстны теперь четыре сохранившіеся экземпляра сокращенной редакціи Зерцала: два экземпляра, принадлежавшіе Погодину и легшія въ основу его печатнаго изданія, третій экземпляръ, принадлежащій Костромскому Бѣлбажскому монастырю, и четвертый экземпляръ, оказавшійся во Флорищевой пустыни (Нижегор. губ.)[1] Въ полной же редакціи Зерцало Посошкова, насколько намъ теперь извѣстно, сохранилось только въ единственномъ экземплярѣ[2]), который принадлежитъ Казанской Духовной Академіи и хранится въ ней подъ № 1663. При существованіи въ печати только сокращеннаго Зерцала, полная его редакція доселѣ не только оставалась неизвѣстною, но даже и самое существованіе ея только развѣ предполагалось. Между тѣмъ, по сравнительному богатству содержанія и по интересу цѣлой второй половины (о иконоборцахъ), полная редакція Зерцала, и независимо отъ изданной уже въ сокращенной редакціи своей первой части, представляется замѣчательнымъ богословско-полемическимъ произведеніемъ древне-русской письменности, любопытнѣйшимъ литературнымъ памятникомъ, такъ что и единственный имѣющійся списокъ ея въ рукописи академической библіотеки является безусловною и дорогою рѣдкостью.

Зерцало очевидное (таково именно заглавіе полной редакціи) въ рукописи занимаетъ 245 листовъ, во 2-ю долю листа, убористой скорописи. По объему своему оно по крайней мѣрѣ въ три раза болѣе сокращеннаго изданія; по содержанію же представляетъ подробнѣйшее развитіе тѣхъ главныхъ пунктовъ и существенныхъ доводовъ полемики Посошкова, которые составили собою редакцію сокращенную, съ присоединеніемъ и

---

[1]) Свѣдѣнія о послѣднемъ экземплярѣ мы получили отъ извѣстнаго нашего палеографа, А. Е. Викторова, который разсматривалъ эту рукопись.

[2]) Малочисленность сохранившихся намъ списковъ какъ этого, такъ равно и другихъ сочиненій Посошкова — его Завѣщанія отеческаго, Книги о скудости и богатствѣ, — свидѣтельствующая о малораспространенности этихъ сочиненій и въ свое время, объясняется, по нашему мнѣнію, содержаніемъ этихъ сочиненій. Достаточно указать на то, что они переполнены рѣзкими жалобами на иностранцевъ и самыми беззастѣнчивыми укорами ихъ; а иностранцы, какъ извѣстно, имѣли въ ту пору громадный вѣсъ и вліяніе на Руси.

совершенно новыхъ предметовъ обсужденія, даже не упомянутыхъ въ редакціи сокращенной. Но прежде всего, существенная разница между двумя редакціями очевидна уже во внѣшнемъ планѣ книги и распорядкѣ частей. Въ сокращенной редакціи все сочиненіе дѣлится на 26 главъ, между тѣмъ какъ въ полной редакціи — только на 23. Напримѣръ, пятая и шестая главы погодинскаго изданія: «О распятіи Христовѣ» и «О разбойникахъ, съ Нимъ распятыхъ» въ рукописи соединены въ одну шестую главу; десятая и одиннадцатая — «О причащеніи тѣла Христова» и «О мерзости запустѣнія» — въ одну десятую; шестнадцатая и семнадцатая: «О символѣ вѣры» — въ пятнадцатую: «О символѣ вѣры и о книжномъ исправленіи». Двадцать вторая глава: «О направленіи заблудшихъ» въ рукописи представляетъ собою «третіе предисловіе книги». Кромѣ болѣе или менѣе значительныхъ варіантовъ между печатнымъ погодинскимъ изданіемъ и полною редакціею академической рукописи, въ послѣдней есть цѣлыя громадныя бесѣды, каковыхъ въ первомъ нѣтъ; напр., въ главѣ 18-й «О сложеніи перстовъ» (соотвѣтствуетъ погодинской 22-й) приложены лишнія: «бесѣда первая объ отпадшихъ отъ благочестія», «бесѣда вторая о томъ же», «еще православнымъ совѣтъ», «бесѣда третья православнымъ», «бесѣда четвертая раскольникамъ». Глава 5-я: «О крестѣ» (соотвѣтствуетъ погодинской 4-й) содержитъ въ себѣ въ рукописи пять бесѣдъ (вмѣсто трехъ) и два приложенія къ раскольникамъ, и пр. Кромѣ того, почти каждая глава въ полной редакціи оканчивается «приреченіемъ», въ которомъ, обыкновенно, Посошковъ обращается къ заблудшимъ съ послѣднимъ словомъ относительно разсмотрѣннаго пункта, съ окончательнымъ выводомъ изъ всей главы. Наконецъ, въ полномъ спискѣ находимъ цѣлыя главы, совсѣмъ пропущенныя въ сокращенной редакціи, — это 2-я глава: «О лжи, яко изыде она отъ діавола» и 23-я: «О иконоборцахъ и люторскомъ безумномъ мудрованіи». Въ высшей степени замѣчательна и любопытна эта послѣдняя глава, представляющая и по содержанію, и по построенію совершенно особое, законченное полемическое сочиненіе противъ лютеранъ.

Подлинность полной редакціи Зерцала и принадлежность его Посошкову не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Обиліе доказательствъ этого прямыхъ, фактическихъ, совершенно освобождаетъ насъ отъ обязанности указывать на внутреннее родство Зерцала очевиднаго съ другими сочиненіями Посошкова, на его очевидное сходство съ Завѣщаніемъ

отеческимъ во многихъ пунктахъ содержанія, по складу, языку и по общему направленію и характеру. Самъ Посошковъ оставилъ непререкаемыя доказательства подлинности Зерцала. Такъ напр. въ Завѣщаніи отеческомъ онъ говоритъ между прочимъ: «о раскольничихъ лжеправостяхъ *явихъ въ книзѣ Очевиднаго Зерцала*» (стр. 4). Очевидно, Посошковъ ссылается на свое собственное сочиненіе и притомъ на полную его редакцію, такъ какъ доселѣ извѣстная сокращенная редакція Зерцала носитъ и иное заглавіе. Далѣе, въ Завѣщаніи отеческомъ сказано, что «о символѣ» говорится въ 15 главѣ Зерцала (Зав. от. 88 стр.), что 18 глава Зерцала посвящена вопросу «о перстосложеніи» (стр. 76), — всѣ эти ссылки, несходныя съ погодинскимъ изданіемъ сокращеннаго Зерцала, буквально соотвѣтствуютъ полному списку рукописи. Весьма важное значеніе въ вопросѣ о подлинности полнаго Зерцала имѣетъ въ частности глава о иконоборцахъ. На эту главу неоднократно ссылается также самъ Посошковъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ и отсутствіе ея въ доселѣ извѣстномъ сокращенномъ спискѣ Зерцала служило прямымъ поводомъ къ сомнѣнію въ подлинности послѣдняго. Такъ напр. въ предрѣчіи къ Завѣщанію отеческому Посошковъ говоритъ: «для извѣстія зловѣрія люторскаго *въ Очевидномъ Зерцалѣ* прочти *23 главу*» (Зав от. 6 стр.). Въ томъ же Завѣщаніи, въ 3 главѣ, Посошковъ дѣлаетъ такую ссылку: «а прочее, аще кто восхощетъ о люторскомъ житіи, той да зритъ *въ Очевидномъ Зерцалѣ, въ 23 главѣ*,—тамо бо многія ихъ пакости можетъ узрѣти и уразумѣти» (стр. 49). Доселѣ эти ссылки Посошкова не имѣли никакого смысла, потому что ничего соотвѣтствующаго имъ въ печатномъ текстѣ сокращеннаго Зерцала не находилось; теперь же, съ открытіемъ полной редакціи, онѣ вполнѣ объясняются, находя въ ней точнѣйшее себѣ соотвѣтствіе. Наконецъ, считаемъ не лишнимъ привести здѣсь приписки, находящіяся въ нашей рукописи и прямо свидѣтельствующія о принадлежности сочиненія рукописи Посошкову. Ссылкою на автора рукопись начинается и оканчивается; въ началѣ книги имя автора скрыто въ формѣ древняго, такъ называемаго, числоваго тайнописанія, а въ концѣ — оно прямо обозначено. Именно, послѣ заглавія и стихотворныхъ эпиграфовъ на книгу, положенныхъ св. Димитріемъ Ростовскимъ, въ концѣ 1-го листа значится:

«Писавша имя 63 числа имать въ себѣ званно,
«Прозваніемъ же 512 являетъ всѣмъ ся значно».

Число 63 есть сумма славянскихъ цифръ, входящихъ въ имя — Иванъ, а 512 — сумма цифръ фамиліи — Посошковъ. На послѣднемъ же листѣ рукописи, непосредственно за окончаніемъ сочиненія, стоитъ приписка: «трудивыйся Иванъ Посошковъ прощенія проситъ».

Что касается происхожденія разныхъ редакцій Зерцала, то можно полагать, что обѣ онѣ принадлежали самому Посошкову и что «Зерцало очевидное», т. е. редакція полная, предшествовало появленію «Зерцала на раскольниковъ обличенія», т. е. редакціи сокращенной. На заглавныхъ листахъ списковъ Зерцала приводятся, обыкновенно, стихотворные эпиграфы св. Димитрія Ростовскаго на эту книгу. При этомъ, одно стихотвореніе озаглавливается: «на книжицу, Зерцаломъ названную», а другое: «на книжицу малую»; въ рукописи, сверхъ того, поставлено предъ вторымъ стихотвореніемъ заглавное замѣчаніе: «и паки повторяя (т. е. Д. Ростовскій), написа сице». Эти надписи наводятъ на мысль, что Димитрій Ростовскій неоднократно перечиталъ Зерцало, что ему извѣстны были обѣ редакціи Зерцала: полная редакція — вообще «книжица, Зерцаломъ названная» и сокращенная редакція — «книжица *малая*». Очевидно, представлялъ ихъ Димитрію Ростовскому самъ Посошковъ, каждую въ отдѣльности и притомъ сначала полную редакцію, а потомъ уже сдѣланное извлеченіе изъ полной, сокращенную редакцію, такъ какъ стихи «на малую книжицу» Димитрій Ростовскій написалъ, «паки повторяя», т. е. уже во второй разъ читая трудъ Посошкова, послѣ перваго ознакомленія съ нимъ по редакціи полной.

Послѣ этихъ библіографическихъ замѣчаній, вызванныхъ еще совершенною неизвѣстностію въ литературѣ полной редакціи Зерцала вообще и казанской академической рукописи въ частности, начнемъ историко-литературное обозрѣніе ея содержанія. По сущности дѣла, по совершенно самостоятельному характеру внѣшняго построенія главы «о иконоборцахъ» и, наконецъ, для удобства въ разсмотрѣніи, дѣлимъ Зерцало очевидное на двѣ особыя части.

I.

„Зерцало на раскольниковъ обличеніе"

(I—XXII гл. Зерцала очевиднаго).

Полемическая противораскольническая литература въ Россіи до Посошкова.—Историко-литературное значеніе его сочиненія.—Состояніе раскола въ началѣ XVIII в. по Посошкову.—Взглядъ Посошкова на расколъ. — Существенные пріемы и характеръ полемики Посошкова.

«Зерцало на раскольниковъ обличеніе» Посошкова посвящено специальному разсужденію о расколѣ, какъ объ одномъ изъ самыхъ замѣтныхъ, самыхъ выдающихся явленій въ современной жизни. Заявившій себя въ это время во всей силѣ и упорствѣ, расколъ однако не былъ уже тогда новостью въ русской жизни. Точно также и сочиненіе Посошкова не было первымъ въ своемъ родѣ; оно слѣдовало за многими другими, въ которыхъ былъ уже указанъ путь и направленіе въ полемикѣ съ расколомъ.

Русскій расколъ, сущность котораго характеризуется возведеніемъ обряда, простой формы на степень божественныхъ догматовъ, священныхъ правилъ, былъ явленіемъ жизненнымъ, подготовленнымъ всею многовѣковою жизнію русскаго народа, съ самаго начала его историческаго существованія. Догматизированіе обряда, слѣпое пристрастіе къ формѣ и вѣра въ нее, доходящая до поруганія здраваго смысла, естественно вышли изъ особыхъ условій односторонняго направленія всей древне-русской жизни церковно-религіозной. Своимъ возникновеніемъ расколъ предупредилъ реформу Петра. Грустнымъ и неизбѣжнымъ результатомъ вѣками взлелѣяннаго, закрѣпленнаго умственнаго невѣжества, съ одной стороны, и крайне-обрядоваго направленія — съ другой, явилось церковное разно-

гласіе и раздѣленіе, со всею силою и полнотою обнаружившееся еще въ началѣ второй половины XVII вѣка. Церковныя исправленія, начатыя Никономъ, послужили сигналомъ къ обнаруженію разногласія, къ выдѣленію разномыслящихъ изъ нѣдръ православной церкви и образованію изъ нихъ особаго общества, пріобрѣтшаго въ нашей исторіи печальную извѣстность подъ именемъ русскаго раскола старообрядства. Ревнители старины увидѣли въ реформахъ Никона посягательство на разореніе и искорененіе отцепреданнаго православія и благочестія, рядъ новшествъ, введенныхъ въ среду святой древности, новую вѣру, которою врагъ Божій — Никонъ вздумалъ затмить свѣтлосіяющее русское православіе. Вѣрныя чада прародительскаго благочестія собрали все, что они находили нарушеннымъ въ національной русской вѣрѣ, и составили себѣ поистинѣ новую вѣру, прикрытую авторитетомъ древне-русскаго, до-никоновскаго, только ни въ какомъ случаѣ не подлиннаго, старообрядчества. Еще опредѣленнѣе и энергичнѣе поднялся расколъ при Петрѣ. Всестороннее преобразованіе древняго національнаго порядка и новое устройство Россіи вывело расколъ изъ сферы церковно-богослужебной и обнаружило въ немъ оппозицію противъ всякаго рода преобразованій, протестъ не только церковнымъ новшествамъ, а и преобразованіямъ чисто гражданскимъ, нововведеніямъ государственнымъ. Прогрессивная и цивилизаторская дѣятельность Петра возбудила въ раскольникахъ рѣшительное фанатическое упорство и противодѣйствіе, какъ окончательное, по ихъ ложно-апокалипсическому воззрѣнію, проявленіе новаго, антихристіанскаго духа.

Страшныя смуты, производимыя оппозиціонною партіею, разумѣется, очень скоро, съ самаго обнаруженія послѣдней, обратили на себя вниманіе правительства и церкви. Большой Московскій соборъ, разсуждавшій о новоявившихся «еретикахъ и раскольникахъ», нашелъ возможнымъ принять противъ нихъ мѣры только карательныя, какъ единственно находящіяся въ распоряженіи, при отсутствіи мѣръ болѣе гуманныхъ, образовательныхъ [1]). Результаты были, однако, слишкомъ не блестящи. Гоненія только укоренили въ раскольникахъ антипатіи и ненависть, придали имъ бо́льшую выгоду въ глазахъ толпы, выгоду гонимыхъ: у нихъ явились свои страдальцы, свои мученики... Прикрываясь авторитетомъ под-

---

[1]) П. С. З. т. I № 412; Приб. къ Акт. Истор. V, стр. 427, 486, 487.

вига, страданія, раскольники проповѣдывали, что православіе падаетъ, что патріархъ и его духовенство отступили отъ истины. Конечно, страшное впечатлѣніе производили ихъ выходки противъ именъ, съ которыми набожные русскіе люди привыкли соединять нравственное освященіе и неприкосновенность. «Патріархъ, архіереи — еретики, измѣнники православію!»[1]), — и это говорили люди, тоже облеченные нравственнымъ авторитетомъ, начитанностію, готовностію страдать за истину. «Намъ не даютъ высказать истины, обличать неправду; вмѣсто того, чтобъ обращаться съ нами кротко, убѣждать съ тихостію, они насъ пытаютъ и жгутъ!» Само собою разумѣется, что подобныя заявленія со стороны раскольниковъ имѣли непосредственный смыслъ вызова къ полемикѣ, къ борьбѣ словесной. Духовенство, по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, понимало этотъ вызовъ, чувствовало свою обязанность; но въ то же время оно съ горечью должно было сознаться въ своемъ безсиліи, неподготовленности для защиты своего ученія и паствы. «Како оплакати имамъ нерадѣніе наше пастырское о цѣлости церкве святыя?» взывалъ Стефанъ Яворскій, обращая свое слово къ духовенству и подобными напоминаніями желая «отъяти поношеніе еретиковъ, соблажняющихся о невѣжествѣ духовныхъ ли о лѣности»[2]). Но безсиліе духовенства въ борьбѣ съ расколомъ было настолько очевидно, что не одни только образованные пастыри русской церкви усиленіе раскола поставляли въ зависимость отъ невѣжества и недостатковъ духовенства. Посошковъ, при всемъ глубочайшемъ своемъ уваженіи въ принципѣ къ духовенству, долженъ, однако, былъ сознаться, что «вина погибели раскольниковъ токмо отъ неученыхъ священниковъ; аще бы попы были разумѣтельны, то ни коими дѣлы раскольникамъ въ простомъ народѣ множитися было бы не возможно и возникнути имъ было бы некако. А нынѣ вельми вкоренилась раскольницкая ересь. А вся сія гибель чинится отъ пресвитеровъ, ибо и отъ дурацкаго раскола не знаютъ чѣмъ оправити себя, а ихъ обличить и запретить крѣпко не разумѣютъ, или на пѣнязи склоняются». (О школахъ ркп. л. 1 об.; Соч. Пос. I, 4 и 10 стр.).

При такихъ критическихъ обстоятельствахъ, тѣ немногія личности, составлявшія счастливое исключеніе изъ тогдашняго духовенства, которыя

---

[1]) Соловьевъ. Чт. о Петрѣ В. стр. 27.

[2]) Камень вѣры т. I стр. 204, 206, 208.

чувствовали въ себѣ силу къ умственному труду, тѣмъ болѣе сочли своею обязанностію выступить на защиту попираемаго православія и пораженіе раскола съ оружіемъ слова. Тѣмъ болѣе и для насъ должны быть цѣнны труды этихъ немногихъ избранниковъ, въ ряду которыхъ мы съ гордостію должны поставить и своего крестьянина Ивана Посошкова.

Кромѣ «Зерцала» Посошкова, въ полемической противораскольнической литературѣ второй половины XVII и первой XVIII в. отмѣтимъ, какъ самыя крупныя и обстоятельныя, слѣдующія сочиненія: «Жезлъ правленія» Симеона Полоцкаго, «Увѣтъ духовный» патріарха Іоакима, «Пращица» Питирима, еп. Нижегородскаго, и «Розыскъ о брынской вѣрѣ» Димитрія Ростовскаго. Чтобы составить понятіе объ общемъ направленіи и характерѣ тогдашней полемической литературы на Руси, познакомимся въ общихъ чертахъ съ этими поименованными сочиненіями.

Сочиненіе Симеона Полоцкаго: «Жезлъ правленія»[1]) имѣло своимъ назначеніемъ «нелѣпые упразднити расколы и крамольные истребити мятежи, во еже бы всѣмъ единаго Бога едиными усты воспѣвати». Достиженію этой цѣли служатъ двѣ части сочиненія, изъ которыхъ въ 1-й по пунктамъ «возобличаются» основныя положенія (въ числѣ 30) главнаго расколоучителя Никиты; во 2-й, по тому же плану, опровергаются 70 положеній другаго «равнаго Никитѣ хулителя на церковь — Лазаря попа». Въ виду того, что «мнози нынѣ въ россійской церкви возстають, молву и смятеніе творящіи, клевещуще и нелѣпыми лжуще лаяими, годствуетъ намъ — говоритъ авторъ — отвѣтствовати на безуміе, на ложь и клеветы, да узрятъ буйство свое, да непщуютъ безъ возобличенія быти неправедная своя обличенія» (Жезлъ правл. стр. 4, 71). И вотъ, Полоцкій предлагаетъ «многимъ трудомъ сооруженный жезлъ правленія, утвержденія, наказанія и казненія... Се воздвизаемъ жезлъ мысленный, вѣрнымъ на спасеніе и правленіе, колеблющимся на утвержденіе, непокоривымъ въ наказаніе, волковъ хищныхъ на пораженіе» (ч. I, л. 7 об.). Въ предисловіи самъ авторъ охарактеризовалъ направленіе своего сочиненія: «да не безмѣрны явимся въ обличеніи, неже во ученіи». Сообразно этому,

---

[1]) При написаніи «Жезла», Полоцкій обильно пользовался противораскольническимъ сочиненіемъ Паисія Лигарида: «Отвѣты обличительные на церковныхъ противниковъ». Это сочиненіе, составленное по опредѣленію собора 1666 г., написано было на греческомъ языкѣ и переведено Полоцкимъ. Др. и нов. Россія 1875 г. ч. 3 стр. 17.

прямыя обращенія къ раскольникамъ занимаютъ въ книгѣ, сравнительно, мало мѣста. Обыкновенно, поставивъ извѣстное положеніе расколоучителей, въ своемъ изобличеніи Полоцкій исключительно занимается его разсмотрѣніемъ. Только иногда, какъ бы между прочимъ, и большею частію въ концѣ своего отвѣта Полоцкій обращается съ своими замѣчаніями къ раскольникамъ. Но и этого достаточно, чтобъ видѣть сущность его взгляда на расколъ и объяснить характеръ его полемики. Полоцкій смотритъ на расколъ, какъ на плодъ невѣжества и слѣдствіе ожесточенія въ борьбѣ, обусловливаемаго гордостію раскольниковъ, приводящаго ихъ къ умопомраченію, побуждающаго даже на клевету. «Никита съ своими единомышленниками безуменъ есть, невѣжда и клеветникъ»; расколъ — «слѣпота, безуміе, вражда, злоба и клевета безстудная» (стр. 41, 103).

Въ разумѣ грамматическомъ, по свидѣтельству Полоцкаго, расколоучители были столь скудоумни, что не владѣли искусствомъ правильно читать; «ихъ чтеніе — слѣпыхъ невѣждъ читаніе», они «не умѣютъ чести по препинаніямъ», — а это и было причиною многихъ заблужденій, потому что «не на своихъ мѣстахъ положивъ словесъ препинаніе», они «растерзаютъ православное разумѣніе» (л. 99, 23). Тѣмъ болѣе раскольники были невѣжды въ языкѣ греческомъ, на который, однако, они ссылались: «Никита прилагаетъ, яко гречестіи книги суть растлѣнны, а самъ онъ не вѣсть алфа гречески прочести» (л. 42 об., 78, 81, 117 об. и др.). Но «поврежденные умомъ», они «не точію въ граматицѣ погрѣшаютъ, но и еретичествомъ развращаютъ», потому что не въ силахъ понять многое въ Словѣ Божіемъ: «на богословіе вооружися, море хотѣ изслѣдити, на брезѣ тонутъ. Слѣпіи невѣжды, внегда вознести очеса своя мрачная въ солнце богословскія премудрости, паче помрачаются. Не вѣдая и не постизая силы словесъ предложенныхъ», они «нестерпимыми лжами клевещутъ на церковь, здравая и полезная мертвяще и скаредующе» (л. 122 об., 43 об., 20, 113 об.). Въ то же время, какъ «орудіе прегордаго, праклятаго діавола», какъ «чада эхидны», раскольники заражены духомъ гордости: «прегордый Никита уподобився умомъ падшей денницѣ, горделивецъ, той же гордости и люди учитъ» (л. 81 об., 83, 35).

Сообразно такому взгляду на расколъ и его причины, Полоцкій и направляетъ свои обличенія. Опровергая заблужденія раскольниковъ, онъ не довольствуется только указаніемъ на свидѣтельства Слова Божія, пи-

саній отеческихъ и древнѣйшихъ памятниковъ богослужебной письменности, но тщательно раскрываетъ смыслъ приводимыхъ свидѣтельствъ, смыслъ непонятый или ошибочно перетолкованный раскольниками. Мало того, онъ часто обращается къ грамматикѣ и посвящаетъ «слѣпыхъ невѣждъ въ грамматическомъ разумѣ» въ правильный, научный разборъ извѣстныхъ выраженій, приводитъ грамматическія правила, чтобъ показать, какъ «сама грамматика нашу правду явѣ творитъ» (л. 76, 23, 44, 98, 101 об., ссылается даже на руководство М. Смотрицкаго л. 118 об.). Иногда Полоцкій приводитъ даже греческія выраженія, чтобъ показать по нимъ вѣрность перевода или исправленія нашихъ книгъ (напр. л. 75 об., 95 об., 116). Съ цѣлію окончательнаго убѣжденія раскольниковъ, возставшихъ противъ всякихъ исправленій, Полоцкій указываетъ на тождественность всего содержимаго нашею церковію съ православною греческою (л. 107, 111 и др.); доказываетъ законность исправленія «всякой дерзости и погрѣшенія (прежнихъ) списателей и прилагателей»; защищаетъ доброе дѣло Никона; наконецъ, отсылаетъ сомнѣвающихся въ «патріаршую книго-хранильницу убѣдиться тамъ, что новыя исправленія «нѣсть развратъ и поврежденіе, но древности подражаніе» (л. 116 об., 22 об., 106). Наряду съ этими обличеніями и увѣщаніями, Полоцкій умоляетъ раскольниковъ отложить гордость, смириться и присоединиться къ церкви. Нельзя, впрочемъ, сказать, что полемика Полоцкаго отличается миролюбивымъ тономъ: для нашего времени странно звучатъ часто встрѣчающіяся въ книгѣ бранныя выраженія. Въ своихъ обращеніяхъ къ православнымъ, Полоцкій заповѣдуетъ «далече бѣжать отъ лестнаго ученія», отгоняя «псы, лающіе на церковь», предлагаемымъ жезломъ (л. 21 об., 12, 11 об., 35 и др.).

Взглядъ Симеона Полоцкаго на расколъ и характеръ его полемики могутъ служить образцовыми за все время тогдашнее, потому что и послѣдующіе расколообличители, какъ отчасти увидимъ, держались тѣхъ же взглядовъ на расколъ и пользовались въ сущности тѣми же пріемами обличенія.

«Увѣтъ духовный» патріарха Іоакима также представляетъ двѣ части, изъ которыхъ въ 1-й — «возглашеніи россійскому народу» — предложено «изъявленіе на раскольниковъ, како возсташа на св. церковь, кіими словесы простой народъ прельщаху и на тѣ развращенная словеса свидѣтельства святыхъ книгъ положенныя»; во 2-й части послѣдова-

тельно опровергаются пункты Соловецкой челобитной, «да увѣсть всякъ скверное ихъ челобитье, составленное не Бога боявшеся, не народа срамящеся, являюще свое безумство» [1]). Свое увѣщаніе авторъ направляетъ исключительно къ православнымъ, «да не лестію безумныхъ раскольниковъ сведенъ будетъ кто и погибнетъ отъ пути праваго» (л. 53 об.). Что же касается самихъ раскольниковъ, то ихъ, «безумныхъ, никоими словесы не возможно увѣщати, точію наказать ихъ подобаетъ». Поэтому, имъ предложены только «краткая вѣщанія, искореняющія ихъ буйство, и изъ старыхъ книгъ свидѣтельства» (л. 64). Вообще, Увѣтъ во многомъ напоминаетъ сочиненіе С. Полоцкаго: кромѣ общности взглядовъ и пріемовъ, находимъ обширныя буквальныя заимствованія [2]). Главнѣйшею причиною раскола и Іоакимъ поставляетъ также невѣжество, въ связи съ народными инстинктами непокорства и самоволія. Раскольники «дерзаютъ въ богословскія глубины умъ свой пущати, а на брезѣ грамматическаго разума утопаютъ»; но заблуждаются они не отъ невѣжества только своего, а «наипаче отъ непокорства и суемудрствія: надме ихъ древній змій-діаволъ», которому они являются послушными орудіями и сотрудниками (л. 2 об., 96, 43).

Въ своей полемикѣ Іоакимъ опровергаетъ главные пункты раскола, указанные въ челобитной, раскрытіемъ истиннаго смысла священнаго Писанія, свидѣтельствами св. Отецъ, богослужебными книгами, постановленіями соборовъ; наконецъ, онъ предлагаетъ «явное и руками осязаемое свидѣтельство» въ памятникахъ древности, которые можно видѣть «въ ризницѣ патріаршей». Законность всего, что возбуждало ропотъ въ расколѣ, доказываетъ практикою греческой церкви, «откуду все пріяхомъ» (л. 9). Что касается исправленія книжнаго, то указываетъ на испорченность книгъ переписчиками, что зависѣло и отъ трудности греческаго языка, съ котораго даже «и учащемуся философскихъ и богословскихъ наукъ переводити книги было трудно, яко языкъ мудрый» (л. 135 об., 192 об.). Вѣрность исправленій доказываетъ грамматически, приводя иногда и

1) Увѣтъ дух. л. 63 об. При этомъ буквально приводитъ цѣлые пункты Солов. челобитной; такъ на л. 68—приведенъ 7-й пунктъ; на 72 л.—8 п., на 76 л.—9-й; на 77 л.—10; на 80 л.—11-й; на 83 л.—13-й и т. д.

2) Напр. Увѣтъ л. 81 об.=Жезлъ л. 43—44; Увѣт. л. 99—105=Жезлъ л. 44—47; 85—90 об.=50—53; 126—138=56 об.—60 об.; 122—125 об.=63 об.—65 об.; 112—117=65—68; 119—121 об.=68 об.—69 об.

греческій текстъ подлинника (напр. л. 122, 135). Въ своихъ обращеніяхъ къ раскольникамъ Іоакимъ умоляетъ ихъ оставить заблужденія, далеко не всегда, впрочемъ, выдерживая при этомъ спокойствіе тона.

Посошковъ, занятый вопросомъ о мѣрахъ, препятствующихъ распространенію раскола, между прочимъ, совѣтуетъ распространить въ народѣ книгу Пращу, о которой отзывается съ особенной похвалой (Соч. Пос. I, 16). «Пращица духовная къ раскольникамъ, иже безстуднѣ хулами наскакуютъ на святую церковь», представляетъ собою громадное противораскольническое сочиненіе, трудъ современника Петра Великаго — Питирима, епископа Нижегородскаго, оконченный имъ въ 1717 году (Пращица л. 410 об.). По свидѣтельству издателя Пращицы, Питиримъ былъ замѣчательнымъ дѣятелемъ въ борьбѣ съ расколомъ, «проходилъ многи дебри и пустыни, бесѣдуя съ раскольники, многократно любопряся съ ними словесно и письменно» (л. 417). Его Пращица состоитъ изъ 240 отвѣтовъ на вопросы, предложенные раскольниками. Питириму уже извѣстны были Жезлъ Правленія и Увѣтъ духовный, на которые онъ часто ссылается и которые имѣлъ въ виду восполнить, не повторяя изложеннаго въ нихъ (л. 174 об., 105, 107 об., 112 об., 145 и пр.) [1]). Питиримъ исполнилъ свое намѣреніе, обративъ вниманіе, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, кромѣ заблужденій догматическихъ и обрядовыхъ, на жизнь раскольниковъ, на очевидные плоды ихъ лжеученія; онъ написалъ, по его словамъ, «о преступленіяхъ, презорствахъ, развращеніяхъ и прочихъ злобахъ и злыхъ дѣлахъ раскольниковъ» (л. 17). Разоблачая внутреннюю жизнь въ расколѣ, Питиримъ приходитъ къ самымъ печальнымъ результатамъ; онъ нашелъ, что раскольники «уклонилися на путь злый, развратный, народъ развращаютъ, честный бракъ отмещутъ, живутъ въ великомъ скаредствѣ, мнози живутъ безъ крещенія» и пр. (л. 357 об., 166, 409 об.). Питиримъ раскрываетъ истинныя причины силы и успѣха расколоучителей: хитрость, обманъ, которыми они если не могутъ привлечь «имущихъ умъ», то привлекаютъ «простѣйшихъ, неученыхъ, предъ которыми они, и волки суще, преобразуются въ овцы ложнымъ пощеніемъ, лицемѣрнымъ смиреніемъ, притворною кротостію» (л. 113 об., 126, 11 об., 241, 380).

---

[1]) Въ своей Пращицѣ Питиримъ обосновывается между прочимъ также на извѣстномъ въ ту пору, но подложномъ, неподлинномъ сочиненіи: «Соборное дѣяніе на еретика армянина, мниха Мартина».

Чтобъ ввести раскольниковъ въ сознаніе своей неправоты, Питиримъ показываетъ ихъ родство съ древними, осужденными ересями (л. 11, 414), перечисляетъ множество толковъ ихъ, враждующихъ между собою (л. 30, 32, 56 об.), указываетъ нелѣпость нѣкоторыхъ раскольническихъ положеній, «всякія укоризны и смѣха достойныхъ» (л. 109, 232), свидѣтельствуетъ подложность нѣкоторыхъ книгъ, находящихся въ обращеніи между раскольниками (напр. л. 294 об.), уличаетъ въ прямой лжи и клеветѣ на нѣкоторыя строго-православныя книги (напр. л. 322 об., 70) и пр. и пр. Утверждая новость ихъ старовѣрства (напр. л. 30, 55), Питиримъ доказываетъ чистоту древняго правовѣрія, содержимаго церквію и неизмѣнность всего принятаго отъ Константинопольской церкви (л. 383 и пр., 37 и др.). Чтобъ установить правильный взглядъ раскольниковъ на книжныя исправленія, Питиримъ доказываетъ испорченность книгъ, для наглядности сопоставляя правильный и искаженный текстъ во множествѣ выписокъ изъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ (напр. л. 39 об., 40—53). Въ то же время, правилами соборовъ, свидѣтельствами св. Отцевъ, писаніями древне-русскихъ писателей, иногда даже правилами грамматики и указаніемъ на греческій текстъ (напр. л. 22 об., 249), доказываетъ точность исправленій. Въ концѣ концовъ, Питиримъ, обыкновенно, обращается къ раскольникамъ съ увѣщаніемъ покаяться, ободряя при этомъ надеждою на милость Божію и прощеніе; православнымъ же заповѣдуетъ блюстися «отъ псовъ, отъ злыхъ дѣлателей, понеже безстуднѣ лаютъ на Святую Церковь, зане дѣла ихъ злы и плоды ихъ мерзки» (л. 18).

Болѣе цѣнный по своему содержанію трудъ, выродившійся изъ полемики съ расколомъ, представляетъ «Розыскъ о брынской вѣрѣ» святаго Димитрія Ростовскаго. Вызываемый постоянно въ своей пастырской дѣятельности въ столкновенія съ расколомъ, этотъ святитель, кромѣ устныхъ увѣщаній, рѣшился письменно «вѣру, ученіе и дѣла раскольниковъ подлиннымъ розыскомъ разыскать, испытаніемъ разложить и здравымъ разсмотрѣніемъ увидѣть, что въ нихъ есть» (Розыскъ л. XV, 404). Во всѣхъ трехъ частяхъ, т. е. въ розыскѣ о вѣрѣ, ученіи и дѣлахъ раскольниковъ, авторъ пришелъ къ результатамъ, уже извѣстнымъ намъ изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій: онъ разыскалъ вездѣ только невѣжество, ожесточеніе, хитрость и обманъ. «Вѣру обрѣтохомъ, извнѣ лжесловесными льщеньми красящуюся, внутри же есть яко содомское обла-

ко — праха и смрада исполнено» (л. 11 и 12); оказалось, что вѣра у раскольниковъ совершенно потеряла свой истинный смыслъ и значеніе, расколоучители утратили даже понятіе о ней: «вѣрѣ учаще, что есть вѣра — не знаютъ, самаго реченія: вѣра — истолковати не умѣютъ. Старая икона, книги, осмиконечный крестъ, — то ихъ вѣра». Даже «нравы и обычаи своя и самая худая дѣла вѣрою нарицаютъ» (л. 2, 3, 9, 82). Таково и ученіе, таковы и дѣла, разысканныя св. Димитріемъ въ расколѣ. Свое невѣжество обнаружили раскольники вездѣ, гдѣ только взялись богословствовать: не слыша о богословіи, дерзнули догматизовати и, хотя показатися богословцами, показалися буесловцами, еретиками. Требезумніи, слѣпіи, черняе сажи умомъ потемнѣніи, «отъ своего мужичьяго умствованія» предлагаютъ «словеса, иже суть тьма, мгла, мракъ, бредня», и тѣмъ являютъ «крайнее русаковъ ослѣпленіе» (л. 55, 9, 57, 78, 452).

Преимущественно въ своей полемикѣ св. Димитрій усиливается доказать, что вѣра, содержимая раскольниками подъ именемъ старой, въ сущности «нѣсть вѣра старая, но новая, новыхъ ересей исполнена» (напр. л. 49, 57, 64 и пр.). Съ цѣлію доказать новость и ложность ихъ вѣры, кромѣ указаній на догматическія и обрядовыя отступленія раскольниковъ, св. Димитрій ссылается: на раздробленіе ихъ вѣры во множествѣ толковъ, каковыхъ въ Брынскихъ лѣсахъ онъ насчиталъ 20 (л. 65, 565), на ихъ недостойную истинной вѣры взаимную вражду, на характеръ ихъ пропаганды, на хитрость и обманы, которыми раскольники пользуются для своихъ цѣлей (напр. л. 559, 598, 125 и пр.); фактически уличаетъ ихъ въ наглой лжи (л. 323, 491); распутываетъ ихъ перетолкованія Свящ. Писанія (л. 129, 151, 211); указываетъ ложность ихъ предсказаній; противорѣчія въ ученіи (л. 259, 38, 485); ссылается на возмутительныя для нравственнаго чувства мученія, истязанія, оргіи, практиковавшіяся въ расколѣ (л. 569, 585) и пр. и пр. Впрочемъ, изобличить «всѣ неправости и кривотолки раскольниковъ не достанетъ и силъ, и времени. Нѣкоторыя же лаянія ихъ недостойны и отвѣта» (л. 385, 609, 529). Чтобъ остаться вполнѣ справедливымъ, Димитрій указываетъ на нѣкоторыя добрыя дѣла въ расколѣ: пощенія, молитвы и т. п., но доказываетъ при этомъ, что и эти «добрыя дѣла вся въ нихъ суть яко не добрая» (напр. л. 535, 626).

Но особенную цѣну придаютъ сочиненію Димитрія Ростовскаго историко-богословскія разсужденія, которыми оно переполнено. Эти разсужденія

возводятъ трудъ Димитрія Ростовскаго на степень возвышеннаго умозрительнаго богословія. Положенія раскола служатъ, обыкновенно, поводомъ св. Димитрію къ развитію христіанскихъ истинъ; такъ онъ раскрываетъ умозрительное ученіе объ иконахъ, о мощахъ, объ образѣ и подобіи Божіи въ человѣкѣ, о смыслахъ въ Св. Писаніи (л. 175, 218, 225, 291, 368 и пр.). При этомъ, обыкновенно, онъ предлагаетъ и исторію догмата въ церкви, исчерпывая ученіе о немъ со всевозможною подробностію. Нерѣдко св. Димитрій, въ общемъ потокѣ своего богословствованія, предлагаетъ вопросы чисто философскіе, такъ, напр., много разсуждаетъ на вопросъ, что есть время (л. 236).

Въ ряду разсмотрѣнныхъ нами сочиненій, по всей справедливости весьма замѣтное мѣсто должно занять современное имъ «Зерцало, на раскольниковъ обличеніе» — Посошкова, какъ сочиненіе, не только своею обширностію превосходящее ихъ (кромѣ развѣ Пращицы), но и по полнотѣ и основательности содержанія, силѣ убѣжденія, чистотѣ и искренности побужденій, ни мало не уступающее имъ. Правда, здѣсь мы не встрѣтимъ того глубокаго богословствованія и обширной ученой эрудиціи, не найдемъ того обилія ораторскихъ движеній, той строгой систематичности расположенія частей и строгой логичности изложенія, которыми отличается, напримѣръ, трудъ Димитрія Ростовскаго и др.; но мы найдемъ здѣсь всё-же вполнѣ обстоятельное и основательное опроверженіе всѣхъ пунктовъ раскольническаго заблужденія, даже болѣе близкое знакомство съ расколомъ; найдемъ то же святое, задушевное желаніе спасти душу ближняго, являющееся особенно цѣннымъ въ произведеніи человѣка, своимъ положеніемъ призваннаго только «дрова сѣщи», по выраженію Димитрія Ростовскаго. Впрочемъ, это званіе автора и горькая его судьбина, вѣроятно, были причиною того, что разсматриваемое сочиненіе, несомнѣнно полезное всегда и драгоцѣнное въ ту пору, не получило надлежащаго хода, не удостоено было и отпечатанія, не смотря на желаніе автора (Соч. Пос. т. I, стр. 16). Тѣмъ не менѣе, высокопросвѣщенныя личности того времени, имѣвшія случай познакомиться съ Зерцаломъ, высказали тогда же свое правдивое сужденіе о немъ. Мы имѣемъ въ виду того же святителя Димитрія Ростовскаго, который, прочитавъ предложенный ему списокъ Зерцала, высказалъ свое неподдѣльное желаніе увидѣть автора замѣчательнаго сочиненія. «Книжица воистину благопотребна», писалъ онъ о Зерцалѣ, «великое раскольникамъ обличеніе и постыжденіе;

книжица эта достойна въ свѣтъ произвестися»[1]). Самъ Посошковъ въ полной редакціи своего Зерцала свой «неученый, неисправный, простосложный» трудъ прикрываетъ авторитетнымъ именемъ Ростовскаго святителя: «блаженный преосвященный Димитрій Ростовскій и Ярославскій митрополитъ свидѣтельствовавъ (книгу — Зерцало), повелѣлъ ми, переписавъ ю, у себя въ домѣ не держати, но ради общія пользы повелѣлъ въ міръ ю пустити (Зерцало л. 243 об.). Кромѣ того, Димитрій Ростовскій написалъ, какъ увѣряетъ рукописный списокъ Зерцала, «мудролюбія его пастырскаго метросочиненные стихи» къ этому сочиненію. Между прочимъ, эти «стихи Преосвященнаго Митрополита Димитрія Ростовскаго, написанные 1709 лѣта, сице вѣщаютъ:

Мала книжица сія, но разумъ въ ней многій;
Малъ ларчикъ, но скарбъ въ себѣ хранитъ не убогій...
Та книжица раскольниковъ сильна побѣждати,
Вся же правовѣрныя пользы исполняти» (л. 1 об.).

Необыкновенно быстрое усиленіе раскола, «всю Россію потрясшаго и не только простыхъ и безкнижныхъ, но и множество книжныхъ людей соблазнившаго» (Зерц. л. 137 об.), съ другой стороны, сознаніе безсилія невѣжественнаго духовенства въ борьбѣ съ нимъ, — вызвали написаніе Зерцала. Кромѣ настоятельной нужды въ обличеніи раскола, Посошковъ чувствовалъ къ такому труду достаточно въ себѣ силы и энергіи, потому что онъ непосредственно, опытно знакомъ былъ съ расколомъ и изъ этого знакомства вынесъ крайнее отвращеніе и негодованіе къ нему. «Буди всѣмъ сіе извѣстно», заявляетъ онъ, «еже и азъ изначала хромахъ недугомъ раскольничи болѣзни» (л. 143). Извѣстно также, что ближайшіе родственники Посошкова были заражены расколомъ: еще его родители колебались подъ вліяніемъ раскола: «то учили меня креститься тремя персты», пишетъ Посошковъ, «а то стали учить снова, ежебъ двомя персты креститися» (л. 143 об.); родная сестра его, Анна, была нераскаянная раскольница: «ходя по домамъ, она и иныхъ съ истиннаго пути совращала и къ своему зловѣрію присоединяла» (л. 138); родной своякъ Посошкова былъ зараженъ расколомъ и оставлялъ дѣтей своихъ некрещенными (л. 103 об.). Если Посошкову не удалось повліять на близкихъ къ себѣ лицъ, то по крайней

[1]) Письмо къ Ѳеологу. Обзор. Русск. дух. литер. кн. 1 ст. 371.

мѣрѣ, «Богъ не оставилъ» его самого «въ невѣдѣніи быти» (л. 143 об.), и онъ могъ говорить о себѣ: «я твердъ въ истинномъ благочестіи и непоползновененъ на раскольничая словеса» (л. 20 об.). Впрочемъ, этимъ не ограничились столкновенія Посошкова съ раскольниками. Послѣдніе долго не оставляли его въ спокойствіи, всячески желая привлечь на свою сторону. Онъ разсказываетъ въ своей книгѣ, какъ не разъ его обманомъ зазывали «въ раскольничьи сонмища и убѣждали: буде хочешь въ рай, пристань къ намъ; аще къ намъ пристанешь, то всѣ твои грѣхи очистятся и будеши съ нами въ раю» и проч. (л. 152). Съ своей стороны и Посошковъ, такъ или иначе заинтересованный расколомъ, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ для изученія его во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ, во всей силѣ его аргументовъ и возраженій противъ православной церкви. Побужденіемъ къ изученію раскола для Посошкова было, между прочимъ, и рано задуманное имъ и начатое написаніе Зерцала. Такимъ образомъ онъ передаетъ случай, внушившій ему это намѣреніе: «нѣкогда призвалъ меня къ себѣ славный ереси вождь, зовомый Козьма Ксенофонтовъ, и началъ убѣждать пристать къ нимъ»... «И во иное время призвалъ онъ меня паки на Слово Писанія»... и пр. Результатомъ этихъ совѣщаній было то, что «и онъ на меня осердился, и азъ на него, — и тако разыдохомся: не сотворилъ онъ лова во мнѣ, умъ мой не омрачился, но бодръ бысть. И видя въ нихъ такую погибель, у Бога прося милости, начахъ сію книжицу сочиняти» (л. 15 об., 16). Для этой-то цѣли, Посошковъ спеціально занялся расколомъ, — «учился, по его выраженію, прелести раскольничей» (л. 242 об.). Онъ вступалъ въ постоянныя препія съ предводителями и учителями раскола: «много разглагольствовахъ съ наставниками раскольничими: съ Кузьмою Ксенофонтовымъ, со Алексѣемъ, словомымъ философомъ, съ Ерофеемъ Андреевымъ, съ Михайломъ и со иными учительми именитыми» (л. 36, 34, 63 об., 75 об., 143 и др.). Въ этихъ разглагольствахъ Посошковъ «обличалъ славныхъ учителей о несмысленныхъ ихъ глаголахъ и являлъ, по елику возмогалъ, истинное ученіе» (л. 140). Въ то же время, самъ онъ тщательно старался вывѣдать и изучить отъ своихъ собесѣдниковъ всю догматику раскола: «много азъ учителей именитыхъ вопрашивалъ» объ основаніи законоположенія раскола, «много вопрашивахъ: откуда что взяли», «вопрашивахъ о книжномъ разумѣніи», «спрашивалъ, чего ради тако глаголютъ» и проч.

(л. 84 об., 71 об., 127, 136 об., 238). Однако, Посошковъ скоро сталъ замѣтнымъ для раскольниковъ, и они совершенно отшатнулись отъ него, какъ человѣка не только непреклоннаго, но и вреднаго для нихъ: «всѣ лжеучители», говоритъ онъ, «пересташа ко мнѣ ходити и своей прелести мя учити, и ни въ каковая разглагольства уже со мною не входятъ: вси бо скрышася отъ меня. Азъ всячески увѣщавахъ ихъ, дабы со мной поне не о большихъ вещахъ поглаголати, но никто не пришелъ ко мнѣ» (л. 242). Наконецъ, Посошковъ «много ко всѣмъ учителямъ раскола письма руки своея вопросительныя посылалъ, дабы, сошедшеся между собою, помыслили и дали бы мнѣ отвѣтъ чистый» (л. 72 об.). Но такъ какъ и въ этомъ случаѣ «ни единъ отвѣта явнаго не далъ», вси «быша нѣмы на отвѣтъ» и «чистаго отвѣта ни о чесомъ не учинили, ни по единому письменному вопрошенію письменнаго отвѣта не получихъ» (л. 71 об., 63 об., 127, 72 об.); то Посошковъ пытался и самъ изслѣдовать основанія раскола, — съ этою цѣлію онъ «много поискалъ въ Божественномъ писаніи, съ прилежаніемъ прочиталъ» нѣкоторыя книги, чтобы видѣть, нѣтъ ли въ нихъ какого «разнствія» (л. 29 об., 75 об.). Но во всякомъ случаѣ, съ разрывомъ Посошкова съ раскольниками, истощились для него средства къ изученію раскола: «и того ради прекратися и сія книжица» (л. 242 об.).

Итакъ, Посошковъ употребилъ всѣ возможныя усилія съ своей стороны къ полнѣйшему изученію раскола, и если что написалъ въ своемъ Зерцалѣ, то написалъ основываясь на данныхъ непосредственно, изъ первыхъ устъ воспринятыхъ имъ отъ раскольниковъ; его Зерцало, такимъ образомъ, не есть продуктъ школьной учености, — оно написано подъ вліяніемъ живой, устной борьбы, частныхъ разговоровъ и диспутовъ. Въ этомъ нельзя не видѣть одно изъ цѣнныхъ достоинствъ труда Посошкова. Благодаря его ближайшей связи и сношеніямъ съ раскольниками, мы имѣемъ въ Зерцалѣ точную исторію, по которой можно составить самое вѣрное и непогрѣшимое представленіе о тогдашнемъ расколѣ. Онъ писалъ на основаніи только того, что самъ непосредственно подслушалъ и подсмотрѣлъ въ расколѣ, что, по его выраженію, онъ «своимъ подлымъ ухомъ слышалъ и своимъ подлымъ окомъ видѣлъ» (л. 94, 136, 104 об., 132 об.). И только «елико отъ устъ ихъ слышалъ, на та очерненія и написахъ изъявленія. А о чесомъ не слышахъ, о томъ и писати мнѣ было невозможно» (л. 242). Посошковъ самъ сознается, что въ его

изслѣдованіяхъ раскола встрѣчались пункты, которыхъ «довѣдатися подлинно не могъ» онъ (л. 42, 242 об.), — поэтому, и «не вся раскольничи сквернословія и очерненія вписана суть» (л. 242, 2 об., 239 об.). Но во всякомъ разѣ, отъ этого не произошло большаго ущерба для полноты и обстоятельности сочиненія, такъ какъ, по сознанію же автора, «вся *главная* раскольничи ереси изъявлена имъ»; и въ началѣ своего сочиненія онъ говоритъ: «взирай въ сіе духовное Зерцало почасту и со вниманіемъ: вся бо главнѣйшая очерненія и сквернословія раскольнича, и суемудрія ихъ, и утвержденія ихъ узриши и уразумѣеши».

Богатству и цѣнности содержанія въ разсматриваемомъ сочиненіи соотвѣтствуетъ чистота намѣреній и побужденій, руководившихъ авторомъ. Внѣшнія обстоятельства: усиленіе раскола, знакомство съ нимъ Посошкова, послужили только поводомъ, толчкомъ, возбудившимъ Посошкова къ дѣятельности. Дѣйствительныя же побужденія къ осуществленію добровольно воспринятой имъ на себя миссіи крылись въ самомъ Посошковѣ, въ его душевномъ настроеніи, глубокой религіозности, въ истинно-христіанской ревности о церкви и православіи. Посошковъ не могъ равнодушно смотрѣть на страшныя колебанія и сильнѣйшую смуту въ церкви; онъ, какъ «любитель правды» вообще, тѣмъ болѣе не могъ молчать, «видя правду отвержену и попрану» въ области вѣры. «Бога истиннаго въ свидѣтели являю, яко не могъ утерпѣти, видя въ вѣчную погибель отъ недознанія своего многихъ людей грядущихъ, еже бы имъ о погибели ихъ не возвѣстити и еже бы праваго пути имъ не показати... Вѣсть Господь, яко иногда и нужду свою домовную презрѣвъ, въ немъ (то есть въ Зерцалѣ) потрудихся, дабы съ закопавшимъ въ землю талантъ, отъ Бога данный мнѣ, въ сопричтеніи не быти» (л. 244). На благочестивый взглядъ Посошкова казалось даже преступнымъ оставаться безучастнымъ зрителемъ нравственной гибели ближнихъ: «страшно есть всѣмъ намъ, въ мірѣ живущимъ», говоритъ онъ, «еже не пещися всякому о спасеніи погибающихъ человѣкъ: наипаче жъ о подъятіи падшаго человѣка въ ересь какую или расколъ» (л. 8). Поэтому, онъ желалъ всѣмъ внушить, чтобъ и «простолюдинове тщаніе имѣли неоскудное о наставленіи заблудшихъ». Впрочемъ, присущее Посошкову сознаніе своей мизерности, недостоинства, съ особенною силою обнаружилось въ написаніи этого сочиненія: онъ сознавалъ, что онъ всетаки вторгается въ чуждую для его званія и образованія область; чувство своего недостоинства, не-

призванности не давало ему совершенно покоя. Поэтому вышло, что въ сочиненіи, гдѣ Посошковъ дерзнулъ на обличеніе другихъ, онъ особенно счелъ нужнымъ и «вельми свойственнымъ свое смиреніе являти» (л. 213 об.), и здѣсь-то особенно часто встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «азъ о себѣ совершенно вѣмъ, яко паче всѣхъ человѣкъ грѣшенъ есмь; всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшій есмь»; «во грѣсѣхъ преизлише грѣшенъ есмь», поэтому «азъ недостоинъ есмь вамъ и о безуміи вашемъ возбраняти; азъ предъ Богомъ и многократно васъ грѣшнѣе; и по самому бытію не мое сіе дѣло» (л. 213 об., 244, 143, 55 об., 85 об., 9). Но «аще и грѣшенъ есмь неизчислимыми грѣхами и во всѣхъ своихъ дѣлахъ неправъ предъ Богомъ: обаче не могу вашего зловѣрія терпѣти, ежебы на васъ не ворчати, понеже сокровище Отца вашего небеснаго расхищаете». «Не самохвалія ради своего, а отъ любви Божія начахъ сіе изъявленіе зеркальное сочиняти». «Не хитрости ради каковыя состроихъ сіе Зерцало, но отъ самыя ревности и любви христіанскія потрудихся въ немъ ради общія пользы. Токмо едина ревность на таковое великое дѣло мя подвиже» (л. 51, 243, 244, 9).

Итакъ, Посошковъ рѣшился предложить «отъ малосмыслія своего слово», и вышло это слово чуждымъ всякихъ притязаній на ученость, не изобличающее въ авторѣ и тѣни самомнѣнія, — задушевное, простое, безыскуственное, но въ то же время слово вѣское, полное силы. «Понеже убо простецъ сый, просто и писахъ. Ради удобопоемности положихомъ, елико Богъ дарова, словеса, разглаголанная съ нѣкіими доводами бесѣдою простою, а не риторскою», такъ что «всякому просту человѣку можно сущіе глаголы безъ толкующаго уразумѣти» (л. 242 об., 3). Но эти, дѣйствительно, удобопоемныя слова, повторяемъ, вышли весьма сильны и вѣски; вѣски уже потому, что «ту изнесошася вѣ приличные глаголы, изъявляющіе расколы: изъ Св. Евангелія, изъ Апостольскихъ Дѣяній и посланій, изъ словесъ Златоуста и прочихъ святыхъ Отецъ», — и все это «разглаголанное своими нѣкіими доводами» (л. 2 об.).

Зерцало свое Посошковъ назначилъ для всѣхъ христіанъ — «како отпадшихъ, тако и не отпадшихъ, наипаче-же для тѣхъ, кіи отъ раскольнича сквернословія въ сомнѣніе внидоша» (л. 243, 9). Онъ «моленіемъ умоляетъ всѣхъ, хотящихъ спастися, не возгнушатися, но съ любовію прочитати Зерцало» (л. 243). Преимущественно онъ всетаки предлагаетъ свое Зерцало православнымъ, «кіи въ расколъ еще не впали»,

обѣщая имъ отъ «частаго, нелѣностнаго погляданія въ Зерцало сугубую пользу: узрѣть лжеученіе раскольниковъ и, ложь ихъ познавъ, очи имъ заплевати» (л. 238 об.). Что же касается раскольниковъ, то Посошковъ предвидѣлъ заранѣе безуспѣшность Зерцала между ними: «имъ уже моя бесѣда не пользуетъ; кто уже пораженъ отъ діавола душевною слѣпотою и не желаетъ отъ окалянія духовнаго чистъ быти, то вѣмъ, яко той не восхощетъ сего Зерцала и въ руки взяти, понеже въ немъ вся ихъ скверннословія ясно зрима суть и Божественнымъ Писаніемъ всѣхъ отпадшихъ во очи, яко острымъ рожномъ, поретъ» (л. 3). Тѣмъ не менѣе, Зерцало направлено было непосредственно на раскольниковъ, и съ ними почти исключительно Посошковъ имѣетъ дѣло.

Изложенію самого Зерцала предшествуютъ три предисловія, въ которыхъ авторъ развиваетъ мысль объ обязанности «всякаго человѣка осматривати себя, на коемъ пути стоитъ и по какому пути шествуетъ», — необходимость, поэтому, зеркала духовнаго и потребность таковаго преимущественно въ его время, когда «умножишася духовные недуги у насъ въ Россіи». Затѣмъ Посошковъ обращаетъ вниманіе прямо на раскольниковъ, которые, «возлюбиша шествовати путемъ широкимъ, возлюбиша жити по своей волѣ» и «познати не могутъ, что ратуютъ на самого Бога». Въ послѣднемъ предисловіи Посошковъ говоритъ объ обязанности всѣхъ непоколебимыхъ въ православіи заботиться о подъятіи падшихъ и исправленіи погибающихъ. Содержаніе самаго сочиненія составляютъ: подробное разсмотрѣніе заблужденій раскольническихъ относительно извѣстныхъ пунктовъ Христіанскаго вѣроученія и обширныя увѣщанія. Построеніе главъ отчасти напоминаетъ извѣстныя и Посошкову сочиненія: Камень вѣры и Розыскъ. Обыкновенно, Посошковъ въ началѣ главы предлагаетъ православое ученіе относительно извѣстнаго догмата или обряда: отъ Священнаго Писанія, твореній Отеческихъ, иногда исторіи церковной; затѣмъ уже обращается къ раскольникамъ, опровергаетъ ихъ доводы, наконецъ призываетъ къ истинѣ. По содержанію же своему Зерцало болѣе всего приближается къ Пращицѣ Питирима. Та же жизненность, то же непосредственное сближеніе съ расколомъ, то же разсмотрѣніе раскола преимущественно съ практической стороны, отличающія Пращицу, еще съ большею рельефностію выступаютъ въ трудѣ Посошкова, вслѣдствіе уже извѣстныхъ намъ условій его написанія. Впрочемъ, Посошковъ не могъ находиться подъ вліяніемъ Пращицы, такъ какъ Зерцало

по крайней мѣрѣ на 8 лѣтъ опередило своимъ явленіемъ Пращицу [1]. Весьма вѣроятно, что напротивъ, Питиримъ усвоилъ направленіе Посошкова.

Что касается теоретической стороны въ сочиненіи Посошкова, то, какъ мы уже замѣтили, у него нѣтъ той строгой научности и силы діалектики, которыми особенно отличается Розыскъ святителя Димитрія Ростовскаго. Тѣмъ не менѣе, и Посошковъ обнаружилъ въ Зерцалѣ обширную богословскую начитанность. По силѣ и богатству доказательствъ, приводимыхъ отъ Священнаго Писанія и твореній Отеческихъ, Зерцало рѣшительно возвышается надъ Увѣтомъ и уравнивается со всѣми вышеупомянутыми сочиненіями.

Уклоняясь отъ послѣдовательнаго изложенія содержанія Зерцала, мы сдѣлаемъ изъ него выборку историческихъ данныхъ о тогдашнемъ состояніи раскола; затѣмъ, изложимъ взглядъ Посошкова на расколъ и причины его явленія; наконецъ, укажемъ существенные пріемы и характеръ полемики Посошкова.

Послѣ знакомства со взглядами на расколъ современныхъ Посошкову представителей просвѣщенія, было бы по меньшей мѣрѣ страннымъ ожидать отъ этого «неука», простаго крестьянина, новости взглядовъ и воззрѣній. Поэтому, если мы и не услышимъ отъ Посошкова ничего особенно выдающагося своею новизною и оригинальностію въ этомъ отношеніи, всетаки позволяемъ себѣ поставить ему въ заслугу и то, что онъ не отсталъ отъ своихъ наиболѣе видныхъ современниковъ и въ воззрѣніяхъ на расколъ держался тѣхъ же здравыхъ понятій, которыя проводили, напр. Симеонъ Полоцкій и св. Димитрій Ростовскій, и которыя поддерживаются наукою доселѣ, пользовался тѣми же средствами и способами въ борьбѣ съ расколомъ, къ которымъ прибѣгаютъ и современные намъ миссіонеры.

Вовлеченный въ борьбу между реакціей и реформой въ области духовной жизни, Посошковъ въ своемъ сочиненіи отобразилъ современное броженіе умовъ, — то сильное движеніе, которое направлено было противъ исправленія книгъ, противъ новизны вообще и преимущественно въ области церкви. Изъ Зерцала мы узнаемъ, что расколъ коренился главнымъ образомъ на почвѣ невѣжественной массы простонародья, изъ котораго выродился и

[1] Зерцало въ 1709 г. уже несомнѣнно существовало, такъ какъ къ этому времени относится надпись на него Димитрія Ростовскаго (Рукоп. л. 1-й); а Пращица окончена только въ 1717 году.

самъ Посошковъ. «Въ нынѣшняя времена», говоритъ онъ, «діаволъ напалъ на нашу россійскую страну и аще и не обрѣлъ себѣ помощника отъ великихъ лицъ,... обаче сыскалъ себѣ способниковъ отъ нижнія чреды: малосмысленныхъ пресвитеровъ и чернецовъ, и простыхъ некнижныхъ мужиковъ,... уловилъ простаго народа многое множество, еже и исчислити невозможно» (л. 166). Лишенные всякаго правильнаго воспитанія, не понимавшіе духа Христіанства, но неприкосновенно соблюдавшіе традиціонныя правила о двуперстіи, седмопросфоріи и пр., даже простолюдины, возбужденные теперь видимою опасностію своего стариннаго православія, фанатически возстали на защиту церковной старины, ревностно занялись спорными вопросами богословія: начались пренія, доходящія до ожесточенія, о новшествахъ въ церкви, о книжномъ исправленіи, о двуперстіи и проч. Все это оставалось часто совершенно чуждымъ истинной религіозности; но уже чисто-формальная постановка дѣла, самые споры, независимо отъ содержанія ихъ, заключали въ себѣ долю привлекательнаго: на этомъ поприщѣ находили умственную пищу тѣ классы общества, которые не принимали ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ, касавшихся общества и государства, и должны были довольствоваться скромною ролью молчаливыхъ и безучастныхъ зрителей при энергическихъ мѣрахъ правительства, стремившагося впередъ и не обращавшаго вниманія на настроеніе умовъ въ народѣ. Между тѣмъ, въ движеніяхъ раскольничихъ всякій мужикъ - начетчикъ пріобрѣталъ право и возможность увлекать народъ своимъ краснобайствомъ, разсчитывая на завидную и привлекательную роль общественнаго дѣятеля, народнаго вождя. Вопросы вѣры при этомъ изъ цѣли превращались часто въ средства, и результатами споровъ было не возстановленіе вѣры, а ея совершеннѣйшее извращеніе во множествѣ раскольническихъ шаекъ, возвышавшихся одна надъ другой своими нелѣпостями и религіознымъ невѣжествомъ.

Посошковъ сознавалъ обаятельность для человѣка самостоятельнаго дѣйствованія и стремленіе къ самовластію поставлялъ въ непосредственной связи съ появленіемъ раскола: «нѣсть на семъ свѣтѣ веселостнѣе человѣку самовластія, и аще не возуздаеши благоразумнымъ удержаніемъ того самовластія, то породитъ оно самомнѣніе и высокоуміе,... и тѣмъ высокомнѣніемъ многіе впадаютъ въ вѣчную погибель. Умножися сего недуга и у насъ въ Россіи: мнози церкве святыя отрекошася и о томъ тщаніе имѣютъ, еже бы жити въ непокорствѣ и по своей волѣ,

яко кто хощетъ. Всѣмъ бо намъ людей осуждати весьма любо, а хулити и того любѣе, себя же самого мнѣти прочихъ человѣкъ разумнѣйша приноситъ человѣку превышнюю сладость» (л. 3 об. = Зав. от. 2 — 4 стр.) Отсюда происходитъ часто неразумное стояніе на своемъ, стремленіе спорить, отстаивать свои мнѣнія, хотя бы совершенно непонятныя, даже завѣдомо ложныя. Такъ большею частію и было въ расколѣ. По выраженію Посошкова, раскольники, принявшіе на себя роль защитниковъ православія, «охочи претися»; при этомъ въ большинствѣ случаевъ выходило, что «раскольницы всуе труждалися: за что прутся, и сами того не знаютъ». «Въ душевной слѣпотѣ ничего не разумѣютъ, а нудятся спорить о томъ, чего въ ихъ головахъ нѣтъ и не бывало. Стоятъ они за что восхощутъ, и отъ неразумѣнія и упорства своего души своя губятъ» (л. 45 об., 128, 46). Такое неразумное упорство раскольниковъ, при ихъ крайнемъ невѣжествѣ, могло, естественно, возбуждать только удивленіе въ людяхъ незараженныхъ. «Удивленію подлежитъ», говоритъ Посошковъ, «еже наши россійстіи народове толь прости, что и въ азбуцѣ не знаютъ какъ кое слово нарицаютъ, а о божественныхъ великихъ дѣлахъ нудятся разумѣти и прутся съ разумными людьми» (л. 46). Не удивительно, что разумные люди ловили прущихся въ неисходныхъ противорѣчіяхъ, въ родѣ того напр., что отвергая и не признавая патріарха, раскольники задорно отстаивали просфору за его здоровье: «сами вы не вѣдите, чего суетитеся: именъ царскаго и патріаршаго и слышать не хощете, а о заздравныхъ ихъ просфорахъ умираете». (77 л.) Вслѣдствіе желанія всякаго болѣе или менѣе популярнаго начетчика быть авторитетомъ въ дѣлѣ вѣры, независимо отъ своихъ собратій, расколъ явился во множествѣ оттѣнковъ, со всевозможными видоизмѣненіями, на какія только была способна изобрѣтательность Аввакумовъ, Онуфріевъ, Акулинъ и проч. «Отъ того вы и заблудили», говоритъ Посошковъ раскольникамъ, «за еже въ васъ мнози начаша учительни быти и вдашася въ различные толки, разыдошася въ разные, развращенные пути: въ поповщину, безпоповщину, христовщину, моѵсеовщину, бородатовщину, елинарщину, волосатовщину, онуфріевщину, аввакумовщину, федосіевщину, космовщину и во иные многіе пути розыдошася, ихъ же и исчислити невозможно. Колико учителей ни возстанетъ, толико и законовъ изобрѣтаютъ, и многоразличные учители тако кудесятъ, что и сами себя не узнаютъ» (л. 83 об., 84 = Зав. от. стр. 3).

«Взыскаша инаго пути и поидоша разными стежками, и вси заблудиша, по стремнинамъ высокомыслія своего ходяще (41 л.). Оставивъ Божій корабль, свой сотвористе и правите — овъ предъ себя, овъ назадъ, инъ направо, инъ налѣво (л. 85 об.). Кійждо лжеучитель свой путь изобрѣтаетъ и всякъ своимъ путемъ ведетъ людей къ погибели (90 л.). И въ коемъждо уставѣ или вѣрѣ вси учители разногласны, и каждый изъ нихъ глаголетъ: мы право вѣруемъ; кійждо свой уставъ хвалитъ, а прочихъ осуждаетъ. И того ради, между собою имѣютъ распри великія, междоусобіе бываетъ и споръ, и драки бываютъ (л. 96, 94 об., 111).

Сильнѣйшимъ возбужденіемъ русскаго народа въ то время объясняются и успѣхи раскола. Посошковъ предлагаетъ намъ любопытныя свѣдѣнія о размѣрахъ народнаго протеста «новой церкви». Исчислити невозможно лжеучителей, говоритъ онъ: «распространишася во всѣхъ предѣлахъ россійскихъ и зарубежныхъ странахъ множество ихъ; и тако улови ихъ діаволъ, яко самое малое число Христовыхъ овецъ остася, еже ересямъ ихъ непричастны» (л. 42 об., 157). «Азъ быхъ», разсказываетъ Посошковъ, «въ Новгородѣ на страстной недѣлѣ у церкви Димитрія Солунскаго; приходъ тамо многонародный, а не бысть ни единаго причастника: вси бо вкупѣ отрекошася, отъ лжеучителей развращени суть, яко едва сотая часть обрящется благочестія держащихся». (л. 159 об.). О перстосложеніи, напримѣръ, говоритъ Посошковъ: «аще и самое древнее преданіе знаменатися тремя персты, но за преумноженіе лжеучителей изсяче триперстное сложеніе: вси бо простіи народи сложилися на многословіе раскольниче» и пр. (л. 143 об., 144).

Очевидно, народъ находилъ поводы недовольства господствующею церквію, а съ другой стороны и расколъ имѣлъ для него нѣчто привлекательное. Церковь заподозрѣна была въ религіозныхъ новшествахъ, между тѣмъ какъ расколъ гордился своимъ старовѣріемъ: вотъ коренная опора раскола, по свидѣтельству всѣхъ противораскольническихъ сочиненій, опровергавшихъ эту опору. Но были, безсомнѣнія, и другія, менѣе замѣтныя, но не менѣе сильныя причины усиленія раскола. Мы уже знакомы съ тѣми мѣстами изъ сочиненій Посошкова, гдѣ онъ прямо обвиняетъ въ этомъ безпечность и невѣжество духовенства, оказавшагося слишкомъ несостоятельнымъ въ защитѣ интересовъ православія. По его свидѣтельству, были пресвитеры малосмысленные, которые не только поучать па-

сомыхъ и предохранять ихъ отъ религіозныхъ колебаній, а и сами были «истинства правовѣрія не вѣдущи и того не разумѣющи, въ чемъ грѣхъ и въ чемъ спасенье», которые нерѣдко «за пѣнязи» не только скрывали раскольниковъ, а сами отрицались отъ церкви и становились «проклятыми распопами» (л. 59.., 57, 108). Гораздо въ болѣе выгодныхъ условіяхъ стоялъ расколъ: на сторонѣ его была живая проповѣдь «книжниковъ», людей разумныхъ, начетчиковъ. При всемъ своемъ невѣжествѣ и умственной односторонности, по признанію Посошкова, «вси расколницы, а наипаче двухъ ересей: поповщинныя и безпоповщинныя, лежма лежатъ на книгахъ и всегда учатся, хотя истины познати и не могутъ» (л. 96 об.). Это лежаніе на книгахъ дѣлало расколоучителей непобѣдимыми въ столкновеніяхъ съ православнымъ духовенствомъ и слишкомъ возвышало ихъ въ глазахъ массы непросвѣщеннаго люда. А какъ раскольники пользовались книжными знаніями для достиженія своихъ цѣлей, это раскрываетъ намъ Посошковъ своимъ собственнымъ опытомъ. Въ такомъ видѣ передаетъ онъ пріемы одного расколоучителя, который на основаніи книгъ хотѣлъ убѣдить Посошкова «пристать къ нимъ»: «призвалъ меня славный ереси вождь, Козьма Ксенофонтовъ, на слово Божественнаго Писанія; началъ ми читати книги и яко пёсъ кусье вырывать: разгнувъ книгу, строку или двѣ прочтетъ, да перекинувъ 5—6, паки прочтетъ строку-другую, да тако по книгѣ перелистывая листы, рѣчь къ рѣчи подбираетъ, кое реченіе къ ихъ зловѣрію согласно» (л. 152). Посошковъ справедливо замѣтилъ своему собесѣднику, что «такъ читая и рѣчь подъ рѣчь подбирая, и святыхъ грѣшными поставишь». Тѣмъ болѣе, разумѣется, легко было такими маневрами направлять убѣжденія непосвященной въ книжную мудрость массы, согласно своимъ видамъ. «Разиня ротъ», по выраженію Посошкова, «слушаютъ простые люди раскольщиковъ и, видя ихъ многословіе, вѣрятъ имъ» (л. 85 об.). Послѣдніе же пользуются умственною темнотою народа для успѣха своей пропаганды: они «разсѣяшася во вся страны Россіи и ходя по градамъ, селамъ и деревнямъ, всякими разными образы людей Божіихъ, наипаче-жъ простой народъ съ истиннаго пути совращаютъ». «Живя въ похоронкахъ, скрываясь, яко мыши, въ норы, или клопы — въ щели, тайно излазя изъ щелей, людей кусаютъ». «Нынѣ непрестанно по домамъ понырлюще, всякаго чина людей къ злочестію своему приводятъ». Чтобъ произвести болѣе глубокое впечатлѣніе на своихъ слушателей, расколо-

учители, по свидѣтельству Посошкова, не пренебрегали и сторонними средствами, напримѣръ лицемѣріемъ: «они ходятъ по домамъ и глаголютъ тихимъ гласомъ, со воздыханіемъ, яко-бы болѣзнуя о погибающихъ» (л. 25 об., 42, 6, 54 об.); прибѣгаютъ къ обманамъ: «раскольничи учители другъ передъ другомъ вымышляютъ, како бы что солгати правовѣрнымъ на развращеніе, чудеса сказуютъ, видѣнія повѣствуютъ». Чтобъ дѣйствовать на внѣшнія чувства народа, раскольники распространяютъ различныя «хульныя картины, а простые люди, видѣвше изображенія, ужасаются и послѣдуютъ ихъ ложному ученію, понеже простымъ людямъ вельми страшно и имовѣрно является еже очима своима узрятъ».

Таковы, въ общихъ чертахъ, свѣдѣнія, переданныя Посошковымъ о тогдашнемъ состояніи раскола, объ его силѣ и пропагандѣ. Постоянно также Посошковъ обращается къ внутренней жизни раскола и знакомитъ насъ (какъ и Питиримъ) съ страшными преступленіями и безнравственностію, практиковавшимися въ семейной жизни раскольниковъ; знакомитъ также съ гнусными обрядами, въ которыхъ выражалась до-нельзя извращенная религіозность отщепенцевъ русской церкви. «Издаша новые уставы», говоритъ, напримѣръ, Посошковъ, «литургію отправляютъ въ подполіяхъ, причащаются ягодами, младенцевъ сожигаютъ и вырѣзываютъ ихъ сердце для причастія. Блудъ въ святость почитаютъ; вмѣсто поповъ, служатъ простые мужики и дѣвки: се бо и азъ видѣхъ, еже оскверненнымъ сосудамъ баба очистительную молитву давала» (л. 85, 87), и пр. и пр. Къ чести Посошкова и въ доказательство справедливости его извѣстій, нужно указать на очевидную воздержность его отъ всякихъ преувеличеній. Разоблачая дурныя стороны раскола, онъ въ то же время съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ указываетъ и хорошія. Кромѣ признанія обширной начитанности раскольниковъ, Посошковъ указываетъ также на свѣтлыя проявленія нравственности въ нѣкоторыхъ сектахъ, на «воздержаніе въ яденіи, питіи» и пр., хотя и видитъ въ этомъ «токмо блазнь едину», такъ какъ діаволъ хитръ есть и вся сильныя добродѣтели отъя отъ нихъ, а въ чемъ силы нѣтъ, то остави» (л. 105 об.).

Что же видитъ въ расколѣ самъ Посошковъ, каковы были взгляды на расколъ здравомыслящихъ простецовъ, не предзанятыхъ современниковъ? Ближайшее знакомство съ расколомъ, во всей силѣ его аргументовъ и основоположеній, здравое размотрѣніе и оцѣнка ихъ, въ то же время знаніе Священнаго Писанія и твореній отеческихъ, привели Посошкова

къ убѣжденію, что расколъ есть порожденіе религіознаго невѣжества, сильное въ своемъ грубомъ, неразумномъ упорствѣ. «Возмнивъ себя разумнѣе прочихъ человѣковъ и положившись на свой разумъ», раскольники поколебались въ «неподвижномъ стояніи на Священномъ Писаніи» и не могли удержаться въ истинномъ его пониманіи, потому что «разсудокъ ихъ кривъ» оказался и «огрубѣ отъ великаго упорства». Неразумѣніе же Писаній и было причиною того, что раскольники разсѣялись по всевозможнымъ дебрямъ заблужденія, прикрываясь и оправдываясь извращеннымъ смысломъ, «кривымъ толкованіемъ Писаній». На это-то невѣжество въ разумѣніи Писаній и напираетъ особенно Посошковъ, опровергая главнымъ образомъ въ этой области всѣ пункты старовѣрческой догматики. «Кто есте вы?» обращается Посошковъ къ раскольникамъ, — «простые не ученые мужики, и въ Божественномъ Писаніи не искусни есте, не знаете ни худа, ни добра, ни грѣха, ни спасенья, по просту рещи — ни уха, ни рыла: но яко скотъ безсловесный и упрямство и непокорство имѣете діавола». «Вси вы скудоумни и не разумѣете ничего; гдѣ Писаніе повелѣваетъ идти направо, а вы идете налѣво, всякое слово Писанія разсуждаете опакъ и отъ криваго разсужденія искривилися вы» (л. 54, 46, 36 об.). Совершенная тупость раскольниковъ въ пониманіи «даже явныхъ глаголовъ въ Божественномъ Писаніи», поставлявшихъ бѣлое чернымъ, сладкое горькимъ, правое неправымъ (л. 68 об.,), выводили Посошкова изъ терпѣнія, такъ что онъ безцеремонно величаетъ раскольниковъ «скотомъ безсловеснымъ, дураками», замѣчая, что «ни въ самыхъ дуракахъ, ни въ младенцахъ несмысленныхъ такого безумія никто не обрящетъ». Неоднократно Посошковъ сравниваетъ раскольниковъ съ слѣпыми червями, которые расползаются всѣ врозь: такъ точно и раскольники расходятся всѣ съ прямаго пути, и «очи имутъ, а не видятъ, уши имутъ — и не слышатъ, яко истуканные идолы» (л. 101 об.).

Какъ на очевиднѣйшій признакъ невѣжества раскольниковъ, Посошковъ указываетъ на страшные безпорядки, поддерживаемые старовѣрами при богослуженіи (л. 131); указываетъ на такъ называемыя тратиматы, то есть совершенно безсмысленныя вставки и прибавленія къ тексту богослужебныхъ пѣсенъ, напримѣръ «ай не не не най не ай нани сотвори» и т. п., которыя получили санкцію въ глазахъ раскольниковъ, непонимавшихъ конечно, «что́ то за нененайки» (л. 131). Впрочемъ, такими же не-

вѣждами являлись раскольники и въ самыхъ элементарныхъ религіозныхъ свѣдѣніяхъ: пустившись въ пренія о вѣрѣ, «раскольничи законоположители и глагола сего не разумѣютъ, что именуется вѣрою, но, яко спящіи во снѣ, глаголютъ и еже глаголютъ ничего не вѣдаютъ. Не безуміе ли сіе есть, еже двуперстное сложеніе нарицаютъ вѣрою, иконы старыя нарицаютъ вѣрою, книги Іосифовскія нарицаютъ вѣрою?» (л. 238, 150 об. = Розыскъ л. 2, 9).

Всѣ эти размышленія приводятъ Посошкова къ сожалѣнію о раскольникахъ, взявшихся не за свое дѣло, отвергшихъ авторитетъ людей призванныхъ, свѣдующихъ. «Время вамъ», обращается онъ къ раскольникамъ, «въ то не вступати, чего не смыслите. Вамъ, безумія вашего ради, не подобаетъ книгъ читати и о недовѣдомыхъ вами словесахъ разсуждати: не на пользу бо вамъ книги за безуміе ваше. По вашему разуму достаточно вамъ овощи продавати, бобръ чесати, землю копати... По моему суду, лучши ти есть идти на разбой, нежели людей Божіихъ совращати» (л. 130, 126). Впрочемъ, не неразуміемъ только объяснялъ Посошковъ заблужденія раскольниковъ, — онъ, очевидно, заподазривалъ ихъ въ намѣренномъ упорствѣ и искаженіи истины. Въ этомъ смыслѣ онъ и говоритъ, что «раскольники обыкоша между строкъ читати и чего нѣсть въ Писаніи, то утверждати», что и въ своихъ излюбленныхъ книгахъ они выбираютъ только «плевелы на смущеніе православнымъ, а здравая словеса минуютъ» (л. 29 об., 101). Расколоучителей же Посошковъ подозрѣваетъ въ низкихъ, корыстныхъ побужденіяхъ: по его мнѣнію, они только ищутъ богатства, «отъ кого насытитися и руки своя наполнити» (л. 112 об.).

Какъ человѣкъ въ высшей степени религіозный, Посошковъ не ограничиваетъ причины раскола только невѣжествомъ и грубымъ упорствомъ народа: его набожному взору казалось очевиднымъ въ расколѣ участіе и духа злобы, непосредственная связь съ явленіемъ на землѣ антихриста. Мысль эта, высказанная, какъ мы видѣли, въ другихъ противораскольническихъ сочиненіяхъ, съ особенною силою проводится Посошковымъ и является у него даже въ своеобразныхъ, оригинальныхъ формахъ.

Прежде всего Посошковъ видитъ въ расколѣ непосредственное продолженіе ересей, почти непрерывно волновавшихъ церковь, — дѣйствіе того же духа «самомнѣнія», чрезъ посредство котораго діаволъ всегда нарушалъ миръ церкви. Такимъ, дѣйствительно, и долженъ былъ пока-

заться расколъ, въ эпоху своего сильнѣйшаго развитія превзошедшій своими нелѣпостями и искаженіемъ православія всѣ ереси. Во всякомъ случаѣ, это мнѣніе Посошкова не одноличное: оно высказано было почти всѣми извѣстными апологетами православія. Симеонъ Полоцкій, напримѣръ, говоритъ: «демонъ, ратовавшій на церковь въ первомъ Адамѣ, дерзнулъ брань двигнути и на втораго и не преста кознотворити, древле — Аріемъ, Несторіемъ.., нынѣ-же — новоявльшимися Никитою, Аввакумомъ, Лазаремъ» и пр. (Жезлъ правл. л. 12 об.). Питиримъ тоже, какъ мы видѣли, расколъ поставлялъ въ родство съ древними ересями; притомъ, находилъ его лютѣйшимъ «самаго льва рыкающаго — Арія», «еретика Аввакума» называлъ «новымъ Несторіемъ» (Пращица л. 11, 414 об.). Димитрій Ростовскій проводитъ родословную раскольниковъ отъ самаго сатаны чрезъ посредство жидовъ, Льва Исаврянина, Лютера и др. (Розыскъ 198 л.). Сообразно такому установившемуся тогда воззрѣнію, и Посошковъ видитъ въ расколѣ не только отпрыскъ бывшихъ ересей, но «изъ безумныхъ безумнѣйшую и изъ проклятыхъ проклятую» ересь, самыхъ «всесовершенныхъ адскихъ воиновъ» (л. 69 об., 81=Зав. от. 89 стр.). «Всѣхъ прежде бывшихъ еретиковъ», обращается Посошковъ къ раскольникамъ, «вы несравненно превысили: Арій, Несторій... при васъ злобою младенцы быша». «Они хулиша по части: овіи Божество отъ Христа отымаху, овіи человѣчество безъ души сказываху.., вы же вся та своимъ хуленіемъ исполниша и усугубиша, приложиша» (л. 69 об., 67, 73 и др.). Мало того, не ограничиваясь церквію христіанскою, Посошковъ, въ порывѣ сильнѣйшаго возбужденія, приравниваетъ раскольниковъ къ врагамъ Божіимъ въ цѣломъ человѣчествѣ, находитъ ихъ «злобѣе жестоковыйныхъ жидовъ и поганыхъ идолопоклонниковъ: жидове бо, не познавъ, Бога распяли, россійстіи же раскольницы волею сыновства Божія отрекошася. Иновѣрцы же и истиннаго Бога не знающіи не дерзаютъ глаголати тако дерзко» и пр. (л. 89, 67, 70, 17, 132 об. и др.).

Много и съ непоколебимою силой убѣжденія Посошковъ говоритъ также о непосредственной связи раскола съ усиліями духа злобы. Діаволъ, «крѣпко вооружившійся на народъ христіанскій, пустилъ въ міръ 4 удицы», символизируетъ Посошковъ, «и отъ всѣхъ 4 странъ уловляетъ ими. На востокѣ обрѣтъ Арія..., потомъ нападе на сторону западную и тамо обрѣте папу Формоза и зацѣпи цѣлую страну римскую; потомъ нападе на южную страну и тамо обрѣте два вѣрные раба: Лютера и Кальвина.

Нынѣ же діаволъ нападе на нашу страну и въ ней обрѣте не два друга, а многочисленное множество, ихъ же числа не бѣ, всю Россію поколеба» (л. 25). Сообразно этому, Посошковъ въ учителяхъ раскола видитъ посланниковъ діавола, которые «въ міръ посланы — да прельщаютъ народы, да совращаютъ съ истиннаго пути, еже бы уготовати путь антихристу». Въ ихъ ученіи усматриваетъ «законъ злобный, отъ начальника злобы — діавола данный». Посошковъ указываетъ даже признаки, по которымъ онъ видитъ въ расколѣ бѣсовское ученіе; онъ проводитъ параллель и находитъ полное соотвѣтствіе между тѣмъ, что «любо діаволу и что принято въ расколѣ» (л. 95). Раскольниковъ называетъ сынами діавола, орудіемъ его: «либо отъ діавола въ міръ вы пріидосте, либо діаволъ вселился въ васъ, дѣйствуетъ вами, яко бы каковымъ орудіемъ. Духъ діавола что хощетъ, то ими и творитъ» и пр. (л. 77 об. Соч. Пос. т. II, 133). Посошковъ простираетъ родство раскольниковъ діаволу и на слѣдующія степени: онъ находитъ и внучатъ діаволу — въ любящихъ и слушающихъ расколоучителей, «понеже лжетворцы сынове суть діавола, а лжелюбители внучата его. Сынове діаволи своихъ чадъ, а діавольскихъ внучатокъ, лжею питаютъ, лжею утѣшаютъ, а тіи, яко младенцы, ротъ розиня, у нихъ слушаютъ и лжи навыкаютъ». Самое безумное упорство и неразумная ревность раскольниковъ, ихъ «мысленное затмѣніе», отъ котораго они неспособны понимать самыхъ простыхъ вещей, по мнѣнію Посошкова, суть результаты козней діавола (т. II, 239, 133).

Точнѣе опредѣляетъ Посошковъ связь раскола съ діаволомъ чрезъ посредство антихриста. Своимъ ученіемъ о наступленіи царства антихристова, раскольники дали поводъ Посошкову, опровергавшему это ученіе, высказать мнѣніе, что «есть и теперь антихристъ, но не прямо и не естественно (естественный антихристъ имать быти одинъ и той при кончинѣ вѣка сего), а дѣлами». И это-то проявленіе антихриста дѣлами Посошковъ видитъ въ раскольникахъ: «при Христѣ быша антихристы и нынѣ въ васъ есть, яко-же Иванъ Сусловъ» и др. (л. 134 об.). Сопоставленіе раскола съ апокалипсическимъ зміемъ встрѣчается еще у патріарха Іоакима, Симеона Полоцкаго и Димитрія Ростовскаго[1]); но Посошковъ высказывается гораздо опредѣленнѣе. По его мнѣнію, рас-

---

[1]) Напримѣръ Увѣтъ духов. л. 33; Жезлъ правленія л. 123 об.; Розыскъ стр. 69.

кольники призваны отъ діавола служить предтечами антихристу: «еже ему надлежало самому творити, то все вы сотворили есте и путь ему управили. Истинніи вы предтечи антихристовы и путь ему готовите»... (л. 135, 11 об. = Розыскъ 105 стр.). Поэтому, и объ ученіи раскола Посошковъ точнѣе выражается, какъ о законѣ исшедшемъ «отъ самаго седмоглаваго звѣря, сирѣчь отъ антихриста». Съ этой точки зрѣнія, Посошковъ видитъ въ современномъ расколѣ исполненіе пророчествъ о наступленіи временъ антихриста: «мнѣ сіе не дивно, еже вы путь антихристу пріуготовляете: подобаетъ тако быти», и онъ доказываетъ, что «вся апостольская пророченія на нашихъ россійскихъ раскольникахъ сбышася»: «о горе наше! во очесѣхъ нашихъ пророчество Апостола сбыстся» и пр. (л. 135, 22 об., 87, 90 об., 141, 95 об. и др. = Жезлъ правл. л. 34). Посошковъ пытается даже символически показать соотвѣтствіе дѣлъ раскольниковъ свойствамъ антихриста: «Ясно показано Іоанну Богослову, яко у антихриста семь главъ и тіи вси главы исполнены именъ хульныхъ: они прообразовали возложенную днесь отъ посланниковъ антихристовыхъ на седмь таинъ церковныхъ хулу. Паки изъявлено, яко будетъ антихристъ хулити Бога и селеніе Его: и сіе не дѣйствуется ли днесь?»... (л. 12).

Развивая апокалипсическій взглядъ на раскольниковъ, высказанный въ общихъ чертахъ и другими расколо-обличителями, Посошковъ заходитъ, какъ мы замѣтили, гораздо далѣе другихъ и высказываетъ мысли чисто своеобразныя, по крайней мѣрѣ не встрѣчающіяся въ знакомыхъ намъ противораскольническихъ сочиненіяхъ. На основаніи пророчества Іоанна Богослова въ Апокалипсисѣ о печати антихриста, которою онъ запечатлѣетъ хулящихъ имя Божіе, Посошковъ убѣдился, что эта печать антихриста находится уже въ дѣйствіи, что имѣющій придти антихристъ заклеймилъ многихъ изъ русскаго народа. «Азъ отъ всѣхъ свидѣтельствъ твердо увѣрихся, яко нынѣ всесовершенно дѣйствуетъ антихристово запечатлѣніе. Оно печатается на челѣ и руцѣ произволенія человѣческаго, а не на видимомъ челѣ и руцѣ плоти. Того ради, никто не можетъ его познати собою», а только, «по дарованію Божію, присмотрѣвъ со стороны по дѣламъ и всему намѣренію человѣка узнать его можно» (л. 138 об.). По всѣмъ признакамъ, Посошковъ усмотрѣлъ, что закоренѣлые раскольники «вси запечатлѣни суть антихристовою печатію въ чело» (л. 15, 35 об. и др.). Поэтому, Посошковъ постоянно проводитъ строгое

разграниченіе между запечатлѣнными раскольниками и не подвергшимися еще запечатлѣнію, считая первыхъ безвозвратно погибшими, потерявшими всякую надежду исправленія и спасенія. Кто «запечатлѣнъ антихристовою печатію, уже покаятися не можетъ: уже бо самъ собою не владѣетъ, но владѣетъ имъ живый въ немъ духъ льсти, иже въ него вниде и вселися въ немъ», — таковымъ уже неизбѣжно «быть въ адской пропасти» (л. 9, 65, 39). Это запечатлѣніе, дѣлая невозможнымъ христіанину обращеніе къ свѣту истины, поражаетъ «сугубою слѣпотою», — чему явнымъ доказательствомъ служатъ наши раскольники, которые «ничесого право зрѣти и право разумѣти не могутъ» и которые сдѣлались «сынами тьмы непросвѣтимыя» (л. 240 об.). Напрасны и всякія усилія обратить запечатлѣнныхъ на путь покаянія; всякій православный въ силахъ только сожалѣть и молиться о нихъ (л. 15). Посошковъ рекомендуетъ при этомъ довольно наивный способъ, по которому можно узнать подвергшагося печати антихриста. Этотъ способъ состоитъ въ испытаніи по Зерцалу: «егда обрящеши отпадшаго отъ церкви, то прочти сію бесѣду («о покаяніи» или «главизну о хульникахъ изъявленную и бесѣдами въ тонкость расположенную), и аще умилится, возжелаетъ покаянія, той не запечатлѣнъ, а который рожу свою отворитъ отъ тебя, то вѣдая вѣдай, яко запечатлѣнъ есть: обличеніе бо безумному мозоліе ему есть; и по сему можно во единомъ часѣ познать, кто есть волкъ и кто овца Христова стада» (л. 65, 17 об.).

Увѣщательный элементъ въ сочиненіи Посошкова опредѣляется уже самымъ взглядомъ его на расколъ и близко напоминаетъ знакомыя намъ увѣщанія современныхъ ему борцовъ православія. Только при чтеніи полнаго Зерцала чувствуется его сравнительно особенная простота, настойчивость, задушевность. Неподдѣльная ревность автора, не могущаго только, какъ онъ выражается, свой умъ вложити въ заблудшихъ (л. 235), становится до осязательности очевидною. Происходя самъ изъ простецовъ, зная по опыту опасность и соблазны для нихъ раскола, Посошковъ и хочетъ дѣйствовать преимущественно на простецовъ, убѣжденіями самыми доступными для всякаго, и дѣйствуетъ, нужно сознаться, сильно, — не мощными аргументами, не блескомъ краснорѣчія, а главнымъ образомъ силою своею внутренняго убѣжденія, силою своего сердечнаго слова, которое и бываетъ особенно дѣйственно въ своемъ вліяніи на такія же простыя сердца. Могутъ иногда показаться даже наивными его замѣ-

чательно простосердечные доводы; такъ, истощивъ весь запасъ своей аргументаціи, онъ, обыкновенно, заканчиваетъ такимъ полновѣснымъ доказательствомъ: «ей-ей не право вѣруете; ей-ей истину вамъ сказую, яко грѣшите напрасно; азъ твердо вѣмъ, что вы заблуждаетесь; Господа ради, умолкните, размыслите сами» и т. п.

Въ ряду всѣхъ полемическихъ доводовъ Посошкова особеннаго вниманія заслуживаетъ мысль его о распространеніи просвѣщенія въ средѣ раскольниковъ. Исходя изъ воззрѣній на расколъ, какъ на продуктъ народнаго невѣжества, Посошковъ, представитель новаго времени, разумный сторонникъ великаго преобразователя, сознательно убѣжденный въ пользѣ науки, старается внушить это убѣжденіе и закоренѣлой въ невѣжествѣ народной массѣ, рекомендуетъ просвѣщеніе, какъ самое дѣйствительное средство познать истину, избѣгнуть вѣчной гибели. Правда, Посошковъ сознавалъ уже невозможность образованія для застарѣлыхъ въ невѣжествѣ своихъ современниковъ, но, какъ передовой отецъ и въ своей собственной семьѣ, онъ старается внушить заботливость о дѣтяхъ, ратуетъ о молодомъ поколѣніи, стремится его извлечь изъ той умственной тьмы, которая подавляла и губила отцовъ. Въ высшей степени замѣчательны его слова, гдѣ примѣрами и клятвами Посошковъ старается внушить довѣріе къ школьному обученію, увѣрить въ полезности науки: «Господа ради, отложите вы свое сомнѣніе и отдайте безъ замедленія дѣтокъ своихъ къ грамматическому ученію; егда ваши дѣтки научатся единой токмо грамматикѣ, то въ васъ книжнаго разумѣнія свѣтъ возсіяетъ, а безъ того, колико вамъ, бѣднымъ, ни суетиться, а кромѣ вѣчныя погибели не обрѣсти... Вельми подобаетъ вамъ дѣтокъ своихъ научить грамматическаго разума. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, почесому были велики и славны? — явѣ есть, яко книжныя премудрости въ достатокъ научилися... И вы, Господа ради, отложите всѣ свои нужды: отберите чадъ и отдайте ихъ въ наученіе грамматическое» и пр. и пр. (л. 132). Посошковъ даже старается подѣйствовать на темные народные инстинкты, лишь бы только расположить въ пользу науки: «егда дѣти ваши научатся», говоритъ онъ раскольникамъ, «то и вы сильнѣе будете и никто противу васъ стояти не будетъ». Во всякомъ же случаѣ, Посошковъ не сомнѣвался въ дѣйствительной пользѣ грамотныхъ дѣтей и для ихъ отцовъ: «аще у васъ есть желаніе о книжномъ разумѣніи, то чадъ своихъ отдайте въ нау-

ченіе. Егда они достигнутъ синтаксиса, то во глаголѣхъ всякихъ и въ сочиненіи силу будутъ познавать и вамъ будутъ возвѣщать, гдѣ право и неправо; тогда и вы будете достовѣрни, за что вамъ достоитъ упорно стояти. А безъ науки отнюдь не подобаетъ въ книжное исправленіе вступати». Поэтому, «дондеже дѣти ваши изъ училищъ изыдутъ, Господа ради, умолкните. Не научась книжнаго разума, безъ ума нечего много претися, надобно первѣе въ конецъ книжный разумъ познати, да тогда уже въ него вступати» (л. 132 об.). Но Посошковъ хорошо зналъ современное общество, онъ зналъ, что стремленіе къ грамотности вызоветъ многихъ противниковъ въ массѣ народа, и потому энергично предостерегаетъ отъ внушеній послѣднихъ: «если кто въ васъ не повелитъ вамъ дѣтей своихъ въ науку отдавати, то вы прожените того человѣка отъ себя яко пса, понеже той изъ тьмы пришелъ и отъ самаго сатаны, и внутрь себя адскую тьму имѣетъ, и васъ въ тꙋ же тьму совлещи хочетъ» (л. 132 об.).

Мысли Посошкова о просвѣщеніи, какъ самомъ радикальномъ орудіи противъ раскола, являются въ высшей степени знаменательными. Эти мысли не устарѣли и для нашего времени: онѣ постоянно повторяются и теперь. Распространеніе образованія въ темныхъ слояхъ русскаго народа, такъ желанное Посошковымъ, и теперь считается потребностію дня, хотя и теперь оно во многомъ остается не болѣе, какъ только желаніемъ.

Что касается вообще полемическихъ пріемовъ Посошкова, то большею частію онъ слѣдуетъ программѣ другихъ противораскольническихъ сочиненій; поэтому, мы ограничимся возможно краткимъ ихъ указаніемъ. Подробно разсматриваетъ Посошковъ всѣ пункты раскольничьяго заблужденія и предлагаетъ опроверженія, основываясь на словахъ Священнаго Писанія и Святыхъ Отецъ. При этомъ съ особеннымъ благоразуміемъ онъ пользуется тѣми твореніями древне-христіанской и древне-русской письменности, которыя сохранили свой авторитетъ и у раскольниковъ, часто ссылающихся на частныя выраженія этихъ книгъ въ борьбѣ съ православіемъ. Въ этомъ нельзя не видѣть въ высшей степени полезной и рекомендующей автора особенности Зерцала, такъ какъ, кажется, ни въ одномъ изъ тогдашнихъ полемическихъ сочиненій не обращено такого вниманія на излюбленныя раскольниками книги, неточность выраженія или неправильность пониманія которыхъ нерѣдко составляли существенныя опоры раскола. Такъ, Посошковъ постоянно ссылается на книгу «О

вѣрѣ» и на сочиненія Кирилла Іерусалимскаго, поставляя на видъ при этомъ раскольникамъ, что эти «книги они лобжутъ, а что въ нихъ написано топчутъ; что въ нихъ на спасеніе писано, того не видятъ и не разумѣютъ, а токмо видятъ, кіи отъ неискусныхъ справщиковъ плевелы вкинуты». Разсмотрѣвъ всѣ основы раскола, Посошковъ пришелъ къ тому заключенію, что «ни на что они не опираются», что «ихъ опоры хуждши павлинаго пера, основаніе своихъ законовъ они утвердиша на сыпучемъ песцѣ» (Соч. Пос. II, 71, 116, 259 стр.) и пр. и пр. Въ большинствѣ случаевъ вполнѣ удачно Посошковъ низвергаетъ эти основанія, разоблачая «гаданія и кривыя толкованія» раскольниковъ, доказывая «безумство» ихъ пониманія извѣстныхъ мѣстъ, «обличая, обнажая и предлагая» всѣ ихъ аргументы (напр. л. 72, 16 об., 105 и др.). Въ самомъ расколѣ Посошковъ находитъ его осужденіе, потому что жизнь и поступки его послѣдователей противорѣчатъ постоянно ученію и убѣжденіямъ ихъ. «Вы бѣдные суеумы», говоритъ напр. Посошковъ, «и любимой своей книгѣ дѣете сопротивленіе, понеже прочитаете тая, а сказуете иная и отъ отецъ своихъ сами ся отлучили» (л. 94). Раскольники ссылались, какъ на основы своего ученія, на вселенскіе соборы, но «та ссылка вамъ къ винѣ, а не къ оправданію», говоритъ Посошковъ и далѣе подробно указываетъ на извращеніе соборнаго ученія въ расколѣ (л. 72, 108). Вслѣдствіе сбивчивости взглядовъ на дѣла вѣры и неустановленности религіозныхъ убѣжденій, раскольники впадали въ грубыя противорѣчія между собою, взаимно уничтожающія другъ друга и служившія, по Посошкову, очевиднымъ свидѣтельствомъ ихъ неправоты (л. 33 об.). Часто также Посошковъ развиваетъ, вслѣдъ за Димитріемъ Ростовскимъ, мысль о несправедливыхъ претензіяхъ раскольниковъ на старовѣрство и доказываетъ новость ихъ вѣры. «Напрасно на душу свою лжете, еже нарицаете новую свою вѣру старою вѣрою: нѣсть бо въ вашей вѣрѣ ни слѣда старыя вѣры, понеже всѣ уставы старыя вѣры отвергосте и новые, отъ себя сочиненные, держите» (л. 72 об.; также л. 26, 81, 84 об., 95, 240). Какъ на самое явное доказательство ложности ученія раскольниковъ, Посошковъ указываетъ на лживость всѣхъ ихъ пророчествъ; такъ напримѣръ, кончину міра «уже вящши четыредесяти лѣтъ на кійждо годъ прорицаютъ и день сказуютъ, и послѣдователи ихъ той день не піютъ ни ядятъ, въ саванъ обогнувшися въ гробъ ложатся. Егда той день минетъ, паки инаго дня ждутъ: аще и

видятъ свое лжепророчество, обаче не престая пророчествуютъ, а послѣдоватети не отмещутъ ихъ, но что не соврутъ, тому и послѣдуютъ». «Подобно объ антихристѣ прорицали и лицо сказывали, и вся та лжепророчества минуша, обаче и нынѣ не престая прорицаютъ». «Лжепророчествовали и на Никона и доводами доводили, и лѣтами учитали, и имя ему звѣрино исчисляли, яко той антихристъ. Егда же Никонъ скончался, стали на иныя лица прорицать». «По симъ ложнымъ пророчествамъ мочно и самымъ простымъ людямъ познать, яко лживи суть пророцы», заключаетъ Посошковъ (л. 89 об., 135 об., 161, 134). Чтобъ разсѣять сомнѣнія раскольниковъ относительно книжнаго исправленія, какъ главнаго камня претыканій для раскольниковъ, Посошковъ много разсужденій посвящаетъ этому предмету. Онъ указываетъ раскольникамъ на испорченность до-никоновскихъ книгъ отъ старыхъ переписчиковъ и справщиковъ: «отъ неразумія прежнихъ справщиковъ всѣ бѣды потрясошася. Ни они грамматики, ни они риторики, ни иныхъ каковыхъ наукъ коснулися, и тако правя, наблудили что кошки» (л. 126 об.). Посошковъ указываетъ также на «многотрудность къ переводу греческаго языка», съ котораго переводились наши книги, и, вслѣдствіе этого, «невозможность въ переводѣ быти безъ погрѣшенія»; указываетъ на постепенное искаженіе книгъ: «преписующе, ово отъ забвенія, ово отъ незнанія правописанія изрониша, ово же умствующе измѣниша, а тако и въ печать внесоша». Поэтому, «невозможно было никоими дѣлы, еже не поправити книги послѣди (л. 130 об.). Доказавъ, такимъ образомъ, законность исправленія книжнаго, Посошковъ энергически оправдываетъ Никона отъ взводимыхъ на него нарѣканій, разоблачаетъ гнусныя лжесвидѣтельства, которыми раскольники возбудили народъ, гласящія напр. «яко бы онъ повелѣлъ книги печатать какъ ни есть, лишь бы не такъ, какъ было до него; яко-бы онъ нарочно, ради погибели человѣческія, въ книгахъ многія рѣчи премѣнилъ» (л. 19, 38, 118)[1]). Чтобъ смыть всякую тѣнь съ Никона, Посошковъ говоритъ о тщательномъ вниманіи, приготовленіи и средствахъ, съ которыми онъ приступалъ къ книжному исправленію: «усмотрѣвъ неправости въ книгахъ, онъ не дерзнулъ ихъ править собою, аще и высокаго ума былъ, но послалъ къ патріархамъ и въ древнія обители, собралъ самыя старыя книги» и пр. — разсказываетъ исторію

[1]) Такую наглую клевету на Никона Посошковъ объясняетъ внушеніями діавола, «понеже Никонъ великія шкоды діаволу подѣлалъ» л. 158.

исправленія (л. 131 об., также л. 144, 160 об. и др.). Правильность же произведенныхъ Никономъ исправленій Посошковъ, какъ человѣкъ простой, доказываетъ самыми простыми и наглядными способами; онъ совѣтуетъ сличать новыя книги съ старыми — неиспорченными еще: «аще кто не имать ми вѣры», говоритъ онъ, «той возьми соборникъ старыя печати и прочти, и узриши очима» (л. 76, 144) и проч. А чтобъ познакомиться съ древнѣйшими памятниками церковно-русской письменности, Посошковъ приглашаетъ въ библіотеки: «аще кто не имать ми вѣры, аще кто отъ раскольниковъ въ сомнѣніе о новоисправленныхъ книгахъ приведенъ, той да идетъ въ патріаршую книгохранильницу или на печатный дворъ и тамо да видитъ своима очима древнія рукописныя книги, и да разсмотритъ самъ, право ли въ новопечатныхъ книгахъ напечатано или неправо, и тамо зря, будетъ безсумнителенъ» (л. 120, 144 об.).

Съ задушевнымъ прискорбіемъ сѣтуя о бывшихъ сынахъ святой церкви, которые, «изъ добрыя воли своея Бога отреклись и учинилися сынами діаволими», Посошковъ умоляетъ ихъ осмотрѣться и отвергнуть лжеученіе. Уже помимо всякихъ догматическихъ доказательствъ и авторитетныхъ свидѣтельствъ, а явленіемъ чудесъ, которыхъ онъ былъ въ своей жизни свидѣтелемъ (напр. л. 95 об., 214 об., 216, 137), также отъ собственныхъ соображеній здраваго смысла, Посошковъ доказываетъ превосходство православія. Вызывая постоянно и самихъ раскольниковъ на добросовѣстное, непредубѣжденное размышленіе и располагая такимъ образомъ ихъ къ свободному, сознательному управленію собой, въ то же время, Посошковъ поставляетъ предъ ихъ глазами и тѣ побудительные мотивы, которые особенно могли дѣйствовать на дѣтское воображеніе простаго народа: указываетъ на будущія мученія, которымъ неминуемо подвергаются еретики, указываетъ на историческіе примѣры Ананіи и Сапфиры, Арія и др., указываетъ на діавола, какъ ихъ патрона и мздовоздаятеля, на свойство его воздаяній и пр. (л. 92, 21 об., 80, 63 об., 82 об.). Сверхъ сего, Посошковъ молитъ раскольниковъ «не быть аспидами, затыкающими уши отъ увѣщаній. Азъ же не умолкая глаголю вамъ: покайтеся.... Аще и великъ свой гнѣвъ на мя воздвигните, не умолкая буду вопити. Аще же меня не послушаете, то буди вамъ по намѣренію вашему, азъ же чистъ есмь отъ погибели вашея: елико ми Богъ даровалъ, толико изрекъ. Аминь (л. 51 об., 68, 107, 39 и др.).

Въ большинствѣ случаевъ Посошковъ обращается съ увѣщаніями вообще ко всѣмъ раскольникамъ безразлично, всѣхъ убѣждаетъ, всѣхъ ободряетъ и вдохновляетъ надеждою на милость Божію и прощеніе въ случаѣ покаянія; но главнымъ образомъ, какъ мы замѣтили выше, онъ имѣетъ въ виду и хочетъ подѣйствовать на сомнѣвающихся и колеблющихся отъ раскола. Что же касается до нераскаянныхъ, «запечатлѣнныхъ отъ антихриста» раскольниковъ, то ихъ Посошковъ умоляетъ по крайней мѣрѣ не совращать другихъ, рекомендуя имъ лучше заняться разбоемъ, чѣмъ убивать души вѣрующихъ (л. 39, 130). Кромѣ молитвенныхъ обращеній, разсѣянныхъ по всей книгѣ, въ которыхъ Посошковъ проситъ Бога соблюсти православныхъ христіанъ отъ козней раскольниковъ, въ своихъ обращеніяхъ къ православнымъ Посошковъ настоятельно требуетъ рѣшительнаго удаленія отъ раскола, порванія всѣхъ связей съ зараженными «недугомъ раскольничимъ»: «удаляйся отъ нихъ какъ отъ ядовитаго змія, бѣгай какъ отъ пса», постояннно повторяетъ Посошковъ (напр. л. 21 об., 17, 93, 139 об., 159 об. = Пращ. л. 18; Жезлъ правл. л. 17; Просвѣтитель стр. 322). «Всѣмъ православнымъ христіанамъ подобаетъ неоплошно смотрѣти, дабы раскольничи вѣры ничѣмъ не прикоснутися и содружія бы съ ними никакого не имѣти, и отъ спребыванія съ ними бѣжати бѣгомъ стрѣлолетнымъ». «Ни въ какомъ дѣлѣ — ни въ домовномъ, ни въ торговомъ, ни въ молитовномъ, ни въ пищномъ не подобаетъ съ ними сообщатися» (л. 241, 13).

Тонъ увѣщаній и обличеній Посошкова вообще миролюбивый, ласковый, хотя и не безъ исключеній. Для нашего времени сочиненіе показалось бы слишкомъ рѣзкимъ, даже часто ругательнымъ; между тѣмъ, у Посошкова это была дань своему времени, удовлетвореніе требованіямъ современнаго вкуса, даже было дѣломъ необходимымъ при тогдашней жостковти нравовъ, потому что «изъ проклятыхъ проклятіи раскольницы, если писать имъ смиреніемъ — не внимали, писать поучительно — не слушали» (л. 69 об.). Съ этой точки зрѣнія, Посошковъ является даже слишкомъ умѣреннымъ, его бранныя выраженія значительно сглажены въ сравненіи съ современными полемическими трудами. Уже патріархъ Іоакимъ часто называлъ раскольниковъ окаянными дураками, съ которыми «не токмо глаголати, но и зрѣти на которыхъ, яко на псовъ бѣснуемыхъ, не годствуетъ» (Увѣтъ л. 40, 65 об. и др. = Просвѣтитель стр. 63). Питиримъ тоже постоянно къ имени раскольника присоединяетъ нелестные

эпитеты, въ родѣ слѣдующихъ: мерзкіе, скверные, проклятые, звѣріе, псы безстудные, «злохуленіемъ лающіе на Церковь» и т. п. Питиримъ высказываетъ даже мысль, что раскольники, за ихъ «мерзкое, блудное житіе и за непокорство, достойни истребленія», и вполнѣ одобряетъ насильственныя мѣры, употребленныя Петромъ Великимъ въ отношеніи къ раскольникамъ (Пращ. л. 358 об.). Даже святитель Димитрій Ростовскій не могъ освободиться отъ недостатка своего времени: онъ также называлъ раскольниковъ псами, лающими на Церковь, окаянными хулителями, сравнивалъ ихъ съ ядовитыми пауками, хищными волками и пр. (напр. Розыскъ л. 37, 162, 524, 561). Но особенно выдается неспокойнымъ изложеніемъ Жезлъ правленія. У Полоцкаго часто встрѣчаются такія неблагозвучныя для современнаго уха выраженія: «клевещеши, окаянне, свинія еси, вепрь гнусный, лисъ, губяй виноградъ церковный. Еже смрадный козлищъ въ садѣ благая древеса губитъ и свинія сквернымъ носомъ въ вертоградѣ рыетъ, тако и скотоумный Никита въ вертоградѣ Писаній» и т. п. (Жезлъ правл. л. 15, 17, 23 и др.). Изъ выраженій: гонзайте ихъ, подобаетъ обезглавити сего Голіафа (т. е. расколъ) (л. 17, 13 об.) и т. п. видно, что Полоцкій не прочь былъ и отъ насильственныхъ мѣръ въ отношеніи къ раскольникамъ.

Посошковъ, какъ по преимуществу выходецъ изъ народа, въ средѣ котораго выработались такія правила приличія и вѣжливости, какъ человѣкъ къ тому же менѣе другихъ знакомый съ литературными требованіями и, во всякомъ разѣ, не менѣе другихъ проникнутый негодованіемъ на раскольниковъ, разумѣется, менѣе всякаго былъ гарантированъ отъ употребленія выраженій дерзкихъ, оскорбительныхъ. Безцеремонно и, очевидно, не подозрѣвая себя выходящимъ изъ границъ приличія (такъ это было естественно и законно въ то время), Посошковъ обзываетъ раскольниковъ дураками, безумными, уродами и пр. Крайнія нелѣпости, невѣжество и упрямство раскольниковъ часто возмущали добродушіе Посошкова и его миролюбивое настроеніе, нарушали спокойное изложеніе мыслей, вызывая на рѣзкія выраженія: «о, безумнаго безумія, о, трепроклятаго мудрованія отчаянныя главы! невозможно васъ проклятыми нарещи, но трепроклятыми, девятопроклятыми»... и т. п. Встрѣчаются, наконецъ, и у Посошкова выраженія, свидѣтельствующія о желаніи его насильственныхъ мѣръ въ отношеніи къ раскольникамъ; такъ, онъ ублажаетъ Никона за то, что онъ «древеса, не плодящая добра, посѣкалъ

и въ огнь вметалъ»; также Посошковъ считалъ бы дѣломъ божественнаго внушенія императору, еслибъ онъ рѣшился сихъ зловредныхъ человѣковъ отъ земли истребити» (л. 161). Вообще же говоря, своимъ тономъ «Зерцало на раскольниковъ обличеніе» оставляетъ, сравнительно, очень благопріятное впечатлѣніе. Посошковъ не желалъ никого оскорблять; именемъ Бога, ласково, даже униженно умоляетъ онъ «не отринуть глаголы его», исполнить его совѣты, испрашивая прощенія за рѣзкія выраженія, допущенныя имъ. «Господа ради, не злобьтеся на суровые мои глаголы, не гнѣвайтеся на мя, не оскорбляйтеся на мя, еже сынами діаволими назвахъ васъ. Не слагая писахъ вамъ, но не гнѣвайтеся на меня, азъ бо возбуждая васъ тако воскричахъ, да познаете свое паденіе» (л. 77 об., 61 об., 108 об., 109, 103 об. и др.). И Посошковъ льститъ себя надеждою, что его воззваніе услышатъ, что его извинятъ, что «токмо отдавшіеся въ сыновство діаволу сего моего необычнаго воскричанія не устрашатся, но токмо возругаются». Нѣтъ, «воскричаніе» на расколъ было тогда слишкомъ «обычно», необычнымъ же представляется намъ это сознаніе въ своей рѣзкости, извиненія Посошкова; необычны были въ то время это истинно-христіанское смиреніе, уваженіе личности и въ послѣднемъ невѣждѣ-раскольникѣ. Нисколько не унижая предшественниковъ и современниковъ — сотрудниковъ Посошкова въ великомъ дѣлѣ ратоборства за православіе, мы не можемъ, однако, не сказать, что Посошковъ и тутъ возвышался надъ своими современниками, что для своего времени это былъ совершенно не заурядный человѣкъ.

II.

„О иконоборцахъ.“

(XXIII глава Зерцала очевиднаго).

Отношеніе Русскихъ къ иновѣрцамъ до Петра Великаго. — Двоякое направленіе полемики съ иновѣріемъ при Петрѣ В., сообразно дѣленію новаго русскаго общества на партіи консервативно-охранительную и прогрессивно-либеральную. — Отношеніе Посошкова къ этимъ партіямъ въ вопросѣ объ иновѣріи. — Полемическая противо-лютеранская литература въ Россіи до Посошкова. — Взглядъ Посошкова на лютеранъ. — Сущность и характеръ полемики Посошкова.

Вопросъ объ отношеніи Посошкова къ иностранцамъ имѣетъ полнѣйшій интересъ уже въ силу его особенной выпуклости въ сочиненіяхъ Посошкова. Какъ мы имѣли случай выше замѣтить, иновѣрцы составляютъ одинъ изъ двухъ полюсовъ, противоположный расколу, между которыми лавируетъ Посошковъ, стараясь сохраниться отъ уклоненій на «шуе или мнимое десно» съ пути золотой середины. Такое значеніе этого вопроса опредѣляется тогдашнею историческою жизнію, когда, по выраженію Крижанича, «затопила насъ множина инородниковъ», когда «нѣмцы тако обсѣли Русь, что все благо земли сея пожирали»[1]). Но между тѣмъ какъ русскій политико-экономъ негодуетъ на иностранцевъ изъ-за пожиранія благъ русскихъ, масса народа озлобленно вооружалась противъ иностранцевъ изъ-за другихъ побужденій, вслѣдствіе своихъ національныхъ особенностей, сложившихся подъ вліяніемъ своеобразной религіозности русскаго человѣка. Посошковъ является выразителемъ того и другаго взгляда на иностранцевъ. Объ его недовольствѣ иностранцами съ политико-экономической точки зрѣнія мы уже говорили; но гораздо интереснѣе его религіозный взглядъ на нихъ, обнаружившійся въ особомъ спеціальномъ

[1]) Русское государство въ пол. XVII в. т. I стр. 182 и т. II стр. 154.

разсужденіи Посошкова объ иконоборцахъ, подъ которыми онъ разумѣетъ нѣмцевъ, лютеранъ, Въ этомъ случаѣ Посошковъ является выразителемъ общественнаго мнѣнія всей до-петровской Россіи, мнѣнія, сложившагося исторически, подъ вліяніемъ тѣхъ, уже въ XVII вѣкѣ ясно опредѣлившихся взаимныхъ отношеній, въ которыхъ стоялъ русскій народъ къ иновѣрцамъ.

Русскіе люди, равно заключившіеся въ тѣсной сферѣ національной исключительности, односторонности, искони чуждались всѣхъ другихъ націй. Исключительно религіозное національное сознаніе, при отсутствіи живаго просвѣщенія, въ большей части русскаго народа изстари доходило до религіозно-фанатической нетерпимости и иногда отзывалось уже почти гордостью, тщеславіемъ своею вѣрою, своимъ православіемъ. Всякое сближеніе съ иностранцами считалось нечистотою и казалось оскверненіемъ. Поэтому, напр., Русскіе не удостоивали иноземцевъ даже рукопожатія; извѣстно также, что наши Великіе Князья и Цари послѣ торжественныхъ пріемовъ иностранныхъ пословъ, обыкновенно обмывали руки, къ которымъ во время этихъ пріемовъ прикладывались послы и которыя считались оскверненными такимъ прикосновеніемъ. Такія убѣжденія проникли въ литературу и въ ней получили полную санкцію. Въ кормчихъ предлагались напр. такого рода правила: «аще въ суднѣ будетъ латина ѣла, измывши, молитву сотворити и у латинской церкви не стояти»[1]). Такая религіозная нетерпимость въ отношеніи къ чуждымъ національностямъ особенно рѣзко стала обнаруживаться въ русскихъ людяхъ XVI и первой половины XVII в., когда особенно усилилась борьба русской церкви съ католицизмомъ и все болѣе и болѣе возрастали столкновенія и сношенія съ Западомъ. Во всей же своей силѣ эта вражда, по крайней мѣрѣ извѣстной части русскаго общества, къ иностранцамъ высказалась при Петрѣ Великомъ, когда сближеніе съ Западомъ достигло самыхъ широкихъ размѣровъ. Русскіе люди никакъ не могли примириться съ стремленіемъ Петра внести въ сферу древне-русской жизни свѣтъ общечеловѣческаго просвѣщенія, заимствовавъ его у другихъ народностей, западно-европейскихъ націй. Смотря на все иностранное, какъ на свое русское, съ православнорелигіозной точки зрѣнія, все западное оцѣнивая по началамъ православной вѣры и церкви, русскіе люди боялись

---

[1]) Сборн. кормчей Солов. библ. № 858 л. 367.

заимствовать у европейцевъ даже самые житейскіе, чисто внѣшніе обычаи, общечеловѣческія науки и искусства, считая ихъ противными православію и опасаясь за непоколебимость своего народнаго религіознаго характера. По свидѣтельству Котошихина, русскіе люди страшились даже посѣщенія чужихъ странъ, чтобъ «свою вѣру не отмѣнить» (О Россіи въ царств. А. М. стр. 41). Крайнія воззрѣнія на иностранцевъ народа, какъ извѣстно, раздѣлялись и высокопоставленными, авторитетными людьми времени; таковъ напр. патріархъ Іоакимъ, писавшій особое завѣщаніе противъ иностранцевъ[1]).

Впрочемъ, независимо отъ предубѣжденій, были и другія обстоятельства, способствовавшія зарожденію и усиленію враждебнаго въ Русскихъ чувства къ иностранцамъ. Ненависть къ нимъ вызвана была цѣлымъ рядомъ жестокостей, грабежей и насилій, жертвою которыхъ сдѣлалась Россія еще въ смутныя времена, столь богатыя примѣрами свирѣпства Поляковъ. «Ни одинъ народъ подъ солнцемъ» — свидѣтельствуетъ Крижаничъ — «искони вѣковъ нѣсть былъ тако изобиженъ и осрамленъ отъ инородниковъ, яко же мы, славяне, отъ нѣмцевъ» (Рус. гос. въ пол. XVII в. т. I стр. 182). Сильно возмущалось національное русское чувство оскорбительными отзывами, злословіемъ и презрѣніемъ, съ которыми, обыкновенно, иноземцы относились къ русскимъ людямъ. «Лаютъ они собаки-злословы, хулятъ и пишутъ, что Русскіе больше всѣхъ народъ воровскій, разбойничій, пьяный, развратный, нечистый, свинскій» и пр. (т. II стр. 158, 261 и др.). Русскій народъ, оказывается, не былъ застрахованъ и отъ грубыхъ физическихъ насилій со стороны пришельцевъ: «нѣмцы и дурни ляхи на Руси привыкли нещадно бить бѣдныхъ селянъ, приговаривая: эти люди варвары, варваровъ же треба токмо бити» (т. I стр. 171). Весьма естественно послѣ этого, что въ душѣ русскаго человѣка глубоко накипѣло искреннее отвращеніе къ иноземцамъ. Даже благоразумный славянинъ — Крижаничъ, послѣ вышеприведенныхъ его словъ, въ порывѣ оскорбленнаго патріотизма, не могъ удержаться, чтобы не прибавить: «на сицеву срамоту нѣсть нужды словами отвѣчать (иноземцамъ), но палками бы дать имъ памятило, пусть споминаютъ, на коемъ мѣстѣ видѣли они варваровъ». Но кромѣ этихъ насилій и оскорбленій, иноземцы посягнули на самое дорогое достояніе

[1]) Ист. царств. П. В. Устрялова т. II гл. 4-я.

русскаго человѣка, на его святую вѣру и тѣмъ затронули самые коренные его инстинкты, усилили вдвойнѣ антипатіи къ себѣ. Исконныя опасенія русскаго человѣка за свою вѣру въ столкновеніяхъ съ иновѣрцами имѣли дѣйствительныя основанія. Въ самой Москвѣ, при первыхъ уже опытахъ сближенія съ иновѣрцами, стали появляться русскіе люди, увлеченные лютеранствомъ. Подъ его вліяніемъ возникла на Руси ересь Башкина и Косого. Вообще, раціоналистическое ученіе, по словамъ старо-русскихъ крылошанъ, было «мнозѣми похваляемо и пріемлемо и любимо отъ многихъ, и познаваемо, яко истинно есть»[1]). Ясное доказательство иновѣрнаго вліянія при Грозномъ даетъ также соборъ московскій 1554 года на иконоборца, дьяка Висковатаго[2]). Своеволіе иновѣрцевъ во время междуцарствія простерлость до того, что они открыто дозволяли себѣ поруганіе православной церкви. Лжедимитрій самъ говоритъ о себѣ: «по законамъ Русскихъ, нельзя иновѣрнымъ входить въ церковь, но я нарочно во время вѣнчанія моего велѣлъ быть въ церкви лютеранамъ и кальвинамъ; слышалъ, что они ругались надъ образами, сидѣли и спали въ церкви» и пр.[3]). Опасность совращенія для русскихъ не миновала и при Петрѣ, потому что Посошковъ и теперь откровенно признавался: «толь мы просты, что не токмо кто ученый иновѣрецъ, но хотя бы самый послѣдній земледѣлецъ иновѣрный о чесомъ вопросилъ насъ, то не знаемъ, какъ имъ отповѣдь дать» (Донош. къ Ст. Яв.). А иностранцы, какъ это видно изъ примѣровъ Тверитинова и Лубкина,[4]) и теперь во зло употребляли свое вліяніе на русскій народъ и продолжали колебать въ немъ древнее, коренное устройство церкви. «Мнози изъ русскаго народа, — свидѣтельствуетъ также Посошковъ, — научившеся отъ иноземцевъ, отъ правыя своея вѣры въ зловѣріе начинають отклонятися и развращенные законы начинаютъ принимати, свои же отмѣщутъ» (Зав. от. стр. 4, 5). Гибельное вліяніе гостей и ихъ притязанія, естественно, возбуждали прежде всего лицъ, по самому своему положенію обязанныхъ блюсти чистоту православія. «Виждь, православный народъ, — говорилъ напр. Стефанъ Яворскій противъ неблагонамѣренныхъ иноземцевъ, — кіи между вами распространяются, величаются и почествуемы бываютъ... Пріидите при-

---

1) Истины показаніе, инока Зиновія, стр. 15.

2) Словарь историч. о рус. писателяхъ М. Евгенія т. II. стр. 19.

3) Ист. госуд. россійскаго Карамзина т. XII примѣч. 9.

4) Ист. Рус. церкви Филарета ч. 2-я стр. 81.

падемъ предъ Господомъ и предъ всѣми его угодниками, да сей вредъ, сіи злохульныя плевелы исторгнутся отъ насъ»[1]). Еще ранѣе сознанная и болѣе или менѣе уже удовлетворявшаяся потребность въ умственной борьбѣ съ врагами православія, такимъ образомъ, еще съ большею силою почувствовалась и при Петрѣ. Но полемика съ иновѣріемъ получила теперь нѣсколько иной характеръ, — она пошла въ двухъ отчетливо опредѣлившихся и рѣзко расходящихся направленіяхъ. Въ основу этого раздѣленія, кромѣ двойственности врага, легли нѣкоторыя чисто соціальныя условія тогдашней русской жизни, которыя мы здѣсь и считаемъ нужнымъ прежде всего отмѣтить.

Борьба христіанскихъ исповѣданій на Западѣ въ это время еще не улеглась окончательно; вся Европа въ это время раздѣлялась на два враждебныхъ лагеря: на одной сторонѣ стоялъ католицизмъ, съ своимъ подчиненіемъ авторитету и со всѣмъ богатствомъ внѣшняго, обрядоваго элемента, на другой — протестантизмъ, съ свободою изслѣдованія, съ наиболѣе развитымъ внутреннимъ, духовнымъ элементомъ. Вмѣстѣ съ вѣроисповѣдными разностями, у католиковъ и протестантовъ были свои политическіе, нравственные взгляды, различные научные пріемы, различныя типически отчеканенныя направленія въ мышленіи и дѣйствованіи; словомъ, были двѣ особыя цивилизаціи, выросшія одна на почвѣ католицизма, другая на почвѣ протестантизма. Это двойство не могло не отразиться, хотя въ малой мѣрѣ, и на русскихъ людяхъ, на которыхъ въ окно, прорубленное Петромъ въ Европу, такъ рѣзко пахнуло, по выраженію Посошкова, «вѣтромъ иноземческихъ ученій.» Необыкновенный наплывъ въ Россію иностранцевъ, давшій широкій просторъ обмѣну религіозныхъ мыслей, и вся внутренняя реформа Россіи, предпринятая и веденная подъ сильнымъ вліяніемъ протестантской цивилизаціи, неизбѣжно перенесли и въ Россію борьбу двухъ началъ, двухъ направленій. Россія представляла собою почву достаточно удобную и подготовленную для этой борьбы; здѣсь уже и безъ того обнаружились двѣ враждебныя партіи, два крайнія направленія — староверческое и реформаторское. И двоякое направленіе западно-европейской мысли, колеблющейся между крайностями католическаго консерватизма и лютеранскаго либерализма, легко могло привиться на Руси. Оно совпадало съ общимъ раздѣленіемъ стремленій всего русскаго народа, съ одной

[1]) Собр. пропов. Ст. Явор. т. I слово въ нед. 7-ю по пасхѣ.

стороны, въ одной своей части, староверчески стоявшаго за старину, а съ другой стороны, въ другой части, пропагандировавшаго реформу. Частнѣе же, это двоякое направленіе встрѣтило себѣ наиболѣе удобную почву въ новой, реформаторской половинѣ общества; оно совпало съ подраздѣленіемъ этой половины на партіи сравнительныхъ консерваторовъ и либераловъ, и еще рѣзче оттѣнило разновидности этихъ партій.

Дѣло въ томъ, что русскіе люди, составлявшіе собою, такъ называемый, лагерь новаторовъ, ставшіе на сторонѣ реформы, далеко не представляли изъ себя тѣсно сплоченнаго общества лицъ, проникнутыхъ совершенно одинаковыми убѣжденіями и одними взглядами. Не всѣ увѣровавшіе въ Петра Великаго съ равнымъ увлеченіемъ подхватили его мысли и начинанія, съ одинаково беззавѣтною преданностію къ нему и довѣріемъ къ его дѣлу взялись за новую работу. Ближайшее, благодаря раскрытію историческихъ данныхъ, знакомство съ эпохою Петра В. дало основаніе различать въ ряду лицъ, на которыхъ привыкли часто и доселѣ смотрѣть безразлично, вообще какъ на сторонниковъ новаго времени, какъ на родныхъ, присныхъ «птенцовъ гнѣзда Петрова»,— различать цѣлыя партіи, отъ пылкихъ, съ жаромъ юношескаго увлеченія, приверженцевъ его и ярыхъ проводниковъ его начинаній, до старчески осмотрительныхъ, опасливыхъ его только доброжелателей, не столько содѣйствующихъ открыто царю, сколько стушевывающихся за другими, дѣйствующихъ съ оглядкою, не столько вдохновенныхъ новымъ вѣяніемъ времени, сколько напуганныхъ быстрымъ полетомъ царственной мысли, гигантскимъ движеніемъ державной руки. Съ одной стороны, безусловная вѣра въ благо новыхъ порядковъ и радость за счастливую будущность обновленнаго отечества; съ другой — опасенія, боязнь за исходъ всѣхъ начинаній, боязнь за царя-реформатора, тревога за миръ и благоденствіе православной Руси. Съ одной стороны, искреннѣйшее желаніе всѣ силы свои предложить на помогу царю-строителю, весь животъ свой положить за его святое, великое дѣло; съ другой — затаенное недовольство слишкомъ быстрымъ и рѣзкимъ образомъ дѣйствій, гнѣздящееся въ глубинѣ души желаніе выждать, осмотрѣться, не упускать сразу изъ подъ ногъ твердую почву стараго московскаго быта и порядковъ, на которыхъ возросла и воспиталась вся крѣпь русскаго національнаго духа. Ближайшимъ образомъ это различное отношеніе къ реформѣ могло высказаться въ различіи взглядовъ новыхъ людей на характеръ древне-русской жизни, характеръ

чисто церковный, на религіозность и обрядность, которымъ былъ такъ преданъ и которыми такъ гордился древнерусскій человѣкъ, — во взглядахъ на значеніе, важность и цѣну этого народнаго характера, на большую или меньшую необходимость соблюсти его, застраховать отъ всякихъ посягательствъ со стороны царя-реформатора. Такъ какъ при низкомъ уровнѣ до-петровскаго просвѣщенія, при чрезвычайно слабомъ развитіи свѣтской литературы, церковь съ своимъ духовенствомъ все еще стояла во главѣ русской жизни, давала тонъ русскому обществу; то и различіе взглядовъ на характеръ русской жизни, а отсюда и различное отношеніе къ реформѣ, со всею ясностію обнаружилось въ представителяхъ русскаго духовенства. Самое различіе опредѣлившихся направленій — консервативно-охранительнаго и либерально-прогрессивнаго, какъ слабый отголосокъ и какъ бы нѣкоторое отображеніе на Руси борьбы двухъ иноземныхъ цивилизацій, прежде всего получило церковный характеръ, обнаружилось въ столкновеніи различныхъ богословскихъ направленій, въ двойственности полемики съ иновѣріемъ и даже пріурочивалось — хотя это было далеко неточно — къ католичеству съ одной стороны и къ протестантству съ другой. Духъ и направленіе католичества, болѣе консервативнаго и неподвижнаго, сравнительно съ лютеранствомъ, гораздо болѣе соотвѣтствовали стремленіямъ той половины русскаго общества, которая желала въ большей или меньшей степени остаться вѣрною старому московскому быту, что либо удержать изъ него. Поэтому, многіе русскіе пастыри, подозрительно смотрѣвшіе на реформы Петра Великаго въ сферѣ церковной жизни, желавшіе такъ или иначе воспрепятствовать этому дѣлу, отклонить эти реформы, невольно усвояли себѣ то направленіе консервативное, каковымъ характеризовалась и проникнута была цивилизація католическая; испытывая на себѣ большую или меньшую долю вліянія религіозной борьбы Запада, эти пастыри естественно стали противодѣйствовать крайностямъ новаго либерализма на Руси, вступали въ полемику съ заражавшими русскій воздухъ лютеранскими воззрѣніями. Другая же половина русскаго общества, безусловно довѣрившаяся реформѣ, склонная безъ всякихъ исключеній все старое повергнуть и дать мѣсто новымъ порядкамъ, уже по самому характеру своихъ стремленій, склонялась на сторону направленія наиболѣе либеральнаго и, такимъ образомъ, ненамѣренно совпадала въ направленіи съ цивилизаціею лютеранскаго Запада. Представители этой партіи, также подъ нѣкоторымъ воздѣй-

ствіемъ борьбы богословскихъ направленій Запада, начали полемику съ принципами и направленіемъ католичества.

Мы имѣемъ въ виду двухъ великихъ предстоятелей русской церкви времени Петра Великаго, ученѣйшихъ святителей — Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича. При всей неоспоримой солидарности ихъ въ общихъ взглядахъ на дѣла Петра Великаго и сочувствіи преобразовательнымъ реформамъ и просвѣтительному движенію, — въ подробностяхъ, во взглядѣ на средства и границы реформы, они были люди рѣзко разнящихся воззрѣній. Стефанъ Яворскій стоялъ во главѣ одного направленія, былъ представителемъ партіи новыхъ консерваторовъ, а Ѳеофанъ Прокоповичъ стоялъ во главѣ противоположнаго направленія, былъ блестящимъ представителемъ другой партіи — увлеченныхъ либераловъ, прогрессистовъ. Первый поставилъ себѣ цѣлію борьбу съ развившимся по Россіи, подъ вліяніемъ лютеранъ, духомъ либерализма, свободомыслія во всемъ, не исключая и области церковныхъ дѣлъ и жизни; другой, напротивъ, какъ человѣкъ всецѣло преданный реформѣ, началъ борьбу съ католичествомъ, подъ вліяніемъ котораго — какъ тогда казалось — росла консервативно-охранительная партія русскихъ людей, поднимался духъ оппозиціи новымъ реформамъ. Вслѣдствіе такого-то различія въ направленіи полемики этихъ двухъ святителей, не только въ свое время, во взаимныхъ столкновеніяхъ ихъ между собою, а и долго послѣ, прочно держался крайній взглядъ на нихъ. До послѣдняго времени въ Стефанѣ Яворскомъ хотѣли видѣть представителя русскаго, такъ сказать, православнаго католичества, какъ съ другой стороны, въ Ѳеофанѣ Прокоповичѣ — представителя русскаго православнаго протестантства. Между тѣмъ, спокойное и свободное отъ предзанятости изученіе сочиненій Стефана Яворскаго и Ѳеофана Прокоповича рѣшительно разубѣждаетъ въ непреложности такого на нихъ взгляда и обнаруживаетъ чистоту православія того и другаго несомнѣнною и нимало не запятнанною. Борьба между ними и въ свое время была, несомнѣнно, слѣдствіемъ недоразумѣнія или, въ крайнемъ случаѣ, дѣломъ личностей. Ни тотъ ни другой изъ нихъ не былъ сторонникомъ инославнаго исповѣданія, но тотъ и другой были усвоителями только разныхъ *направленій*, характеризовавшихъ протестантство съ одной стороны и католичество — съ другой. Совпаденіе вышло почти совершенно случайное, и если каждый изъ нихъ испытывалъ на себѣ вліяніе западныхъ богослововъ, то вліяніе это во всякомъ

случаѣ было чисто внѣшнее, формальное, оно не коснулось сущности религіозныхъ, строго-православныхъ убѣжденій ни Стефана Яворскаго, ни Ѳеофана Прокоповича. Во имя единаго чистаго православія одинъ цѣлію себѣ поставилъ борьбу съ протестантствомъ, а другой — съ католичествомъ. Каждый, естественно, читалъ полемическія сочиненія, подходящія только къ своей цѣли, проникался однимъ направленіемъ, и, такимъ образомъ, становясь противникомъ одной инославной доктрины, ненамѣренно становился — такъ по крайней мѣрѣ это могло казаться — какъ бы сторонникомъ другой. И если намъ теперь, въ усиліяхъ выяснить направленіе того и другаго, удобно ловить ихъ въ крайностяхъ, подчеркивать въ ихъ сочиненіяхъ двусмысленныя, неточныя выраженія; то въ ихъ время, для нихъ самихъ, слѣдить за собою и, отражая одно инославное ученіе, управить себя и отъ другаго, въ православіи, соблюсти себя отъ всякихъ крайностей и самомалѣйшихъ неточностей было далеко не столь легко и удобно. Мысля себя сыномъ церкви православной и обороняя *её* отъ того или другаго инославнаго ученія, каждый изъ нихъ, конечно, могъ и не подозрѣвать, что онъ, такъ сказать, переписалъ, сказалъ слишкомъ много, что сочиненія его могутъ бросить тѣнь на него уже съ другой стороны, такъ какъ противоположность-то каждому данному инославному ученію и составляло именно другое инославное исповѣданіе. И тѣмъ болѣе знаменательнымъ представляется то, что отлично различая борьбу двухъ разныхъ направленій, даже уклонившись по этому поводу въ личную полемику, и Стефанъ Яворскій, и Ѳеофанъ Прокоповичъ не смѣшали направленія съ самою доктриною и, во имя перваго, болѣе или менѣе свободно распоряжаясь въ формальной постановкѣ православія, какъ почвы нейтральной, они не коснулись сущности, догматовъ. Если Ѳеофанъ Прокоповичъ позволялъ себѣ порицать, до извѣстной степени, бездушную обрядность, практиковавшуюся въ жизни русской церкви; то православіе его въ этомъ случаѣ нимало не страдало, осталось непоколебимо. Только съ точки зрѣнія русскаго церковника, да со стороны діаметрально расходившагося направленія строго-консервативнаго за такое необычное тогда, свободное отношеніе Ѳеофана къ порядкамъ и обычаямъ церковной жизни можно было заподозрить его въ протестантствѣ, сущность котораго и характеризуется именно крайнимъ свободомысліемъ и религіознымъ вольнодумствомъ. А съ своей стороны, уличаемый изъ-за обрядности въ протестантствѣ, только Ѳеофанъ Прокоповичъ съ своими

сторонниками и могъ уличать Стефана Яворскаго въ католичествѣ за его непонятную на взглядъ перваго стойкость за обрядность. Во всякомъ случаѣ, исторія уже давно простила этимъ великимъ пастырямъ русской церкви какъ ихъ взаимное раздраженіе, такъ и ихъ нѣкоторыя дѣйствительно допущенныя увлеченія и крайности, какъ напр. неблаговидную и неприличную рѣзкость Θеофана Прокоповича въ отношеніи къ освященнымъ давностію порядкамъ церковной жизни. Исторія считаетъ и имя Θеофана Прокоповича въ ряду своихъ незабвенныхъ, полезнѣйшихъ дѣятелей, на ряду, ближайшимъ образомъ, съ именемъ Стефана Яворскаго, такъ какъ они взаимно дополняли другъ друга и своею каждый одностороннею дѣятельностію, въ общемъ совершили, въ великую эпоху русской исторіи, тѣмъ болѣе важное и великое дѣло: они нанесли рѣшительный ударъ католицизму и поставили «камень претыканія» протестантству на Руси, т. е. своею двойною борьбою доставили полное торжество въ Россіи единому чистому православію. Въ исторіи же русской цивилизаціи эти два лица должны быть поставлены во главѣ новаго періода, какъ представители двухъ партій, порожденныхъ петровскою реформою и начавшихъ собою въ двухъ замѣтно разнившихся направленіяхъ новую русскую жизнь.

Это-то раздѣленіе новаго русскаго общества на консерваторовъ-охранителей и либераловъ-прогрессистовъ, имѣвшее въ основаніи своемъ различіе общихъ взглядовъ на значеніе и цѣну древняго церковнаго характера русской жизни, на большую или меньшую необходимость преобразованій въ этой области, а — въ связи и зависимости отъ этого — и различное отношеніе къ двумъ разнохарактернымъ инославнымъ исповѣданіямъ, прямо или косвенно вліявшимъ на настроеніе умовъ въ Россіи, обнаружилось главнымъ образомъ, конечно, въ интеллигентныхъ слояхъ общества. На сторонѣ Стефана стояли тогдашніе русскіе епископы и вообще духовенство, какъ непосредственно заинтересованное въ дѣлѣ измѣненія общихъ основъ и всего строя русской жизни, какъ терявшее, подъ вліяніемъ новыхъ либеральныхъ началъ, свое старое значеніе и авторитетъ. На сторонѣ же Θеофана Прокоповича стояло большинство свѣтскихъ ученыхъ людей того времени, въ ряду которыхъ прежде всего нужно помянуть извѣстныхъ тогдашнихъ либераловъ-прогрессистовъ Татищева и А. Кантемира. Что касается простаго народа, то онъ въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ особяхъ, не отвернувшихся безусловно новизны, то же становился въ то

или иное отношеніе къ новому времени, относился положительно или отрицательно къ реформамъ. Прорывавшіяся наружу волненія народныя въ переходную эпоху служатъ очевиднымъ доказательствомъ великаго колебанія народныхъ мнѣній и симпатій подъ впечатлѣніемъ реформъ. Не безучастнымъ оставался народъ и къ новымъ движеніямъ въ сферѣ собственно религіозной, къ раздѣленію богословскихъ направленій, богословской мысли, ратовавшей или противъ католичества или противъ лютеранства. Люди изъ массы выдающіеся, энергичные, имѣвшіе болѣе свѣтлый и правильный взглядъ на положеніе вещей, сознательно стоявшіе подъ знаменемъ православія, строго отличали все прививавшееся къ нему извнѣ и чутко усматривали источники опасеній для чистоты народной жизни, сложившейся въ духѣ и подъ опекою православія. Они съ тою же благочестивою ревностію, которая одушевляла и великихъ предстоятелей церкви, готовы были дать рѣшительный отпоръ грозившимъ опасностямъ, принимали на себя смѣлость высказать энергичный протестъ противъ новаго, занесеннаго извнѣ и прививавшагося на Руси духа инославнаго ученія и порядковъ. Въ ряду такихъ лицъ прежде всего должно поставить Посошкова.

Крайне интересующійся вообще всѣмъ, касающимся вѣры и благочестія, онъ уже однимъ расколомъ вовлеченъ былъ въ сферу церковныхъ вопросовъ и принималъ живѣйшее и дѣятельное участіе въ ихъ правильной постановкѣ. Что же касается иностранцевъ, то они уже вслѣдствіе политико-экономическихъ только соображеній вошли въ программу литературной дѣятельности Посошкова; начавшееся же, подъ вліяніемъ ихъ, въ русскомъ обществѣ колебаніе религіозной мысли и взглядовъ еще болѣе приковало къ нимъ вниманіе Посошкова, такъ что сочиненія его, при изслѣдованіи силы иновѣрческаго вліянія на тогдашнюю Русь, являются документомъ первостепенной важности.

Само собою разумѣется, у Посошкова нельзя выслѣдить сознательное, *намѣренное* слѣдованіе той или другой изъ вышеуказанныхъ партій новаго русскаго общества, ставшихъ въ различныя отношенія къ разнымъ исповѣданіямъ. Если въ общемъ раздвоеніи русскаго общества на два великихъ лагеря — старообрядцевъ и западниковъ Посошковъ сохранилъ возможную объективность, выдержалъ среднее направленіе, то тѣмъ, конечно, проще онъ могъ избѣжать крайностей тогда, когда подраздѣляющія разности, въ самомъ возникновеніи своемъ, обязаны были существенною долею борьбѣ ученыхъ направленій и витали, главнымъ образомъ, въ

области мысли, въ области возвышеннаго богословствованія. Все это сферы, превышающія степень «удобопоемности» Посошкова, для него недоступныя, поэтому и высказаться рѣшительно и опредѣленно въ пользу того или иного направленія Посошкову было невозможно. Онъ, естественно, стоялъ ниже уровня той умственной, научно-богословской борьбы, которая ожесточенно велась между этими направленіями тамъ, на ихъ родинѣ, и которая отразилась у насъ на Руси въ различіи направленій, усвоенныхъ образованными представителями русскаго общества. Если могло отозваться на Посошковѣ это раздвоеніе современной ему русской мысли, то единственно своею практическою стороною, т. е. въ своемъ примѣненіи къ жизни, къ реформѣ, непосредственномъ отношеніи къ иностранцамъ-иновѣрцамъ. Разсматриваемый съ этой практической стороны, Посошковъ представляется намъ рѣшительнымъ сторонникомъ Стефана Яворскаго, совершенно солидарнымъ съ нимъ во взглядахъ религіозныхъ и вообще соціальныхъ. Что же касается Ѳеофана Прокоповича, то мы не можемъ точно охарактеризовать отношеній къ нему Посошкова, а тѣмъ болѣе представлять послѣдняго антагонистомъ партіи перваго. Отсутствіе всякихъ данныхъ къ тому въ сочиненіяхъ Посошкова, а также фактъ — насколько онъ истиненъ — обращенія Посошкова и къ Ѳеофану Прокоповичу съ своими проектами (стр. 13) убѣждаютъ насъ въ томъ, что Посошковъ не питалъ какой либо личной непріязни къ Ѳеофану Прокоповичу, что онъ не былъ вовлеченъ въ борьбу новыхъ направленій, даже, быть можетъ, не сознавалъ и не различалъ ту умственную борьбу, которая велась въ интеллигентныхъ слояхъ общества. Совершенно естественно и непринужденно вышло, что онъ исключительно направилъ свою полемику противъ лютеранъ и ингорировалъ католичество, что онъ вообще усвоилъ консервативно-охранительное направленіе, силился сберечь старый религіозный складъ русской жизни, со всѣми ея обрядами, правилами и пр., что онъ, не высказываясь относительно либеральнаго направленія Ѳеофана Прокоповича, не только опредѣленно сталъ на сторонѣ умѣреннаго направленія Стефана Яворскаго, но даже сошелся съ послѣднимъ въ частныхъ мысляхъ, въ подробностяхъ своей литературной работы. Вышло такъ у Посошкова, повторяемъ, совершенно естественно, безъ всякихъ намѣренныхъ разсчетовъ, вышло потому, что такъ писалось, а писалось такъ, какъ всегда у него, подъ вліяніемъ живыхъ событій и впечатлѣній, которыя давала ему современность.

Несомнѣнно прежде всего то, что направленіе Стефана Яворскаго несравненно болѣе соотвѣтствовало стремленіямъ большинства русскихъ людей. Находя себѣ поддержку въ возбужденіи народа реформою, оно если не выражало собою убѣжденій и дѣятельно выработанныхъ понятій всего русскаго народа, то ближе подходило къ воззрѣніямъ какъ той его части, которая возмущалась всякимъ нарушеніемъ стараго покоя, безусловно возстала противъ реформы, такъ и той, которая, мирясь съ реформою, не желала порывать окончательно связей съ стариннымъ бытомъ Россіи. Далѣе, не мало можно насчитать историческихъ причинъ того, что лютеранство представлялось тогда болѣе замѣтнымъ, сравнительно съ католичествомъ, и гораздо сильнѣе притягивало къ себѣ вниманіе русскаго человѣка. Ближайшимъ образомъ нужно отмѣтить быстрое размноженіе въ Россіи нѣмцевъ-лютеранъ при Петрѣ Великомъ, такъ что русскіе люди невольно были заинтересованы и непріятно поражены наплывомъ этихъ нежеланныхъ гостей. Съ другой стороны, и само лютеранство, какъ извѣстная доктрина, поражало русскихъ людей своею сравнительною новизною, между тѣмъ какъ къ католичеству послѣдніе давно уже пригляделись, — оно одною пресловутою уніею пріобрѣло уже хотя и печальную, но обширную извѣстность на Руси. Наконецъ, едва ли не болѣе всего могло имѣть значеніе то, что лютеранство, съ своимъ раціоналистическимъ элементомъ и либеральнымъ направленіемъ, несравненно болѣе, нежели католичество, расходилось съ церковнымъ складомъ и обрядовымъ направленіемъ русской жизни, а потому и представлялось, съ русской точки зрѣнія, болѣе разрушительнымъ и опаснымъ.

И вотъ, Посошковъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ изъ всѣхъ иновѣрцевъ почти исключительно имѣетъ дѣло съ лютеранами. О нихъ онъ при всякомъ подходящемъ и даже неподходящемъ случаѣ говоритъ, къ нимъ постоянно обращается, противъ нихъ направляетъ свою полемику, наконецъ, противъ нихъ однихъ пишетъ цѣлую большую полемическую статью «О иконоборцахъ». Католиковъ для Посошкова какъ бы совсѣмъ несуществуетъ, — такъ сравнительно рѣдко упоминается ихъ имя на всемъ протяженіи сочиненій Посошкова и такъ это рѣзко бросается въ глаза при изобиліи имени лютеранъ, которое встрѣчается чуть не на каждой страницѣ. Изъ всѣхъ причинъ, которыя могли обусловить рѣзко разнящееся отношеніе Посошкова къ католикамъ съ одной стороны и къ лютеранамъ съ другой, самою главною былъ для него чистый религіозный

взглядъ на тѣхъ и другихъ, взглядъ свободный отъ примѣси какихъ либо низменныхъ побужденій, отъ какихъ либо житейскихъ разсчетовъ, даже очищенный отъ политическихъ соображеній. Тутъ Посошковъ исключительно смотритъ на иновѣрцевъ съ религіозной точки зрѣнія и сравнительная мѣра истины и благочестія тѣхъ или другихъ изъ нихъ служитъ для него мѣриломъ ихъ оцѣнки. Полагая исходнымъ пунктомъ древнюю апостольскую церковь и потомъ слѣдя исторически за постепенными уклоненіями отъ нея, Посошковъ, естественно, въ лютеранствѣ усматривалъ самую крайнюю грань заблужденія, далеко опередившую и католичество, видѣлъ высшую степень еретичества. Лютеръ и въ началѣ, еще въ рожденіи своемъ «по отпаденіи Формозовѣ отъ восточныя церкве», уже «учинился измѣнникъ Христовъ, а потомъ собственнымъ своимъ отпаденіемъ и отъ Формозова отпаденія *повторилъ свою измѣну*» (Зерц. оч. л. 218). «Той бо въ началѣ съ римляны отъ восточныя церкве отпалъ, а потомъ и та западнаго костела вѣра явилась ему тяжелоносна, отвергъ и ту отъ себя, и отъ высокомнѣнія своего устроилъ себѣ самую легкостную вѣру» (Зав. от. стр. 162). Съ этой точки зрѣнія, конечно совершенно послѣдовательно и, резонно, Посошковъ и называетъ Лютера еретикомъ еретиковичемъ. Онъ «не токмо восточной, но и западной церкви учинился противникомъ, — и учинился онъ сугубый еретикъ, перелитрованный въ еретичествѣ своемъ, первѣе былъ въ римскомъ отпаденіи, а потомъ высочайшую себѣ ересь обрѣлъ, бысть *еретикъ еретиковичъ*» (Зав. от. 45 и 46 стр.). Итакъ, очевидно, въ представленіи Посошкова католичество является отпаденіемъ менѣе важнымъ и менѣе грѣшнымъ, сравнительно съ лютеранствомъ; оно и исторически ближе связывается съ древнимъ апостольскимъ православіемъ, да и по существу своему остается болѣе «тяжелоносно», сравнительно съ «легкостною» вѣрою лютеранскою. Сообразно важности предмета, наибольшей опасности лютеранства, Посошковъ и напрягъ всѣ силы своего ума, всю силу своей начетческой діалектики на борьбу именно съ лютеранствомъ, вѣроятно, совершенно незамѣтно для себя самого, игнорируя католичество, какъ ересь менѣе опасную. При видѣ сильнѣйшаго врага, онъ упускалъ изъ вида опасности менѣе грозящія, тѣмъ болѣе, что односторонне направленному взгляду Посошкова и все даже чуждое лютеранства представлялось иногда окрашеннымъ въ лютеранскій свѣтъ. Всѣ безразлично «другіе народы» мыслятся имъ какъ «избравшіе себѣ въ учителя Мартина»; нѣкоторыя

отступленія отъ православія, лежащія на главѣ католичества и только удержанныя въ лютеранствѣ, выдаются, въ жару увлеченія полемикою, какъ бы за спеціальныя измышленія лютеранскія (напр. объ опрѣснокахъ — Зерц. оч. л. 196).

Итакъ, въ обнаружившемся раздѣленіи взглядовъ въ новомъ русскомъ обществѣ на иновѣріе, а въ связи съ этимъ — на церковный строй русской жизни, на границы реформы, Посошковъ всецѣло стоитъ на сторонѣ Стефана Яворскаго. Онъ совершенно совпадаетъ съ послѣднимъ въ направленіи своей литературной дѣятельности, усвоивъ себѣ тотъ же консервативно-охранительный взглядъ и занявшись полемикою исключительно съ либеральнымъ духомъ и ученіемъ лютеранства. Въ своемъ Завѣщаніи отеческомъ Посошковъ, между прочими полезными книгами, рекомендуетъ своему сыну и знаменитый «Камень вѣры» Стефана Яворскаго; стало быть, Посошковъ знакомъ былъ не только съ характеромъ практической дѣятельности тогдашняго первосвятителя русской церкви, а и съ направленіемъ его литературной дѣятельности. Посошковъ какъ нельзя болѣе сочувствовалъ Стефану Яворскому, видѣлъ въ немъ не внѣшній, оффиціальный только, но и дѣйствительный, по его внутреннему, душевному настроенію, столпъ и опору русскаго православія, оборону его отъ внушавшихъ тогда наибольшую тревогу опасностей. И Посошковъ вдвойнѣ благоговѣлъ предъ великимъ русскимъ святителемъ; одушевленный общимъ съ нимъ дѣломъ, занятый одинаковыми съ нимъ заботами, Посошковъ съ увѣренностію обращался непосредственно къ своему высокопоставленному единомышленнику, смѣло адресовалъ ему свои доношенія, записки, мнѣнія.

Прежде чѣмъ займемся разсмотрѣніемъ статьи «О иконоборцахъ», и мы предложимъ нѣсколько замѣчаній о Камнѣ вѣры, какъ трудѣ не только однородномъ съ сочиненіемъ Посошкова и извѣстномъ Посошкову, но и самомъ цѣнномъ изъ всѣхъ, выродившихся въ полемикѣ съ лютеранствомъ.

Камень вѣры представляетъ собою явленіе интересное въ нашей древне-отечественной письменности уже по самой судьбѣ своей. При своемъ появленіи, еще только въ рукописи, онъ надѣлалъ, какъ извѣстно, слишкомъ много шума, вызвалъ цѣлую бурю въ литературѣ, а на автора навлекъ «многія страсти, досажденія, поношенія, клѣветы и навѣты отъ нѣкіихъ недоброхотныхъ ему человѣкъ», приведшихъ своими навѣтами даже самого «государя въ малое усомнительство» относительно автора [1]).

[1]) Сказаніе о творцѣ книги въ концѣ І-го т. Камня вѣры стр. 8.

Сочиненіе это направлено было противъ распространявшагося въ Россіи лютеранскаго духа, ближайшимъ образомъ проммвъ лжеученія, пересаженнаго на русскую почву Тверитиновымъ, — тѣмъ Тверитиновымъ, который «прилѣпился бяше къ нѣкоему врачу-иновѣрцу, отъ него же врачебныя хитрости навыкающь, души своей разслабу воспріятъ, и, недугомъ еретичества поврежденъ бывъ, тѣлесемъ убо врачъ мняшеся быти, душамъ губитель вселютѣйшій явися»[1]). Въ виду усиливающагося религіознаго шатанія, Стефанъ Яворскій принялъ на себя трудъ «камнемъ вѣры заградити диру, юже татіе прокопаша», и, «да не возмнятъ противницы своимъ буесловіемъ насъ посрамленныхъ быти», рѣшился имъ «отвѣчати и въ твердости дѣла нашего суда всего міра требовати» (Кам. вѣры т. II, стр. 23, 118). Такъ какъ «противницы любопренія держались и отъ насъ писанія истязали», то Стефанъ Яворскій, не ограничиваясь только обличеніемъ еретиковъ, и отъ себя въ широкомъ объемѣ предложилъ имъ ученіе православное. Камень вѣры его, кромѣ полемическаго значенія, поэтому, имѣетъ цѣну, какъ положительное раскрытіе православныхъ догматовъ. Стефанъ Яворскій старается, обыкновенно, прежде утвердить православный догматъ, а потомъ уже опровергаетъ заблужденіе еретиковъ. Каждая глава Камня вѣры раздѣляется на 2 части: положительную, гдѣ доказывается «твердость камене вѣры» и отрицательную, гдѣ исправляется «претыканіе противниковъ». Согласно со всѣми вообще апологетами православія, и Стефанъ Яворскій видитъ въ лютеранствѣ одно изъ порожденій злаго начала, орудіе козней діавола на единую христіанскую церковь; поэтому, онъ и называетъ лютеранъ «учениками діавола», «діавольскою злобою помраченными», «діаволу порабощенными», «духомъ демонскимъ дышущими», «седмоглаваго звѣря служителями», и пр. (т. I, стр. 109, 277, 274; т. II, 4, 67 и др.). Съ другой стороны, источникъ живучести ереси онъ усматриваетъ въ слабости ея ученія, въ потворствѣ чувственности человѣческой, и съ этой точки зрѣнія называетъ лютеранъ «плотскими человѣками, въ сластѣхъ житейскихъ утопшими» (I, 275) и т. п. Не малую долю успѣха лютеранства Стефанъ Яворскій приписывалъ недобросовѣстности его учителей и распространителей. «Въ писаніяхъ они — по его словамъ — пролазки ищутъ, окаянніи»; «вельми хвалясь писаніемъ», они, однако, поковар-

---

[1]) Приложеніе къ І-му т. Камня вѣры стр. 9.

ству, «не сполна писаніе наводятъ»; въ своей пропагандѣ они, обыкновенно, «ищутъ уловити неискусныхъ». «На прельщенія неискусныхъ часть нѣкую писанія наводяще, прочіи глаголы, разуму совершенному приличные, утаиваютъ» и пр. (I, 22, 292, 350, 109; II, 154 и др.). Въ виду этого, Яворскій во имя справедливости требуетъ, чтобъ еретики въ своихъ основоположеніяхъ «приводили писаніе полное», чтобъ поступали «подъ совѣстію, аще тую имѣютъ» (I, 110). Вообще же Стефанъ Яворскій сравнительно рѣдко спускается къ простой бесѣдѣ съ еретиками; по большей части онъ, только вызванный извѣстнымъ заблужденіемъ, занятъ спеціальнымъ и всестороннимъ раскрытіемъ православно-христіанскихъ догматовъ, витаетъ въ области возвышеннаго богословствованія. Сочиненіе его производитъ впечатлѣніе основательнаго ученаго трактата; онъ постоянно приводитъ доказательства отъ «правилъ логическихъ», «отъ ученія метафисическаго», «яко же философія учитъ» и пр. (напр. I, 175, 148, 276 и др.). Иногда Стефанъ Яворскій углубляется въ совершенное философствованіе, такъ напр. въ одномъ мѣстѣ онъ пускается въ различеніе «степеней метафисическихъ: естество, существо, тѣло, одушевленное, животное, человѣкъ» (I, 174). Въ полемикѣ Яворскаго видѣнъ человѣкъ не только умный и обширно начитанный, но и учившійся, опытный, привыкшій къ школьнымъ диспутамъ, умѣющій бороться съ противниками «чиномъ діалектическимъ и аргументами», старающійся изобличать не только внутреннюю несостоятельность ихъ мнѣній, но также и ихъ непослѣдовательность и нелогичность. Общій тонъ полемики его суровъ и рѣзокъ[1]).

По всей справедливости, весьма видное мѣсто въ ряду апологетовъ православія, въ полемикѣ съ лютеранствомъ, въ петровскую эпоху долженъ занять Посошковъ съ 23-ю главою своего Зерцала очевиднаго, т. е. съ его разсужденіемъ «О иконоборцахъ». Впрочемъ, значеніе Посош-

---

[1]) Извѣстенъ еще въ полемической противо-лютеранской литературѣ «Рожнецъ духовный» Пафнутія, монаха Переяславля-Залѣсскаго монастыря. Сочиненіе это, впрочемъ, извѣстно только по описанію г. Ф. Терновскаго (Пр. об. 1863 г. ч. 12). Оно — продуктъ живой устной борьбы Пафнутія съ Тверитиновымъ — имѣетъ форму собесѣдовательную и состоитъ изъ 46 возраженій противъ православія съ опроверженіями ихъ. Возраженія большею частію догматическаго характера. Изложеніе его отличается краткостію, отрывочностью, серьезностію.

кова доселѣ здѣсь никѣмъ рѣшительно не подозрѣвалось, да никто и не могъ обратить на него вниманія съ этой стороны, по той простой причинѣ, что глава О иконоборцахъ извѣстна въ литературѣ исключительно по ссылкамъ только самого Посошкова и сохранилась, какъ пока оказывается, въ единственномъ спискѣ полнаго Зерцала еще не изданной рукописи, принадлежащей библіотекѣ Казанской Академіи. По своему содержанію, глава эта служитъ отвѣтомъ на общее заглавіе, данное ей Посошковымъ въ оглавленіи Зерцала очевиднаго: «О иконоборцахъ и о лютерскомъ безумномъ мудрованіи, и на вся ихъ неправая толкованія явное обличеніе. И зряй тамо, можетъ всякъ познати, яко люторове соблазнилися зря на Мартиново ученіе и далеко отлучились отъ праваго пути». Тутъ разсмотрѣны и по возможности обличены Посошковымъ всѣ извѣстныя въ народѣ, преимущественно практическія особенности лютеранства. Обличенія постоянно переплетаются обширными увѣщаніями еретиковъ и нравственными приложеніями и предупрежденіями православнымъ.

Посошковъ не счелъ нужнымъ отдѣлить главу О иконоборцахъ отъ главнаго своего полемическаго труда и поставилъ ее какъ непосредственное продолженіе, какъ составную часть противо-раскольническаго Зерцала. И дѣйствительно, она представляется совершенно однородною по общности своего характера, цѣли, связана съ нимъ единствомъ направленія, тона и пріемовъ полемики. Связующимъ пунктомъ этихъ двухъ сочиненій у Посошкова стало также и общее къ нимъ заключеніе, поставленное въ концѣ книги: «Приложеніе или послѣдованія сему очевистому зеркалу, учиненное ради подтвержденія или возбужденія читающимъ е». Здѣсь Посошковъ, обращаясь преимущественно къ православнымъ, одновременно и совмѣстно предостерегаетъ ихъ отъ двоякой опасности — со стороны раскола и со стороны лютеранства, — такимъ образомъ, сразу имѣетъ въ виду и расколъ, и лютеранство, о которыхъ разсуждалъ въ двухъ частяхъ книги отдѣльно. По своему же содержанію, по самостоятельности разсматриваемаго предмета, наконецъ, по своей обширности и богатству матеріала, глава О иконоборцахъ составляетъ отдѣльное, совершенно самостоятельное и весьма почтенное сочиненіе. Разсматривать ее такъ даетъ намъ право даже самое построеніе ея: она снабжена своимъ особымъ предисловіемъ, имѣетъ особый, совершенно самостоятельный распорядокъ въ изложеніи мыслей, въ исчисленіи частей,

свой правильный и до конца выдержанный планъ. Есть даже нѣкоторыя основанія думать, что и самъ Посошковъ разсматривалъ ее какъ бы самостоятельную, только прикладную часть къ противораскольническому Зерцалу; иначе трудно объяснить не только своеобразное построеніе, но также и полное отсутствіе ея въ сокращенныхъ спискахъ Зерцала, редакція которыхъ, мы предполагаемъ, принадлежала самому же Посошкову. Извлекши сущность содержанія первыхъ 22 главъ полнаго Зерцала въ редакцію сокращенную, Посошковъ могъ свободно опустить послѣднюю главу, безъ всякаго ущерба полнотѣ сочиненія, какъ не имѣющую ничего общаго съ содержаніемъ первыхъ.

Такъ какъ глава О иконоборцахъ доселѣ остается совершенно неизвѣстною, то мы считаемъ нелишнимъ предпослать нѣсколько замѣчаній объ ея планѣ, построеніи и расположеніи матеріала. Глава «О иконоборной ереси и о возновляющихъ ю» (— точное заглавіе ея) занимаетъ собою 74 большихъ листа рукописи. Она подраздѣлена на нѣсколько бесѣдъ и главъ. Сначала поставленно общее ко всей статьѣ предисловіе, въ которомъ Посошковъ кратко передаетъ исторію всѣхъ козней діавола въ христіанской церкви, сущность лжеученія всѣхъ ересей, начиная съ Арія и константинопольскихъ императоровъ, продолжая католичествомъ и лютеранствомъ, заканчивая русскимъ расколомъ. «Нынѣ надлежитъ ми слово», заключаетъ Посошковъ предисловіе, «о новоизданномъ лжеблагочестіи, отъ Люторовъ пришедшемъ, т. е. о иконоборной ереси», такъ какъ «нынѣ нѣцыи, зря на люторская лжесловія, начинаютъ шататися». «Бесѣда 1-я иконоборцамъ», слѣдующая за предисловіемъ, содержитъ въ себѣ общее обращеніе къ лютеранамъ, характеристику ихъ ереси, указаніе ея опасности и т. п. Непосредственно за этою бесѣдою, и какъ бы составныя ея части, слѣдуютъ въ рукописи, иногда не отдѣленныя красною строкою (очивидно, по недосмотру переписчика или по сбивчивости его представленія о планѣ статьи), 6 главъ, въ которыхъ подробно разбираются и обличаются самыя коренныя и очевидныя заблужденія лютеранъ: о постѣ, о поклонахъ, объ иконахъ, объ опрѣснокахъ (заглавіе это пропущено въ рукописи), о Пресвятой Богородицѣ (заглавіе опущено), о святыхъ Угодникахъ Божіихъ, о животворящемъ крестѣ (заглавіе опущено). Порядокъ въ расположеніи матеріала, построеніе каждой главы и здѣсь удержаны тѣ же, что въ противораскольническомъ Зерцалѣ, т. е. сначала, обыкновенно, излагается ученіе православной церкви о томъ или

другомъ пунктѣ, приводятся основанія Священнаго Писанія, св. отцовъ и другія доказательства, затѣмъ указываются уклоненія, заблужденія лютеранъ и, наконецъ, предлагается обличеніе ихъ, разоблаченіе ихъ лжи. Такой порядокъ въ раскрытіи мыслей напоминаетъ также книгу Стефана Яворскаго «Камень вѣры», хотя впрочемъ параллель этихъ сочиненій, какъ ниже увидимъ, не можетъ быть проведена далѣе общаго порядка въ развитіи сочиненія и простираться на частности. Въ концѣ каждой главы, обыкновенно, Посошковъ предлагаетъ «вопросъ люторомъ», т. е. послѣднее обращеніе къ нимъ, послѣднее слово относительно разсмотрѣннаго въ главѣ пункта и окончательный приговоръ имъ отъ человѣка, сильнаго своимъ православіемъ и потому какъ бы власть имѣющаго. За пересмотромъ отдѣльныхъ пунктовъ лютеранскихъ заблужденій въ перечисленныхъ шести главахъ слѣдуютъ:

«Бесѣда 2-я къ православнымъ» о необходимости «намъ, во православіи сущимъ, отнюдь люторскому ученію не внимати, но твердо стояти, яко столпу, на каменномъ основаніи утвержденному, еже ни на шуее, ни на мнимое десно шататися».

«Бесѣда 3-я иконоборцамъ», въ которой Посошковъ «восхотѣлъ, кромѣ вышеявленныхъ свидѣтельствъ, отъ бытія, въ мірѣ дѣющагося, нѣкая разглагольства предъ очи лютеранъ предложити». Въ этой бесѣдѣ Посошковъ, не касаясь лжеученій собственно, обращаетъ вниманіе на жизнь Лютера, силится разочаровать лютеранъ въ личности ихъ учителя, доказать имъ его нравственную несостоятельность.

«Бесѣда 4-я къ люторамъ», въ которой Посошковъ обращается съ словомъ убѣжденія присоединиться къ Восточной церкви, покинуть свои заблужденія, заводя при этомъ снова рѣчь о нѣкоторыхъ изъ разсмотрѣнныхъ уже выше пунктахъ, особенно объ иконопочитаніи.

Затѣмъ слѣдуетъ «Вопросъ люторамъ», гдѣ Посошковъ «уже напослѣдокъ вопрошаетъ всѣхъ люторства держащихся» относительно ихъ заблужденій и главнымъ образомъ опять останавливается на иконахъ, какъ пунктѣ въ ихъ ученіи самомъ ненавистномъ, съ точки зрѣнія православныхъ людей. Какъ извѣстно, представители старо-церковной партіи даже въ борьбѣ съ русскими вольнодумцами любили обвинять ихъ въ иконоборствѣ[1]). Для лютеранъ же имя иконоборца было на Руси самымъ обыкновеннымъ, — оно положено и въ заглавіи сочиненія Посошкова.

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1880 г. Іюнь, стр. 262.

Въ заключеніи Посошковъ обращается къ Богу съ горячею молитвою— сберечь русскихъ людей отъ паденія, а уже отпадшихъ и изъ «россійскаго народа большую часть уловленныхъ» возвратить въ лоно свѣтлаго православія, — «да будемъ со всѣми Тебѣ угодившими отъ вѣка, Боже нашъ, славити и воспѣвати Тя, Господа Бога, въ безконечные вѣки вѣковъ. Аминь».

Такъ какъ по своему общему направленію, господствующему тону и по пріемамъ полемики, глава О иконоборцахъ совершенно напоминаетъ вышеразсмотрѣнное противораскольническое Зерцало, то мы и не будемъ подробно останавливаться на этихъ пунктахъ. Намъ интересенъ взглядъ Посошкова на иновѣрцевъ и характеръ его отношеній къ нимъ.

Какъ строгій ревнитель православія, слишкомъ живо интересующійся вопросами, возникавшими на почвѣ религіи, Посошковъ не могъ, разумѣется, не обратить вниманія на опасность православія съ другой стороны, извнѣ, отъ иновѣрцевъ. И вотъ, съ такою же ревностію, какъ и при полемикѣ съ расколомъ, онъ старается ближе познакомиться съ основоположеніями лютеранства, изучить свойства этого противника, чтобы, соображаясь съ ними, начать наступательную борьбу. Посошковъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ выспросить лютеранина, поспорить объ ихъ вѣрѣ; такъ напр. онъ бесѣдовалъ о лютеранствѣ съ ахтырскимъ полковникомъ Перекрестовымъ и отъ него «кое-что узналъ» (Зав. от. стр. 33). Наконецъ, вообще Посошковъ свидѣтельствуетъ, что онъ «много имѣлъ лютеранъ въ знакомствѣ у себя и много въ нихъ поискалъ евангельскаго исправленія» (Зерц. оч., 23 глава, л. 229). Не ограничиваясь устными бесѣдами, Посошковъ обращался и къ книгамъ лютеранскимъ, «поискалъ *въ законѣ* Мартина Лютера» (л. 190 об.). Результатомъ изслѣдованій Посошкова было крѣпкое убѣжденіе его въ несостоятельности лютеранства. Посошковъ не нашелъ въ нихъ и «единыя черты правыя»; «не обрѣтохъ у нихъ не токмо Св. Евангелія, но ниже священной Библіи послѣдованія: вся заповѣди Божіи отвергше, держатъ заповѣди отца своего Лютора, — той ихъ законодавецъ, а не Богъ» (л. 229). Прежде всего Посошковъ обращаетъ вниманіе на историческое происхожденіе лютеранства и находитъ въ немъ непосредственное продолженіе и возстановленіе иконоборческой ереси, осужденной седьмымъ вселенскимъ соборомъ. «Мы вельми вамъ удивляемся — обращается Посошковъ къ лютеранамъ, — не дивно тѣ ереси расширяти, кіи еще не освидѣтельство-

ваны и возражены не были. Сія же иконоборная ересь не новая, но древняя и всѣмъ совершенно извѣстная: много бо она толкована и отъ церкве святыя отринута» (л. 166 об.). Истинную причину, кореннаго виновника лютеранства, какъ и раскола, Посошковъ, съ своей религіозной точки зрѣнія, видитъ въ діаволѣ, который «всякими образы тщится благочестіе древнее истребити. Въ началѣ онъ истреблялъ христіанство «явнымъ лицомъ, наглостно», когда же это не удалось, «онъ вымыслилъ хитрость злопагубную: прикрылъ своихъ воиновъ одеждами овчими, злый свой ядъ прикрылъ извѣтомъ благочестія. Сначала извелъ перваго адскаго воина Арія,... Несторія,... Въ послѣднее время всю западную страну отвратилъ отъ благочестія. Наконецъ, діаволъ напалъ на нѣмецкіе народы и устроилъ имъ вождя, усугубленнаго законопреступника Лютора и поострилъ его на новыя ереси. И другаго адскаго воина извелъ на всеконечное попраніе христіанства — Ягана Кальвина» (л. 164—166 об.). Этимъ взглядомъ на происхожденіе лютеранства опредѣляется и общій характеръ «слова» Посошкова, обращеннаго къ лютеранамъ. Онъ смотритъ на нихъ именно какъ на орудіе діавольскихъ козней; Лютера онъ называетъ постоянно сатанинымъ, адскимъ посланникомъ, избраннымъ сосудомъ діавола, не только діавольскимъ послушникомъ, но даже пособникомъ, который не только выполнялъ «подущенія блуднаго бѣса, а и отъ себя діаволу помогъ», т. е. и своего прибавилъ (л. 200). «Яганъ Кальвинъ — второй адскій воинъ, діаволу услужливѣйшій Лютера», потому что онъ «своею противностію всѣхъ превзошелъ» и, не ограничиваясь иконами, даже «крестъ святый изъ церкве изверже» (165 об.). Посошковъ не соглашается даже съ общимъ названіемъ лютеранъ христіанами и усвояетъ имъ имя антихристіанъ. Ближайшую точку соприкосновенія лютеранства съ ученіемъ діавольскимъ Посошковъ усматриваетъ главнымъ образомъ въ гордости, высокомнѣніи лютеранъ, какъ грѣхѣ, преимущественно характеризующемъ нравственное существо и дѣятельность духа злобы. «Гордость бо осилъ діавольскій, симъ осиломъ самъ онъ удавился и отъ небесъ отлучился, симъ осиломъ и Мартина удавилъ» (л. 200). Уже въ католичествѣ усматривая дѣйствіе діавольской гордости, внушившей папѣ даже безумное желаніе приравняться апостолу Петру; Посошковъ еще большій элементъ гордыни усматриваетъ въ лютеранствѣ. Лютеръ «вся учинилъ отъ презѣльныя своея гордости»; онъ «возложилъ на ся гордость превеликую, тому же и послушниковъ своихъ научилъ.

И то гордостное ученіе не евангельское, а діавольское» (л. 165, 224 об., 200). На ряду съ гордостію, внушившею Лютеру неповиновеніе закону Божію и отцепреданному вѣроученію, другимъ источникомъ лютеранскихъ заблужденій, источникомъ столь же дѣйственнымъ и опаснымъ, является, по Посошкову, вытекающая изъ гордости же, безразсудная самонадѣянность, дерзкая увѣренность въ себѣ, надежда на свои собственныя силы. Не допуская нигдѣ, даже въ частной жизни, самоволія, самоумія и пр., въ принципѣ вооружаясь противъ самонадѣянности, Посошковъ тѣмъ болѣе основательно не допускалъ ничего такого въ области вѣры, какъ не всегда подлежащей и часто превышающей законы человѣческаго пониманія. Образно такъ Посошковъ представляетъ паденіе Лютера, который, отвергши авторитетъ слова Божія, «восхотѣ, яко древній діаволъ, самъ собою большій быти», поставилъ себя «умнѣе Бога»: «выбѣжавъ изъ ограды церковныя, началъ онъ жить по своей волѣ; мысленный волкъ, видя его по пустыни вѣка сего блудяща внѣ ограды церковныя, отъ Бога за отверженіе закона не охраняема, похитилъ его; видя его благодати Божія пуста, вшелъ въ него и вселился, и аможе восхотѣлъ, тамо его и повелъ» (л. 181 об., 167 об.). Діавольская гордость и дерзкая самонадѣянность помрачили здравый умъ Лютера и стали непосредственною причиною проповѣданныхъ имъ заблужденій: «За возгорженіе и за презрѣніе Божіихъ заповѣдей благодать Божія отнялась отъ Лютера — и того ради, что онъ надѣлалъ, того и самъ не вѣдалъ», такъ какъ «самъ не свой былъ и князя міра волю исполнялъ». Въ порывѣ негодованія противъ Лютера, «лютого губителя душъ христіанскихъ», Посошковъ доходитъ даже до несправедливости къ нему; по его мнѣнію, онъ «весь учинился закону христіанскому противенъ», что онъ «ни глаголетъ, то все сплошь ложь»; «весь онъ гноенъ, нѣсть ни во единомъ словеси его цѣлости, но вся его словеса гнила суть» и пр. (л. 186 об., 180 = Зав. от. 162; л. 181 об. 211, 224). Вслѣдъ за самимъ Лютеромъ и всѣ увѣровавшіе въ него его ученики «погубили здравое разсужденіе въ себѣ», отъ «высокомнѣнія обуися разумъ ихъ» (л. 185). И Посошковъ не безъ ироніи называетъ постоянно лютеранъ «высокоумами», «высокосмыслами», «безумными мудрецами», которые своимъ «глубоко буіимъ разумомъ все изничтожили», «вся Божія преданія отвергли», «на вся древняя преданія возгордѣли» (л. 220 об., 232, 192). Умственное помраченіе еретиковъ особенно выразилось въ ихъ отношеніи къ Св. Писанію: «діаволъ заслѣпилъ

имъ очи душевныя и, ослѣпя, вложилъ имъ на Св. Евангеліе толки развращенные» (л. 166). Разоблачая основоположенія лютеранства и замѣчая постоянныя ихъ противорѣчія ученію Св. Писанія, Посошковъ пришелъ къ тому убѣжденію, что они не понимаютъ и не знаютъ слова Божія, что «читая библію не знаютъ, что въ ней написано». «Мартинъ въ Евангеліе смотрѣлъ, да знатно дѣло, что зажмуряся онъ читалъ» и потому «не на ту дорогу улучилъ» (л. 181 об., 226 об.). «Слышимъ мы о васъ, — обращается Посошковъ къ еретикамъ, — что и у васъ книги есть, а чудно, что ничего въ нихъ написаннаго не видите, развѣ лежатъ они у васъ подъ лавкою, а вы на тѣхъ лавкахъ сѣдя, вмѣсто книгъ на вѣтеръ зря разсуждаете». «По всему явѣ есть, яко вы библію токмо именемъ какъ назвать знаете, а что въ ней написано, ничесого того не знаете и что ни дѣете, то все бредите. Явѣ есть, яко межъ строкъ читаете и на ἀερ (ἀήρ) смотря разсуждаете». Вслѣдствіе «гибели ума и отъ земнаго мудрованія», лютеране, хотя, съ обычною гордостію, и «мнятъ себя быти мудры и сказуютъ о себѣ, яко они всѣхъ вѣръ правѣе», однако, на самомъ дѣлѣ, впали «во всесовершенное безуміе», явилися всецѣло объюродѣвшими и своею борьбою на истинное христіанство унизились хуже «зловѣрныхъ жидовъ», за свою хулу на Духа Святаго и Богоматерь стали «худши басурмановъ» (л. 200, 229, 187 об., 180, 194 об., 197).

Но особенно возмущало Посошкова нравственное паденіе, къ которому быстро приблизились лютеране, шествуя «широкимъ, легкостнымъ путемъ свободы». Набожному русскому человѣку казалось самою высшею степенью безнравственности и развращенія пренебреженіе къ церковнымъ обрядамъ, заявленное лютеранами. Посошковъ преимущественно останавливается на этихъ практическихъ отступленіяхъ лютеранъ и объясняетъ ихъ самыми низкими, чувственными инстинктами человѣческой природы. Постоянно Посошковъ обращаетъ вниманіе на безнравственность самого Лютера, стараясь всю его измѣну православію вывести изъ сластолюбія: «Люторъ ради сквернаго блуда, стыдъ свой прикрывая, всѣ древніе законы переломалъ, дабы не зазорно было ему жить въ мірѣ семъ», сдѣлался «явный измѣнникъ Христовъ, ни чимъ же лучше Іуды Искаріотскаго, но еще горши: погубя свое христіанство, не раскаялся, но еще зло къ злу приложилъ... яко скифъ или жидовинъ церковныя сокровища пограбилъ, пресвитеровъ побилъ» и пр. Божія благодать отъялась отъ него

за гордость и яко діаволъ во тьму претворися, въ скверное житіе ввалися» (л. 199 об., 167 об., 181 об. = Зав. от. стр. 158 и друг.). Обращая вниманіе на жизнь лютеранъ, Посошковъ находилъ полнѣйшее несоотвѣтствіе ея съ идеаломъ христіанской жизни, совершенный разладъ въ дѣлахъ съ словами, въ поступкахъ съ евангельскими требованіями, и это даже въ тѣхъ людяхъ, которые смѣли называть себя «евангеликами»: «они токмо едиными усты святое Евангеліе чтутъ, а сердцемъ и дѣлами своими вельми далече отстоятъ отъ него» (л. 166). Часто и въ разныхъ сочиненіяхъ Посошковъ говоритъ отдѣльно о нѣкоторыхъ обрядовыхъ отступленіяхъ лютеранскихъ, которыя въ глазахъ его становятся явнымъ знакомъ полнаго упадка у нихъ христіанскаго благочестія, а въ своемъ источникѣ связываются съ «послабою» лютеранскаго ученія. Такъ онъ останавливается на томъ напр., что лютеране, обыкновенно перетолковывая всѣ правила «по своимъ прихотямъ», «яко свиньи, ничего въ грѣхъ не ставятъ, дней не разбираютъ, все у нихъ безгрѣшно, въ страшные дни женятся и посягаютъ,... наядшися, напившися и табаку натянувшись, къ причастію приступаютъ», не исполняютъ законныхъ омовеній, а «яко скотъ, въ плотской скверне ходятъ», не соблюдаютъ постовъ, «яко безсловесный скотъ или яко мордва, закона не имущая, по вся дни мясо ядятъ» и пр. (л. 171 = Кн. о ск. и бог. стр. 135; Рожн. дух. возраж. 25; Зав. от. стр. 167, 94, 168; Зерц. л. 189, 220, 208 об.). Между прочимъ, Посошковъ, какъ строгій буквалистъ въ церковныхъ правилахъ, упрекаетъ лютеранъ за то, что они запрещенную «кровь скотскую своимъ глубоко буимъ разумомъ присудили ясти, для смаку во всякія своя яди кровь влагаютъ и ядятъ въ сладость,... ово начиня кишки ядятъ, нарицающе ихъ колбасами» (л. 220 об., 189 = Зав. от. стр. 35). Верхомъ нечестія и развращенія лютеранъ представляется Посошкову поведеніе ихъ на молитвѣ. Въ угоду своей изнѣженной плоти и «отъ превысокія своея гордости», лютеране, какъ въ жидовскихъ сонмищахъ, молятся сидя, «въ кирки своя вшедъ, въ шапкахъ, въ шляпахъ и въ парукахъ, сѣдши въ кресла, слушаютъ своя обѣдни, сѣдятъ яко на торжищи или яко въ корчемницѣ», творя тѣмъ «не моленіе, но поруганіе Богу». «Тако возгордѣша и облѣнишася, еже не хощутъ ни мало тѣла своего потрудити, или бы его, ради спасенія своего, удручити, и ради Бога не хощутъ и единаго своего члена двигнути». «Отъ великія лѣности истинный поклонъ отставили и хощутъ

поклоны отправляти единымъ токмо помышленіемъ», которые «пользовати человѣка не могутъ», въ которыхъ «токмо едина блазнь». Лютеръ, «отъ своея преизлишнія лѣности, издалъ новый, отъ вѣка неслыханный поклонъ, еже токмо на умѣ о поклонѣ помыслить и то помышленіе за истинный поклонъ повелѣлъ вмѣняти» (л. 182 об. = Зав. от. стр. 96, 99, 150; Зерц. 180 об. = Рожн. дух. возраж. 26). Опровергая этотъ пунктъ ученія лютеранъ, Посошковъ между прочимъ остроумно уподобляетъ умственные поклоны ихъ тому, «аще кій человѣкъ отъ мраза озябнетъ и помыслитъ о теплотѣ, то и безъ теплыя храмины согрѣется», или «аще кто отъ глада о пищи помыслитъ и не ядши сытъ будетъ» (л. 177 об., 178) и т. п. Наконецъ, Посошковъ вообще замѣчаетъ преобладаніе чувственности въ лютеранахъ сравнительно съ русскимъ народомъ, въ ту пору еще не перенявшимъ и не знавшимъ вкуса въ комфортѣ европейской жизни. «Люторове ни о чесомъ тако не пекутся, яко о собраніи богатства и славы міра сего. Суетамъ міра сего прележатъ. По всему своему бытію, вси они свѣта сего люди, а не грядущаго». «Вси вкупѣ уклонишася, кои въ украшеніе домовое и во всякое вещелюбіе, иніи въ сластолюбіе и лакомство и въ неправедныя прибытки, иные же въ блюдолюбіе несытное». «Всѣ великое въ ризахъ и въ пищѣ преизлишество имѣютъ, со излишними украшеньми. И то, стало быть, житіе ихъ не евангельское, но свѣтское; они пьютъ и ядятъ съ музыками и со всякимъ веселіемъ жизнь провождаютъ», «скача и играя внити въ царство небесное» надѣются; спятъ на мягкихъ постеляхъ, носятъ «златотканныя одежды», надѣваютъ «парики соплетенные и пудромъ напудренные»; «благовонія ради, нюханія при себѣ носятъ и женамъ своимъ сочиня ароматики, ради нюханія повелеваютъ носити»; упражняются во «французскихъ танцахъ», услаждаются «музыками, скрыпицами» и пр. и пр. (л. 211, 206 об., 190, 226, 234, Зав. от. 160 и др.)[1]). Порицая эту роскошную, веселую жизнь, Посошковъ видитъ въ ней прямое уклоненіе отъ идеала евангельской жизни, ближайшій поводъ къ нарушенію всяческихъ уставовъ церкви и правилъ вѣры. «Вмѣсто бдѣнія церковнаго, люторане бдѣнія чинятъ на вечеринкахъ и вмѣсто бдѣннаго труда, предъ Богомъ сущаго, трудятся въ танцахъ и въ скаканіи, и тако въ нощи утрудившися, спятъ даже до

---

[1]) На заразительный примѣръ «излишества и распутства» нѣмцевъ жаловался и Крижаничъ. — Рус. гос. въ пол. XVII в. т. II стр. 152.

обѣда: таковое ихъ житіе стало быть не евангельское, но языческое» (л. 206 об.).

Роскошь и изнѣженная, «слабая» жизнь лютеранъ, со всякими сластями міра сего, даетъ Посошкову основаніе предполагать въ ней также одно изъ условій, содѣйствовавшихъ умственному растлѣнію еретиковъ. Находя ихъ вообще умственно повредившимися, духовно больными, Посошковъ не безъ ироніи обращается къ нимъ: «кто не посмѣется вашему безумію? гдѣ вы свой разумъ подѣвали: на ренскомъ ли его пропили, или продали, на картахъ ли его проиграли, или на танцахъ ходя растеряли?! Явѣ есть, яко со сладостными брашны и со украшенными потравами и разумъ свой весь съѣли» (л. 191 об., 197, 230, 228; Зав. от. стр. 97). Въ то же время Посошковъ отлично сознавалъ, вслѣдъ за Яворскимъ, что слабость ученія Лютера, потворство чувственности и санкція личнаго произвола преимущественно и привлекаютъ къ нему послѣдователей, служатъ залогомъ силы и живучести ереси. Уже при самомъ возникновеніи ея, по мнѣнію Посошкова, Лютеръ разсчитывалъ на эту слабую струну въ человѣческомъ существѣ и, установляя правила «легкостныя», прямо дѣйствовалъ на «сластолюбцевъ», пріусвоялъ себѣ «роскошелюбивый народъ». «Разстрига Мартынъ Лютый предложилъ предъ очи сластолюбцевъ нѣкія главы евангельскія, яко медъ сладкій, внутрь же тѣхъ евангельскихъ словесъ сокрылъ лютый свой ядъ, т. е. погибельное толкованіе. И по истинѣ онъ *Люторомъ* словяше, ибо лютую ересь предъ народъ сластолюбивый всѣя... Люди, кіи возненавидѣли воздержное житіе, возлюбили слабое ученіе Мартиново. Сластолюбцы, яко безсловесные птенцы врановы, розинувъ ротъ, слушаютъ и развращенная словеса въ сладость пріемлютъ» и пр. (л. 165, 168 об., 170 об., 218 и др.; Зав. от. 162 с. и др.).

Кромѣ нравственной распущенности, проявляющейся въ жизни лютеранъ, Посошковъ еще съ большею энергіею обличаетъ отсутствіе въ нихъ всякихъ моральныхъ принциповъ въ человѣческихъ сношеніяхъ, особенно въ сношеніяхъ съ чужеземцами. Нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ въ Посошковѣ говоритъ уже не столько религіозное чувство, сколько оскорбленный патріотизмъ, при живыхъ воспоминаніяхъ о страшныхъ насиліяхъ и несправедливостяхъ, которыя вытерпѣлъ русскій народъ въ прежнее время и отъ которыхъ еще не освободился вполнѣ и во время Посошкова. Онъ вооружается здѣсь противъ тѣхъ же обмановъ, безчест-

ности иностранцевъ, противъ которыхъ ратовалъ еще и Крижаничъ. Разсматривая сношенія съ иновѣрцами исключительно съ политико-экономической точки зрѣнія, Крижаничъ пришелъ уже къ выводамъ самымъ не лестнымъ для нравственной репутаціи иностранцевъ. «О государь! — обращался онъ въ своей Политикѣ, — во вѣки вѣчные не вѣруй инородпику, еже бы какую корысть онъ принесъ. Нещадно насъ инородцы перехитряютъ и обманываютъ, землю нашу пустошатъ и разоряютъ, все наше благо и имѣніе выгребаютъ... Со стороны нѣмцевъ всегда нужно бояться клятвопреступленія» и пр. (Рус. гос. въ пол. XVII в. т. I, стр. 4, 8, 155; т. II, стр. 82, 83). Съ жалобами Посошкова на несправедливости иноземцевъ въ торговыхъ оборотахъ мы уже знакомы по Книгѣ о скудости и богатствѣ; но стоитъ обратить вниманіе также на характерныя выраженія объ иностранцахъ въ главѣ объ иконоборцахъ и въ другихъ сочиненіяхъ Посошкова. Напримѣръ въ Отеческомъ завѣщаніи онъ пишетъ: «иноземцы насъ обманываютъ да деньги вымаииваютъ, а правды намъ никогда не скажутъ» и пр. (стр. 57). Гораздо рѣзче и подробнѣе высказывается Посошковъ въ главѣ о иконоборцахъ; съ особеннымъ негодованіемъ обличаетъ онъ здѣсь отсутствіе моральныхъ началъ въ отношеніи иностранцевъ къ русскимъ людямъ. Вотъ напр. цѣлая рѣчь Посошкова противъ недобросовѣстнаго поведенія ихъ въ Россіи, не безъинтересная въ томъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, что она раскрываетъ предъ нами господствующее въ народѣ русскомъ мнѣніе объ иностранцахъ и объясняетъ народное недовольство и протесты противъ усиленія въ Россіи иноземческаго вліянія, иностраннаго элемента. Таковы были учителя, просвѣтители и руководители, приставленные Петромъ Великимъ къ русскому народу, въ глазахъ сего послѣдняго: «Нѣсть въ нихъ не токмо евангельскія, но ниже христіанскія правды. Они того и въ грѣхъ не вмѣняютъ, еже насъ обманываютъ и деньги вымаииваютъ; они еще то и въ премудрость себѣ поставляютъ, еже кого въ чесомъ торговомъ или воинскомъ дѣлѣ обмануть. Къ сему же еще и добра они мало помнятъ... Развѣ въ нихъ сотый человѣкъ сыщется добрый, еже бы вѣрить мочно и ежебъ намъ Россіянамъ радѣлъ отъ всея души, или бы добродѣтель, ему сдѣланную, памятовалъ. Истинно, татарове, аще и магометанскую вѣру держатъ, обаче правды въ нихъ больши, нежели у лютеранъ обрѣтается, ибо и малую добродѣтель памятствуютъ. Азъ не могу къ лютеранамъ и прочимъ нѣмецкимъ народамъ примѣни-

тися, что они добра отнюдь не помнятъ; худши бо скота они, понеже скотъ, аще и безсловесенъ, обаче помнитъ, кто его кормитъ, а они подобни токмо волкамъ: волка колико не корми, а онъ къ лѣсу смотритъ. Тако и сіи народи намъ не надежни суть; что они добро не творятъ, то все единовѣрцамъ своимъ и единоплеменнымъ наровятъ» и т. д. (л. 207 об., 208).

Осмотрѣвши лютеранъ со всѣхъ сторонъ, обслѣдовавши всѣ «растлѣнные и злоплодные» пункты ихъ заблужденій, Посошковъ, со свойственною старымъ людямъ серьезностію и рѣзкостію, обыкновенно, заканчиваетъ: «откуду на васъ ни посмотришь, уподобилися вы уроду», «по образу является яко человѣцы, а разсужденіе ваше внѣ человѣча разума», «нѣсть въ васъ человѣча разума, но токмо безсловеснаго скота», «нарицаетеся люди разумны, а дѣлаете безумно», «самое разсужденіе ваше свинское», «бродите вы въ своей вѣрѣ яко скотъ, не имущій пастыря» и т. п. (л. 202 об., 233, 201 об., 196, 222 и пр.). Собственная искренность Посошкова, непоколебимая сила его убѣжденія и радостное, возвышающее духъ сознаніе обладанія истиною даютъ Посошкову право смотрѣть на лютеранъ, такъ сказать, свысока, какъ на людей неразумныхъ, ошибающихся, жалкихъ, и оправдываютъ въ сочиненіяхъ Посошкова часто встрѣчающіяся довольно наивныя разсужденія. Такъ напр. немалый источникъ удивленія доставляетъ Посошкову то безстыдство лютеранъ, что они «отъ своего буйства», да еще насъ же православныхъ «буіими нарицаютъ»; «паче всего дивно, еже насъ зазираютъ и пререкуютъ; въ своей гордости «о смиреніи и слышать не хотящіи, еще и смиренныхъ дураками нарицаютъ»; «самѣхъ нѣтъ хуже», а они еще «насъ всѣхъ ничтожатъ», «не осмотря себя, да насъ порицаютъ»; презирая иконы, они «насъ же порокуютъ и идолопоклонственниками нарицаютъ» и пр. (л. 204, 203, 200, 227, 208, 234, 231 и др.). Впрочемъ, Посошковъ совершенно основательно, съ своей точки зрѣнія, объясняетъ эти странныя явленія: «природные уроды — говоритъ онъ — никогда себя безумными не нарицаютъ, но прочихъ всѣхъ дураками называютъ; такъ и Лютеране, сами обезумившися,... указуютъ на насъ» (л. 234 об.).

Опровергая по возможности всѣ догматическія и преимущественно обрядовыя уклоненія лютеранъ, Посошковъ дѣйствуетъ на основаніи тѣхъ же средствъ и при помощи тѣхъ же пріемовъ, которыми пользовался въ поле-

микѣ съ расколомъ. Обличая частные пункты лютеранскаго богословія и обрядовъ, Посошковъ, обыкновенно, разсматриваетъ предметъ всесторонне и выставляетъ всю силу православныхъ аргументовъ противъ нихъ, такъ что является очевидною обширная начитанность Посошкова въ обличительной богословской литературѣ. Такъ напр., онъ подробно развиваетъ православнохристіанское ученіе о пастыряхъ истинныхъ, чтобъ изобличить лжеучительство Лютера и другихъ; говоритъ подробно о трудности пути, вводящаго въ царство небесное, вопреки «легкостному ученію лютеранскому»; съ особенною силою и настойчивостію распространяется о необходимости иконопочитанія, о важности и обязательности постовъ, указывая при этомъ ихъ историческое происхожденіе и христіанское назначеніе. Желая разочаровать лютеранъ въ личности ихъ вождя, Посошковъ неоднократно говоритъ о немъ, передаетъ частные факты изъ его жизни, компрометирующіе его нравственную добропорядочность. Усматривая же въ лютеранствѣ извращеніе чистаго евагельскаго ученія, Посошковъ увѣщаваетъ лютеранъ обратиться къ Евангелію, какъ непререкаемому источнику христіанскаго вѣдѣнія и непреложному уставу истинно христіанской жизни. «Молю васъ, прочтите вы Библію,... вникните и разсудите хорошенько»; «прочтите Писаніе подлинникомъ и съ совершеннымъ вниманіемъ, и вся глаголы, въ немъ сущіе, разсмотрите въ тонкость, да тогда ужъ и въ толкованіе вступайте, а на вѣтеръ глядя нечего много разсуждать». Прочтите (такую-то главу) подлинникомъ, а не перечнемъ и не борзяся, и тамо ясно узрите»... «Воззрите вы (въ такую-то книгу) съ истиннымъ вниманіемъ» и «тамо узрите ясно» и т. п. Повѣрьте богодухновеннымъ писателямъ, потому что они «смыслили побольше вашего Мартына» (л. 201, 191, 185 и пр.).

Вслѣдствіе же перетолкованія и извращенія смысла нѣкоторыхъ мѣстъ Священнаго Писанія лютеранами, для которыхъ, по живописному выраженію Посошкова, «якоже слѣпцому злато за блато вмѣняется, тако и ясное писаніе тьмою ся кажетъ», Посошковъ требуетъ добросовѣстнаго, трезваго осмысленія текстовъ, раскрытія ихъ истиннаго значенія, согласно со всѣмъ евангельскимъ ученіемъ. Онъ рѣзко порицаетъ лютеранъ, которые пользовались отрывочными евангельскими выраженіями и вслѣдъ за самимъ Лютеромъ, изъ всего Евангелія «хапавшимъ токмо единыя словеса», то же, обыкновенно, въ единичныхъ фразахъ «ощупывали» себѣ оправданіе, «минуя все, за одно слово хваталися» (л. 204 об.; Зав.

от. 33 стр. и др.). Приводя напр. опорный пунктъ иконоборцевъ — извѣстныя слова: не сотвори себѣ кумира, Посошковъ требуетъ: «вы то слово первѣе осмотрите съ прилежаніемъ, *какихъ* подобій не велѣлъ Богъ строити, *чего ради* ихъ нестроити, да тогда св. иконы и порочьте» и пр. (л. 191). Посошкову удается иногда подмѣтить даже нарушеніе лютеранами и ихъ ученія, а потому онъ отсылаетъ ихъ «посмотрѣть въ люторскихъ своихъ книгахъ»; но представляя лютеранъ беззащитными, неосновательными, даже и съ этой стороны, Посошковъ заключаетъ: «аще и тамо не обрящете (себѣ подтвержденія), то что вы возглаголете? — явѣ есть, яко лучши вамъ молчати и устъ своихъ противъ православныхъ христіанъ не отверзати» (л. 202 об.).

Въ ряду прочихъ средствъ и усилій убѣжденія, Посошковъ и здѣсь, какъ въ полемикѣ съ раскольниками, пытается дѣйствовать угрозами наказанія и обѣтованіемъ прощенія. Съ одной стороны онъ пугаетъ совратившихся въ лютеранство «сугубымъ наказаніемъ», потому что ихъ грѣхъ уже объявленный, обличенный, стало быть грѣхъ вѣдѣнія, «грѣхъ сугубный — и проклятіе (влечетъ) сугубое же» (л. 167). Съ другой стороны, Посошковъ привлекаетъ отпадшихъ снова въ лоно любвеобильной матери Св. Церкви, обѣщая ея матерински-милосердое всепрощеніе покаявшимся чадамъ. «Егда образумитеся и на покаяніе пріидете, то отъ всѣхъ тѣхъ люторскихъ богопротивныхъ дѣлъ, во адъ низводящихъ, будете свободни... и съ самимъ Господомъ Богомъ будете во царствіи Его небесномъ и во обществѣ со святыми рабы Божіими въ нескончаемые вѣки вѣковъ весилитися. Аминь (л. 234).

Говоря о полемикѣ Посошкова противъ иновѣрцевъ, нельзя также не упомянуть о нѣкоторыхъ пріемахъ его увѣщаній, бросающихся въ глаза своею оригинальностію. Посошковъ неоднократно свидѣтельствуетъ, что онъ имѣлъ въ виду простыхъ, неученыхъ читателей, для которыхъ писалъ просто; съ этой цѣлію онъ «предлагалъ самыя поемныя дѣла, еже не токмо высокоумные люди (каковыми называютъ себя лютеране), но и самые поселяне могли явно разумѣти» (л. 233 об.). Отсюда и многія изъ увѣщаній Посошкова запечатлены неподдѣльнымъ простонароднымъ характеромъ, пропитаны иногда народнымъ юморомъ, выражены простымъ русскимъ языкомъ, переполнены сравненіями и уподобленіями изъ области, дѣйствительно, самыхъ «удопоемныхъ» предметовъ. Такъ напр. въ разсужденіи объ опрѣснокахъ, отстаиваемыхъ лютеранами на

томъ основаніи, что и опрѣснокъ суть такой же хлѣбъ, что существенной разницы между имъ и кислымъ хлѣбомъ нѣтъ, Посошковъ глубокомысленно и серьезно доказываетъ, что для чего же нибудь да существуетъ «разное званіе: ово папошникъ, ово валенецъ, ово коровай, ово калачъ, ово сайка, ово кренга, ово витушки, ово баранки». «Аще и едино кислое тѣсто, а разнымъ состроемъ состроенное пріемлетъ себѣ разное названіе, яко же и во всемъ мірѣ дѣется: егда то кислое тѣсто большимъ короваемъ испечено будетъ, то нарицаютъ хлѣбомъ, а егда свалявъ маленькимъ коровашечкомъ испечено будетъ, то наричуютъ колобомъ, индѣ же нарицаютъ ихъ басманами; егда же тое тѣсто разсучатъ потонѣе, то нарицаютъ лепешками; а егда ту лепешку согнувъ испекутъ, то наричуютъ овые сгибнемъ, овые же мяконькимъ, иніи-жъ шашлыкомъ. Егда же тое кислое тѣсто, растворя пожиже и изливъ на сковороду, испекутъ, то уже нарицаютъ блинами, а не хлѣбомъ. А вы, — обращается Посошковъ къ лютеранамъ, — опрѣснокъ называете хлѣбомъ, не можете опрѣснокъ съ кислымъ хлѣбомъ разобрати!» и т. д. (л. 206, 188 об.). Обличая безнравственную, распущенную жизнь лютеранъ, Посошковъ, со свойственною старымъ обличителямъ рѣзкостью и съ обычнымъ у Посошкова одушевленіемъ, проводитъ параллель между ними и истинными послѣдователями апостольскими: «святіи апостольстіи преемницы жить по вашему не умѣли, но трудились до поту лица своего, молились до утружденія, постились съ великимъ алканіемъ; вмѣсто хлѣба ядоша быліе, вмѣсто ренскаго пили воду мутную; вмѣсто златотканныхъ одеждъ носили многошвенныя рубища; вмѣсто постель пуховыхъ спали на голой землѣ; вмѣсто свѣтлыхъ свѣтлицъ жили въ темныхъ вертепахъ; вмѣсто французскихъ танцевъ во всенощныхъ бдѣніяхъ нощи провождали; вмѣсто множества пѣнязей премножество вшей имѣли; вмѣсто твердыхъ храминъ на дожди и на снѣгу безъ покрова пребывали; вмѣсто музыкъ и веселія, и о малыхъ своихъ грѣсѣхъ день и нощь плакали» (л. 226) и пр. Нѣкоторыя изъ увѣщаній и обращеній Посошкова къ иновѣрцамъ поражаютъ своею наивностію. Такъ напр. онъ упрекаетъ совратившихся въ лютеранство за то, что они предъ своимъ совращеніемъ *не спросились* благочестивыхъ христіанъ (л. 231). Обличая иконоборцевъ, Посошковъ требуетъ, чтобы они, въ доказательство своей правоты, сотворили чудо; «вшедше во святую церковь, крикните силою люторскою и во органы со скрыпицами взыграйте, вопіюще на св. иконы,

дабы онѣ пали на землю и разбилися во прахъ» (л. 234). Точно также доказывая святость креста, Посошковъ предлагаетъ, для увѣренія въ этомъ порицающихъ крестъ, «искусити видимымъ дѣломъ», т. е. ни болѣе ни менѣе, какъ «поймать демона и возложить на него крестъ», чтобы видѣть, какое дѣйствіе произведетъ на него эта операція. И Посошковъ совершенно серьезно увѣряетъ, что «сотрясется, не утерпитъ, побѣгнетъ» (л. 203 об.).

Доказывая необходимость почитанія святыхъ угодниковъ и св. иконъ фактомъ чудесъ, совершаемыхъ ими, Посошковъ, между прочимъ, повѣствуетъ о нѣкоторыхъ чудесныхъ явленіяхъ, совершившихся на его памяти и частію даже на немъ самомъ. Разсказы эти представляются не безъинтересными въ литературномъ отношеніи, а потому мы выписываемъ ихъ здѣсь. «Нѣкогда азъ, еще въ малыхъ лѣтахъ сущь», разсказываетъ Посошковъ, «одержимъ быхъ трясавичною лютою болѣзнію, яко не чаяли и живу ми быти, понеже марта съ 25 дня одержимъ ею быхъ даже до августа мѣсяца. И аще и вельми болѣнъ бѣхъ, обаче родители мои дерзнуша мя везти къ Троицѣ въ Сергіевъ монастырь. И егда тамо быхомъ, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы взя мя отецъ къ литургіи и съ великимъ трудомъ поддержимь быхъ, едва до херувимскія пѣсни достояхъ. Во время же херувимской пѣсни взя мя жаръ великъ и отецъ мой изведъ мя изъ церкве положилъ за алтаремъ на камени, и егда жаръ той отыде, востахъ и начахъ ясти и пити, и къ Москвѣ уже не на одрѣ мя повезоша, но на конѣ сѣдя, верхомъ поѣхалъ. Тако бо Святыхъ Божіихъ молитвами споспѣшествуеми!» (л. 214 об.). Въ подтвержденіе чудотворной силы иконъ, Посошковъ, кромѣ ссылки на «многая неисчислимая чудеса, отъ святыхъ иконъ содѣвавшаяся» и уже записанныя, приводитъ разсказъ о чудесныхъ случаяхъ, совершившихся въ его время. Ни въ малѣйшей степени не заподазривая вѣру Посошкова въ истинность чудесъ, имъ разсказанныхъ, и не сомнѣваясь въ ихъ подлинности, нельзя однако не усмотрѣть нѣсколько тенденціозный подборъ ихъ, соотвѣтствующій цѣлямъ полемики именно съ лютеранствомъ. Въ одномъ разсказывается, какъ лютеранинъ по повелѣнію Богородицы крестился въ «русское крещеніе», а во второмъ — какъ двѣ лютеранки наказаны были за непочтеніе къ иконамъ.

«Былъ нѣкто на Москвѣ иноземецъ люторскаго зловѣрія, чиномъ аптекарь; и будучи въ Кіевѣ, впаде въ болѣзнь смертную и самъ въ себѣ

мозна, яко къ смерти болитъ. И се въ сонномъ видѣніи явися ему образъ Пресв. Богородицы, иже тамо надъ враты градными поставленъ бяше, и отъ того образа слышашеся ему гласъ, къ нему глаголющь, по имени взывающь: аще ты крестишися въ христіанскую вѣру, то не умреши. Онъ же рече: азъ, Святая Мати Божія, крещенъ есмь и къ Тебѣ, Пресвятѣй Богородицѣ, вѣру имѣю. И отъ того образа бысть гласъ вторицею: Азъ вѣмъ, яко крещенъ еси, еже и Меня чтиши, того бо ради и явихтися да будетъ не тща вѣра твоя, еже ко Мнѣ имаши. Обаче глаголю ти, аще не крестишися въ *русское крещеніе,* то отъ одра сего не имаши встати. И той аптекарь обѣщася креститися. И аще во снѣ обѣщася, обаче и явѣ бысть здравъ и не по многѣ времени поѣхалъ къ Москвѣ, и пріѣхавъ, повелѣніе Богородично и свое обѣщаніе забы, живяше по прежнему въ люторской вѣрѣ. Егда же бысть Великаго Государя Царя Петра Алексіевича походъ къ Архангельскому городу и той аптекарь по наряду былъ съ нимъ, Государемъ, съ аптекарскими припасы. И будучи тамо, впаде въ тую-жъ болѣзнь, ею же въ Кіевѣ болѣзновалъ. И тогда той аптекарь позна свой грѣхъ и обѣщаніе, и воспомяну глаголъ Пресвятыя Богородицы, отъ святыя ея иконы къ нему бывшій, — нача просити святаго крещенія восточныя церкве. Прочіежъ тамо бывшіе лютеране начаша ему претити и Великому Государю доносить, яко бы онъ отъ великія болѣзни умомъ повредился и проситъ крещенія внѣ своего ума. Онъ же крѣпляшеся и неумолкая крещенія россійскаго прошаше и глаголаше дабы такъ не умрети. И Великій Государь послалъ къ нему ближняго своего болярина князя Бориса Алексіевича Голицына. И повелѣ ему освидѣтельствовати, въ цѣломъ ли онъ умѣ россійскаго крещенія проситъ. И по свидѣтельству явился онъ въ разумѣ цѣлъ и проситъ крещенія отъ истиннаго своего намѣренія, вся бывшая о себѣ повѣдая ему по ряду. И Великій Государь, то увѣдавъ, повелѣлъ его крестити, и бысть отъ святыя купели воспріемникомъ вышеупомянутый болярииъ Борисъ Алексіевичъ. Въ крещеніи наречено бысть ему имя Антонъ. И по крещеніи той аптекарь бысть здравъ, якоже и первее. И егда онъ пріѣхалъ къ Москвѣ, то вcѣ лютеране вознегодоваша на него и ругаху его. И онъ, видя руганіе великое, преселися изъ нѣмецкія слободы въ огородную слободу, въ близъ церкви Харитона Исповѣдника и довольная лѣто во благочестіи поживъ, скончася въ православіи».

«Еще же и во очесѣхъ нашихъ въ прешедшемъ 707 году содѣяся чудо сицевое, еже и нашими очесы видѣно бысть:

«Изъ села Краснаго несену бывшу образу Пресвятыя Богородицы, нарицаемому Тихвинскаго проводу, за Яузу рѣку, въ домъ Никиты Мокеева; и егда той образъ людіе несоша подлѣ житнаго двора, иже за Мясницкими вороты, клирики же идуще пояху пѣснь пресвятѣй Богородицѣ: стылу постиже карета иноземческая и въ ней сѣдяху двѣ иноземки лютерскаго зловѣрія; возница же у нихъ былъ россійскаго благочестія. И егда ту святую икону узрѣ; опяся той возница и коней поодержа, дабы пропустить ту св. икону прежде себя, понеже въ то время бысть вельми сухо и отъ коней и отъ колесницы пыль велія подымашеся. Сидящія же въ той каретѣ иноземки безстудно на возницу свою возопиша, рекуще, какая-де диковина, что икону несутъ, — поѣзжай мимо! О ле чудесе! ибо во время объѣзжанія ихъ, на ровномъ мѣстѣ, егда изравнишася противо того образа, хотяще миновати: се внѣзапу невидимою силою Божіею подъяся та ихъ карета, яко на рукахъ подъятая и обратися взнакъ и съ ними вкупѣ. И тіи иноземки разбишася даже до крове и карета ихъ сокрушися, а возницу откинуло въ сторону и бысть не врежденъ» (л. 216 об. и 217).

Исходя изъ воззрѣній на лютеранъ, какъ на людей помраченныхъ, ошибавшихся въ томъ, чего только «поврежденные умомъ познати не могутъ»; Посошковъ постоянно старается ввести ихъ въ сознаніе своей ошибки, заставляетъ одуматься, освободиться отъ того умственнаго затмѣнія, въ которомъ они находятся, стряхнуть съ себя тяготѣющій на нихъ умственный кошмаръ. «Вберите въ головы своя разумъ», «возьмите умъ свой въ голову и разсмотрите», «осмотритеся вы прилежненно, высокомысліе свое отриньте, время бо вамъ высокомысліе свое оставити и воспріяти древнее смиреніе простотное». «Всячески годствуетъ нынѣ покаятися, дондеже окна зрѣнія нашего не затворилися. О горе, горе тѣмъ, иже вѣдая согрѣшаютъ». «Господа ради, нынѣ о Мартинѣ и о себѣ разсмотрите и проженить его, яко врага и губителя своего и пріобщитеся святыя восточныя церкве» и пр. пр. (л. 218 об., 235, 225 об., 236, 231). Посошковъ рѣшительно теряется въ изысканіи средствъ спасти добровольно гибнущихъ, не находитъ словъ, которыми бы можно было разубѣдитъ ихъ; онъ готовъ бы силою, искусственно пересадить въ нихъ свои убѣжденія, «втиснуть» въ ихъ головы свои мнѣнія: «вы,

люторстіи наслѣдницы, хотя съ трудомъ втисните вышеписанные глаголы въ разумъ свой». «Не худо вамъ поразмыслить о себѣ, на отцевъ своихъ смотрѣть нечего, понеже вы разумная тварь, а не скотъ. Нѣкогда бо свинья поросятица впала въ мельничную трубу и колесомъ сломало ю; а поросята, аще и видѣли, что матку ихъ сломало, не разсудили того, въ тую жъ трубу поскакали и тако вси пропали. То тыи поросята отъ неразумія своего сдѣлали, а вы не поросята, можно и поразсмотря въ отцовскую погибель бросатися» (л. 204 об., 219).

Обличенія и суровыя порицанія лютеранъ часто смѣняются у Посошкова выраженіями сочувствія къ ихъ положенію, искренними и задушевными словами сожалѣнія о нихъ; послѣдовательное и ровное теченіе мыслей прерывается часто болѣе или менѣе посторонними разсужденіями, различными восклицаніями. Напр.: «О бѣдные, бѣдные лютеране! какъ вы толь безумно учинили, еже повѣрили Мартину?» «О бѣдные, бѣдные высокоумы, кто не подивится вашему безумію?» «О злыя злобы Мартиновы на Господа нашего! о вражды его прелестныя на Создателя вашего! о и вашего безумія неизмѣримаго» и пр. (л. 173, 226 об., 170, 229 об.). Постоянно при этомъ Посошковъ высказываетъ свое искреннее сокрушеніе, что лютеране съ самаго начала не сожгли Лютера, что они не прогнали его отъ себя, а приняли «гнилое слово за здравое, злой плодъ за добрый» (л. 202, 203, 219, 220).

Всѣми силами своей вѣрующей души Посошковъ желаетъ остановить лютеранство, усматривая уже въ средѣ его крайнюю степень извращенія религіознаго чувства въ явленіи атеизма. Посошковъ довольно подробно излагаетъ не безъинтересныя свѣдѣнія объ основныхъ мнѣніяхъ тогдашняго атеизма въ томъ видѣ, въ какомъ они носились въ русскомъ народѣ и воспринимались русскими людьми. «Нѣцыи изъ васъ уже глаголютъ и не токмо глаголютъ, но и стоятъ въ томъ, яко нѣсть на свѣтѣ Бога, но сей свѣтъ самъ о себѣ стоитъ; нѣсть у него ни создателя, ни владѣтеля, но мы-де сами собою и всѣмъ свѣтомъ владѣемъ. И койде человѣкъ уменъ, той умно и живетъ, а кой глупъ, тотъ глупо и живетъ. И вси-де человѣцы пока живы, то ихъ и пріобрѣтеніе; а егдаде кто умретъ, тутъ ему и конецъ весь; и ни царства небеснаго, ни муки вѣчныя, ни воскресенія мертвыхъ не сказуютъ; но егда-де кто умеръ да сгнилъ, тутъ-де ему и конецъ весь. И всѣхъ христіанъ нарицаютъ безумными: егда-де кой человѣкъ умеръ, то уже-де больше нечего

спрашивать, а они-де отъ безумія своего надѣются по смерти и по сгнитіи плоти паки возстати. Да сказують-де Бога быти, да аггеловъ, да бѣсей сказують, да будто инымъ будетъ по смерти царство небесное—лучши здѣшняго, а инымъ будто будетъ мука безконечная,—злѣе здѣшнихъ мукъ. Яко-де человѣкъ бредитъ во снѣ, подобно-де тому нарицаеміи христіане бредятъ. То-де издáли волочаги, обманщики, выманиваючи у богатыхъ людей деньги» и т. д. (л. 222 об.). Нельзя не замѣтить, какъ дики и безумны казались эти атеистическія мнѣнія для искренно, всецѣло вѣрующаго и запертаго для всякихъ сомнѣній ума и сердца русскаго христіанина. Тѣмъ не менѣе, Посошковъ уже предчувствовалъ живучесть этой аномаліи человѣческаго разсудка и высказалъ замѣчательное предположеніе, постепенно сбывающееся и въ наше время: «вскорѣ или не вскорѣ», онъ сказалъ еретикамъ, «обаче діаволъ намѣреніе свое въ васъ исполнитъ! вси бо вы, яко кальвиняне, тако и люторане будете въ безбожіи, — куда васъ діаволъ наклонилъ, туда вамъ и придется пасть». «Лихо было діаволу съ мѣста стронути, а уже когда кого стронетъ, то уже и овладѣетъ имъ... Се уже мнози изъ васъ начали въ безбожіе вступати, а мало по малу и вси отеистами будете». «Потому, еже аще кто въ люторство склонится, тотъ уже и въ безбожіе внидетъ и отеистомъ будетъ».—Вси вы отъ діавола пойманы есте первыми паденьми и вельми близки есте и къ послѣднему паденію отеистскому, т. е. къ безбожной ереси, кая въ васъ уже и началась быть» (л. 223 об., 192, 237; Зав. от. стр. 157 и пр.). Тѣмъ съ большею заботливостью Посошковъ старается предостеречь православныхъ отъ заразы лютеранства, какъ прямой дороги къ атеизму, и ввести ихъ въ сознаніе всей гибельной опасности этого духовнаго «василиска».

Вопросъ объ отношеніи православныхъ къ лютеранамъ разсмотрѣнъ въ главѣ О иконоборцахъ весьма подробно и составилъ собою содержаніе особыхъ «бесѣдъ къ православнымъ». Сущность содержанія этихъ бесѣдъ формулирована самимъ Посошковымъ въ излюбленной его фразѣ, дѣйствительно, весьма удачной и характерной: «намъ, во православіи сущимъ, подобаетъ твердо стояти, яко столпу, на каменномъ основаніи утвержденному, еже ни на шуее ни на мнимое десно шататися: ни въ люторская лжесловія ни въ римская многословія, ни въ раскольничья блядословія» (л. 204 об.). Посошковъ и здѣсь говоритъ о тѣхъ же заблужденіяхъ лютеранскихъ, но обращаетъ свою рѣчь исключительно

къ православнымъ, уже предъ ними выясняя всю очевидность лжи «люторскихъ, и римскихъ лжесловій», предостерегая ихъ отъ возможности уклоненія. «Намъ не подобаетъ имъ ревновати, понеже въ нихъ разумъ токмо свѣтскій, а духовнаго разума, ко спасенію ведущаго, и слѣду нѣсть, но вся свѣцкая». «Намъ надобно въ Господнихъ повелѣніяхъ твердымъ быти, а люторовыхъ повелѣній и близь себя не припускати». «Аще мы съ ними, люторанами, соединительно жити будемъ, то опасно, дабы и намъ отъ нихъ не навыкнути и такожде бы не уклонитися» (л. 207 об., 208 об., 212). Въ виду этого, Посошковъ и желалъ бы искренно прекратить, по возможности, всякія сношенія, порвать всякія связи съ иновѣрцами; онъ многократно совѣтуетъ «весьма отъ нихъ бѣгати; вельми блюстися ихъ», «отревати отъ себя», избѣгать всякаго «сообщенія дружескаго» съ ними, чтобъ «дѣламъ ихъ не навыкнути». Сыну своему онъ предписываетъ «и единымъ окомъ не воззирати на ихъ люторская блядословія», «не весьма водиться съ ними, дабы каковому ихъ люторскому ученію не прилѣпитися: всегда бо при водѣ обмочишися, а при огнѣ обожжешся, подобне — при добромъ человѣкѣ добру научишися, а при зломъ злу и навыкнеши». «Ты сыне мой, вельми ихъ бойся и о чесомъ они тебѣ ни будутъ разглагольствовати, не вѣрь имъ, понеже вси люторскіе толки богопротивны суть и правому христіанству весьма вредительны. Господа ради ни на каковые толки не сдавайся,.. съ нечестивыми люторы отнюдь не водись, содружія съ ними никакого секретнаго не имѣй». Исключеніе Посошковъ допускаетъ только ради какой либо «гражданскія потребы» и то съ ограниченіемъ, — дозволяя только «легкостно знаться» съ ними (Зав. от. стр. 162, 168). Часто Посошковъ не только въ завѣщаніяхъ сыну и наставленіяхъ православнымъ, но и въ обращеніи къ самимъ лютеранамъ откровеннно заявляетъ, что русскимъ людямъ должно избѣгать ихъ, какъ «людей вредныхъ и крайне опасныхъ». «Россія многонародна есть и не всякъ человѣкъ Писаніе вѣсть; того ради и содружіе съ вами имѣть не весьма годствуетъ,—всегда бо подлѣ пчелы медъ, а подлѣ жука дермо». «Православнымъ христіаномъ вельми страшно хлѣбосольство и содружіе съ вами имѣти, дабы въ люторскихъ сѣтяхъ не увязнути». «Намъ вельми надобно отъ васъ блюстися и бѣжать отъ васъ, яко отъ лютаго змія-василиска,... потому, еже кто аще въ люторство склонится, то тотъ уже и въ безбожіе внидетъ и отеистомъ будетъ» и пр. (л. 219 об., 237, 223). Мудрено

ли, что напуганному взору Посошкова представлялось въ лютеранствѣ все опаснымъ, разрушительнымъ и не видѣлось уже «ни единыя черты здраваго разсужденія», «ни единыя черты полезнаго житія, которая вела бы въ царство небесное»?! (Зав. от. стр. 165). Даже въ программѣ школьнаго обученія, въ Завѣщаніи сыну, Посошковъ, при перечисленіи языковъ полезныхъ для изученія, допустилъ весьма замѣтный пробѣлъ, единственно объяснимый религіозными опасеніями Посошкова: онъ не помянулъ нѣмецкаго языка, хотя, конечно, былъ убѣжденъ въ политико-экономической важности сближенія русскихъ съ нѣмцами; — опасность заразы религіозной, очевидно, въ этомъ случаѣ пересилила. Между тѣмъ, Посошковъ тутъ же рекомендуетъ даже польскій языкъ безъ сомнѣнія, менѣе нужный, но за то съ своимъ католичествомъ и менѣе пугавшій Посошкова (стр. 55).

При выясненіи взгляда Посошкова на иновѣрцевъ справедливость требуетъ указать другую точку зрѣнія на нихъ, кромѣ очерченной, также не чуждую Посошкову. И крайне подозрительное его отношеніе къ нимъ не могло заслонить въ его глазахъ многое хорошее у нихъ, съ чѣмъ соглашался Посошковъ, что онъ положительно одобрялъ, чему завидовалъ. Это новое доказательство добросовѣстности и безпристрастія Посошкова рѣзко выдѣляетъ его изъ ряда древне-русскихъ книжниковъ и обличителей, обыкновенно не склонныхъ и не способныхъ ни на какія уступки изъ принятаго общаго направленія и руководившихся принципомъ порицать — такъ порицать безусловно, бить — такъ бить до конца. Посошковъ же съумѣлъ сохранить себя отъ увлеченія одною какою либо точкою зрѣнія на предметъ, — онъ слишкомъ рельефно разграничивалъ въ данномъ случаѣ свои взляды религіозные отъ политико-экономическихъ и не смущался явно противорѣчащими итогами того и другаго, а съ благороднымъ безпристрастіемъ одинаково повѣдалъ въ своихъ сочиненіяхъ эти итоги. Послѣ указанной сейчасъ религіозной точки зрѣнія Посошкова, съ которой онъ не нашелъ въ иновѣрцахъ ни единыя черты здраваго разсужденія, сплошную ложь, считаемъ умѣстнымъ напомнить взглядъ Посошкова на иновѣрцевъ съ политико-экономической точки зрѣнія, гдѣ Посошковъ становится ихъ даже панегиристомъ, гдѣ онъ съ похвалою и завистію указываетъ на доброе гражданское устройство и образцовый экономическій бытъ у нихъ. И въ разсматриваемой главѣ о иконоборцахъ, не смотря на вообще обличительную цѣль ея, Посошковъ, ска-

завши напр. о недобросовѣстности лютеранъ въ отношеніи къ русскимъ, продолжаетъ: «есть слухъ о нихъ, что въ своихъ земляхъ вельми они всякими своими житейскими поступками добры». При этомъ, Посошковъ, на основаніи какихъ-то свѣдѣній, своеобразно объясняетъ, какъ лютеране себѣ «зажили такую славу»: «издревле, до Мартынова бытія, нѣкто былъ у нихъ пришлецъ или и изъ нихъ выродокъ; той уставилъ у нихъ гражданскіе уставы, какъ купеческіе, такъ и художественные, и воинскіе, и судейскіе: и *всѣ житейскіе ихъ уставы вельми добры*, кромѣ вѣры. И тако они у себя по тѣмъ древнимъ уставамъ *добры и разумни* въ своихъ земляхъ» (л. 208). Уже изъ этого одного отрывка видно, что Посошковъ признавалъ за иновѣрцами и нравственныя качества: доброту и гражданскія доблести во взаимныхъ отношеніяхъ; кромѣ того, онъ несомнѣнно признаетъ за ними образованіе, довольно высокую степень цивилизаціи. Такъ напр. часто приводя или ихъ показанія о своей научности, или общепринятыя названія ихъ мудрыми, истину знающими, Посошковъ нисколько не оспариваетъ этого въ принципѣ, а только еще болѣе удивляется ихъ заблужденію, еще съ большею несомнѣнностію убѣждается въ дѣятельномъ участіи діавола, помрачающаго человѣческій умъ, побѣждающаго земныхъ мудрецовъ. Сопоставляя иногда лютеранъ съ нашими раскольниками, Посошковъ, очевидно, самый этотъ фактъ—приравненія ученыхъ людей къ безумнымъ простецамъ—представлялъ уже въ нѣкоторомъ родѣ униженіемъ, оскорбленіемъ первыхъ (л. 177). Такимъ образомъ, несомнѣнно слѣдуетъ и отсюда, что Посошковъ иновѣрцевъ въ интеллигентномъ отношеніи ставилъ неизмѣримо выше, къ ихъ образованности, хотя только земной, свѣтской, вѣтреной, относился все же съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Наконецъ, даже въ разсужденіи о Лютерѣ, какъ ни злобился на него Посошковъ праведнымъ негодованіемъ христіанина за пагубу множества чистыхъ душъ, какъ ни называлъ его «безумнымъ», «объюродѣвшимъ», «всесвѣтнымъ дуракомъ» и т. п., а всетаки на самомъ то дѣлѣ признавалъ его ученость, образованіе, всетаки соглашался, что діаволъ *къ ученымъ* людямъ и подослалъ *ученаго* попа, не то что къ нашимъ «буіимъ раскольникамъ, для которыхъ было достаточно діаволу» послать своихъ «способниковъ отъ нижнія чреды: малосмысленныхъ пресвитеровъ и чернецевъ, и простыхъ, некнижныхъ мужиковъ». Нѣтъ, «какъ ко Адаму діаволъ не подослалъ ни вола, ни осла, ни вельбуда, но мудрѣйшаго

звѣря, т. е. змія, дабы Адамъ принялъ отъ него совѣтъ его и повѣрилъ бы словамъ его, понеже той звѣрь паче всѣхъ звѣрей разумнѣйшій,... тако нынѣ и къ нѣмцамъ подослалъ Мартина Лютора. Избралъ его не изъ земледѣльцевъ простыхъ и ничего незнающихъ мужиковъ, яко вола или осла, но избралъ яко мудраго змія, т. е. *ученаго человѣка, видимаго свѣта мудрованіемъ исполненнаго* и священническимъ саномъ почтеннаго» (л. 166, 175).

Сочиненіе Посошкова О иконоборцахъ, какъ и вообще всѣ сочиненія его, со всею отчетливостію отображаетъ въ себѣ личность автора. Тутъ выступаетъ предъ нами тотъ же Посошковъ, — человѣкъ не вполнѣ еще очищенныхъ взглядовъ и очищенныхъ понятій, человѣкъ, очевидно, не получившій правильнаго образованія и систематической подготовки къ литературному дѣлу. Наряду съ мыслями совершенно правильными, здравыми, навѣянными Посошкову его религіозною ревностію и внушенными его крѣпкимъ природнымъ умомъ, встрѣчаются и здѣсь мысли, выдающія невѣжество Посошкова, его недознаніе, понятія и взгляды, не выдерживающіе критики. Словомъ, и здѣсь можно наблюдать обычное у Посошкова смѣшеніе здраваго съ нелѣпымъ, важнаго съ ничтожнымъ, серьознаго съ смѣшнымъ, новаго съ старымъ. Такъ напр., Посошковъ энергично порицаетъ лютеранъ за то, что они терпятъ у себя въ городахъ и домахъ изображенія и копіи античныхъ статуй, различныя украшенія живописныя и скульптурныя въ античномъ вкусѣ. Посошковъ находитъ въ этомъ достаточный поводъ обвинять лютеранъ въ идолопоклонствѣ. Въ «сливаніи» статуй Посошковъ видитъ уже почесть, воздаваемую имъ лютеранами, предосудительную любовь, которую оказываютъ иновѣрцы «лживымъ богамъ эллинскимъ, поганскимъ идоламъ и небеснымъ знакамъ». Въ выдѣлываніи статуй изъ камня, серебра, мѣди и т. п. Посошковъ усматриваетъ намѣреніе лютеранъ *болѣе* или *менѣе* почтить того или другого идола; въ поставленіи статуетокъ на люстрахъ, канделябрахъ онъ пресерьезно видитъ «воспаленіе свѣчей въ честь ихъ», приношеніе имъ и пр. «Богъ запретилъ строити подобія солнца, луны и иныхъ тѣмъ подобныхъ знаковъ небесныхъ: Крона, Афродиты, Діа, Ермія и прочихъ, тѣмъ подобныхъ... Люторове же вельми ихъ памятствуютъ и ради незабытныя памяти строятъ ихъ ово отъ дерева, ово же отъ камня, иніи жъ и мѣдныхъ сливаютъ и поставляютъ на зданіяхъ и на иныхъ призначныхъ и честныхъ мѣстахъ». «Образу Божію не малыя чести отдать не хощете»,

обращается Посошковъ къ лютеранамъ въ другомъ мѣстѣ, «а истинные поганскіе идолы не стыдяся прославляете, злаго глагола на нихъ не глаголете,.. явное почитаніе отдаете и память имъ незабытную содѣваете, дабы она до скончанія вѣка влеклась. Ибо, егда у васъ какой тріумфъ учинится, то вы прославляете эллинскихъ боговъ, т. е. кумировъ ихъ поставляете ко всенародному зрѣнію: Ариса, Ермія, Діа, Афродиту, Крона и иныхъ подобныхъ симъ, ихъ же поганіи почитали». «Почитающе поганскихъ идоловъ, дѣлаете ихъ во всякихъ украшеніяхъ на серебряныхъ сосудѣхъ отъ серебра, а на златыхъ сосудѣхъ отъ злата содѣваете и поставляете ихъ на верху тѣхъ сосудовъ. Такожде и во иныхъ украшеніяхъ домовныхъ содѣваете тѣхъ же кумировъ, ово отъ каменія, ово же отъ дерева, а лучшія ради ихъ почести содѣваете серебряныхъ и мѣдныхъ, и оловянныхъ, и поставляете въ срединѣ въ паникадилахъ, въ свѣщныхъ мѣстахъ, дабы воспаленіемъ свѣчъ честь имъ и приношеніе отправлялось. И по сему сталобыть вы явные и достовѣрные идолопоклонники» (л. 212 об., 231 об.) Такое недостойное поведеніе лютеранъ представлялось Посошкову тѣмъ болѣе возмутительнымъ, что своимъ идолопоклонствомъ они подавали соблазнъ и вводили въ невольныя заблужденія и православныхъ, «понеже у насъ мнозіи и не разумѣютъ, что идолъ у васъ поставленъ среди свѣщника, и отъ невѣдѣнія, не сокруша того идола, вносятъ тѣ паникадилы въ церкви и вокругъ того идола оставляютъ свѣщами» (л. 232). Видимо, Посошковъ придаетъ этому обстоятельству не малую важность и силится доказать, что со стороны православныхъ это бываетъ только грѣхъ невѣдѣнія; со стороны же лютеранъ такое недоумѣнное обстоятельство представляется Посошкову эхиднымъ «коварствомъ» и злонамѣреннымъ «пронырствомъ». «Но Богъ видитъ», успокоительно замѣчаетъ Посошковъ, «чіе тутъ пронырство... и той взыщется на васъ грѣхъ, а не на насъ. Кто его (идола) состроилъ, тотъ и идолочтецъ есть, а не мы». Вообще же Посошковъ не безъ гордости заявляетъ, что идолы, т. е. статуи и всякія украшенія античныя въ Россія, у православныхъ, «весьма отвержены суть, еже не токмо во образъ ихъ знать, но и имяни ихъ не памятствуютъ» (л. 212 об.). Не сомнѣваясь въ справедливости этого показанія, нельзя не замѣтить въ концѣ концовъ, что всѣ эти разсужденія Посошкова о современныхъ «идолахъ» являются нѣсколько наивными. Но они служатъ яснымъ доказательствомъ только того, что Посошковъ

совершенно не былъ посвященъ въ смыслъ и значенiе нѣкоторыхъ благородныхъ искуствъ, что онъ допустилъ, такимъ образомъ, и въ данномъ случаѣ ни болѣе ни менѣе, какъ только грѣхъ тоже невѣдѣнiя. А строго-церковный взглядъ на вещи и крайне ревнивое храненiе неприкосновенной чистоты Христовой религiи, слишкомъ прозрачно выступающiе главною подкладкою всѣхъ этихъ разсужденiй Посошкова, еще болѣе останавливаютъ всякую попытку сказать какой либо упрекъ Посошкову. Совершенно въ томъ родѣ и съ тѣмъ же смысломъ представляется напр. разсужденiе Посошкова объ игральныхъ картахъ. Ревнивый блюститель и охранитель христiанскаго благочестiя вездѣ и во всемъ безъ искюченiя, и крайне подозрительный къ людямъ измѣнившимъ этому благочестiю, Посошковъ повидимому совершенно самостоятельно дѣлаетъ новыя открытiя, обличавшiя, въ его глазахъ, высшую степень развращенiя лютеранъ, усиливавшiя мѣру ихъ злочестiя. Такъ, въ данномъ случаѣ поруганiе надъ всѣмъ христiанствомъ онъ усматриваетъ даже въ простыхъ игральныхъ картахъ, которыя онъ, повидимому, исключительно усвояетъ лютеранамъ. И Посошковъ серьезно пускается въ доказательства своей мысли. Онъ тщательно разсматриваетъ карты и отмѣчаетъ въ нихъ якобы намѣренное поруганiе христiанской святыни. Напр., на державѣ короля бубноваго онъ усматриваетъ изображенiе «герба Христова», т. е. креста; въ трефовыхъ маркахъ, «вмѣсто желудей дубовыхъ» — крестовидные знаки; въ картахъ «винныя масти», т. е. въ королѣ пиковомъ, угадываетъ почему-то пророка Божiя, царя Давида» (л. 232 об.).

Въ характерѣ внѣшняго изложенiя разсматриваемаго сочиненiя мы должны отмѣтить черту, общую всѣмъ сочиненiямъ Посошкова, его необыкновенную простоту, общедоступность. Не смотря на то, что Посошковъ въ данномъ случаѣ полемизируетъ противъ лютеранъ, — людей, по его сознанiю, образованныхъ, высокоумныхъ, онъ все же имѣетъ въ виду и назначаетъ свое сочиненiе ближайшимъ образомъ простымъ русскимъ людямъ; вслѣдствiе этого, заботится въ изложенiи о такой простотѣ, пишетъ, по его собственному признанiю, столь «поемно», что «не токмо высокоумные люди, но и самый поселянинъ можетъ ясно уразумѣти» (л. 233 об.). Заботливость Посошкова о простотѣ и популярности отразилась, какъ мы видѣли, даже и на содержанiи сочиненiя, внушила Посошкову употребленiе простыхъ увѣщанiй, наглядныхъ сравненiй, уподобленiй и пр. Тою же простотою запечатлѣно и изложенiе сочиненiя;

она придала простонародный колоритъ всѣмъ рѣчамъ Посошкова, выразилась во множествѣ пословицъ, поговорокъ, народныхъ оборотовъ, въ принятой Посошковымъ на себя обязанности объяснять смыслъ всѣхъ словъ, не вошедшихъ въ сферу обиходнаго употребленія и предполагавшихъ въ себѣ темноту, неясность для русскаго читателя — простеца [1]).

Что касается порядка въ раскрытіи частныхъ мыслей, то онъ въ сочиненіи Посошкова далеко не представляетъ стройной системы, строгаго плана. Увлекаясь въ обличеніяхъ, Посошковъ постоянно допускаетъ замѣтныя уклоненія отъ предмета, частыя повторенія одного и того же, и дѣлаетъ это совершенно сознательно, потому что часто вставляетъ очень умѣстную оговорку: «о семъ пространнѣе выше речеся» или: «о семъ пространнѣе ниже речется». Такую невыдержанность, это «умноженіе словесъ», Посошковъ объясняетъ «нестерпимою досадою» на упорство заблуждающихся, а также желаніемъ тверже запечатлѣть въ умѣ читателей предлагаемые имъ доводы, многократнымъ повтореніемъ невольно, такъ сказать, вбить въ чужую голову свое убѣжденіе. «О семъ пространнѣе выше и не во единомъ мѣстѣ речеся ради неразумія лютеранъ», объясняетъ напр. въ одномъ мѣстѣ Посошковъ. Или: «аще бо и прежде рѣхъ, обаче и нынѣ не умолкая глаголю» и пр. (л. 236 об., 234). «За повторенія не зазрите», извиняется Посошковъ въ Отеческомъ завѣщаніи, — «понудила бо мя люторская слабость и гнилые ихъ толки, дабы во многократномъ воспомяновеніи паче могли пояти» (стр. 39 и 49).

Уже изъ приводимыхъ нами выдержекъ изъ главы О иконоборцахъ очевидно, что тонъ Посошкова и въ этомъ сочиненіи является по мѣстамъ слишкомъ рѣзокъ; въ сочиненіи встрѣчаются выраженія вульгарныя, даже прямо оскорбительныя, неприличныя. Какъ мы замѣтили о Зерцалѣ противораскольническомъ, явленіе это было слишкомъ обычное для того времени; выраженія ругательныя имѣли полное право гражданства въ русской полемической письменности. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Посошкова нисколько не выдѣляется, сравнительно напр. даже съ Камнемъ вѣры Стефана Яворскаго, человѣка неизмѣримо болѣе цивилизованнаго и облагороженнаго. Не вмѣняя, такимъ образомъ, Посошкову

---

[1]) Посошковъ считаетъ нужнымъ объяснять даже такія слова какъ напр.: притча, восхищать, брачные сыны и т. п.

въ вину его рѣзкости въ полемикѣ, мы за то съ особеннымъ удовольствіемъ и здѣсь отмѣтимъ слишкомъ высокій для простаго русскаго человѣка уровень понятій о приличіяхъ и вѣжливости въ Посошковѣ, высказавшійся въ его и здѣсь извиненіяхъ за свою рѣзкость,—извиненіяхъ, къ которымъ его ничто не могло тогда особенно обязывать, кромѣ высокоразвитаго въ немъ нравственнаго чувства и его возвышенныхъ понятій о достоинствѣ человѣческой личности даже въ ненавистныхъ еретикахъ. «Сіе не судя глаголю, но остерегая отъ лже-евангельскаго житія православныхъ христіанъ, дабы остереглись». «Сіе не судя глаголю—судія имъ Богъ единъ». «Не судя васъ сія глаголемъ, но болѣзнуя о васъ, еже погибаете напрасно» (л. 207, 211, 225 и пр.). Такими и подобными фразами нерѣдко заключаетъ Посошковъ свои суровыя слова обличеній. Точно также и въ окончательномъ послѣсловіи къ Зерцалу очевидному Посошковъ самъ объясняетъ причины своей суровости, винится въ ней, проситъ у читателей себѣ прощенія и молитвъ къ Богу, да не вмѣнитъ Онъ ему этого грѣха. «Аще кто узритъ, яко глаголы написаны иные уничижительно, о семъ вѣдите, яко не ради уничиженія, но ради востягновенія положени суть тако. И аще кому узрятся иные глаголы суровы, о семъ не скорбите, не руганія бо ради положихъ тако, но ради возбужденія отъ заблужденія. Тако бо ревность, еже по Господѣ, понуди мя на жестокіе глаголы... Вы тѣ суровые глаголы прилежно разсмотрите и аще уразумѣете, яко о дѣлѣ Божіемъ воскричалъ, то не подобаетъ на мя гнѣватися, но паче годствуетъ... за мя Богу помолитися, да проститъ Богъ моя та согрѣшенія, еже нелѣпо воскричалъ» (л. 243). Подобныя рѣчи въ устахъ простого древне-русскаго человѣка представляются явленіемъ насколько рѣдкимъ, настолько же и знаменательнымъ; онѣ высоко ставятъ въ нашихъ глазахъ Посошкова и еще большее уваженіе внушаютъ къ этому замѣчательному выходцу изъ русскаго народа.

Въ заключеніе, сопоставимъ разсмотрѣнное сочиненіе Посошкова О иконоборцахъ съ Камнемъ вѣры Стефана Яворскаго. Сущность пріемовъ полемики Посошкова, его общій тонъ и даже обычная канва въ раскрытіи мыслей, по которой излагается въ каждой главѣ сначала православное ученіе на основаніи Священнаго Писанія, Св. Отцевъ и пр., потомъ отмѣчается уклоненіе еретиковъ, наконецъ обличеніе ихъ: все это въ общемъ близко напоминаетъ трудъ Стефана Яворскаго. Но, какъ мы видѣли, и это формальное сходство далеко не всегда выдержано, потому

что у Посошкова весьма часто нарушается связь и послѣдовательность въ раскрытіи частныхъ мыслей, на каждомъ шагу встрѣчаются уклоненія отъ предмета, забѣганія впередъ, повторенія сказаннаго. Эти недостатки, общіе всѣмъ вообще сочиненіямъ Посошкова, совершенно чужды строго-систематичному труду Стефана Яворскаго. Еще замѣтнѣе разница въ содержаніи. Посошковъ обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на обрядовыя и только самыя важныя догматическія отступленія лютеранъ, т. е. на пункты ихъ заблужденій наиболѣе очевидные, наглядные, служившіе прежде всего и самымъ существеннымъ камнемъ претыканія и соблазна для православныхъ. Между тѣмъ, Камень вѣры является не только полемическимъ сочиненіемъ, а въ то же время и строго-богословскимъ трактатомъ, гдѣ обстоятельно разсмотрѣны и отвлеченные вопросы христіанской догматики, гдѣ подробно разслѣдованы нѣкоторые пункты, даже и не упомянутые у Посошкова. Объясненіе этой особенности содержанія главы О иконоборцахъ мы находимъ прежде всего въ личности самого Посошкова, этого простого русскаго начетчика, непосвященнаго во всѣ тонкости и глубину богословскихъ умозрѣній въ такой мѣрѣ, въ какой это дѣло доступно было просвѣщенному богослову, Стефану Яворскому. Съ другой стороны, разница въ содержаніи обусловливается и различною цѣлію сравниваемыхъ сочиненій. Между тѣмъ какъ Стефанъ Яворскій имѣлъ въ виду преимущественно лютеранъ, людей сравнительно образованныхъ, и потому могъ безпрепятственно углубляться въ догматическія тонкости, не рискуя быть непонятымъ; Посошковъ назначалъ свое сочиненіе прежде всего именно простецамъ и неукамъ, на которыхъ, по справедливому сознанію Посошкова, можно было дѣйствовать только простыми словами и которыхъ «никаковая увѣщанія и ясная изъявленія и философскіе глаголы пользовати могутъ» (л. 242 об.). Вообще, сочиненіе Посошкова О иконоборцахъ отличается отъ Камня вѣры, какъ общедоступное, популярное изложеніе отъ ученаго трактата. Цѣль Стефана Яворскаго была, такъ сказать, теоретическая: обличить лютеранство въ его основаніи, разбить всю сущность его догматики; у Посошкова же ближайшая цѣль была практическая: поразить пункты лютеранскихъ заблужденій не столько сами въ себѣ, сколько въ глазахъ православныхъ и людей, подъ вліяніемъ ихъ «шатающихся, сумнительныхъ». Отсюда и въ содержаніи, у Стефана Яворскаго встрѣчаемъ полнѣйшее, всестороннее обличеніе лютеранскихъ

догматовъ, со всею силою научной аргументаціи и во всемъ богатствѣ богословской эрудиціи; у Посошкова же взято самое наглядное, простое въ разсматриваемомъ предметѣ и самое очевиднѣйшее, доступное — въ качествѣ основаній и доказательствъ. И въ изложеніи, — у Стефана Яворскаго строжайшая система, порядокъ въ развитіи мыслей, выдержанный вездѣ неизмѣнный планъ, а у Посошкова отсутствіе всякой школярности, далеко не вездѣ соблюдаемый порядокъ въ раскрытіи мыслей, изобиліе отступленій, повтореній, допускаемыхъ часто сознательно, съ вѣдома автора и въ цѣляхъ все того же утвержденія однихъ и вразумленія другихъ.

Что касается вліянія Стефана Яворскаго на Посошкова, то оно — если и было — слишкомъ ничтожно, ограничивалось только формальною стороною, общимъ распорядкомъ мыслей и не простиралась вовсе на содержаніе. Посошковъ остался настолько самостоятеленъ и независимъ, что не повторилъ въ своемъ сочиненіи даже всѣхъ пунктовъ, въ которыхъ обличалъ лютеранъ Стефанъ Яворскій (напр. о мощахъ святыхъ, о душахъ святыхъ, о благотвореніи преставльшимся, о преданіяхъ). Посошковъ зналъ сочиненіе Яворскаго и не хотѣлъ повторять его, а хотѣлъ сказать свое, рѣшился предложить свои «разглаголанные доводы», которые вовсе не служили какимъ либо экстрактомъ изъ сочиненія Яворскаго, а должны были, по мысли Посошкова, стать дополненіемъ Камня вѣры, стать на ряду съ нимъ, какъ лишнее, прибавленное слово, какъ новость, такъ что Посошковъ могъ рекомендовать его на ряду съ Камнемъ вѣры. И дѣйствительно, сочиненіе Посошкова стало новостью для своего времени, потому что оно было совершенно независимо, оригинально, съ своимъ особымъ складомъ, въ своемъ особомъ родѣ. [1]) Для настоящаго

[1]) Что касается вышеупомянутаго сочиненія Пафнутія — Рожнецъ духовный, то, вѣроятнѣе всего, Посошковъ и не зналъ этого сочиненія. Сравнивая же теперь сочиненіе Посошкова съ сочиненіемъ Пафнутія, мы не находимъ въ нихъ ничего общаго, кромѣ совпаденія въ предметѣ обсужденія. Между тѣмъ какъ глава О иконоборцахъ представляетъ подробный и законченный разборъ нѣкоторыхъ пунктовъ лютеранскаго ученія, Рожнецъ духовный — насколько можно судить о немъ по описанію — представляетъ отрывочный, чуждый всякой системы разговоръ о разныхъ предметахъ, касающихся вѣроисповѣдныхъ разностей лютеранства съ православіемъ. Здѣсь между прочимъ заходитъ также рѣчь о предметахъ, вовсе и неупомянутыхъ у Посошкова, напр. о монашествѣ, о чинахъ церковныхъ, о крещеніи, о священствѣ, о чинахъ ангельскихъ и пр.

же времени это сочиненіе сохраняетъ важное историческое значеніе, научный интересъ, такъ какъ оно было слишкомъ современно, имѣло непосредственное, ближайшее отношеніе къ дѣйствительной жизни, служило отвѣтомъ на одинъ изъ жгучихъ, настоятельныхъ вопросовъ той эпохи. Въ литературномъ отношеніи оно представляетъ собою драгоцѣнный памятникъ, совершенно самостоятельное, нисколько независимое отъ другихъ, произведеніе здраваго самобытнаго русскаго ума и усердія, плодъ религіозныхъ убѣжденій и набожной ревности древне-русскаго христіанина, типическій образчикъ древне-русскаго мощнаго стиля, замѣчательно полновѣсныхъ и слишкомъ выразительныхъ реченій.

„Завѣщаніе отеческое".

Значеніе этого сочиненія. — Завѣщательная литература въ Россіи до Посошкова. — Идеалы Посошкова сравнительно съ прежде господствовавшими.

«Завѣщаніе отеческое» Посошкова служитъ непосредственнымъ продолженіемъ особаго рода произведеній въ древне-русской литературѣ, которыя изображали, въ различныхъ видахъ, идеалы древней жизни, формировавшіеся подъ вліяніемъ письменности и условій народнаго быта. Вслѣдъ за нѣсколькими предшествовавшими и параллельными однородными сочиненіями, Завѣщаніе Посошкова наполнено наставленіями, которыя, безъ сомнѣнія, имѣли дѣятельную силу въ нашемъ древнемъ обществѣ, ясно выражали его требованія, его пониманіе, стремленія, словомъ—выражали дѣйствительность. Тутъ подведенъ итогъ до-петровской жизни, нарисованъ послѣдній идеалъ, выработанный старо-русскимъ человѣкомъ въ первый моментъ его соприкосновенія съ новыми понятіями новаго времени.

Въ ряду другихъ сочиненій Посошкова, его Завѣщаніе отеческое занимаетъ совершенно самостоятельное положеніе и характеризуется сравнительною общностью своего содержанія. Между тѣмъ какъ въ разсмотрѣнныхъ нами сочиненіяхъ Посошковъ спеціально занимался историко-экономическимъ состояніемъ Россіи, или расколомъ и иновѣріемъ, какъ самыми выдающимися явленіями общественной жизни; въ Завѣщаніи онъ обращаетъ вниманіе на всю жизнь православнаго христіанина, во всѣхъ возрастахъ его развитія, на всѣхъ степеняхъ общественной іерархіи и подъ воздѣйствіемъ всевозможныхъ вліяній. Правда, узкость положеннаго надписанія сочиненія не даетъ, повидимому, права на такое обобщеніе и заставляетъ предполагать въ немъ простое, совершенно частное наставленіе отца своему сыну; но матеріалъ былъ слишкомъ великъ, тема

была слишкомъ широка: въ рамки ея легко укладывались мысли человѣка, живо заинтересованнаго современнымъ положеніемъ вещей, горячо преданнаго общественнымъ вопросамъ, — и отцовскія наставленія родному сыну подъ перомъ автора разростались въ общіе трактаты о томъ, какъ нужно жить вообще человѣку и какъ поступать въ извѣстномъ положеніи, при извѣстныхъ условіяхъ. Отсюда весьма естественно вытекало то, что своимъ содержаніемъ Завѣщаніе отеческое вступало въ связь съ другими сочиненіями Посошкова, потому что касалось и тѣхъ частныхъ, сравнительно, областей, которыя составляли исключительное ихъ содержаніе. Съ одной стороны, Завѣщаніе отеческое имѣетъ непосредственныя точки соприкосновенія съ Книгою о скудости и богатствѣ, потому что Посошковъ и тутъ разсуждаетъ между прочимъ «О земледѣльствѣ», «О судействѣ», «О художествѣ», «О солдатскомъ бытіи», «О крестьянскомъ житіи» и пр. Съ другой стороны, оно напоминаетъ Зерцало очевидное, потому что и тутъ встрѣчаются постоянныя замѣчанія о расколѣ, иновѣріи и вообще разборъ религіозныхъ вопросовъ занимаетъ самое видное мѣсто. Болѣе же общимъ началомъ, объединяющимъ всѣ сочиненія Посошкова, служитъ ихъ общій характеръ, — характеръ религіозно-практическій, который очевиденъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ, еще яснѣе является въ Зерцалѣ очевидномъ и, наконецъ, съ особенною рельефностію обнаруживается въ Завѣщаніи отеческомъ. Но и принимая во вниманіе сходные пункты содержанія Завѣщанія съ другими сочиненіями Посошкова, нельзя не замѣтить нѣкоторой между ними разницы въ характерѣ изложенія одного и того же матеріала, разницѣ, выдѣляющей Завѣщаніе отеческое изъ ряда другихъ сочиненій Посошкова и сообщающей разсужденіямъ Завѣщанія интересъ новизны. Дѣло въ томъ, что въ другихъ сочиненіяхъ Посошкова, при изобиліи проектовъ, все-же преобладаетъ элементъ историческій, описательный (который мы и разсматривали): Посошковъ стоитъ тамъ на почвѣ историческихъ данныхъ, изображаетъ дѣйствительное положеніе тогдашняго общества; между тѣмъ въ Завѣщаніи, наоборотъ, выступаетъ почти исключительно сторона идеальная, если не принимать за исторію самыхъ бѣглыхъ и случайныхъ ссылокъ и указаній, изрѣдка попадающихся здѣсь. Тамъ, по меньшей мѣрѣ на половину, Посошковъ, съ точностію историка, описываетъ, говоритъ — какъ есть, какъ существуетъ; тутъ же Посошковъ преимущественно излагаетъ свои воззрѣнія, какъ должно быть, какъ нужно устроить

жизнь. Во всякомъ разѣ, Завѣщаніе Посошкова представляетъ въ себѣ не точную копію современной ему жизни: тутъ обрисованъ *идеалъ* человѣка-христіанина, указаны средства приложить къ дѣлу высокія требованія вѣры въ семейной и общественной жизни. Для достиженія этихъ идеаловъ требовались, очевидно, усилія, и нѣтъ сомнѣнія, что самъ Посошковъ сознавалъ трудность полнаго приложенія къ жизни всѣхъ тѣхъ высокихъ нравственныхъ требованій, которыя онъ носилъ въ своей душѣ и которыя предлагалъ въ своемъ Завѣщаніи, поставляя цѣль жизни и совершенство человѣка въ выполненіи этихъ требованій. Сущность и характеръ многихъ совѣтовъ Посошкова, совершенно несогласныхъ съ житейскою моралью и, конечно, не выполнявшихся самимъ Посошковымъ (каковы напр. разсужденія его о богатствѣ, повторенія евангельскихъ совѣтовъ), съ несомнѣнностью убѣждаютъ насъ, что Посошковъ желалъ записать въ своемъ Завѣщаніи черты идеальныя, что онъ нарисовалъ, по своему разумѣнію, идеальнаго христіанина; его Завѣщаніе есть подробная картина истинной христіанской жизни, дѣятельной и многоплодной, жизни «по духу», какъ опредѣляетъ ее самъ Посошковъ, строго отличая отъ жизни «по міру сему», образчикъ каковой онъ усматривалъ напр. въ лютеранскомъ обществѣ.

Но если Завѣщаніе Посошкова не представляетъ точную копію современной жизни, то, съ другой стороны, и идеальность его является относительною: его нельзя назвать чисто идеальною картиной жизни, образцомъ только воображаемымъ. Конечно, большая часть требованій Посошкова была выше современнаго уровня жизни, во многомъ отступала отъ нея, даже во многомъ шла наперекоръ ей; за то, съ другой стороны, несомнѣнно, что эти требованія господствовали въ представленіи современниковъ Посошкова, что теоретически они признаваемы были тѣми же людьми, которые ихъ нарушали, а по возможности, и осуществляли въ своей жизни. На ряду съ чертами чисто идеальными, въ совѣтахъ и наставленіяхъ Посошкова постоянно и даже большею частію проглядываютъ черты совершенно бытовыя, прямо взятыя изъ жизни, черты, освѣщающія личность и поведеніе самого Посошкова, живо рисующія намъ ту эпоху. Такимъ образомъ, идеалы Посошкова слагались подъ вліяніемъ народныхъ представленій и взглядовъ, основывались на дѣйствительной жизни и во многомъ заимствовались изъ нея[1]). Эта-то жиз-

[1]) Рисуя свои идеалы, Посошковъ часто прямо ссылается на факты изъ жизни современной, напр. стр. 167, 194 и др.

ненность идеаловъ Посошкова и даетъ намъ право видѣть въ нихъ не частный взглядъ Посошкова, но воззрѣнія и правила всего современнаго ему русскаго общества, даже болѣе — воззрѣнія всей древне-русской жизни.

Ко времени Петра Великаго и еще ранѣе, при Алексѣѣ Михайловичѣ, окончательно уже сформировался характеръ народной жизни; въ данномъ ей направленіи русская жизнь исчерпала себя и явилась въ послѣдней стадіи своего развитія, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Въ это-то время, какъ представитель народа, Посошковъ и изобразилъ въ своихъ сочиненіяхъ все выработанное долговременною русскою жизнію, всю освященную вѣками мудрость жизни, изобразилъ древне-русскую, до-петровскую жизнь, съ ея хорошими и дурными сторонами. Въ Зерцалѣ очевидномъ и особенно въ Книгѣ о скудости и богатствѣ Посошковъ изобразилъ преимущественно темную сторону жизни, недостатки, требовавшіе неотложнаго, радикальнаго исправленія; Завѣщаніе же его представляетъ обратную сторону медали: тутъ указанъ путь совершенства, идеалъ, до котораго только могъ дойти древне-русскій человѣкъ; тутъ изображена свѣтлая, желаемая сторона жизни, хотя и эта свѣтлая сторона не чужда недостатковъ и односторонностей, свойственныхъ тогдашнему времени. Но какъ недостатки народной русской жизни и характера наживались постепенно, подъ вліяніемъ историческихъ условій, подъ вліяніемъ всей прошедшей судьбы русскаго народа; такъ, съ другой стороны, и доброе начало, идеальная сторона его жизни, записанная въ Посошковскомъ Завѣщаніи, есть достояніе всей древней исторіи нашего отечества. Не только основной взглядъ и мысли, но многія и частныя наставленія Посошкова, относительно вѣры и благочестія, составляютъ, какъ увидимъ, буквальное почти повтореніе правилъ, предписанныхъ еще Владиміромъ Мономахомъ и еще болѣе — Домостроемъ. Что касается правилъ чисто житейскихъ, практическихъ, то въ нихъ совмѣщено, очевидно, достояніе житейской мудрости всѣхъ предыдущихъ вѣковъ, и, во всякомъ случаѣ, еще до Посошкова и даже съ большею подробностію, чѣмъ у него, были попытки ихъ систематизаціи, напр. въ Домостроѣ.

Итакъ, Завѣщаніе отеческое Посошкова есть очеркъ идеальной жизни, сложившійся въ представленіи вообще древне-русскаго человѣка, общій итогъ до-петровской жизни. Такимъ, дѣйствительно, оно и является

намъ, но является только въ бóльшей его части, а не исключительно. Уже непосредственная близость Посошкова къ эпохѣ преобразованія и къ новымъ началамъ русской жизни, съ одной стороны, и искренняя преданность и сочувствіе Посошкова къ дѣлу реформы (что можно было видѣть изъ разсмотрѣнныхъ сочиненій) — съ другой, ручаются намъ за то, что Посошковъ не могъ всецѣло изолировать себя отъ вліянія новыхъ началъ новаго времени. Болѣе же короткое знакомство съ Завѣщаніемъ отеческимъ не оставляетъ въ этомъ никакого сомнѣнія. Древнерусскій идеалъ жизни получаетъ у Посошкова новые оттѣнки, принимаетъ особый колоритъ. Идеализируя древнюю жизнь, Посошковъ изрѣдка высказываетъ уже такіе взгляды и убѣжденія, которые не могли быть имъ унаслѣдованы отъ прошлаго періода и которые характеризуютъ наступленіе новой жизни, господство новыхъ понятій. Какъ извѣстно, Завѣщаніе отеческое Посошкова относится еще къ первому періоду литературной дѣятельности Посошкова, когда еще реформаторское движеніе на Руси только подготовлялось. По самому времени явленія своего, занимая среднее положеніе между Зерцаломъ очевиднымъ — первымъ трудомъ Посошкова, когда онъ занимался исключительно вопросами вѣры, и Книгою о скудости и богатсвѣ — послѣднимъ его сочиненіемъ, когда Посошковъ увлекся политикой, духомъ преобразованій; Завѣщаніе, и по самому содержанію и характеру своему, стоитъ, такъ сказать, на рубежѣ двухъ эпохъ. Въ большинствѣ оно тяготѣетъ еще къ старому времени, представляетъ кругозоръ домостроевскихъ понятій; въ нѣкоторыхъ же частяхъ оно склоняется уже къ новому времени, предлагаетъ новые, свѣжіе взгляды. Мѣстами Посошковъ пишетъ какъ фанатикъ раскольникъ, проповѣдуетъ неприкосновенность старины, стоитъ за мертвую обрядность, мѣстами же онъ говоритъ какъ настоящій представитель вѣка просвѣщенія. Завѣщаніе отеческое справедливо названо однимъ изъ нашихъ изслѣдователей «звѣномъ, соединяющимъ старину съ новизною, реакцію съ реформою, консервативныя понятія съ прогрессивными стремленіями» [1]). Правда, реформаторскаго въ Завѣщаніи отеческомъ Посошкова, сравнительно, еще очень немного, но и это немногое возбуждаетъ интересъ, является особенно цѣннымъ въ историко-литературномъ отношеніи, потому что даетъ возможность прослѣдить постепенное воз-

[1]) Брикнеръ — Журн. Мин. Нар. Просв. 1875 г. ч. 9 стр. 50.

ростаніе русскаго человѣка для новой исторіи, даетъ возможность, въ связи съ другими завѣщательными произведеніями древне-русской литературы, прослѣдить постепенное развитіе идеаловъ древне-русскаго человѣка до кануна первыхъ дней новой Россіи.

Представимъ анализъ Завѣщанія отеческаго въ связи съ таковыми же сочиненіями древней литературы и отмѣтимъ новыя черты идеаловъ Посошкова. Но предварительно — нѣсколько словъ о завѣщательной литературѣ на Руси вообще.

Какъ мы имѣли уже случай замѣтить, Завѣщаніе отеческое Посошкова принадлежитъ къ особому разряду произведеній на Руси — завѣщательныхъ. Форма родительскаго завѣщанія составляетъ видъ литературныхъ произведеній, параллельный пастырскимъ поученіямъ и вмѣстѣ съ послѣдними перешла къ намъ въ Россію изъ Греціи. Встарину чрезвычайно распространены были и пользовались громадною популярностію различные сборники отеческихъ сочиненій, носящіе имена: Златоуста, Златоструя, Измарагда, Златой цѣпи и т. п. Но на ряду съ дѣйствительными выписками изъ твореній Златоуста и другихъ отцевъ церкви, въ этихъ сборникахъ встрѣчается много такихъ сочиненій, которыя, имѣя связь съ сочиненіями Златоуста только по мыслямъ, а иногда и безъ этой связи, были уже чисто русскаго происхожденія. Таковы, между прочимъ: «Поученіе нѣкоего отца духовнаго», начинающееся словами: «сыне мой, чадо мое, приклони ухо, послушай отца своего, внуши глаголы родившаго тя»... «Посланіе нѣкоего отца духовнаго сыну духовному»; «Поученіе нѣкоего христолюбца къ духовной братіи» и множество другихъ поученій съ различными названіями: поученіе къ дѣтямъ, слово о христіанскомъ житіи, слово како жити крестьянамъ и пр. Всѣ эти поученія, заключающія въ себѣ наставленія во всѣхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, уже и формою своею весьма близко напоминаютъ извѣстныя намъ завѣщательныя сочиненія. Особенно въ близкой связи съ этими сборниками находится извѣстной Домострой Сильвестра. Протопоповъ, спеціальный изслѣдователь поученія Мономаха, нашелъ и его первоисточники въ древнѣйшей русской литературѣ: онъ указалъ на сходныя съ нимъ по содержанію и имѣвшія на него вліяніе — «Слово нѣкоего отца къ сыну» и Поученіе нѣкоего Ксенофонта, «еже глагола къ сынома своима».

Общій характеръ всѣхъ завѣщательныхъ сочиненій былъ религіозно-

назидательный. Содержаніе ихъ составляли нравственные правила, жизненные идеалы, согласные съ требованіями лучшихъ людей времени. Цѣль ихъ была — поддержать нравственность и религіозность въ народѣ. Само собою разумѣется, что самое заявленіе и напоминаніе этихъ правилъ вызывалось уклоненіями, жалкимъ нравственнымъ состояніемъ древняго общества, въ большинствѣ котораго, по свидѣтельству исторіи, господствовали, въ полномъ разгулѣ, дикіе инстинкты, грубые пороки и страсти. Столь не высокій уровень общественной нравсвенности, сглаживая, безсомнѣнія, нѣкоторыя идеальныя черты идеаловъ, предлагаемыхъ въ завѣщаніяхъ, въ то же время отрицательною своею стороною опредѣлялъ въ общемъ противоположный строго-аскетическій характеръ этихъ идеаловъ и упрочивалъ значеніе ихъ въ жизни, вліяніе ихъ на общество. Между тѣмъ какъ жизнь шла впередъ и человѣческая натура требовала удовлетворенія въ развивающихся страстяхъ и порокахъ, единственною охраною общества отъ нравственнаго растлѣнія была религія; другихъ принциповъ, сдерживающихъ дикіе инстинкты, умѣряющихъ излишнее обнаруженіе чувственности, древне-русское общество не выработало. Послѣ этого, совершенно понятно религіозное настроеніе лучшихъ людей стараго времени и строго-религіозной характеръ выработанныхъ ими идеаловъ. Эти свѣтлыя личности, съ своими идеалами, излагаемыми, обыкновенно, въ формѣ завѣщаній, являлись истинными цивилизаторами древняго русскаго общества, которое не имѣло для руководства въ дѣлѣ религіи ни богословской догматики, ни нравственныхъ кодексовъ для назиданія въ жизни или, по крайней мѣрѣ, не могло таковыми пользоваться. Въ силу этого-то, родительскія завѣщанія, не смотря на свое частное назначеніе, пользовались громадною популярностію въ древней Руси и, несомнѣнно, имѣли важное педагогическое значеніе. При недостаткѣ и даже совершенномъ отсутствіи школъ, завѣщанія являлись почти единственными не только вообще воспитателями общества, а и его образователями, поддерживая и распространяя христіанское просвѣщеніе въ народѣ. Такъ какъ сущность и цѣль истиннаго образованія полагалась тогда не въ пріобрѣтеніи грамотности и научныхъ познаній, а, главнымъ образомъ, въ ближайшемъ знакомствѣ и усвоеніи истинъ христіанской вѣры и благочестія, то недостатокъ школъ достаточно и съ успѣхоммъ вознаграждался, вмѣстѣ съ храмовымъ богослуженіемъ, пастырскими поученіями, и — семейными, родительскими наставленіями, завѣщаніями. И нужно особенно вникнуть

въ смыслъ нашей родной, благочестивой древней жизни, чтобы представить себѣ, какъ важно было у насъ слово престарѣлаго, умирающаго христіанина, какъ переходило оно отъ отца къ сыну и внуку и до позднихъ потомковъ, какъ оно, представляя, съ одной стороны, опытъ прошедшей жизни, съ другой — предлагало завѣтъ грядущему. Писатели такихъ подробныхъ и систематическихъ завѣщаній, какъ Духовная Мономаха, Домострой Сильвестра, Завѣщаніе отеческое Посошкова, Духовная Татищева, сами уже указывали болѣе широкое назначеніе своимъ произведеніямъ, нежели какое указываетъ ихъ заглавіе. Такимъ образомъ, по мысли самихъ уже авторовъ, завѣщаніямъ предназначалась широкая роль общественныхъ кодексовъ нравственности, мѣрила нравственной жизни цѣлаго народа. Владиміръ Мономахъ, назначая свое поученіе дѣтямъ своимъ, въ то же время предполагаетъ и «иного кого», могущаго «слышать его писаніе» [1]); иногда въ поученіи онъ обращается вообще къ христіанамъ и въ концѣ поученія обращается съ просьбою: не осудите меня, дѣти мои и иной кто, прочитавъ это посланіе» (стр. 47). Сильвестръ, предлагая свое «наказаніе и посланіе», повидимому только «единородному сыну Анфиму», въ то же время постоянно употребляетъ выраженія, въ родѣ слѣдующихъ: «у кого пошлетъ Богъ дѣтей, у кого родится дочь, у кого сынъ или слуга вѣрный есть и т. п. [2]). Кромѣ того, онъ предлагаетъ наставленія самаго общаго характера и для всѣхъ безъ различія. «Въ домовитомъ обиходѣ», пишетъ напр. онъ, «вездѣ и всякому человѣку, — государю и государынѣ, сыну и дочери, служкѣ мужеска полу и женска, и стару, и малу всякое дѣло начати достойно»... (стр. 27). Точно также Посошковъ, хотя и написалъ въ заглавіи своего Завѣщанія: «предлагаю завѣщаніе сіе любезному мы сыну (Николаю)», но въ то же время постоянно повторяетъ выраженія: аще кто чтый, аще кто восхощетъ..., аще коего человѣка..., на сіе слово всякъ зри и разумѣй..., аще кто будетъ жену ничтожить..., изволяй да зритъ въ Очевидномъ Зерцалѣ..., то себѣ всякъ вѣждь и пр. и пр. [3]). Татищевъ, хотя и назначалъ Духовную непосредственно своему сыну Евграфу, но

---

[1]) Духовная Вл. Мономаха. Изд. 1793 г. стр. 2; стр. 9.

[2]) Домострой. Временникъ Имп. Общ. ист. и др. Р. 1849 г. кн. 1 стр. 21, 22, 15 и др.

[3]) Завѣщ. отеч. стр. 39, 41, 48, 70, 71, 76, 88, 104, 114, 152 и др.

въ то же время, очевидно, намѣренно желалъ придать ей характеръ популярнаго жизненнаго руководства, потому что, въ противномъ случаѣ, нѣкоторыя его наставленія теряли бы всякій смыслъ. Такъ напр. извѣстно, что сынъ Татищева былъ уже взрослый, а Духовная неоднократно повторяетъ: «выучись писать» и затѣмъ подробно разсматриваетъ первые шаги въ жизни молодаго человѣка; наконецъ, въ Духовной говорится о выборѣ службы, между тѣмъ какъ Евграфомъ выборъ этотъ былъ уже сдѣланъ — онъ состоялъ на военной службѣ.

Во главѣ завѣщательной древне-русской литературы поставляется, обыкновенно, поученіе Владиміра Мономаха, какъ болѣе раннее, самостоятельное и систематическое произведеніе.

«Духовная великаго князя Владиміра Вс. Мономаха дѣтямъ своимъ» заключаетъ въ себѣ религіозно-нравственныя наставленія и правила житейской мудрости, какъ опытъ жизни лучшихъ людей того времени и преимущественно самого Владиміра Мономаха, изложившаго здѣсь все свое міросозерцаніе, свой взглядъ на жизнь и природу. «Срѣтоша мя послы отъ братьевъ на Волгѣ», разсказываетъ Мономахъ случай къ написанію поученія, «и рѣша: согласися съ нами, да изгонимъ Ростиславича и волость его отымемъ. И рѣхъ: не могу съ вами идти и нарушить клятвы. И отпустивъ ихъ, взялъ Псалтырь, въ печали разгнулъ оную и вынулось мнѣ сіе: вскую прискорбна еси душе моя... Потомъ собралъ словеса мнѣ угодныя и сложилъ оныя порядкомъ и написалъ», — эти-то слова онъ и предлагаетъ въ своемъ поученіи. Итакъ, мысли поученія В. Мономаха вынесены имъ изъ чтенія св. Писанія: Мономахъ затвердилъ изъ прочитаннаго все, что особенно падало на его душу, поражало его умъ, или имѣло близкое приложеніе къ жизни его и современнаго ему общества, и сгруппировалъ это въ своемъ родительскомъ наставленіи. Положивъ религіозный починъ поученію, Мономахъ и продолжаетъ въ томъ же религіозномъ направленіи. Кромѣ того, что богомысліе не оставляло его, повидимому, ни на одну минуту, Мономахъ, при всякомъ случаѣ, подробно исповѣдуетъ свойства Божіи и благоговѣйно опредѣляетъ отношенія человѣка къ Богу. Прерывая нить своихъ наставленій, Мономахъ иногда предается набожнымъ размышленіямъ, въ которыхъ высказывается все христіанское благодушіе его вѣрующей души. «Разумѣйте, дѣти мои», напр. размышляетъ онъ, «сколь Богъ милостивъ. Мы, грѣшни и смертни, когда кто намъ зло сотворитъ, хо-

щемъ его пожрати, кровь пролити, а Господь, владѣющій жизнію и смертію, согрѣшенія наши терпитъ и пр. и пр. (стр. 10, 11). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ религіозная настроенность автора переходитъ въ возвышенные, молитвенные гимны, напоминающіе Псалтырь Давида (стр. 4—7, 9, 12—14, 58—61). Мономахъ усвоилъ духъ этой священной книги, она пришлась особенно ему по сердцу: изображеніе въ Псалтири душевнаго состоянія царя библейскаго, жизнь котораго полна тревогъ, очень походило на состояніе души Мономаха, жизнь котораго была непрерывной борьбой съ родичами. Чувство благоговѣнія предъ чудесами и совершенствами міроздапія подавляло въ Мономахѣ всякія усилія ума понять самыя обыкновенныя явленія природы и жизни, возвышало силу его вѣры и упрочило всецѣло религіозный характеръ постановленій, мыслей и даже выраженій Мономаха. Сильное вліяніе на него имѣла также свято-отеческая литература. Особенно большое сочувствіе обнаруживаетъ онъ къ Василію Великому — и можно указать свойства твореній послѣдняго, ясно отобразившіяся на произведеніи Мономаха. Таково, напр., глубокое сочувствіе Мономаха природѣ и поэтическое вдохновеніе при созерцаніи ея, — свойства характеризующія помянутаго отца церкви. Кромѣ того, Мономахъ самъ ссылается на Василія Великаго, а Протопоповъ находитъ въ Духовной даже буквальныя заимствованія изъ словъ Василія [1]).

Всѣ наставленія, правила, вообще идеалы Мономаха характеризуются преимущественно религізно-аскетическимъ направленіемъ. Въ то время, когда Русь только-что приняла христіанство и только-что начала сознавать себя подъ вліяніемъ новыхъ, христіанскихъ понятій, дѣломъ первой необходимости было опредѣлить отношенія къ новому Богу, разъяснить новымъ христіанамъ общее представленіе о Немъ и Его свойствахъ, внушить обязательность не пустаго, формальнаго отношенія къ Нему, какъ это было въ язычествѣ, а внутренней, живой любви, безпредѣльной преданности Его волѣ. Первую, болѣе или менѣе обстоятельную попытку удовлетворить этой потребности и представляетъ поученіе Мономаха. Этотъ замѣчательный князь возвышался надъ современнымъ обществомъ въ пониманіи сущности христіанства и свои религіозныя понятія изложилъ практически, наглядно, примѣнительно къ сознанію

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1874 г. ч. 2 стр. 254.

простыхъ, неразвитыхъ русскихъ людей той эпохи. Въ своихъ молитвенныхъ обращеніяхъ излавая существенные пункты христіанскаго представленія о Богѣ, Мономахъ въ практическихъ наставленіяхъ опредѣляетъ отношенія христіанина къ Богу; догматическому ученію придаетъ характеръ дѣятельной религіозности. «Научися, христіанине, быти человѣкомъ благочестивымъ, научися очами управлять, языкъ воздерживать, умомъ смиренно мудрствовать». «Слезы испустите о грѣхахъ вашихъ». «Паче всего имѣйте страхъ Божій». «Во первыхъ, ходите въ церковь, да не застанетъ васъ солнце на постели». И дома «не оставьте ни одной ночи, чтобы не положить нѣсколько поклоновъ земныхъ; если болѣзнь не позволяетъ, то хотя три». Даже на пути «аще и на конѣ сѣдиши, когда иныхъ молитвъ читать не умѣете, то — Господи, помилуй! повторяйте» (стр. 9, 14, 26, 2, 28, 15, 16). Рисуя идеалъ христіанской жизни, Мономахъ старается предохранить дѣтей отъ грубыхъ пороковъ, распространенныхъ въ обществѣ: «лжи блюдитеся, піянства и блуда: въ томъ бо душа погибаетъ и тѣло» (стр. 22). Съ особенною подробностію Мономахъ останавливается на правилахъ, установляющихъ истинныя христіанскія отношенія членовъ общества, — на правилахъ милосердія, смиренія, взаимнаго уваженія, правосудія и пр. «Бога ради, не лѣнитесь добрыхъ дѣлъ. Милостыню творите неоскудну: то бо есть начатокъ всякаго добра. Паче всего убогихъ не забывайте... Сироту, вдовицу оправдывайте, а не отдавайте сильнымъ на погубленіе. Ни праваго, ни виновнаго не убивайте, ни одной души христіанской не погубляйте... Больныхъ посѣщайте, не проходите мимо человѣка, не сдѣлавъ ему привѣтствія. Болѣе же чтите гостя» и т. д. (стр. 11, 28, 2, 16, 24, 23). Постоянно Мономахъ внушаетъ кротость въ словахъ, поступкахъ, даже въ употребленіи пищи (стр. 7 и 8). Особенное уваженіе внушаетъ къ духовенству: «епископы, игумены, попы, чтите, любите, снабдите, да пріимете отъ нихъ къ Богу молитву и милость отъ Бога» (стр. 18). Съ особенною силою Мономахъ вооружается противъ гордости, какъ самаго опаснаго и противоестественнаго зла въ общественной жизни: «паче всего гордости не имѣйте въ сердцѣ и умѣ». — Нѣтъ нужды говорить, какъ много значили такія благодушныя, утѣшающія наставленія любимаго князя для скорбной души тогдашняго русскаго человѣка, какъ смягчали они житейскія невзгоды народа, находящагося въ неблагопріятныхъ соціальныхъ условіяхъ, при повсемѣстномъ отсутствіи въ немъ правильныхъ

юридическихъ понятій, когда право сильнаго носило характеръ почти законности, такъ что враги, козни, насилія — всегда и вездѣ могли найтись при общественныхъ людскихъ вседневныхъ отношеніяхъ.

Во второй половинѣ своего поученія Мономахъ, въ примѣръ дѣятельной христіанской жизни, приводитъ свою собственную, дѣлаетъ перечень своихъ трудовъ на войнѣ, охотѣ и въ управленіи [1]). «Сіе писаніе прочитаючи, потщитеся на вся дѣла добрая», заключаетъ Мономахъ. «Аще всего не исполните, то половину» (стр. 47, 14).

Въ полномъ своемъ развитіи, родительское поученіе является въ половинѣ XVI в., въ сочиненіи знаменитаго современника и руководителя Іоанна Грознаго — іерея Сильвестра — въ Домостроѣ. Это классическое произведеніе нашей древне-отечественной письменности, назначенное въ назиданіе сыну Сильвестра Анфиму, скоро вошло во всеобщее употребленіе и надолго сдѣлалось руководителемъ въ устройствѣ жизни: даже въ наше время домостроевскій элементъ является преобладающимъ въ жизни низшихъ классовъ народа. Много говорили и писали у насъ о происхожденіи Домостроя. Результатомъ этихъ изслѣдованій было сомнѣніе въ самостоятельности, а относительно большей части Домостроя даже въ авторствѣ Сильвестра. Г. Некрасовъ подыскалъ множество первообразовъ нашего Домостроя въ литературахъ: древне-индійской, итальянской, французской, нѣмецкой, чешской; указалъ множество источниковъ его въ нашихъ древнихъ измарагдахъ, златыхъ цѣпяхъ и пр. [2]). Нѣкоторыя же главы Домостроя суть близкія заимствованія изъ священныхъ книгъ — Притчей, Премудрости Соломона и др. [3]). Впрочемъ, вопросъ о происхожденіи и подлинности Домостроя не имѣетъ для насъ прямаго значенія, и мы коснулись его только потому, что очевидныя заимствованія Сильвестра изъ другихъ авторовъ даютъ право видѣть въ Домостроѣ голосъ и взглядъ не одного лица, а цѣлаго народа, видѣть въ немъ произведеніе, если такъ можно выразиться, общенародное, возникшее на почвѣ народной жизни и полное общенародныхъ идеаловъ.

---

[1]) Ссылаться въ примѣръ на собственную жизнь было въ обычаѣ древнихъ завѣщателей: его мы находимъ и въ поученіи упомянутаго нами Ксенофонта. Рус. Вѣстн. 1856 г. № 7, стр. 207—223.

[2]) Чт. въ Общ. ист. и др. Рос. 1872 г. кн. 3-я «О происх. др.-рус. Домостроя».

[3]) Прав. Собес. 1860 г. ч. 3-я стр. 289.

Много времени прошло отъ Мономаха до Сильвестра, сильно развилась русская жизнь въ теченіе времени отъ XII до XVI в., но развилась она, къ сожалѣнію, не столько въ хорошихъ своихъ сторонахъ, сколько въ дурныхъ. Такая, повидимому, аномалія въ жизни молодаго народа становится, однако, для насъ совершенно понятною, если мы припомнимъ, что почти весь именно этотъ промежутокъ времени лежитъ въ нашей отечественной исторіи темнымъ пятномъ, носящимъ заглавіе татарскаго ига. Правда, русскій народъ, воспитанный еще въ XII вѣкѣ, благодаря такимъ свѣтлымъ личностямъ, какъ напр. Владиміръ Мономахъ, сохранилъ и теперь свои характеристическія черты, свой національный характеръ: и теперь онъ является народомъ строго-религіознымъ. Но нѣтъ въ немъ уже того живаго, дѣятельнаго христіанства, проповѣдникомъ котораго былъ въ XII в. Владиміръ Мономахъ. Насъ поражаетъ въ Домостроѣ формальность, внѣшность русскаго, чисто обрядоваго уже христіанства въ XVI вѣкѣ. Да и эта односторонняя религіозность нуждалась теперь въ такихъ многочисленныхъ, точныхъ предписаніяхъ, ко-которыми переполненъ Домострой. Недалеко ушла и народная нравственность, которая, не освободившись еще отъ насилія необузданной, естественной природы человѣческой, дѣятельно заявлявшей себя въ XII вѣкѣ, теперь встрѣтила новыя противодѣйствія въ новыхъ привычкахъ и порокахъ, навѣянныхъ отвнѣ, прижитыхъ въ это время. Лицемѣріе, двоедушіе, семейный деспотизмъ и т. п., такъ чуждые еще не подверг-шагося, такъ сказать, искуственному извращенію сердца Мономаха и безусловно имъ запрещаемые, теперь являются въ извѣстной мѣрѣ законными, получаютъ въ народномъ представленіи даже идеальныя очертанія. Эта нравственная расшатанность, обнаружившаяся ко времени Домостроя и въ немъ получившая себѣ нѣкоторую санкцію, была истинною причиною разрушительныхъ, болѣзненныхъ явленій, ознаменовавшихъ петровскую эпоху нашей исторіи (расколъ, предубѣжденіе къ иностранцамъ, сопротивленіе образованію и пр.). Да и теперь еще наше общество далеко не освободилось отъ этихъ нравственныхъ недуговъ, записанныхъ въ Домостроѣ.

Домострой раздѣленъ на главы. Но по содержанію, а въ различныхъ спискахъ и по объему, эти главы рѣшительно перепутываются. Гораздо удобнѣе, по содержанію, раздѣляютъ его на двѣ части: въ первыхъ 25 главахъ, къ которымъ нужно причислить и послѣднюю, 64-ю,

излагаются правила относительно вѣры и благочестія; а во второй части, въ 38 главахъ — правила экономіи, управленія домомъ и вообще хозяйствомъ. Для насъ имѣетъ значеніе, конечно, первая часть. Общій характеръ Домостроя чисто религіозно-практическій. Правила вѣры и дѣятельности излагаются въ немъ въ непосредственномъ приложеніи къ жизни, съ точнымъ обозначеніемъ случаевъ, условій и образа ихъ осуществленія.

Прежде всего Сильвестръ заботится о религіозныхъ убѣжденіяхъ своего сына, желая сдѣлать его непоколебимымъ въ христіанскомъ законѣ, «творящимъ волю Божію и хранящимъ заповѣди Его, себя утверждающимъ во страсѣ Божіи и жену поучающимъ, и домочадцевъ наказующимъ». Поэтому, весь Домострой свой Сильвестръ называетъ «писаніемъ христіанскаго житія» и въ самыхъ первыхъ главахъ начинаетъ излагать правила вѣры въ Бога, главные догматы христіанства и правила «како любити Бога». «Имѣй, чадо, великую вѣру въ Бога, все упованіе возлагай на Господа. Страхъ Божій всегда имѣй въ сердцѣ своемъ и память смертную. Всегда волю Бога твори и по заповѣдемъ Его ходи. Буди трудникъ къ Богу, чадо Евангелія» (стр. 104, 37, 4). Подробно и въ разныхъ мѣстахъ Сильвестръ говоритъ о религіозныхъ обязанностяхъ человѣка, въ которыхъ должна выражаться его вѣра въ Бога и останавливается, главнымъ образомъ, на богослуженіи и молитвѣ. «Прибѣгай всегда съ вѣрою ко св. Божіимъ церквамъ, заутрени не просыпай, обѣдни не прогуливай, вечерни не погрѣши. Вставай по звону, пріиди къ началу». «А въ церкви стой со страхомъ, съ молчаніемъ молися, ни съ кѣмъ не бесѣдуй, не озирайся, на стѣну не приклонися, ни съ посохомъ не стой, ни съ ноги на ногу переступай». Въ жизни домашней Домострой предписываетъ строго соблюдать назначенные для молитвы часы. «Божій долгъ всякому христіанину повечерницу, полунощницу и часы въ дому своемъ всегда пѣти съ кроткостояніемъ, молчаніемъ, молитвою и съ поклоны. Ложася спать, въ землю по три поклона положити. А въ полунощи всегда, тайно возставъ, со слезами къ Богу молитися». И въ неназначенное для молитвы время Домострой совѣтуетъ всегда четки въ рукахъ держать и молитву Іисусову во устахъ держать: 600 разъ глаголи: Господи, Іисусе Христе, помилуй мя, а седьмое сто — Пречистой Богородицѣ, а потомъ паки обращатися на первое» (стр. 105, 9, 83, 12, 16—19 и др.). Желая всю жизнь хри-

стіанина сдѣлать непрерывнымъ Богослуженіемъ, Домострой и жилища старается приблизить къ храмамъ. Онъ вмѣняетъ въ непремѣнную обязанность «украсить домъ святыми образы, устроить ихъ благолѣпно, со всякимъ украшеніемъ, со свѣтильники и кадити ладономъ» (стр. 8).

Вмѣстѣ съ правилами, касающимися собственно религіозной жизни человѣка, въ Домостроѣ предлагаются правила нравственныя, имѣющія въ виду воспитаніе строгого нравственнаго характера личности. Въ этомъ отношеніи Домострой особенно вооружается противъ гордости и въ противовѣсъ ей настойчиво рекомендуетъ христіанскую добродѣтель—смиреніе. «Буди смиренъ, очи долу поницая, умиленъ къ Богу, къ человѣкамъ привѣтливъ, не досадитель, не гордъ. Обидимъ не мсти, хулимъ моли;.. кто излаетъ—терпи (5, 8, 111 с.) и пр. Вмѣстѣ съ смиреніемъ, Домострой старается расположить къ милосердію. Первымъ проявленіемъ этой добродѣтели является и тутъ, какъ у Мономаха, гостепріимство: вмѣняется въ обязанность «накормити пріѣзжихъ людей и иноземцевъ». Затѣмъ, Сильвестръ заповѣдуетъ «нищимъ милостыни давати»; совѣтуетъ раздавать нищимъ то, что запасенное въ хозяйствѣ «попортится». Также «въ монастыри, въ больницы, темницы заключенныхъ посѣщай и милостыни подавай» (15, 90, 6, 106). Но особенно Домострой понуждаетъ къ милосердію въ пользу церкви и духовенства. «Къ церкви приходи съ приношеніемъ, со свѣчею, со просфорою, съ фиміамомъ, ладономъ, канономъ, кутьею и милостынею. И отцу духовному приношеніе давай. Всякихъ плодовъ въ огородѣ первое въ церковь принеси и духовному отцу въ домъ посли» и пр. (9, 6, 105, 21, 79, 10). Домострой предостерегаетъ читателей отъ различныхъ пороковъ, особенно распространенныхъ въ обществѣ: «Паче всего храни чистоту тѣлесную»; вооружается противъ скомороховъ, плясанія, сопѣлей, пѣсней бѣсовскихъ, противъ чарованія, «звѣздочетья, алманаховъ» и пр., называя людей, преданныхъ этимъ «діавольскимъ угодіямъ», проклятыми (106, 46, 38 и др.). Энергично возстаетъ Домострой противъ пьянства. Впрочемъ, порокъ этотъ настолько укоренился въ тогдашнемъ обществѣ, что Домострой не дерзаетъ извлечь его съ корнемъ: «не реку не пити», прибавлено въ Домостроѣ: «не буди то! но реку не упиватися» (106, 63, 110, 14 с.). Къ «неправедному житію» Домострой относитъ также разрушительные и возмутительные пороки общественной жизни: неправосудіе, взяточничество, волокитство (45, 103, 114 с.). Касаясь жизни обще-

ственной, Домострой прежде всего внушаетъ строжайшее повиновеніе царю, «яко самому Богу». Въ житейскихъ столкновеніяхъ съ людьми, «старшимъ себя честь воздавай и поклоненіе твори, среднихъ, яко братію, почитай, юнѣйшихъ, яко чада, люби» (гл. V, VII). Но съ особеннымъ уваженіемъ Домострой отзывается о духовенствѣ, стараясь внушить полнѣйшее благоговѣніе «къ симъ духовнымъ наказателемъ и не бурному пристанищу». «Къ священному чину всегда прибѣгай, честь воздавай, припадай къ ногамъ ихъ и во всемъ повинуйся имъ по Бозѣ: велію вѣру, любовь и повиновеніе и всякое покореніе предъ ними имѣй» (5, 6, 20, 105 стр.). Гораздо подробнѣе Домострой рисуетъ идеалъ семейной жизни. Но домостроевскія правила, опредѣляющія взаимныя отношенія членовъ семьи, какъ классическіе афоризмы древне-русской мудрости, настолько извѣстны, что было бы излишне подробно ихъ выписывать. Отецъ изображается какъ полноправный, безапелляціонный глава и судія всѣхъ домочадцевъ, начиная съ жены и кончая челядью. Ему вмѣняется въ обязанность «жену учити всякому страху Божію, всякому вѣжеству, промыслу и рукодѣлію, и домашнему обиходу, и всякой поряднѣ». Въ отношеніи къ дѣтямъ, отецъ также обязанъ учить ихъ страху Божію, вѣжеству и рукодѣлію. Наконецъ, на попеченіе отца же возлагается заботливость о слугахъ, «какъ о нихъ промыслити во всякомъ ученіи, въ божественныхъ заповѣдяхъ и въ домовомъ строеніи (стр. 1, 107, 50, 31). Заповѣдуя вообще «любовное отношеніе ко всѣмъ», Домострой, въ качествѣ воспитательныхъ средствъ, не только карающихъ, но и поощряющихъ, рекомендуетъ, однако, въ различной степени, вѣжлевенькое стеганіе плеткою, возложеніе ранъ, казненіе жезломъ. Идеальныя стороны жены составляютъ—полнѣйшее, безпрекословное повиновеніе мужу и качества, входящія въ понятіе хорошей, практичной хозяйки. Лишенная всякаго права самостоятельности, она во всемъ должна спрашиваться мужа, просить его совѣтовъ; контроль мужа простирается даже на выборъ женою знакомыхъ, на бесѣды ея съ гостьми и т. п. (29, 57, 83, 58 стр.).

Правила практическаго хозяйства занимаютъ большую часть Домостроя, и въ этомъ отношеніи Сильвестръ является рѣшительно спеціалистомъ. Нужно удивляться практической изворотливости его ума, научающаго, съ изумительною предусмотрительностію и подробностію, искусству,—какъ сохранить равновѣсіе расхода съ приходомъ, какъ откладывать отъ

всякаго приплода со дня рожденія дочери ей на приданое, какъ и когда закупать продукты по дешевой цѣнѣ, какъ все хранить, какъ, наконецъ, пиво варити, медъ сытити, штп варити и т. п.

Такою же практичностію и точностію отличаются многочисленныя въ Домостроѣ правила общественнаго приличія. Таковы, напр., правила: въ гостяхъ садиться на послѣднемъ мѣстѣ, чтобы потомъ хозяинъ перевелъ на высшее; не начинать яди въ гостяхъ, если въ ряду званныхъ будетъ кто «честнѣе»; хвалить всякое брашно поданное, не смотря на его дѣйствительное качество; или напр. наказъ слугѣ: «куда пошлютъ въ люди, у воротъ легонько поколотить, у сѣней ноги отереть, носъ высморкать, выкашляться, искусно молитву сотворити... Предъ хозяиномъ носа не копать, не кашлять, на стороны не смотрѣть» и пр. пр. (стр. 11 — 13, гл. 35). Такою же мелочностію, точностію и подробностію отличаются и всѣ вообще вышеупомянутыя правила Домостроя, подробности которыхъ было неудобно приводить, по ихъ обширности.

Убѣждая сына своего выполнять его «худое ученіе и грубое наказаніе и предсказывая ему за это всякихъ благодатей — временныхъ и вѣчныхъ, Сильвестръ ссылается въ образецъ на свою жизнь: «памятуй, чадо, како мы жихомъ. И ты тому же ревнуй и тако твори» (2, 112, 106 — 110 стр.).

Итакъ, Домострой рисуетъ намъ идеалъ человѣка строго религіознаго, набожнаго, точнѣйшаго исполнителя всякихъ церковныхъ обрядовъ, жизнь котораго опутана тысячами мельчайшихъ правилъ, предусматривающихъ и опредѣляющихъ каждый его шагъ, каждое движеніе. При этомъ нельзя не замѣтить, что внутренній смыслъ прежней искренней и простосердечной религіозности значительно поколебался. Вниманіе Домостроя обращено почти исключительно только на внѣшность, на обрядъ, съ исполненіемъ котораго неразрывно соединено воздаяніе и который изъ средства возведенъ въ цѣль. Правда, и Домострой говоритъ о милосердіи и т. п. добродѣтеляхъ, свидѣтельствующихъ, повидимому, о жизненности, дѣятельномъ характерѣ проповѣдуемой имъ набожности. Но стоитъ только обратить вниманіе на дѣйствующія здѣсь побужденія, чтобы на половину разочароваться. Истинно-христіанскіе мотивы нравственной дѣятельности въ Домостроѣ являются въ значительной мѣрѣ извращенными и подавленными со стороны побужденій житейскихъ, человѣческихъ: сюда привходятъ такіе не безпредосудительные, въ нравственномъ отношеніи, дѣятели, какъ

стремленіе къ чести, славѣ, практической выгодѣ и т. п. Напр., питаніе нищихъ является здѣсь не столько цѣлію, какъ вообще доброе дѣло, сколько средствомъ пріобрѣсти, кромѣ мзды отъ Бога, «отъ людей добрую славу». Милосердіе, вообще, рекомендуется, какъ средство составить репутацію добраго человѣка, котораго бы вездѣ «ждали, встрѣчали и провожали», какъ средство, при маломъ «убыткѣ», снискать «дружбу и добрую славу во вѣкъ» (стр. 15, 111). Съ другой стороны, напр. пьянство и т. п., пороки являются не столько сами по себѣ безнравственными, сколько вредными для репутаціи человѣка, потому что влекутъ «отъ людей срамоту», и т. д. (стр. 14). Наконецъ, есть мѣста, гдѣ Домострой еще непосредственнѣе жертвуетъ внутреннимъ смысломъ поступковъ для лицевой ихъ стороны, гдѣ допускаетъ онъ прямую неправду, проповѣдуетъ лицемѣріе. Чтобы сохранить за собою славу добраго человѣка и не нарушить формальныхъ отношеній съ людьми, онъ рекомендуетъ скрытничество, ложь. Чтобъ исполнить правило содружія и любовнаго житія съ другими, совѣтуетъ пользоваться всѣми средствами, не обращая вниманія на ихъ моральную цѣну; напр., «аще людемъ твоимъ лучитца съ кѣмъ брань», то, чтобы соблюсти свой добрый атворитетъ предъ другими и «утолить» чужихъ, Домострой предписываетъ, не смотря ни на что, бранить и бить своихъ, хотя бы они были и правы, «да еще недруга же напоити и накормити» (стр. 111, 13 и др.).

До такой крайней обрядности и формализма развились, подъ вліяніемъ историческихъ условій, прекраснѣйшія черты національнаго русскаго характера. Животворное сѣмя христіанства, посѣянное въ свѣжую, полную силы натуру славянина, не получило надлежащаго воспитанія. Грубое физическое насиліе дикаго, въ своемъ бездушномъ фанатизмѣ, мусульманства наложило неизгладимую печать на подавленный русскій народъ. Благодаря этому вліянію, и русскій народъ явился фанатикомъ въ своей религіозности, подчиняющимъ интересамъ религіи каждый шагъ своей жизни, но, къ сожалѣнію, фанатикомъ столь же почти бездушнымъ и мелочнымъ, вполнѣ способнымъ воспитать въ своей средѣ такихъ борцовъ православія, которые готовы умереть изъ-за неприкосновенности въ немъ и «единаго áза».

На рубежѣ XVII столѣтія въ исторіи внутренняго направленія и характера русской жизни совершается замѣчательный переворотъ. На рус-

скомъ тронѣ является могучій первоимператоръ, который пробудилъ свой народъ, поколебалъ всю внѣшность и формальность въ его жизни, положилъ основу духовной самостоятельности русскаго народа, вывелъ его на путь самобытнаго прогресса. Ка́къ встрѣтили эту рѣзкую перемѣну утвердившіеся въ неподвижной обрядности питомцы Домостроя, мы уже знаемъ; съ одной стороны, обнаружилась старовѣрческая оппозиція новому строю, съ другой — неблагоразумное увлеченіе имъ. Среди этихъ крайностей стали люди, которые критически отнеслись къ современному теченію жизни, безъ предубѣжденія встрѣтили новые порядки, охотно, безъ нравственной ломки согласились подвергнуть старину безпристрастному пересмотру и старались сохранить изъ стараго и усвоить изъ новаго все только истинно хорошее, полезное. Въ рядахъ этой немногочисленной, но лучшей части новаго русскаго общества, состоявшей, конечно, изъ людей, прежде всего, образованныхъ, учившихся и по положенію высокопоставленныхъ, долженъ быть названъ и нашъ Посошковъ. Его Завѣщаніе представляется рѣдкостнымъ и въ высшей степени дорогимъ памятникомъ, въ которомъ мы знакомимся съ этою умѣренною, среднею партіею петровскаго общества, — съ людьми, воспитавшимися на Домострое, но разумно, сознательно отнесшимися и къ новымъ условіямъ и требованіямъ, знакомимся съ воззрѣніями и идеалами здравомыслящаго древне-русскаго человѣка-простолюдина въ высокоинтересный моментъ его исторической жизни. Остановимъ свое вниманіе на этихъ идеалахъ. Само собою разумѣется, тутъ мы не встрѣтимъ совершенно новаго, цивилизованнаго человѣка, освободившагося отъ вліяній своего воспитанія, и весьма естественно, что въ идеалахъ Посошкова осталось весьма и весьма много домостроевскаго; но за то мы встрѣчаемъ здѣсь очевидную уже способность и полную готовность къ новой жизни, первые прививки новаго духа; встрѣчаемъ людей, принадлежащихъ еще старому времени, но уже усваивающихъ новые взгляды и убѣжденія, новыя понятія и идеи.

Анализируя Завѣщаніе Посошкова, нельзя будетъ игнорировать Духовную Татищева, какъ произведеніе совершенно однородное, почти одновременное и рельефно оттѣняющее нѣкоторыя черты особенностей въ характерѣ и содержаніи перваго. Какъ принадлежащая перу извѣстнаго въ свое время вольнодумца, рьянаго сторонника Петра Великаго изъ партіи люберальнопрогрессивной, Духовная Татищева, уже по этому самому, имѣетъ черты своеобразнаго характера, рисуетъ идеалы нѣсколько иного склада, про-

пагандируетъ иногда другой строй жизни, сравнительно съ Завѣщаніемъ Посошкова. Съ другой стороны, какъ произведеніе человѣка, не только вѣрующаго, но, во время писательства — подъ впечатлѣніемъ житейскихъ непріятностей и приготовленій къ смерти — и слишкомъ благочестиваго, и Духовная Татищева носитъ на себѣ тотъ же преобладающій религіозный характеръ и написана въ такомъ же церковномъ тонѣ. Что касается элемента практическаго, присущаго всѣмъ сочиненіямъ и идеаламъ Посошкова, то и у Татищева, въ данномъ сочиненіи, онъ является даже въ наибольшей долѣ. Идеалы Татищева построены примѣнительнѣе къ жизни, они ближе поставлены къ дѣйствительности, нежели сравнительно высокіе и болѣе отвлеченные идеалы Посошкова. Въ авторѣ Духовной Татищева со всею ясностію выступаетъ предъ нами человѣкъ слишкомъ умный, опытный и теоретически и практически мудрый, отлично знающій жизнь и людей, т. е. сильный тѣми качествами, которыя поражаютъ насъ не столько въ Завѣщаніи отеческомъ, сколько скорѣе въ Книгѣ о скудости и богатствѣ Посошкова.

«Завѣщаніе отеческое сыну своему со нравоученіемъ за подтвержденіемъ Божіихъ Писаній» Посошкова, въ прекрасномъ изданіи А. Попова составляетъ довольно объемистое сочиненіе. Не отличаясь строгою разграниченностію матеріала и выдержанностію частныхъ сюжетовъ, Завѣщаніе отеческое раздѣлено на главы. Имъ предпослано предрѣчіе къ Завѣщанію, въ которомъ предложено нѣсколько наставленій религіознаго характера, преимущественно о твердомъ и непоколебимомъ стояніи въ православіи, среди «объюродѣвшихъ еретиковъ» и «олазивыхъ раскольниковъ». Первая глава: «Объ отроческомъ житіи» содержитъ наставленія сыну-отроку о нравственномъ и школьномъ самовоспитаніи, преимущественно о храненіи себя въ тѣлесной чистотѣ, а также вообще объ «опасномъ житіи», о точнѣйшемъ выполненіи христіанской добродѣтели смиренія, наконецъ, объ избраніи жены. Вторая глава: «О брачномъ житіи» содержитъ наставленія о святости супружескихъ отношеній. Въ третьей главѣ: «О началѣ мірскаго житія» Посошковъ, полемизируя противъ Лютеранъ, доказываетъ обязательность для христіанъ хранить внѣшнюю, тѣлесную чистоту, соблюдать омовенія и пр.; далѣе предлагаетъ наставленія о первоначальномъ воспитаніи дѣтей, обученіи, даже объ одѣяніи дѣтей, о

воздержаніи въ жизни, особенно о воздержаніи отъ пьянства, объ отношеніи къ духовному отцу и о необходимости покаянія. Глава четвертая: «О мірскомъ моленіи и молитвѣ» содержитъ спеціальный трактатъ о религіозныхъ обязанностяхъ человѣка: о временахъ моленія и составѣ молитвы, объ обязательности поклоновъ при моленіи (противъ Лютеранъ), о моленіи во время литургіи. Пятая и самая большая глава: «О гражданскомъ житіи» наполнена многочисленными предписаніями, опредѣляющими нравственный характеръ человѣка, обнимающими домашнюю преимущественно жизнь. Положеніе же человѣка, какъ члена общества, занимающаго извѣстное опредѣленное положеніе, обрисовано Посошковымъ въ особыхъ рубрикахъ, входящихъ въ составъ той же главы: о земледѣльствѣ, о рабскомъ житіи, о художествѣ (т. е. о ремесленникахъ), о купечествѣ, о солдатскомъ бытіи, объ офицерствѣ, о крестьянскомъ житіи и, наконецъ, о нищенскомъ житіи. Такимъ образомъ, общій идеалъ человѣка-христіанина, какъ общественной единицы, разсмотрѣнъ Посошковымъ въ этой главѣ раздѣльно, въ лицѣ всѣхъ частныхъ особей, входящихъ въ понятіе общества. Шестая и послѣдняя глава: «О приказныхъ порядкахъ», съ особенными рубриками: о старомъ подъячествѣ, о судействѣ, — рисуетъ идеалъ «праведнаго судіи» и судейства, чуждаго пороковъ и недостатковъ, которыми заражено было древнее судопроизводство.

Въ эпиграфѣ Завѣщанія отеческаго Посошковъ написалъ: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Бога вседержителя и всея твари сотворителя, предлагаю Завѣщаніе сіе любезному ми сыну. Прошу тебя, Господа ради, всѣми силами своими держися Создателя своего Бога и да снабдиши (соблюеши) заповѣди Его святыя и моего отеческаго Завѣщанія да не отмѣщеши». Эпиграфъ въ высшей степени удачный, потому что въ немъ Посошковъ высказалъ и цѣль своего труда, и его существенный характеръ. Главнымъ побужденіемъ, которое руководило Посошковымъ въ написаніи Завѣщанія, было желаніе его видѣть въ молодомъ поколѣніи осуществленіе идеаловъ, формировавшихся въ его представленіи; видѣть воплощеніе въ жизни высокихъ требованій христіанства, идеаловъ евангельскихъ, какъ ихъ могъ себѣ представить и согласить съ обыденною жизнію авторъ. Сообразно характеру идеаловъ, и все Завѣщаніе Посошкова является съ строго религіознымъ характеромъ. Во имя Бога онъ началъ его писаніе и во имя религіи онъ предла-

гаетъ всѣ наставленія, вездѣ и во всемъ преслѣдуя религіозные интересы. Предлагаетъ ли Посошковъ програму школьнаго обученія, важнѣйшимъ условіемъ онъ при этомъ поставляетъ, чтобы не перенять изъ наукъ чего нибудь «развратнаго для благочестивой вѣры». Зайдетъ ли рѣчь о богатствѣ, Посошковъ скорѣе спѣшитъ передать самое существенное въ этомъ отношеніи правило: «паче же времяннаго, ищи богатства вѣчнаго, чѣмъ тебѣ въ безконечные вѣки жить». Говоритъ ли о выборѣ невѣсты сыномъ, прежде всего и даже «наипаче смиренія и разума», онъ велитъ искать «въ невѣстѣ страха Божія». Предлагаетъ ли правила первоначальнаго воспитанія дѣтей, «начальнѣйшимъ обученіемъ» поставляетъ сообщеніе религіозныхъ понятій и «страха Божія водруженіе». Заговоритъ ли Посошковъ объ одеждѣ, опять-таки невольно уклоняется онъ на свою излюбленную тему и вставляетъ наставленіе: «паче же всѣхъ воспомянутыхъ украшеній нужно украшатися благочестивою, правою христіанскою вѣрою, еже блюсти ю цѣло и непоколебимо». Нужно ли Посошкову воодушевить, утѣшить раба въ его тяжелой судьбѣ, онъ прежде всего поставляетъ ему на видъ, что «за терпѣніе будетъ отъ Бога вѣнецъ соплетатися», что горечь жизни, какъ бы она ни была несносно тяжела, должна вызывать не ропотъ, а радость «за вящшую душевную пользу», что въ бѣдствіяхъ и тяготахъ жизни христіанину «нужно поставлять себѣ находку» и пр. и пр. (стр. 8, 141, 21, 53, 57, 185). Однимъ словомъ, все у Посошкова проникнуто духомъ религіи, на всемъ лежитъ неизгладимая печать ея. Это мы сейчасъ увидимъ въ знакомствѣ и съ самими идеалами Посошкова.

«Не вознегодуй на мя», обращается Посошковъ къ сыну, «за сіе мое Завѣщаніе: не худа ради предложихъ ти сіе, но дабы ты не лишенъ былъ царства небеснаго» (стр. 140). Вотъ прямая цѣль писанія Посошкова, — цѣль достигнуть общей цѣли всѣхъ стремленій, всей жизни человѣка. Къ достиженію этой цѣли и направлены предлагаемые Посошковымъ идеалы. Этимъ же опредѣлялся и сравнительно возвышенный характеръ послѣднихъ: Посошковъ, въ этомъ случаѣ, витаетъ въ области болѣе идеальной и отвлеченной, нежели напр. Татищевъ, который стоитъ на болѣе утилитарной, житейской точкѣ зрѣнія и, кромѣ нравственныхъ высокихъ цѣлей, преслѣдуетъ, съ неменьшимъ постоянствомъ, цѣли житейскія, не упускаетъ изъ вида практической философіи, гласящей, что «конецъ желаньямъ нашимъ ненасытнымъ, въ свѣтѣ главный пунктъ — деньги». (Тат. и его вр. 233 стр.).

Первый членъ Посошковскаго катихизиса посвященъ религіознымъ потребностямъ и обязанностямъ человѣка. Посошковъ желаетъ воспитать прежде всего религіознаго, искренно вѣрующаго христіанина. «Господа ради, всѣми своими силами держися своего создателя Бога». «Непрестанно Его прославляй и за всякое дѣло благодареніе Ему возсылай и не престая въ мысли своей Бога имѣй!» «Ни на единъ часъ Бога изъ мысли своея не испускай: аще стоиши или сѣдиши, аще идеши или лежиши, или что либо творнши, яко во дни, тако и въ нощи, отнюдь изъ мысли своея Бога не выпускай, и кромѣ молитвы, Бога имѣй въ себѣ присно». «Всегда и во всемъ надежду возверзи на Господа» (стр. 1, 28, 135, 142). Рекомендуя вообще сыну такое душевное настроеніе, чтобы «Богъ въ немъ жилище свое состроилъ», Посошковъ требуетъ непрерывнаго богомыслія, какъ бы даже повторяя самыя слова Владиміра Мономаха: «егда путемъ идеши или ѣдеши, не моги ты въ то время бездѣленъ быти, но глаголи умомъ своимъ Давыдовы псалмы, кои можешь памятствовати... Между же ими промѣшивай Богомъ данную молитву — Отче нашъ и Пресвятой Богородицѣ поздравительный архангеловъ глаголъ... и глаголи не просто, но съ богомысліемъ. Тако творя, всегда съ Господомъ будеши и Господь съ тобою будетъ» (стр. 170, 171). Въ то же время, Посошковъ всячески старается ввести сына въ сознаніе истинной цѣли всѣхъ стремленій христіанина, направляетъ его взоръ въ жизнь загробную, внушаетъ всемѣрныя усилія къ достиженію царства небеснаго. «Мой совѣтъ буди тебѣ, сыне мой, сицевъ, — еже бы ти никаковыя вещи, на семъ свѣтѣ сущія, съ прилежнымъ прошеніемъ у Бога не просити; но токмо да будетъ твое прилежное прошеніе объ оставленіи грѣховъ твоихъ и о полученіи царства небеснаго». «Поревнуй и ищи первѣе царства небеснаго. При попеченіи же о царствіи Божіемъ и о всякой правдѣ, вся благая, не токмо грядущая, но и настоящая, приложатся», (стр. 102, 21, 136). Какъ самое дѣйствительное и надежное средство не потеряться во всѣхъ случайностяхъ жизни, не пропасть отъ тяготъ и горечи житейской, Посошковъ внушаетъ сыну непоколебимое упованіе на Бога и безпредѣльную вѣру во святой промыслъ Божій: «ни о какомъ злоключеніи своемъ не скорби, безъ воли бо Божія ни что тебѣ не содѣется, токмо буди ты Божій; ни о чемъ не печалься, но во всякихъ своихъ благихъ и злыхъ случаяхъ живи по Его Божьей волѣ». Съ этой точки зрѣнія,

Посошковъ и проповѣдуетъ всегда примирительный взглядъ на жизнь: «сего ради, сыне мой, и скорби, и бѣды вся любезно и благодарно пріемли; не убойся и не ужасися: безъ Божія бо воли ничто тебѣ не случится... Подобаетъ паче о бѣдахъ радоватися, а не сокрушатися», потому что они низводятъ на человѣка «велію мзду отъ Бога и мученическаго вѣнца сподобляютъ» (стр. 181, 102, 22).

Но съ особенною настойчивостію Посошковъ, подъ вліяніемъ религіозныхъ волненій въ его время, которыхъ еще не опасался напр. Домострой, выражаетъ свое желаніе воспитать именно *православнаго* христіанина, вѣрнаго сына «Святыя Восточныя церкви», непоколебимаго для иновѣрій, раскола и вообще чуждаго всякой религіозной неустойчивости. «Всѣми своими силами держися Восточныя церкви и вѣру имѣй тую, кую насадилъ и возрастилъ царь Константинъ, къ намъ же принесъ Владиміръ». «Твердо завѣщаваю и заклинаю, да всѣми силами держишися святыя Восточныя церкви, яко родшія тя матери. Аще же сіе завѣщаніе презриши, мое отеческое благословеніе да обратится ти въ клятву». «Господа ради, держися древняго христіанства, ни на каковые толки не сдавайся, но стой, яко мраморный столбъ, на недвижимомъ камени утвержденный, не склоняйся ни на шуюю страну, ниже на мнимое десно» (стр. 111, 5, 7, 168, 2, 161).

Еще гораздо съ большею подробностію Посошковъ распространяется въ изложеніи обязанностей человѣка къ Богу и при этомъ особенно останавливается на молитвѣ. Цѣлую главу Завѣщанія Посошковъ посвящаетъ этому предмету и разсматриваетъ его гораздо полнѣе и обстоятельнѣе, нежели Домострой. Выше, знакомясь съ характеромъ религіозныхъ воззрѣній Посошкова, мы уже изложили въ высшей степени здравый теоретическій взглядъ Посошкова на смыслъ и значеніе христіанской молитвы; указали также и на тѣ крайности и дробныя, мелочныя предписанія, въ которыхъ высказалось у Посошкова практическое раскрытіе вопроса о молитвѣ. Не касаясь въ настоящемъ случаѣ, такъ сказать, принципальной стороны дѣла, постараемся въ общей картинѣ и, по возможности, языкомъ самого Посошкова изложить требованія его относительно молитвы, въ литературномъ отношеніи не безъинтересныя и въ своемъ родѣ весьма любопытныя. «Завѣщаваю тебѣ, сыне мой, егда отъ сна вставать будеши, то прежде всякаго глаголанія возложи на ся крестное знаменіе истовое» (т. е. триперстное). При этомъ, По-

сошковъ счелъ полезнымъ для своего времени описать самый процессъ знаменія крестнаго и предостеречь отъ двоеперстія. «Первѣе возложи на чело, потомъ низведи свою руку на пупъ, отъ пупа же на десное плечо, а потомъ на лѣвое... И въ сложеніи перстовъ Св. Троицу исповѣдуй; двоеперстнаго же сложенія вельми бойся». «Возставъ на нозѣ, первѣе сотвори предъ образомъ три поклоны *воставальные*», и потомъ уже «отступи отъ одра своего». Послѣ, «когда лице свое умыеши, *правило* свое настоящее исправляй». Въ этомъ правилѣ Посошковъ «принуждаетъ проглаголати не борзяся, со вниманіемъ и богомысліемъ» по нѣскольку разъ извѣстныя молитвы, освященныя церквію для домашняго богослуженія, какъ то: молитву Господню, молитву Богородичную, символъ вѣры. Затѣмъ должна слѣдовать «отъ себя молитва»: за царя, за царицъ, за царевичей, за отца духовнаго, роднаго, за родственниковъ; «потомъ о себѣ вспомяни», о супругѣ и дѣтяхъ. За совершеніемъ молитвы, по указанной программѣ, къ Богу, должна непосредственно слѣдовать совершенно тождественная молитва къ Богородицѣ; потомъ такія же точно молитвы, только съ уменьшеннымъ количествомъ назначаемыхъ при этомъ поклоновъ, должны возсылаться къ св. Іоанну Предтечи, Іоанну Богослову, священномученику Власію, св. Спиридону, преподобному Онуфрію, великомуч. Варварѣ. Послѣ молитвы къ святымъ слѣдуютъ повторенія молитвы Господней, молитва къ Ангелу-хранителю и молитва къ «тезоименному блюстителю Николаю». Наконецъ, молитва заупокойная: о царяхъ, дѣдахъ и пр. (стр. 75..., 86, 91, 94 и др.). Интересны также правила поведенія во время молитвы, своею точностію и мелочностію напоминающія Домострой, а своимъ происхожденіемъ всецѣло обязанныя древне-русской жизни, составляющія неотъемлемое достояніе и главное богатство послѣдней. «Егда будеши предъ образомъ Божіимъ молитву возсылати, на стороны не поглядывай, стой, яко столбъ, неподвиженъ;... аще въ то время тѣло твое воззудѣетъ, не моги двинутися или почесатися; аще и блоха начнетъ тя копошити, всячески потерпи». Спрашивающимъ и докучающимъ во время молитвы «не отвѣчай»; если же молитва будетъ чѣмъ прервана, если и вторицею и третицею смѣшается она, то всегда начинай снова, «еже бы безъ всякаго препинанія исправити ю». «Егда же пріидетъ день праздничный, то всячески упразднися, отнюдь никаковыя работы не работай, но иди въ церковь. Далече не доѣхавъ до церкви, востани и доиди до

крыльца пѣшь. Вступя въ церковную ограду, шапку съ себя сойми. При дверяхъ церковныхъ и парикъ сними, и войди въ церковь рабски. Егда внидеши въ церковь, то первѣе Спасителеву образу сотвори 3 поклона, Богородицѣ два... потомъ пресвитеру и людямъ. На высокомъ мѣстѣ не становись, на хоры и на клиросъ не восходи и поющихъ крылошанъ, ради своея пыхи, съ мѣста не сбивай. И стани на мѣстѣ неподвиженъ, яко твердый столбъ, о стѣны не опирайся, ногъ не оттопыривай, ногу за ногу не закладывай, но стой прямо, кротко, со страхомъ, трости отнюдь въ рукахъ не держи (потому что только нѣмцы, у которыхъ вѣра особая, отъ христіанскія отличная, со древоліемъ сидятъ). Не плюй гордостно въ дальность отъ себя, чтобы плюновеніемъ или сморканіемъ не оскаредить кого, но плюй токмо предъ собою, вблизости и подтирай ногою. На стороны отнюдь не поглядывай, потому что можешь красотою доброличною уязвитися и вмѣсто пользы пакость себѣ пріобрящеши. Все вниманіе устремляй къ богослуженію, что поютъ или что читаютъ, вся внемли и ничесого мимо ушесъ не пускай, умомъ съ Богомъ бесѣдуй. Кромѣ воздыханія, ничего своего къ церковному пѣнію не примѣшивай и по особымъ книжкамъ — полюторски — не читай› и пр. и пр. (стр. 103..., 117, 169, 177 и др.). Во времена, узаконенныя для поклоновъ, особенно въ извѣстные моменты литургіи, Посошковъ требуетъ неотмѣннаго выполненія нѣкоторыхъ тѣлодвиженій: стани на колѣну, руцѣ свои возверзи къ небеси, возложи на ся крестное знаменіе, стоя на колѣну, поклонись до земли, возстани на нозѣ твои, падъ на землю ницъ лежи, не воздвизайся отъ земли и т. п. Съ наставленіями Посошкова о поклонахъ, ставленіи свѣчей, о цѣлованіи иконъ, мы уже знакомы. Посошковъ предлагаетъ настолько подробную программу поведенія во храмѣ, что старается даже подчинить правиламъ взгляды, движенія глазъ молящагося, заповѣдуетъ возводить при молитвѣ очи свои горѣ, а не долу (169 с.). — Между религіозными обязанностями, Посошковъ напоминаетъ также о непремѣнной обязательности для христіанина прибѣгать къ таинствамъ церкви, какъ богодарованнымъ средствамъ освященія и подкрѣпленія въ жизни (стр. 13, 72..., 204).

Не ограничиваясь молитвою къ Богу, Посошковъ желалъ бы, по возможности, всю вообще жизнь и дѣятельность христіанина сдѣлать непрерывнымъ служеніемъ Богу. Непрестанному богомыслію онъ, при всякомъ

удобномъ случаѣ, хочетъ пріурочить и внѣшнее дѣйствованіе, тѣлесный трудъ. Всему въ жизни, всякому и мелочному обстоятельству онъ хочетъ придать характеръ церковности, на все наложить печать христіанства. «Егда какое дѣло начинати будеши, то отнюдь просто не начинай, но первѣе возложи на ся крестное воображеніе истовое». «На письменныхъ дѣлахъ въ началѣ полагай начертаніе крестное». «Аще ясти какую ядь начнеши, то и тамо, прежде положенія во уста своя, возложи на ся крестное воображеніе». «Въ сосудъ съ питіемъ дуни крестообразно». «Входя куда либо, крестись, выходя — тоже. Не моги минути церкви, чтобъ, снявъ шапку, не поклониться», и пр. и пр. (стр. 172, 173, 104 и др.). Неуклонное соблюденіе всѣхъ этихъ и подобныхъ требованій часто обставляется у Посошкова слишкомъ предусмотрительными и по своей мелочности озадачивающими дополненіями и условіями. Напр., при встрѣчѣ съ несомымъ Тѣломъ Христовымъ, «чуть его завидиши, шапку съ себя сойми, съ коня своего сниди и, *аще и грязно, поклонись до земли*». Въ извѣстные моменты богослуженія «падъ поклонися до земли, *аще и многонародно* въ церкви *всячески потрудись*» и т. п. (стр. 104, 168, 131).

Таковъ для Посошкова идеалъ религіознаго человѣка, христіанина,— идеалъ, повидимому, чисто древне-русскій, домостроевскій. Но если мы внимательно всмотримся въ этомъ идеалъ, то увидимъ довольно замѣтно выступающіе въ немъ уже новые оттѣнки. Идеалъ Посошкова далеко уже не въ такой мѣрѣ бездушенъ и такъ исключительно механиченъ, какъ идеалъ Сильвестра. Излагая точную, мелочную регламентацію, Посошковъ старается каждый обрядъ осмыслить, въ каждомъ ничтожномъ обычаѣ и предписаніи отмѣтить внутренее его значеніе, въ силу котораго этотъ обычай является не какъ бездушный, формальный обрядъ, но какъ форма, полная религіознаго содержанія. Между тѣмъ какъ Домострой учитъ только обряду, въ немъ полагаетъ главную цѣль своихъ стремленій, и, при безчисленномъ множествѣ обрядовыхъ тонкостей, весьма рѣдко отмѣчаетъ ихъ внутренній смыслъ и содержаніе; Посошковъ никогда и нигдѣ не ограничивается одною внѣшностію, а всегда обязательно обращаетъ вниманіе и на скрывающуюся въ ней внутреннюю сторону. По крайней мѣрѣ, являясь строжайшимъ проповѣдникомъ обрядности, онъ нигдѣ при этомъ не опускаетъ изъ вида и содержанія, одушевляющаго эту обрядность, внутренняго значенія, осмысливающаго ее. Съ каждымъ

словомъ молитвы Посошковъ соединяетъ опредѣленное содержаніе, каждому движенію тѣла, каждому жесту въ религіозныхъ обрядахъ онъ старается пріурочить извѣстное движеніе духа. Математически точно измѣряя и вычисляя обрядовыя дѣйствія, Посошковъ неотступно внушаетъ при этомъ всегда и «движеніе умное», «держаніе въ мысли», «возношеніе духовное», «исповѣданіе духомъ» и пр. т. п. «Возлагая на себя крестное знаменіе», говоритъ напр. Посошковъ, «умныма своима очима зри крестъ Христовъ». «Въ сложеніи трехъ перстовъ исповѣдуй святую Троицу». Полагая поклоны, «умныма очима воззри къ самому Богу. Тѣлесныма очима зря на образъ Богородицы, умныма очима также зри на небо» (стр. 75, 76, 90, 91 и др.). Впрочемъ, съ постоянными замѣчаніями Посошкова о значеніи и внутреннемъ смыслѣ въ молитвѣ и иконопочитаніи мы уже знакомы. Поэтому, не станемъ болѣе приводить примѣровъ и выписокъ изъ Посошкова, тѣмъ болѣе, что перечислить въ Завѣщаніи все, подтверждающее наше положеніе объ осмысленности Посошковымъ формальныхъ требованій и обрядовыхъ мелочей, значило бы снова перебрать всѣ его предписанія. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, Посошковъ является далеко уже не слѣпымъ приверженцемъ обряда. Воспитавшись на Домостроѣ и усвоивъ его предписанія во всей точности, онъ успѣлъ замѣтно возвыситься надъ понятіями Сильвестра, не ограничился внѣшностію, формальностію русской религіозности, обратилъ вниманіе на болѣе существенный элементъ ея, — и свою несравненно болѣе жизненную, дѣятельную религіозность завѣщалъ своимъ потомкамъ. Нельзя не видѣть въ этомъ вліянія новаго времени, задатка гуманности. Очевидно, лучшіе русскіе люди, высказавшіеся въ лицѣ Посошкова, стали, наконецъ, отыскивать мысль въ своей набожности, стали открывать утраченный смыслъ русской религіозности. И по всему видно, какъ еще ново было это дѣло для русскаго человѣка, какъ непривычна была для его головы эта, какъ бы вновь только что открытая, зависимость формы отъ содержанія, обряда отъ его духовнаго смысла. Самъ Посошковъ, какъ мы видѣли, и то въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ, такъ сказать, прорывался, передаваясь на сторону неразумной обрядности, исключительнаго формализма. Съ другой стороны, не даромъ онъ почелъ себя обязаннымъ постоянно, даже повторяясь, отмѣчать во всякихъ ничтожныхъ обрядовыхъ дѣйствіяхъ ихъ духовное знаменованіе, старался связать отдѣльныя движенія тѣла съ соотвѣтственными движеніями души. Усилія Посошкова

всегда выслѣдить и отмѣтить эту связь выходятъ иногда очень характерны и невольно обращаютъ на себя вниманіе. Не говоря напр. о томъ, что Посошковъ нигдѣ не опустилъ случая упомянуть объ обязательности при крестномъ знаменіи и духовнаго воображенія креста Христова, онъ старается пріучить мысль слѣдовать за рукою даже въ самомъ процессѣ крестнаго знаменія. «Егда руку свою возложиши на чело, то въ умѣ своемъ помышляй о вышнемъ рогѣ креста Христова, егда же низводити будеши руку свою на животъ, то помышляй о длинномъ древѣ крестномъ, а егда уже руку свою низведеши на пупъ, то помышляй о нижнемъ рогѣ креста Христова, а егда положиши руку свою на правое плечо, то помышляй о правомъ рогѣ креста; егда же понесеши руку на лѣвое плечо, то въ умѣ своемъ держи о поперечномъ древѣ крестномъ» и т. д. Правда, прототипы такихъ внушеній можно найти и въ Домостроѣ, но встрѣчаются они тамъ неизмѣримо рѣже и имъ, видимо, не придается тамъ особаго значенія и важности: приводятся они только иногда, между прочимъ, кстати, а потому и производятъ впечатлѣніе только болѣе или менѣе общихъ мѣстъ, фразъ, стереотипныхъ для всей древне-русской, религіозной письменности — выраженій. Правда также, что въ подобныхъ наставленіяхъ замѣтна крайняя механичность, съ которою Посошковъ старается опредѣлить чисто духовныя движенія, связывая съ несеніемъ руки соотвѣтственное перенесеніе мысли, или напр. съ извѣстнымъ движеніемъ глазъ — опредѣленное движеніе «умныхъ очей» и т. п., но избѣжать этого, совершенно освободиться механичности едва ли и было возможно для Посошкова, воспитавшагося все-же въ духѣ домостроевскаго формализма.

Духовная Татищева несравненно уже менѣе удѣляетъ мѣста разсужденіямъ о религіозныхъ обязанностяхъ человѣка. Тѣмъ не менѣе, и изъ нея видится прежде всего искренняя религіозность автора, который, въ помыслахъ о смертномъ часѣ, завѣщалъ, для спасенія души и отпущенія грѣховъ, деньги по церквамъ раздавать, пѣть панихиды, читать псалмы, давать ладонъ и свѣчи, построить церковь и пр. и пр. Очевидно также желаніе Татищева воспитать и въ сынѣ своемъ религіозную настроенность. Съ этою цѣлію, онъ заповѣдуетъ ему прежде всего «поучаться въ законѣ Божіемъ день и нощь даже до старости, со вниманіемъ читать письмо святое,... книги учителей церковныхъ,... истолкованія заповѣдей и блаженствъ» и пр. «Читай письмо святое прилежно и тщися

по оному поступать» (Тат. и его вр. стр. 209, 216). Но склонность Татищева къ вольнодумству и здѣсь уже успѣла высказаться. Между тѣмъ какъ Посошковъ обнаруживаетъ безусловное довѣріе ко всему, такъ или иначе прикрытому авторитетомъ церкви, Татищевъ, напротивъ, не преминулъ сдѣлать сыну предусмотрительное замѣчаніе относительно напр. прологовъ, четьихъ миней, что «многія исторіи въ истинѣ бытія оскудѣваютъ», что нѣкоторыя изъ нихъ «соблазны къ сомнительству подать могутъ» (стр. 210). Рекомендуя знакомиться съ ученіемъ инославныхъ христіанскихъ исповѣданій, въ цѣляхъ утвержденія и непоколебимости въ православіи, Татищевъ, въ то же время, совѣтуетъ уклоняться отъ религіозныхъ преній съ иновѣрцами, «чтобы у людей злаго мнѣнія о себѣ не подать, а отъ неразсудныхъ и не потерпѣть». Между тѣмъ, Посошковъ, въ своей религіозной ревности, не способенъ былъ ни на какіе компромиссы, не допускалъ никакихъ уступокъ; преслѣдуя правду въ сферѣ религіозной съ особенною заботливостію, онъ, совершенно напротивъ, старался внушить и сыну ту же ревность по Богѣ, которою одушевленъ былъ самъ: «аще кого узриши сумнящася, не моги умолчати», повторялъ онъ неоднократно своему сыну (стр. 78 и др.). Далѣе, Посошкову, по своимъ убѣжденіямъ примыкающему къ партіи охранительно-консервативной, представлялось наиболѣе опаснымъ протестантство и отъ него особенно онъ желалъ предостеречь своего сына; между тѣмъ какъ Татищевъ, человѣкъ либерально-прогрессивнаго лагеря, бо̀льшую опасность видѣлъ въ католичествѣ и завѣщалъ въ Духовной «остерегаться особенно папистовъ».

Теперь посмотримъ на нравственныя качества, которыми надѣляетъ Посошковъ своего идеальнаго христіанина.

Составъ нравственныхъ предписаній Посошкова вполнѣ соотвѣтствуетъ Домострою. Какъ и въ послѣднемъ, Посошковъ старается предостеречь сына своего отъ грѣховъ и рекомендуетъ ему по преимуществу нѣкоторыя и именно тѣ же, что и Домострой, добродѣтели. Въ первыхъ же строкахъ своего Завѣщанія, наряду съ требованіемъ вѣры въ Бога, Посошковъ требуетъ, чтобы сынъ всѣми силами соблюдалъ заповѣди Божіи, хранилъ душу свою отъ всякаго грѣхопаденія. «Отъ всего сердца своего у Отца небеснаго проси, дабы въ тебѣ всегда содѣвалась Божія воля, дабы діаволъ никаковыя власти не возымѣлъ и на грѣхи бы тебя не приводилъ» (стр. 1, 79, 74). Посошковъ перебираетъ частные виды

грѣха, предостерегая отъ нихъ сына. Напр.: «Господа ради, чадо, бойся блуднаго грѣха» (стр. 9, 14); «вельми бойся лжи, дабы въ сыновство діаволу не вдатися» (147 с.); «отнюдь пустошныхъ словесъ, наипачежъ ругательныхъ не глаголи» (46, 148 с.); «всячески тщися, еже бы ти до пьяна не упиватися и дабы весьма его (вина) не касатися» (62 с.[1]); «такожде въ яденіи пищномъ имѣй воздержаніе и не пресыщайся» (61 с.[2]); «чтобы не навыкать во грѣхахъ, со злыми людьми отнюдь содружія никакого не имѣй» (74, 9). Но особенно опасными и безнравственными, въ представленіи Посошкова, грѣхами являются гордость и самоумничество, когда человѣкъ въ разумѣ своемъ высоко о себѣ помыслитъ. «И въ ереси ни отъ чего тако не впадаютъ, яко отъ высокомнѣнія своего. Сего ради, чадо мое, не моги и близъ себя допускати самоумничества. Не буди гордъ; самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься» (стр. 69, 70 и др; Кн. о ск. и бог. 77 стр.[3])

Въ главѣ всѣхъ положительныхъ чертъ нравственности, которыми Посошковъ желаетъ украсить своего идеальнаго человѣка, должно быть упомянуто прежде всего смиреніе. Принимая евангельскіе совѣты въ качествѣ обязательнаго закона, Посошковъ, на основаніи ихъ и проповѣдуетъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, начало уступчивости; въ противовѣсъ гордости, настойчиво внушаетъ совершеннѣйшее смиреніе. Правило смиренія и самоуничиженія Посошковъ желалъ бы постановить общимъ принципомъ въ жизни и дѣятельности человѣка, положить въ

---

[1]) Пьянство вызывало обличенія во всѣхъ домострояхъ и сочиненіяхъ, преслѣдовавшихъ исправленіе русской жизни. Напр. Просвѣт. Іос. Вол. стр. 364.

[2]) Наставленія о воздержаніи въ пищѣ были весьма важны и умѣстны для русскаго человѣка, любовь котораго къ изобилію яствъ выражалась въ 50 — 100 блюдахъ, подаваемыхъ за однимъ обѣдомъ.— Котошихинъ «О Россіи въ царств. Ал. Мих.» стр. 118.

[3]) Но съ особенною силою вооружается Посошковъ противъ всякаго проявленія самоумія, какъ мы отчасти и видѣли, въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ. Самоволіе онъ считаетъ главнымъ источникомъ погибели «и въ духовныхъ, и въ мірскихъ дѣлахъ», источникомъ развращенія всей вселенной. Зерц. очевид. ркп. л. 94 об., 52, 100, 114 и др. Отъ «самозаконія» призводилъ «всякую злую вещь» и Патр. Іоакимъ. Увѣтъ дух. л. 23.

[1]) На такихъ же основахъ кротости, взаимнаго уваженія и уступчивости хочетъ построить жизнь и Іосифъ Волоцкій. Просвѣтитель, стр. 362, 367.

основу всего поведенія христіанина. Строгость и точность предписаній Посошкова въ этомъ отношеніи своимъ ригоризмомъ превосходитъ даже Домострой. Вездѣ, гдѣ только заходитъ у Посошкова рѣчь о столкновеніяхъ съ другими, онъ вставляетъ замѣчанія: «не моги никого попхнути, потѣснити, самъ уступи, не озлобься, не воспротивься, уступи, премолчи» и т. п. «Буди яко кроткое овчатко, ни малыя гордости не припусти къ себѣ, но всѣхъ буди крочшъ, нималыя высокости въ себѣ не являй. Ровняй себя червію, иже въ трупахъ зарождается; предъ всякимъ человѣкомъ смиреніе и низость свою показуй безлукавную; буди яко рабъ, служа всѣмъ» (стр. 107, 149, и пр. = Зерц. л. 52, 200 об). «Не гнѣвайся на обиды, буди глухъ на руганіе. Кто тя ударитъ въ ланиту, обрати ему другую. Кто обидитъ или озлословитъ тя, ты всячески понеси на себѣ, а того и въ мысль свою не влагай, еже бы чѣмъ ему отмстити, и не жалься на него, не токмо людямъ, но ниже Богу; но паче всякими образы тщися, еже бы сдѣлать ему какую ни есть добродѣтель». «Отнюдь ни на кого не гнѣвайся: на всякія злыя словеса и досадительныя буди глухъ, и аще кто тя сквернословно и ругательно избранитъ, буди яко не слышай и ничему тому не внимай, но вся та гнилая словеса мимо ушей своихъ пускай.» «Во всякомъ дѣлѣ буди услуженъ и безотвѣтенъ. Чѣмъ тебѣ досадятъ, терпи. Аще будутъ тебя бити, понеси па себѣ» и только, когда «не въ мочь ти будетъ», можно попугать жалобой; «аще-же можеши понести на себѣ, ради своея вящшія душевныя пользы, то вся претерпи» и пр. (стр. 82, 143, 182, 179, 185 и др.). Съ другой стороны, самъ опасно себя храни, чтобы во грѣхъ не войти и какому человѣку досады бы не учинить, дабы никто не пожаловался на тебя. Никого въ гнѣвъ не приводи, ни стараго, ни малаго, ни богатаго, ни убогаго ничѣмъ не оскорби; ни во очи, ни заочно досады никому не чини, но буди самъ отъ всѣхъ обиженъ; и другу и недругу — всѣмъ добро дѣй. Сурово ни съ кѣмъ не говори, но буди любителенъ всякому человѣку, и пр. (стр. 146, 107, 15, 20 и др.). Посошковъ желаетъ такого самоотверженнаго смиренія, что поставляетъ его принципомъ всякихъ отношеній человѣка даже къ животнымъ и только органическимъ предметамъ. Напр., запрещая при проѣздѣ на конѣ тѣснить человѣка-пѣшехода, Посошковъ прибавляетъ: «и не человѣка токмо люби, но и скоты жалуй; аще и курицу наѣдешь, въ песцѣ рыющуюся, не потѣсни ю; аще иную скотину или пса на пути наѣдеши

спяща, не досаждай ей, объѣдь ю. Подобнѣ, и въ лѣсѣ дрова безъ потребы, на поруганіе не руби. Тако живи опасно, чтобы не токмо человѣку, но и скотомъ милъ бы ты былъ. Всякое дѣло первѣе къ себѣ приложи, — угодно ли оно будетъ тебѣ, и то токмо твори, чего самъ себѣ желаешь» (стр. 16.., 171, 19, и др.). Духомъ смиренія обусловливаются и всѣ житейскія правила приличія, предписываемыя Посошковымъ,— напр. какъ держать себя въ гостяхъ, на обѣдахъ и т. п. Посошковъ такъ вѣритъ въ начало смиренія и «низкостности», что видитъ въ немъ источникъ истинной христіанской мудрости. По его мнѣнію, сынъ его, если и въ умѣ недостаточенъ будетъ, но смиренъ, то «паче мудрыхъ людей умудрится» (стр. 72).

Другая главнѣйшая христіанская добродѣтель, которою по преимуществу долженъ украшаться человѣкъ и которую особенно настойчиво рекомендуетъ Посошковъ, есть милосердіе. Буди ко всякому человѣку милосердъ. Нищимъ подавай пѣнязи, особенно въ церкви. Бѣднымъ людямъ въ нуждахъ помогай, распростри руку свою на подаяніе и пр. Просящему милостиню подай, отдай даже «лучшій кусокъ, кой тебѣ (самому) угоденъ» (стр. 133, 143, 140, 173). Кромѣ бѣдныхъ, благотворительность христіанина должна быть направлена на церковь и духовенство. Въ этомъ случаѣ Посошковъ требуетъ буквальнаго выполненія древняго положенія о десятинахъ: «на кійждо годъ исчисли прибытки и отдѣли десятую долю Богу. Егда выработаеши десять пѣнязей, то не отлагай до иного времени, отдѣли десятый пѣнязь и освяти его Богу» и пр. Но и кромѣ десятины, на всякое церковное украшеніе подавай неоскудною рукою, безъ сожалѣнія; пресвитеровъ питай лучшею пищею, подавай имъ неоскудною рукою, съ усердіемъ, подаяніемъ неоскуднымъ надѣляй (стр. 138, 63, 143 и др.[1]).

Одно изъ самыхъ основныхъ правилъ христіанской жизнедѣятельности, по Посошкову, составляетъ трудолюбіе. Какъ самъ человѣкъ въ высшей степени дѣловой, Посошковъ желаетъ видѣть то же и въ своихъ потомкахъ, смотря на трудолюбіе не съ практической только точки зрѣнія, но приписывая ему и высшій смыслъ, даже религіозное значеніе. Бездѣльная жизнь и безполезная трата времени представляются Посошкову не только въ общественной жизни неправыми, незаконными, но и

[1]) Буквальнаго выполненія правила о десятинахъ требуетъ также Іосифъ Волоцкій. Просвѣтитель стр. 368.

въ экономіи спасенія «вредительными», — «вельми бо грѣшно человѣку тунеядцемъ быти». Смотря на жизнь христіанина, какъ на непрерывный трудъ и прославленіе Бога добрыми дѣлами, Посошковъ и подтверждаетъ эту основу, существенное требованіе христіанской жизни, своими личными симпатіями, навыкомъ своей собственной жизни. Видно, что Посошковъ самъ вошелъ, такъ сказать, во вкусъ этой трудовой и благочестивой жизни, а потому, отъ всей полноты своего убѣжденія, онъ и заявлялъ, что «нѣсть того на свѣтѣ утѣшнѣе, еже во трудахъ забавлятися». И сыну своему Посошковъ желалъ бы цѣликомъ передать свое убѣжденіе о могущественномъ значеніи трудолюбія въ жизни. «Моленіемъ молю тя, Господа ради, буди у дѣла своего люботруденъ»; «никогда празденъ не сиди», и пр. Посошковъ преслѣдуетъ всякую пустоту жизни и безсодержательность, гдѣ бы она ни проявлялась въ поведеніи человѣка. Онъ рисуетъ типъ человѣка, постоянно занятаго дѣломъ, избѣгающаго пустословія и бездѣлья, человѣка серьезнаго, во всемъ аккуратнаго, всегда послѣдовательнаго себѣ, вѣрнаго своему слову и убѣжденію, обдуманно говорящаго и тѣмъ болѣе осмысленно поступающаго. «Пустошныхъ глаголовъ», говоритъ напр. онъ, «весьма бѣгай, посмѣшныхъ или ругательныхъ словесъ отнюдь не глаголи. Не буди продерзливъ на слово, но всякое слово первѣе розжуй, не будетъ ли въ немъ какого порока. Тако себя остерегай, дабы никаковымъ словомъ себя не одурачити» и пр. Еще тѣмъ болѣе «дѣла своя всякія десятерицею осматривай, дабы въ нихъ ни малыя кастери не было; ни единаго дѣла, не осмысляся крѣпкимъ размышленіемъ, не начинай дѣлать, — въ тонкость разсмотри о немъ» и пр. (стр. 211, 183, 170, 148, 190, 11, 215 и др.).

Съ трудолюбіемъ неразрывно связывается терпѣніе, готовность къ перенесенію всякихъ лишеній. И Посошковъ, съ равною же силою и настойчивостію, старается воспитать въ сынѣ и эту христіанскую дободѣтель. Онъ внушаетъ скромность требованій, съ одной стороны, и христіанское самодовольство съ довѣріемъ къ промыслу — съ другой; онъ хочетъ, такимъ образомъ, заранѣе примирить сына съ жизнію, со всѣми ея невзгодами, желаетъ придать свѣтлую окраску всѣмъ и тягостямъ ея, рисуетъ въ самыхъ свѣтлыхъ, завлекательныхъ чертахъ спокойствіе, миръ души, христіанское самодовольство. Завѣщая христіанину уже съ ранняго дѣтства запасаться христіанскими доблестями, пріучаться «нужду всякую терпѣти, навыкати терпѣнію»; онъ, въ тоже время, же-

лаетъ утвердить сына въ волѣ Божiей, чтобы онъ «разумѣлъ во всемъ изволенiе Божie, чтобы «во всемъ на Его Божiю волю полагался», — и «житiе твое», ободряетъ Посошковъ сына, «паче царскаго веселостно будетъ, понеже и презѣльная скудость будетъ ти сладостна паче богатства многаго, и не токмо сносная бѣда, но и самая смерть ни во что ти будетъ, за еже весь ты будеши въ Бозѣ. Безжелательный бо человѣкъ всегда веселъ бываетъ, аще у него много, аще и мало: о всемъ радуется и Бога благодаритъ, и живетъ, яко царствуетъ» (стр. 56, 78, 142).

Нѣкоторыя предписанiя Посошкова, касающiяся частной и общественной жизни, проникнуты чисто аскетическимъ характеромъ. Таковъ, напр., взглядъ его на богатство. «Богатства времяннаго не весьма ищи; богатство бо времянное ничто есть; не всякому оно на пользу, но вящши бываетъ на погибель. Отъ богатства приходитъ гордость, тщеславiе, сластолюбiе, вещелюбiе, всякая роскошь непотребная; всякiя пакости наводитъ оно на человѣка, погубляетъ». Поэтому, «не радуйся, сыне мой, богатству, аще будетъ у тебя довольное, и съ притужанiемъ за нимъ не бѣгай» и пр. (стр. 141...). Такого же характера правила Посошкова объ отношенiи къ почестямъ, славѣ житейской.

Разсмотрѣнiе частныхъ нравственныхъ правилъ поведенiя въ общественной и семейной жизни считаемъ излишнею подробностiю. Очевидно, всѣ предписанiя Посошкова, касающiяся нравственности, имѣютъ слишкомъ близкое сходство съ Домостроемъ. Но и здѣсь легко усмотрѣть довольно замѣтную разницу между нравственнымъ идеаломъ Посошкова и Домостроя. Нравственный идеалъ послѣдняго въ большинствѣ его чертъ является чисто формальнымъ, часто лишеннымъ истиннаго внутренняго содержанiя, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже безнравственнымъ, полнымъ только человѣческаго разсчета, не моральныхъ мотивовъ. Между тѣмъ, нравственный идеалъ Посошкова, при той же формальной точности, мелочности, имѣетъ гораздо болѣе нравственнаго содержанiя и несравненно полнѣе проникнутъ нравственною идеею. У Сильвестра замѣтили мы до крайности доведенное начало уклончивости, примѣнительности къ жизни и угодливости къ людямъ; множество его наставленiй направлено именно къ тому, чтобы научить, какъ ужиться съ разными людьми, жертвуя подчасъ правдою, чтобы не нарушить добрыхъ отношенiй къ другимъ и не повредить своимъ интересамъ. Такой принципъ уклончивости, примѣняемости и угодливости людямъ,

легко переходящій въ совершенное равнодушіе къ правдѣ и неправдѣ, ведетъ къ совершенному уничтоженію искренности въ обращеніи людей, къ совершенному ослабленію нравственныхъ основъ въ жизни общества. Посошковъ не успокоивается на такихъ взглядахъ. Его честность, прямота, вѣра въ искренность человѣческихъ отношеній, стоятъ гораздо ближе къ чуждымъ лицемѣрія, безхитростнымъ понятіямъ Владиміра Мономаха. Какъ истый любитель правды, Посошковъ не могъ оставаться равнодушнымъ, «видя правду отвержену» гдѣ бы то ни было: тѣмъ болѣе онъ не могъ самъ проповѣдывать и возводить на степень идеала двоедушіе, лицемѣріе и т. п. неправду. Поэтому, если онъ совѣтуетъ сыну, какъ и Домострой, «заживать доброе имя»; то требуетъ достигать этого дѣйствительными нравственными достоинствами, истинными заслугами, а никакъ не внѣшнею формою, бездушнымъ благочестіемъ, тѣмъ болѣе не хитростію, не притворствомъ, отъ чего Посошковъ прямо предостерегаетъ въ своемъ Завѣщаніи. Голосъ общественнаго мнѣнія, слава отъ людей, не должны быть цѣлію нравственной дѣятельности человѣка, потому что они могутъ только сбивать человѣка съ пути истинной нравственности: лучше, поэтому, вовсе не обращать на нихъ вниманія, такъ какъ только искренность, чистота намѣреній и побужденій обусловливаютъ нравственную цѣну и значеніе всякаго поступка: такова высоконравственная, чистая мораль Посошкова! Внушая, напр. полнѣйшее смиреніе, уничиженіе предъ всякимъ человѣкомъ, Посошковъ прибавляетъ такія, повидимому, совсѣмъ непринимавшіяся Домостроемъ въ разсчетъ условія: «предъ всякимъ человѣкомъ низость свою показуй безлукавную и смиреніе твори не того ради, дабы тебя люди хвалили; но отъ самыя истины въ словахъ и дѣлахъ, и во всякихъ поступкахъ смиреніе твори безъ всякаго притвора; и не токмо въ явности, но и въ тайности, и внутрь себя смиренъ буди; ничтожа себя, смиреніе носи въ себѣ и того своего смиренія не ставь себѣ въ добродѣтель» (145 стр.). Заповѣдуя сыну упражненіе въ дѣлахъ милосердія, онъ говоритъ: «аще что ни подаси, ни предъ кѣмъ не славься, ни самъ предъ собою, ниже Богу извѣствуй, сколько подаси» и т. д. (стр. 133). Излагая правила молитвы въ храмѣ, Посошковъ не забываетъ сдѣлать замѣчаніе: «читай себѣ молитву тайно и не токмо языкомъ, но и губами не шевели, дабы люди не поставили тя въ великаго молитвенника: но токмо умомъ своимъ читай, дабы никто не видѣлъ, не слышалъ, ниже разумѣлъ, что ты тво-

риши» (124 стр.). Говоря о нищенскомъ житіи, Посошковъ незабываетъ поставить на видъ существеннаго условія — «буди и духомъ нищь» (208 стр.) и пр. и пр. «И какіе труды ты ни понесеши, ради своея душевныя пользы, то ты тѣхъ трудовъ и болѣзней своихъ не вспоминай не то что предъ Богомъ и предъ человѣки, но ниже самъ предъ собою; тако ихъ имѣй, яко бы ничего того не бывало» (185 стр.). Такъ, наконецъ, говоритъ Посошковъ вообще объ обязательности для истиннаго христіанина правды, искренности въ поступкахъ: «лжи во уста своя ни малыя не влагай и льстиваго глагола никакого никому не глаголи. Опасно храни себя въ семъ: аще кто на тебя пошлется въ какомъ свидѣтельствѣ, аще врагъ, аще и самый секретный другъ, не моги солгати дружбы ради, или страха ради отъ лица сильнаго. Лучше тебѣ бѣду и смерть подъяти, неже солгавъ цѣлу быти, вмѣсто правды ложь сказати. О сыне мой, счастливъ бы ты былъ, аще бы ты за праведное свидѣтельство смерть пріялъ!» (стр. 147, 148). Такой же искренности, правдивости до полнѣйшаго самоотверженія Посошковъ требуетъ и во всѣхъ другихъ добродѣтеляхъ, во всѣхъ поступкахъ христіанина. Такъ еще напр., требуя чистѣйшаго цѣломудрія, онъ внушаетъ безропотное, терпѣливое перенесеніе изъ-за этого всякихъ угрозъ, побоевъ и даже смерти: «О, аще бы ты, чадо мое, за таковое цѣломудріе убіенъ былъ до смерти, то бы ты великъ былъ во царствіи небесномъ» (стр. 10). Даже въ физическомъ трудѣ Посошковъ силится искоренить все неискреннее , разсчитанное на показъ,—и работать онъ заставляетъ «всею христіанскою правдою, безъ всякія лѣности, безлукавно,—каково во очесѣхъ (наблюдающихъ), таково и заочно» (179 стр.). Словомъ, Посошковъ рѣшительно вооружается противъ всего показнаго, дѣланнаго, эффектнаго. И въ благочестіи, и въ общественныхъ отношеніяхъ, и даже въ физическомъ трудѣ Посошковъ требуетъ искренности, правоты, самаго дѣла. Всюду давая предписанія о внѣшнемъ поведеніи, онъ нигдѣ на этомъ не останавливается и этимъ не ограничивается; вездѣ онъ въ то же время обращаетъ вниманіе на душевное настроеніе, на сущность, внутренній смыслъ дѣла; всегда требуетъ полнаго соотвѣтствія между внѣшнимъ видомъ, положеніемъ и душевнымъ состояніемъ, требуетъ полной гармоніи мыслей съ словами, словъ съ дѣлами.

Идеальныя черты чистой христіанской нравственности въ жизни част-

ной и общественной, затребованныя Посошковымъ, въ сущности тѣ же самыя повторяются и Татищевымъ въ его Духовной. И онъ также заповѣдуетъ благіе нравы, смиреніе, вѣрность, правду, справедливость, благородство, вѣрность присягѣ и пр. И онъ, съ неменьшею энергіею и рѣзкостью, возстаетъ противъ всякихъ уклоненій съ пути нормальной жизни и сурово порицаетъ всякое нравственное уродство въ жизни: лицемѣрство, коварство, лесть, зависть и ненависть; съ негодованіемъ бранитъ «проклятыхъ ябедниковъ, душевредцевъ, плутовъ, воровъ, богомерзкихъ и жадныхъ подлецовъ» и пр. Словомъ, и Татищевъ стремится въ жизни общественной и частной къ той же вообще правдѣ, какъ и Посошковъ, но, впрочемъ, не пускается въ математическія вычисленія и измѣренія нравственныхъ поступковъ человѣка, какъ это дѣлаетъ послѣдній.

Въ общей сферѣ соціальныхъ воззрѣній Посошкова должны быть отмѣчены, не лишенныя интереса, его *политическія убѣжденія,* и въ ряду его правилъ общежитія должны быть указаны, разсѣянныя по всѣмъ сочиненіямъ, спеціальныя наставленія Посошкова объ отношеніи къ гражданской власти, объ обязанностяхъ человѣка, какъ члена государственной семьи. — По своимъ политическимъ воззрѣніямъ, Посошковъ представляется строжайшимъ монархистомъ — и въ этомъ отношеніи является выразителемъ общаго, выработаннаго всею русскою исторіею, взгляда на царя, какъ именно Божія помазанника и избранника. «У насъ самый властительный и всецѣлый монархъ», такъ характеризуетъ Посошковъ русское самодержавіе. Онъ «самъ собою владѣетъ». «Мы же Монарха своего почитаемъ яко Бога и честь его опасно хранимъ, и волю его всеусердно исполняемъ». «Яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и царь въ своей державѣ имѣетъ власть; какъ чему повелитъ быть, такъ и подобаетъ тому быть неизмѣнно и ни мало ни на право, ни на лѣво неподвижно». Только самъ Государь стоитъ внѣ всякихъ ограниченій: «Царскому Величеству нѣтъ предѣла: идѣ же царское пришествіе, тутъ и законъ измѣняется» (Соч. Пос. I, 254, 122, 252, 231, 136 и пр.). Сообразно такому идеальному взгляду на царя, строятся у Посошкова наставленія, которыми долженъ руководствоваться человѣкъ, какъ подданный своего Государя. Кромѣ обязательной и усиленной молитвы за царя, которую Посошковъ диктуетъ — въ предложенной имъ въ Завѣщаніи программѣ христіанской молитвы — обыкновенно прежде всего, ставитъ на самомъ первомъ мѣстѣ, онъ требуетъ все-

гдашняго и особеннаго почтенія и уваженія къ Государю, какъ подобію Самого Бога, внушаетъ ту же крайнюю осмотрительность въ обращеніи даже съ именемъ только царскимъ, какъ и съ именемъ Божіимъ. (Зав. от. стр. 214 и др.). «Ревниво оберегая царскую честь въ принципѣ. Посошковъ и на практикѣ старается удалить все, что, по его мнѣнію, компрометировало царя, какъ владыку, полнаго господина подданныхъ— своихъ «природныхъ рабовъ»; всякія частныя сношенія, которыя бы могли ставить царя на одну доску, въ одинаковыя условія съ подданными, Посошкову кажутся уже недостойными, ненормальными. Даже такой напр. ничтожный и въ сущности безразличный актъ, какъ взиманіе царемъ на свое имя росписокъ съ казенныхъ должниковъ, уже не нравится Посошкову, и онъ желалъ бы устранить его, какъ обычай «вельми несличный и чести царской неприличный» (Соч. Пос. I, 73). Наконецъ. Посошковъ предлагаетъ не мало энергичныхъ обязательствъ въ отношеніи къ государю и болѣе практическаго свойства. «Аще у какого дѣла строптиваго будеши но управленіи», поучаетъ Посошковъ сына, «то у дѣла царскаго, за царскіе секреты стой, являясь яко левъ. Буде вручено ти какое дѣло государево будетъ, то ты о домѣ своемъ и ни о чесомъ своемъ тако не пекися, яко о врученномъ ти дѣлѣ» (Зав. от. стр. 106, 145). Царственная нужда, по представленію Посошкова, должна превышать всѣ интересы; для нея единственно Посошковъ рѣшается на исключенія даже въ области религіозныхъ обязанностей человѣка (напр. Зав. от. стр. 133); ради только ея онъ готовъ допустить премѣненіе нѣкоторыхъ основныхъ общечеловѣческихъ правилъ жизнедѣятельности. Интересно напр., какъ Посошковъ — вдохновенный любитель правды и заклятый врагъ всякой лжи и обмана — учитъ солдата «ради царственной нужды» врать непріятелю, обязываетъ завѣдомо лгать: захваченный въ плѣнъ, о недостаткахъ своихъ воинскихъ непріятелю «не моги изъявляти, все сказывай вдвое или втрое, правды ни малыя не объявляй, но сплошь говори имъ ложь» (Зав. от. стр. 192 и пр.).

Политическія убѣжденія Посошкова находятъ себѣ совершенно единомысленный откликъ и въ Духовной Татищева. Послѣдній, какъ тоже строжайшій монархистъ, главнѣйшими качествами добраго гражданина поставляетъ вѣрность своему государю и государству, ревность къ государственной службѣ, прилежаніе къ общей пользѣ и безусловное повиновеніе властямъ. Грустныя событія, совершившіяся на глазахъ Татищева

и вызванныя корыстными замыслами верховниковъ, побудили его внушить своему сыну глубоко-правдивыя политическія истины: «съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда не согласуйся... Паче всего тайность государя прилежно храни и никому не открывай, всего же болѣе женщинъ и льстецовъ хитрыхъ охраняйся» и пр. т. п. (Тат. и его вр. стр. 217, 218).

Кромѣ общаго христіанскаго идеала, къ которому должно стремиться молодое поколѣніе, Посошковъ обрисовалъ идеальныя черты частныхъ личностей, занимающихъ то или другое опредѣленное положеніе въ обществѣ. Онъ предполагаетъ, что сынъ его можетъ быть и крестьяниномъ, и воиномъ, и купцомъ и пр., а потому и снабжаетъ его совѣтами на случай избранія имъ той или другой карьеры, предлагаетъ правила, касательно положенія и спеціальныхъ обязанностей каждаго изъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Эта часть Завѣщанія отеческаго имѣетъ близкое соотношеніе къ Книгѣ о скудости и богатствѣ, дополняетъ ее. Между тѣмъ какъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ Посошковъ разсматриваетъ положеніе общественныхъ сословій, какъ они существуютъ и преимущественно съ стороны ихъ недостатковъ; въ Завѣщаніи отеческомъ Посошковъ рисуетъ идеальное положеніе ихъ, каковы они должны быть, согласно христіанскому ученію и сообразно цѣли христіанской жизни (что, впрочемъ, нужно отличать отъ юридическихъ преобразованій, проектируемыхъ Книгою о скудости и богатствѣ). Весьма естественно, поэтому, вышло то очевидное явленіе, что въ разсматриваемыхъ идеалахъ господствуютъ преимущественно тѣ нравственныя предписанія и добродѣтели, которыя составляютъ противовѣсъ порокамъ и недостаткамъ, подробно обрисованнымъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ.

Прежде всего Посошковъ обращаетъ вниманіе на земледѣльца (котораго онъ отдѣлилъ отъ крестьянина, но которые, видимо, являются совершенно тождественными и въ представленіи Посошкова. Зав. от. стр. 176—178, 204—205). Главный недостатокъ въ крестьянской жизни, отъ котораго происходили нравственные пороки народа, Посошковъ полагалъ, какъ мы видѣли, въ бѣдности. Поэтому, въ Завѣщаніи отеческомъ, съ христіанской точки зрѣнія, Посошковъ старается примирить бѣдняковъ съ своей судьбою, пробудить уваженіе къ себѣ,

возможное довольство своимъ положеніемъ. «Аще, сыне мой, весьма оскудѣеши и пропитатися не возможеши, и тогда во отчаяніе и уныніе не вдавайся и ни къ какому воровству и неправедному дѣлу не касайся... но, возложа надежду на Бога, иди въ земледѣльную работу. Работай всею правдою, безъ лѣности и безъ лукавства, не день къ вечеру гони, но дѣло къ концу приводи... Буди Богу благодаренъ, ни о чесомъ на Бога не возропщи, и тако живя, и во крестьянствѣ спасешися». Также Посошковъ внушаетъ крестьянамъ честность и правду въ отношеніи къ помѣщикамъ, какъ первый шагъ къ установленію болѣе правильныхъ отношеній между тѣми и другими. Въ противовѣсъ народному невѣжеству, суевѣріямъ и религіозной холодности, Посошковъ побуждаетъ крестьянина къ неуклонному исполненію религіозныхъ обязанностей, повторяетъ свою завѣтную мысль о распространеніи грамотности въ крестьянскомъ быту, предлагая слишкомъ смѣлое и преждевременное наставленіе тогдашнему крестьянину: «въ день праздничный книги читай или что пиши о пользѣ душевной». Посошковъ предостерегаетъ крестьянина отъ «обычныхъ у работныхъ людей» пороковъ: «въ пьянство, въ зернь и въ картежь не вдавайся, во время работы скверноглаголанія, празднословія и кощунства, не твори, ворожбы не касайся, въ примѣты не вѣрь и пр. Съ особенною настойчивостію Посошковъ вооружается противъ недобросовѣстности и всякой житейской неправды въ средѣ трудящагося люда, энергично повторяя: «надобно всякому человѣку *прямымъ* сыту быти, нужно работать правдою» и т. п. Безусловно требуя отъ сына трудолюбія и добросовѣстности въ работѣ, Посошковъ, кромѣ того, обязываетъ его возможно содѣйствовать насажденію тѣхъ же добродѣтелей и въ его собратіяхъ по положенію. Съ этою цѣлію, онъ рекомендуетъ товарищескіе совѣты, убѣжденія и тому подобныя «тихостныя понужденія».

Подробно говоритъ о крестьянствѣ и Татищевъ. Разсматривая крестьянъ, вопреки Посошкому, какъ свою помѣщичью собственность, а не какъ владѣніе царственное, собственность государя, Татищевъ повторяетъ тѣ же правила въ отношеніи къ крестьянамъ, какъ и Посошковъ, съ тою только разницею, что онъ не останавливается особенно на потребностяхъ нравственныхъ и вообще духовныхъ, и съ наибольшею подробностію говоритъ объ экономическомъ устроеніи крестьянскаго быта. Вслѣдъ за Посошковымъ, и Татищевъ ставитъ въ отношеніи къ крестьянамъ «наи-

вящшимъ пунктомъ — учить грамотѣ и писать», чтобы чрезъ это всякій и земледѣлецъ «позналъ законъ и страхъ Божій, и хотя бы тѣмъ могъ назваться истиннымъ человѣкомъ и различилъ себя отъ скота» (Тат. и его вр. стр. 227). Затѣмъ и Татищевъ требуетъ отъ крестьянъ постояннаго трудолюбія, заботится о бодрой и прилежной работѣ всего сельскаго населенія, «дабы во время работы ни малой лѣности и дальняго покою крестьянамъ происходить не могло, — понеже отъ праздности крестьяне умираютъ: спятъ довольно, ѣдятъ много, а моціону не имѣютъ». Обличая популярныхъ въ крестьянскомъ быту «проклятыхъ обманщиковъ, ворожей, шептуновъ, колдуновъ» и другія порожденія крестьянской темноты и невѣжества, Татищевъ съ особенною энергію нападаетъ на «кабакъ, какъ общее подлымъ людямъ прибѣжище, всякому злодѣянію школу, лучшее пристанище, убѣжище и покровительство» (стр. 232).

Правила, предписанныя Посошковымъ крестьянину, почти въ полномъ составѣ повторяются имъ и человѣку, «вдавшемуся въ рабское житіе» (Зав. от. стр. 178—185). Какъ самое лучшее, надежное средство не погибнуть отъ горечи рабства, не предаваться отчаянію, Посошковъ и здѣсь прежде всего силится примирить раба съ своей долею, внушаетъ непоколебимое упованіе на Бога и вѣру въ Его святой промыслъ. «Аще вдашися какому господину, о злоключеніи своемъ не скорби, — безъ воли бо Божія ничто тебѣ не содѣется, токмо буди ты Божій. Ни о чемъ не печалься, но во всякихъ благихъ и злыхъ случаяхъ живи по Божіей волѣ». Посошковъ преслѣдуетъ и здѣсь, какъ вездѣ, чистоту, искренность отношеній рабовъ къ господамъ. «Почитай господина и служи ему, яко Богу, безъ лѣности, безъ лукавства, всею христіанскою правдою работай, радѣй ему съ истиннымъ усердіемъ». Въ то же время Посошковъ предостерегаетъ отъ пороковъ, распространенныхъ въ рабскомъ житіи: лѣности, сквернословія, воровства, разврата, подробно разсказывая въ назиданіе исторію столкновеній Іосифа въ домѣ Пентефрія. Особенно энергично предостерегаетъ рабовъ отъ пересудовъ и сплетничества, какъ преимущественно распространеннаго и противнаго порока въ нихъ: «аще господинъ твой будетъ пьяница или мотыга, не поноси его; аще безвинно избранитъ и зашибетъ тя, не гнѣвайся на него и не токмо людямъ, но и Богу не жалуйся на него».

Въ «художествѣ» Посошковъ видѣлъ недостатки главнымъ образомъ въ небрежности и недостаточномъ обученіи мастеровъ; поэтому, въ Завѣ-

щанія (стр. 185—189) онъ ставитъ въ обязанность ремесленнику «пещися о тщательномъ, самомъ добромъ и искусномъ мастерствѣ». При этомъ Посошковъ настойчиво внушаетъ своему художнику добросовѣстное отношеніе къ заказщикамъ и ихъ матеріалу: «кому даси слово на срокъ сотворити дѣло, то слово памятуй крѣпко; паче же храни себя, еже-бы отъ врученныхъ вещей не похитити чего, ниже что перемѣнити и примѣсити. Всякое дѣло дѣлай правдиво, безъ всякаго фальшивства» и пр. Особенную осмотрительность Посошковъ внушаетъ оружейному мастеру, такъ какъ въ производствѣ послѣдняго ближе всего можетъ быть замѣшанъ государственный интересъ. Между прочимъ, въ разсужденіи о ремесленникахъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ, Посошкова возмущала, какъ мы видѣли, небрежность иконописцевъ, — и въ Завѣщаніи своемъ онъ не преминулъ обратить нарочное вниманіе на «маляра». «Тщися — говоритъ онъ послѣднему — еже бы не погрѣшить предъ Богомъ въ рисовкѣ и въ изображеніи лица Спасителя» и т. под. Посошковъ предлагаетъ и здѣсь, какъ въ Книгѣ о скудости и богатствѣ, основныя правила иконописи, даже излагаетъ довольно подробно «личную азбуку».

Въ купеческомъ сословіи и торговлѣ, какъ мы видѣли, Посошковъ усмотрѣлъ страшные неправды, обманы, подлоги, вражду, ненависть и пр.; все это Посошковъ хочетъ искоренить въ своемъ идеальномъ представленіи торговаго человѣка (189—192 стр.). «Аще вступиши въ купечество, то въ словѣ будь твердъ, яко камень, — цѣны не измѣняй, расплатою не волочи» и пр. «Паче же богатства и живота люби правду, а неправды не припускай къ себѣ. Вѣсы имѣй правые, вѣрные. Товаровъ своихъ плохихъ не называй добрыми, закрасы въ товарахъ не чини, барыша большаго не моги взять, отъ чужихъ лавокъ не перезывай, своего товару не весьма выхваляй, чужого товару не моги охулить» и пр. «Ни о чесомъ же тако не завѣщаю, яко о любви къ Богу и своей братьи».

Въ солдатскомъ бытіи всѣ недостатки Посошковъ производилъ главнымъ образомъ отъ скудости ихъ содержанія, вслѣдствіе чего «вояки» были не тверды на брани и, по недовольству своею судьбой, часто рѣшались на самоубійство. Поэтому, въ Завѣщаніи (стр. 192—198), Посошковъ старается примирить воина съ своимъ бѣдственнымъ положеніемъ, внушаетъ самоотверженіе въ перенесеніи всѣхъ нуждъ и лишеній на службѣ. «Буди доволенъ своимъ жалованіемъ; аще про-

питатися не можно жалованіемъ, то заведи кое ни есть рукодѣліе, отъ чего бы прибавку въ пищѣ пріобрѣсти, а неправаго дѣла бойся паче огня. Аще скудость хлѣбная случится, то яждь и нечистыхъ скотовъ мясо: въ нуждѣ бываетъ и закону премѣненіе. Солдатствомъ же души своея не погубиши». Посошковъ внушаетъ воину правдивое служеніе государю, храбрость въ войнѣ, точное соблюденіе военной дисциплины, разсчетливось въ стрѣльбѣ, чтобъ и «свинцу не было изъянно»; предостерегаетъ отъ разврата, поставляя неразрывную связь между нравственною чистотой и физическимъ могуществомъ: «чистота паче щита въ бою». Настоятельно внушаетъ Посошковъ кроткое, любовное обращеніе съ простымъ народомъ, потому что «солдаты ничѣмъ тако народу не мерзѣютъ, яко обидою и нахальствомъ своимъ и гордостными поступками». При этомъ Посошковъ, въ качествѣ завлекательнаго примѣра, разсказываетъ про нѣкоего солдата, который, по смиренію своего поведенія, «уподобился курицѣ», а въ бою «столь напоренъ явился, что нарывчивѣе его не было». Самое же величайшее зло, которое можетъ совершить солдатъ, — измѣна, заговоръ: «паче всего блюди себя отъ измѣны, не моги учинити заговора. Аще заговоры имѣти будеши, то будеши ты чорту барабанъ», и пр. Крайне возмущали Посошкова въ военномъ вѣдомствѣ, какъ мы видѣли, насилія офицеровъ и вообще несправедливости военнаго суда; поэтому, въ Завѣщаніи Посошковъ предлагаетъ особое разсужденіе «о офицерствѣ» (стр. 198—204), въ которомъ помѣщены правила, опредѣляющія поведеніе лицъ, начальствующихъ надъ солдатами, и правила надзора и управленія послѣдними. «Самъ никого не обижай, буди милостивъ, взятокъ вельми бойся; буди къ подданнымъ яко отецъ, за злыя же дѣла буди имъ великимъ злодѣемъ: не щадя ихъ наказуй, накрѣпко запрети, чтобъ на квартирахъ стояли смирно» и пр.

Образцовая аккуратность и предусмотрительность Посошкова, его желаніе нарисовать самую подробную картину идеальной постановки жизни, не позволили ему обойти даже нищаго, какъ особый родъ общественнаго состоянія (205—208 стр.). «Аще, сыне мой, нападетъ на тя дряхлость, не возропщи на Бога, но со благодареніемъ возложи на ся суму», т. е. ступай въ нищенское житіе. И Посошковъ своими наставленіями рисуетъ типъ истиннаго нищаго. «Своея и малыя хижины не имѣй, ризу имѣй едину, пѣнязей не накапливай» и пр. Въ то же время Посош-

ковъ желаетъ искоренить тѣ недостатки, которыя компрометировали въ глазахъ его русское нищенство. «Въ прошеніи милостыни не буди докучливъ, милостыни не перехватывай» и пр. Словомъ, вся сущность наставленій сводится къ тому, чтобы нищій былъ «нищь и духомъ», чтобъ «Христовой нищетѣ подражатель былъ».

Послѣдняя глава Завѣщанія отеческаго — «О приказныхъ порядкахъ» (208—246 стр.) — заключаетъ въ себѣ идеалъ подъячаго и направлена къ искорененію тѣхъ вопіющихъ недостатковъ, которыми страдало древнерусское судопроизводство. Такими недостатками были: самоволіе подъячихъ, взяточничество, притѣсненія бѣдныхъ, волокитство въ дѣлахъ и пр. Посошковъ желаетъ совершенно перевоспитать русскаго подъячаго, поэтому и беретъ его съ первыхъ шаговъ служенія, — обращается къ «молодому подъячему» и внушаетъ ему серьезное отношеніе къ своимъ обязанностямъ. Во главѣ всѣхъ правилъ Посошковъ поставляетъ: «живи богоугодно и вышереченнаго завѣщанія не нарушивай». Затѣмъ слѣдуютъ наставленія, касающіяся спеціально жизни и обязанностей приказнаго: «въ дѣлѣ приказномъ буди бодръ, весьма при канцеляріи будь, дома не засыпайся, приходи прежде людей, а выходи послѣди всѣхъ, живмя живи въ канцеляріи» и пр. «Аще братья твоя, подъячіе, пойдутъ гулять и забавляться, ты забавляйся работою и неподвижнымъ сидѣніемъ». Въ отношеніи къ начальникамъ Посошковъ внушаетъ глубочайшее уваженіе и безпрекословную исполнительность. Въ отношеніи къ челобитчикамъ отъ молодаго подъячаго Посошковъ требуетъ постоянства, добросовѣстнаго выполненія касающихся его дѣлъ, напр. срочнаго списыванія нужныхъ бумагъ. «Буде кто тебя подаритъ, чтобы прилежнѣе потрудился, то и сна у себя убавь и тщися, чтобы не туне былъ его подарокъ». Очевидно, Посошковъ, живя во время непроходимаго взяточничества, не могъ даже представить себѣ возможность его совершеннаго искорененія. Старому подъячему, рекомендуя вообще «паче подвигнутися на богоугодныя дѣла», Посошковъ предлагаетъ убѣдительнѣйшія правила, на основаніи Священнаго Писанія, о праведномъ производствѣ дѣлъ, объ осмотрительности въ рѣшеніяхъ, «дабы ни малыя въ нихъ кастери не было». «Господа ради, бѣжи отъ неправды, бойся паче огня ее. За взятки да за поправленіе виновнаго горши всѣхъ мученъ будеши» и пр. Наконецъ, Посошковъ рисуетъ идеалъ самого судіи. «Аще, сыне мой, будеши судіею, то паче можеши угодити Богу, нежели въ иномъ мірскомъ пре-

бываніи. Праведный судъ паче поста и молитвы заслужитъ тебѣ». Судейство представляется Посошкову столь важнымъ и отвѣтственнымъ служеніемъ, что въ разсужденіи должнаго устройства и идеальной постановки судопроизводства Посошковъ даже затрудняется сказать опредѣленное мнѣніе. Прежде всего и болѣе всего онъ заставляетъ судію, будетъ ли онъ «остръ или тупъ, поеменъ или не поеменъ» въ дѣлахъ, неумолчно молить Бога о дарованіи здраваго разсужденія. Съ своей стороны, Посошковъ только «для примѣру» рѣшается предложить «по своему мнѣлію малыя статьи» въ наставленіе судьѣ. Преслѣдуя вездѣ только правду и законность, Посошковъ, съ понятною силою и настойчивостію, требуетъ того и другаго отъ судіи, какъ призваннаго хранителя правды и представителя законности. Онъ старается внушить судьѣ свой взглядъ на преимущественную высоту и нравственную отвѣтственность судейскаго служенія, силится привязать все вниманіе судьи къ своимъ обязанностямъ, расположить его къ строжайшей осмотрительности. «Къ тому судейскому правленію всю свою мысль приложи и ни о домѣ своемъ, ни о женѣ, ни о дѣтяхъ такого попеченія не имѣй, яко о управленіи судейскомъ. Самого себя всего презри, токмо едино твое помышленіе и попеченіе да будетъ о разсужденіи правды съ неправдою, — то тебѣ постъ, то и молитва, еже право и нелицепріятно судити». Сообразно своему религіозному взгляду на судъ, Посошковъ желаетъ и судебное разбирательство построить на началахъ религіи, придать ему характеръ суда Божія. Такъ, онъ рекомендуетъ прежде всего дѣйствовать на религіозныя убѣжденія подсудимыхъ, допрашивать и уговаривать отъ имени Бога: «претите прежде всего судомъ Божіимъ»; потомъ и въ раскрытіи истины въ судныхъ дѣлахъ Посошковъ совѣтуетъ устроивать нѣчто въ родѣ третейскаго суда въ присутствіи Бога. Совѣтуя судьѣ «паче всего приводить всякими образы въ миръ» всѣхъ тяжущихся, «понуждать ихъ великимъ притужаніемъ къ миру», Посошковъ предлагаетъ небезъинтересныя наставленія о томъ, какъ въ преніяхъ судящихся «дощупываться самыя силы», какъ челобитчика «поводить на словахъ, наперeть на него, распросить въ тонкость, въ самую дробь» и т. п. Для аккуратности и безошибочности въ дѣлахъ, Посошковъ рекомендуетъ судьѣ заводить для себя памятныя книжки, въ которыхъ бы выписывать «есенцію дѣла». Въ допросахъ обязываетъ искать правды «безъ всякаго посягательства и безъ понаровки»; бѣдныхъ защищать отъ изобиды сильныхъ соперни-

ковъ; ябедниковъ, «многословіемъ правду заминающихъ», отнюдь не допускать; бояться взятокъ, «понеже мзда и мудрому очи заслѣпляетъ», и пр. Тутъ же Посошковъ предлагаетъ подробныя правила о наказаніяхъ судебныхъ, при чемъ ясно обозначаются его личныя симпатіи. Какъ любитель правды, онъ жестоко караетъ неправду: лжесвидѣтелямъ, напр., назначаетъ смерть или «знакъ», т. е. клеймо на тѣлѣ, или же совершенно беззащитное существованіе, внѣ всякаго законнаго покровительства; между тѣмъ, за правдивое признаніе Посошковъ обѣщаетъ всякое снисхожденіе и милосердіе. Какъ человѣкъ набожный и строгоправославный, Посошковъ особенно суровъ въ отношеніи къ преступникамъ противъ вѣры: повторяя основное положеніе еще Іосифа Волоцкаго, что еретику уже «нѣсть покаянія», Посошковъ и требуетъ примѣнять къ нимъ нещадные застѣнки, пытки, немедленное вершеніе, сожженіе и т. п. [1]).

Русское судопроизводство, и послѣ петровскаго обновленія еще переполненное древнею неправдою, не могло ускользнуть отъ вниманія и Татищева, который, въ своей полной столкновеній и непріятностей жизни, былъ опытно знакомъ съ нимъ — и, не смотря на свое привиллегированное положеніе, на себѣ переиспыталъ всѣ его несовершенства. Сущность всѣхъ разсужденій Татищева объ исправленіи русскаго суда сводится къ тому же итогу, къ которому пришелъ и Посошковъ. Неправда, давившая «маломочныхъ, подлыхъ людишекъ», оказывается, дала себя почувствовать и могущественному дворянину; а потому и изъ подъ пера послѣдняго вылились тѣ же энергичные протесты неправосудію и задушевныя исканія правды, которые переполнили собою всѣ книги мизернаго крестьянина. Наипаче всего прилежи, завѣщаетъ Татищевъ сыну, о правосудіи; не предай немощнаго въ руки сильному; елико возможно прилежи, чтобы ни въ чемъ присягу свою не нарушить, судейской душею не торгуй, хранись предстателей, совѣтниковъ, блюдолизовъ, чтобъ тебя лестно въ напасть неправосудія не привели, и въ выборѣ подчиненныхъ своихъ помощниковъ прежде всего состояніе ихъ совѣсти познавай, и пр. и пр. Словомъ, безусловное соблюденіе правосудія вездѣ и во всемъ, полное предпочтенія общественныхъ интересовъ и законности собственной, личной пользѣ, отреченіе отъ взяточничества, — по мнѣнію Татищева, суть неизбѣжныя условія честной гражданской службы.

[1]) На томъ же настаивалъ и Стефанъ Яворскій. Камень вѣры гл. 12-я.

Мы закончили послѣдовательное обозрѣніе идеаловъ Посошкова, извлекли все наиболѣе существенное въ содержаніи его Завѣщанія отеческаго. Очевидно, идеалы Посошкова многимъ уже отличаются отъ домостроевскихъ; своею духовною стороною, осмысленностію, содержательностію, они возвышаются надъ прежде господствовавшими въ представленіи русскихъ людей идеалами — попреимуществу внѣшняго, механическаго характера. Такимъ образомъ, идеалы Посошкова представляютъ собою уже новую стадію въ развитіи русскаго общества, опредѣляютъ наступленіе иного времени, новой эпохи въ исторіи русской жизни. Разсматриваемые же съ точки зрѣнія новаго времени, опи являются, однако, настолько отсталыми, несовершонными, что далеко еще не принадлежатъ ему и не могутъ вполнѣ характеризовать его. Они все же зиждутся на основахъ и складѣ древней жизни и, не отрѣшаясь отъ нея, только болѣе или менѣе возвышаются надъ нею. Въ нихъ такъ еще много удержано домостроевскаго, соблюдено столько стараго, традиціоннаго, допетровскаго, что въ большей своей части Завѣщаніе отеческое представляется достойнымъ перломъ древне-русской письменности, а самъ авторъ его — законнымъ сыномъ древней Россіи. Какъ въ области теоретическихъ, собственно вѣроисповѣдныхъ воззрѣній Посошкова мы видѣли постоянное смѣшеніе существеннаго съ ничтожнымъ, содержательнаго съ формальнымъ, новую тенденцію все осмыслить, объяснить, съ древне-русскою погонею за обрядомъ; такъ и здѣсь, на практической почвѣ — въ нарисованной картинѣ жизнедѣятельности христіанской, еще очевиднѣе наблюдается то же смѣшеніе новаго съ старымъ, нужнаго съ излишнимъ, отжившимъ, серьезнаго съ мелочнымъ. Для полноты картины приведемъ здѣсь еще нѣсколько образчиковъ такого смѣшенія, ради удобства нами опущенныхъ въ своемъ мѣстѣ. Такъ напр., требуя отъ раба полной почтительности къ господину, Посошковъ чуть ни на самомъ первомъ мѣстѣ повторяетъ домостроевское требованіе: «аще господинъ твой будетъ тебя съ собою кормити, не моги ты прежде его начати что ясти», не моги «лучшіе куски себѣ изъ сосуда избирати» и т. п. Пріучая подъячаго къ аккуратности, на ряду съ служебными обязанностями, ставитъ равносильное требованіе— выбѣгать на встрѣчу судьѣ для того только, чтобъ «недопуская его до крыльца, поклонъ ему достойный отдать», а послѣ обязываетъ «паки проводить его до саней или до коляски». Завѣщая сыну въ свободные часы читать книги, Посошковъ вплетаетъ въ это замѣчательное пред-

писаніе множество требованій относительно процесса чтенія и сбереженія книги, слишкомъ мелочныхъ: «читающе (книгу), не облокотися о ню, никаковыя вещи свѣтскія не полагай на ню, не полагай ю въ штаны, но полагай въ кафтанный карманъ, и то не вельми низокъ бы былъ» и пр. Въ изложеніи правилъ поведенія за столомъ встрѣчаются такія напр. мелочи: «егда начнешь ясти, то не избирай въ сосудѣ лучшихъ кусковъ, да не явишися сластолюбецъ. Обѣдуя въ людяхъ, избирай себѣ куски изъ блюда худшіе, кусковъ отъ дальняго края не взимай, не ускори ясти прежде другихъ; егда случится сладостную ядь ясти, то не удержуй ю въ устѣхъ своихъ, ради устнаго услажденія, да не сотвориши въ себѣ гортанобѣсія», и пр. и пр. Можно бы насчитать въ Завѣщаніи Посошкова и еще цѣлую массу правилъ въ томъ же тонѣ и подобнаго же разбора.

Нельзя конечно, повторимъ и здѣсь, безусловно винить Посошкова за его обрядовое направленіе, за эти чисто формальныя предписанія и ограниченія. Но его уже крайній консерватизмъ въ этомъ отношеніи, стремленіе соблюсти до мелочей всю внѣшнюю обстановку старой жизни, усилія математически опредѣлить границы обряда, все смѣрить, высчитать, безпорядочное смѣшеніе подобныхъ мелочей съ правилами важными и серьозными, наконецъ, его строгая настойчивость въ требованіи выполненія и этихъ мелочей, — все это плохо вяжется съ многими свѣтлыми и возвышенными взглядами, новыми и болѣе или менѣе смѣлыми понятіями Посошкова, все это связываетъ его Завѣщаніе съ Домостроемъ. При правильномъ взглядѣ на вещи, при осмысленіи обряда, послѣдній, однако, и самъ по себѣ сохраняетъ для Посошкова все свое обаяніе, всю свою силу и обязательность. Съ трудомъ мы находимъ только нѣсколько единичныхъ случаевъ, гдѣ Посошковъ согласился поступиться старинными обрядами, пожертвовать ими ради новыхъ условій жизни. И при этомъ въ высшей степени интересными представляются иногда усилія Посошкова помирить разныя требованія, съ одной стороны подчиниться новымъ условіямъ, а съ другой — удержать старинное обрядовое правило. Такъ напримѣръ, парики внушали Посошкову полное отвращеніе, какъ совершенная новость въ туалетѣ русскаго человѣка и новость притомъ предосудительная съ церковно-обрядовой точки зрѣнія. Между тѣмъ, они обязательно были введены «ради офицерскаго украшенія и отмѣны». И вотъ Посошковъ силится найти какой-либо выходъ изъ затрудненія: не

нарушая древняго правила, выполнить новое требованіе; и онъ находитъ обходъ въ томъ, что совѣтуетъ своему сыну, «аще будетъ во офицерствѣ или въ сигклитствѣ», гдѣ «не можно будетъ безъ уборства главу свою имѣти, собственныя своя волосы отростити и тѣми украшатися» (Зав. от. стр. 161). Въ большинствѣ же случаевъ Посошковъ, во имя стараго церковнаго строя древне-русской жизни, рѣшительно вооружается противъ новыхъ обыкновеній, отрицаетъ все носящее характеръ новой свѣтскости. Мы уже отчасти видѣли, съ какимъ упорствомъ Посошковъ возставалъ, напр., противъ париковъ, танцевъ и т. п. «Есть бо нѣцыи изъ нашего праваго христіанства, которые и въ церкви стоятъ въ парукахъ... А паруки горши шапки и шляпы: въ парукахъ волосы собраны отъ мертвыхъ женъ и дѣвицъ, много же и отъ скверныхъ блудницъ, и таковыхъ мертвечинныхъ и нечистыхъ блудницъ волосы православнымъ христіанамъ и внѣ церкви на главы своя возлагати не весьма годствуетъ» и пр. Танцы тоже представляются Посошкову дѣломъ крайне предосудительнымъ и богомерзкимъ, дѣломъ, по его убѣжденію, творимымъ ради угожденія діаволу (Зав. от. стр. 150, 97). Такъ и слышится въ подобныхъ внушеніяхъ Посошкова голосъ древнѣйшаго русскаго начетчика-аскета, съ тою только несущественною разницею, что послѣдній и выражался еще гораздо опредѣленнѣе. Невольно просятся на сравненіе запрещенія Посошкова съ рѣчами нашихъ древнихъ сборниковъ: «идѣ же сопѣли и гусли, и пѣсни сатанинскія», гласитъ напр. одинъ изъ таковыхъ, «ту бѣсове собираются, ту омраченіе души и пагуба... плесаніе всѣхъ играній проклятѣе есть: многовертимое плесаніе отлучаетъ человѣка отъ Бога и во дно ада ведетъ плясущихъ» [1]) и пр. и пр. — Словомъ, какъ догматическія, религіозныя воззрѣнія Посошкова, мы видѣли, изобличаютъ въ немъ человѣка не установившагося, человѣка тронутаго новымъ временемъ, но еще не очищеннаго вполнѣ; такъ и жизненные идеалы его, не принадлежа безусловно ни старому, ни новому періоду, характеризуютъ во всѣхъ подробностяхъ переходное время, историческій моментъ выхода Россіи изъ ея замкнутаго существованія и исключительно церковно-обрядоваго склада жизни къ жизни сознательной, цивилизованной, къ жизни, какъ опредѣляетъ ее Посошковъ, свѣтской.

---

[1]) Измарагдъ, ркп. Соловецкой библ. № 270 л. 9 об. и 19 об.

Взглядъ Посошкова на духовенство. — Мысли Посошкова о воспитаніи и о женщинѣ.

Въ своемъ Завѣщаніи отеческомъ Посошковъ перебралъ всѣ общественныя сословія, разсмотрѣлъ всѣ общественныя состоянія, онъ не забылъ нарисовать идеальныя черты даже нищаго. И въ такой-то въ высшей степени подробной и предусмотрительной картинѣ жизнедѣятельности христіанской тѣмъ съ большею очевидностію обозначается существенный и слишкомъ явный пробѣлъ: мы не находимъ здѣсь никакого особаго разсужденія о духовенствѣ. Трудно повѣрить, чтобы этотъ ревнитель православія и благоговѣйный чтитель духовнаго чина опустилъ безъ вниманія именно это сословіе «друговъ и наперсниковъ Божіихъ, у престола Его и нынѣ съ плотію стоящихъ». Такая несообразность уже сама по себѣ даетъ намъ право съ вѣроятностію предполагать существованіе другой, распространенной редакціи Завѣщанія отеческаго, съ особою главою о духовенствѣ; а свидѣтельства самого Посошкова въ другихъ его сочиненіяхъ возводятъ эту вѣроятность на степень несомнѣнной истины. Въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи — Книгѣ о скудности и богатствѣ — Посошковъ, разсуждая объ обязанностяхъ духовенства и о должномъ прохожденіи пресвитерскаго служенія, между прочимъ, говоритъ: «аще книга отеческаго завѣщанія принята и печатана будетъ, то надлежитъ готовящемуся во пресвитерство ее читать, понеже тамо положено, какъ пресвитеру духовенство свое вести и како монаху жить и какъ, въ архимандритахъ будучи, братію пасти, какъ себя вести и что подобаетъ архіерею творити» и пр. Далѣе Посошковъ говоритъ также: «я сына своего поостерегъ, написалъ ему въ томъ же завѣщаніи», какъ испытывать ставлениковъ, «аще случится ему быть во архіерействѣ. Въ томъ моемъ завѣщаніи написахъ всякое пресвитерское дѣло, какъ что ему управляти» и пр. (Соч. Пос. т. I, стр. 18—20). Во всякомъ случаѣ, мелкіе отрывки и выраженія, касательно духовенства, разсѣянные, такъ сказать, между строкъ и во всѣхъ главахъ

Завѣщанія, Посошковъ не могъ же считать обстоятельнымъ описаніемъ «всякаго пресвитерскаго дѣла». Нѣтъ сомнѣнія, что въ Завѣщаніи дѣйствительно представлено было Посошковымъ особое подробное описаніе пастырскихъ обязанностей; существовала, слѣдовательно, полная редакція Завѣщанія, намъ не сохранившаяся, съ главою о духовенствѣ [1]). Нельзя особенно не пожалѣть объ утратѣ именно этой главы, которая для насъ обѣщала наибольшій интересъ, сообразно важности и нѣкоторой исключительности самаго ея предмета. Сдѣлаемъ, однако, попытку, при помощи имѣющихся, хотя и отрывочныхъ, данныхъ, воспроизвести взглядъ Посошкова на духовенство, на основаніи болѣе или менѣе бѣглыхъ замѣчаній Завѣщанія и другихъ сочиненій Посошкова о духовенствѣ, — возстановить идеалъ Посошковскаго пастыря. Между прочимъ, въ полной редакціи Зерцала очевиднаго мы находимъ особую большую главу «О пресвитерахъ и о власти, данной имъ отъ Бога». Глава эта, написанная въ полемическомъ тонѣ, съ цѣлію оправдать православный догматъ священства отъ заблужденій безпоповщинской секты, въ то же время представляетъ собою довольно подробное раскрытіе православнаго ученія о сущности и важности служенія пастырскаго вообще. Изъ нея, поэтому, можно не мало извлечь и общихъ положеній, пригодныхъ нашей цѣли.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ Посошковъ обнаруживается истымъ представителемъ окрѣпшаго въ древней Россіи уваженія къ духовенству,

---

1) Быть можетъ потеря главы о духовенствѣ зависѣла отъ переписчика, заблагоразсудившаго почему либо выпустить ее въ своемъ спискѣ, который и сохранился намъ. Но всего вѣроятнѣе, это былъ одинъ изъ фоліантовъ Завѣщанія, принадлежащій перу самого Посошкова, который часто переписывалъ свои сочиненія, притомъ иногда измѣняя и самый составъ ихъ. Такъ, по его собственному признанію, онъ переписывалъ нѣсколько разъ Книгу о скудости и богатствѣ. Тоже было и съ Зерцаломъ, которое Посошковъ переписывалъ нѣсколько разъ и въ различномъ объемѣ. Изслѣдователи сочиненій Посошкова оспаривали другъ друга въ вопросѣ о времени написанія Зерцала: Погодинъ указалъ на 1708 г., Брикнеръ — на 1706; съ своей стороны, и мы имѣемъ несомнѣнное доказательство въ пользу написанія его въ болѣе позднюю пору, по крайней мѣрѣ неранѣе 1712 г., потому что въ нашей рукописи Посошковъ пишетъ: «въ прошломъ 711 году»... (л. 190). Дѣло объясняется, кажется, очень просто: Посошковъ неоднократно переписывалъ Зерцало, допуская измѣненія и въ составѣ его содержанія. Тоже въ данномъ случаѣ имѣемъ полное право предполагать и относительно Завѣщанія

является искреннимъ чтителемъ духовнаго чина, отзывается о немъ съ глубочайшимъ уваженіемъ и искреннимъ благоговѣніемъ. По его мнѣнію, это—должны быть самые просвѣщенные, самые возвышенные представители человѣчества въ его настоящемъ положеніи, которые особенно велики силою божественной благодати и нравственнаго полномочія, сообщаемыхъ имъ въ посвященіи,—своею близостію къ Богу, поддерживаемою постояннымъ предстояніемъ престолу Вышняго въ богослуженіи. Словомъ, это — посредники между Богомъ и человѣкомъ, посредствующая ступень, связующая два міра, неизбѣжные проводники всякаго православнаго христіанина отъ жизни земной въ обѣтованное царство благодати. Само собою разумѣется, что всѣ другія сословія казались Посошкову ничтожными въ сравненіи съ такимъ высокимъ, святымъ служеніемъ, какъ пастырство, а потому и весьма послѣдовательно онъ поступилъ, поставивъ всѣ безъ исключенія человѣческія обязанности и сословія въ соподчиненное положеніе къ служенію духовенства. «Нѣсть на свѣтѣ величайши чина священническаго, понеже образъ Христовъ въ себѣ имутъ, и Самъ Богъ его возвеличи и власть имъ дарова тую-жъ, кую Самъ имяше, рече-бо: имъ же грѣхи отпустите...». — такъ начинаетъ Посошковъ въ Зерцалѣ главу о пресвитерахъ (л. 51 об.). То же многократно повторяетъ онъ и въ другихъ мѣстахъ: «священство — столпъ и утвержденіе человѣческому спасенію; безъ него никаковыми мѣрами до царства небеснаго человѣку дойти невозможно. Всю власть нашего спасенія Господь вручилъ пастырямъ нашимъ и ключи Царства небеснаго имъ же вручилъ» (I, 3, Зав. от. 66 стр.). Такимъ образомъ, Самъ «Богъ почтилъ ихъ высокою, неудобоизмѣримую честію. Всѣ мірстіи сановники предъ пресвитеры низки суть» и пр. Поэтому, первая обязанность каждаго вѣрующаго почитать и уважать своихъ пастырей, «яко апостоловъ Христовыхъ». «Веліею честію подобаетъ священниковъ чтити, отъ мірскихъ чиноначальниковъ отмѣнною, паче роднаго отца: яко бо душа честнѣе плоти, такъ и отецъ духовный плотскаго честнѣе» и пр. [1]) Также и въ житейскихъ столкновеніяхъ, — не моги, напримѣръ повторяетъ Посошковъ домостроевское правило, сѣсти выше пресвитера или діакона, питай ихъ пищею лучшею, въ церкви съ почтеніемъ ста-

1) Взглядъ чисто святоотеческій и составился у Посошкова подъ несомнѣннымъ вліяніемъ отеческихъ твореній.

новись позади ихъ, совершающему же богослуженіе пресвитеру творя поклонъ какъ образу Божію и пр. (Зав. от. 62, 78, 107, 129). Съ почтеніемъ должно соединяться полное повиновеніе, послушаніе пресвитеру: «повинуйся предъ нимъ яко рабъ и прекословенъ предъ нимъ не буди, во всемъ предъ нимъ рабствуй. Подобаетъ ихъ почитати и во всемъ услуговати, всегда быть имъ рабами. И ты, чадо мое», обращается Посошковъ къ сыну, «яко Божія, тако и отца духовнаго заповѣданія держи» (Зерц. оч. л. 64 об.; Зав. от. стр. 65...). Изъ уваженія къ духовенству, міряне должны воздерживаться отъ всякихъ осужденій и нареканій на духовенство, — эту мысль Посошковъ настоятельно проводитъ въ полемикѣ съ раскольниками. «Страшно есть на освященый чинъ посягати и ихъ порицати, понеже они вѣстницы Бога и все наше спасеніе заключи Богъ во устѣхъ ихъ. Не наше дѣло пресвитеровъ судити, — есть у нихъ Судія» и пр. (Зерц. оч. л. 54, 57 и др.).

Таковъ взглядъ Посошкова на духовенство и таковы должны быть, по его мнѣнію, отношенія пасомыхъ къ пастырямъ. Взглядъ, опять повторимъ, чисто древне-русскій, высказанный, какъ мы отчасти и видѣли, въ другихъ завѣщаніяхъ [1]), воспитанный историческою жизнію Россіи и громадною ролью, которую искони играло въ общественной жизни русское духовенство. Но принимая во вниманіе все сказанное Посошковымъ о духовенствѣ, нельзя не замѣтить и въ этомъ случаѣ существенной разницы его̀ Завѣщанія сравнительно съ прежними. Именно, проповѣдуя, вслѣдъ за другими, полную неприкосновенность пресвитерскаго чина, онъ первый же въ нѣкоторомъ отношеніи нарушаетъ это правило и, вопреки своимъ предшественникамъ, дерзаетъ изобличать невѣжество и нравственные недостатки въ современномъ ему духовенствѣ (напр. Соч. Пос. I, 3, 9, 10, 308 и др.) Не говоря пока о нравственномъ значеніи этого поступка, замѣтимъ, что упреки, высказанные Посошковымъ духовенству, были вполнѣ основательны, справедливы: духовенство, въ тогдашнемъ его состояніи, дѣйствительно, могло возбудить и возбуждало только соблазнъ въ народѣ, ставило въ опасность православіе. Рѣзкая сатира была необходима и въ высшей степени полезна. И вотъ, простой міранинъ, воспитанный на Домостроѣ, своимъ словомъ обличенія, первый рѣшается переступить тотъ волшебный кругъ, въ которомъ издавна русское духо-

[1]) Напр. Духовная Вл. Мон. стр. 18; Домострой стр. 6, 5, 20, 115.

венство изолировано было отъ всякихъ, со стороны благочестивыхъ сынов Домостроя, упрековъ[1]). Какъ бы то ни было, во всякомъ разѣ, это новый шагъ, шагъ къ лучшему, шагъ впередъ. А что видимое несогласіе Посошкова съ собою не есть дѣйствительное противорѣчіе, это видно изъ того, что онъ вездѣ и всегда отдѣлялъ самое служеніе пастырское отъ его исполнителей, которые, по въ высшей степени разумному мнѣнію Посошкова, «какъ люди», никогда не были застрахованы отъ пороковъ и недостатковъ, и съ этой стороны могутъ всегда заслуживать укора, при совершеннѣйшей чистотѣ и святости живущаго въ нихъ дара. Посошковъ прямо даже обличаетъ тѣхъ, которые въ своемъ представленіи сливаютъ то и другое до нераздѣльности, которые, поэтому, вообще «священный чинъ снижаютъ за убожество и безкнижество духовныхъ: то они» — говоритъ Посошковъ о такихъ лицахъ — «отъ незнанія своего ихъ священнической чести и отъ безумія своего чинятъ» (Зав. от. 63 стр.). На основаніи этого разграниченія, Посошковъ и требуетъ вездѣ почета и уваженія пресвитеру не какъ человѣку, а главнымъ образомъ, если не исключительно, какъ пресвитеру, какъ носителю преимущественныхъ благодатныхъ дарованій и священныхъ полномочій. «Аще кій пресвитеръ и упіетца, яко простолюдинъ (—это одна сторона), не моги его не почтити, онъ бо есть слуга Бога Вышняго (— это другая сторона, и она требуетъ уваженія): аще онъ и пьянъ, обаче данный ему отъ Бога даръ непьянъ». На всѣхъ пресвитерахъ одинаково «почиваетъ благодать святаго Духа; благословеніемъ ихъ дѣйствуетъ Духъ Святый — како высокоученымъ, тако и неученымъ, яко трезвымъ, тако и пьянымъ» и пр. (Зав. от. 64, 113; Зерц. оч. л. 58). Наконецъ, нужно замѣтить, что и Посошковъ, побуждаемый правдолюбіемъ и искреннимъ желаніемъ добра, рѣшился указать недостатки духовенства съ опасеніемъ, оговорками, «не безъ страха въ сіе дѣло великое вступилъ», по его признанію. «Не постави, Господи Боже, моего словесе во осужденіе, еже дерзнулъ поносительно на пастырей своихъ писати»; и если онъ рѣшился обличать, то «не ради укоризны чина пресвитерскаго, не въ поносъ», а ради пользы, «да негли

---

[1]) При этомъ мы, разумѣется, не беремъ въ разсчетъ Стоглава, въ которомъ недостатки тогдашняго духовенства были признаны и заявлены избранным представителями земли русской, поставленными, такъ сказать, въ юридическую необходимость необинуясь заявить о насущныхъ нуждахъ и недостаткахъ въ государствѣ.

изъ сего моего изъявленія Богъ изроститъ нѣкое исправленіе. Богъ о семъ свидѣтель, что не руганія ради написалъ сія, но ради исправленія» (Соч. Пос. I, стр. 10, 25; Зерц. оч. л. 60).

Гораздо труднѣе, при отсутствіи въ сочиненіяхъ Посошкова непосредственнаго обращенія къ духовенству, опредѣлить взглядъ Посошкова на обязанности самого пастыря. На основаніи нѣкоторыхъ отрывочныхъ замѣтокъ, можно, впрочемъ, отмѣтить только существенныя качества и обязанности, входящія въ идеалъ посошковскаго пастыря. Поставляя нравственное растлѣніе общества и явленіе раскола въ зависимость отъ безпечности и невѣжества духовенства, Посошковъ прежде всего желаетъ надлежащаго воспитанія, подготовленности отъ пастырей[1]) и вмѣняетъ имъ въ обязанность наученіе въ вѣрѣ, нравственное и даже умственное руководство своей паствы. Въ посланіи къ Стефану Яворскому Посошковъ рисуетъ жалкое положеніе русскаго народа, оставленнаго безъ всякихъ просвѣтительныхъ средствъ, лишеннаго «отъ настоятелей своихъ всякаго исправленія духовнаго и ученія духовности, потому что и сами они ничего не разумѣютъ». «Вашей святости», обращается Посошковъ съ просьбою къ названному святителю, «вельми нужно потщатися, дабы намъ дать знать, какъ намъ духовное благочиніе управлять, какъ намъ Бога знать, какъ иконы почитать, какъ душеполезно жить. Я мню, что и на Москвѣ развѣ сотый человѣкъ знаетъ, что̀ есть вѣра, кто есть Богъ». Говоря далѣе объ изданіи новаго требника, Посошковъ совѣтуетъ «вмѣстить» въ него особыя статьи въ руководство пастырю при исповѣданіи пасомыхъ и вообще при «наученіи и нравоученіи». «Пастыремъ бо надобно о паствѣ пещись, дабы всѣ праведно жили». И не только самихъ пасомыхъ учить вѣрѣ, а увѣщавать ихъ, чтобъ они «и дѣтей своихъ юныхъ всякому благонравію научали, во страсѣ Божіи возращали» (т. I, стр. 308..., 22). Очевидно, всѣ высказанныя требованія отъ духовенства соединяются въ одну пастырскую обязанность проповѣди, и Посошковъ высказываетъ свой слишкомъ высокій взглядъ на важность и необходимость этого средства христіанскаго просвѣщенія. Напримѣръ, онъ завѣщаетъ своему сыну: «егда пресвитеръ начнетъ читати поученіе, то паче молитвы своея внемли читаемымъ глаголамъ и памятуй незабытно; аще

---

1) Въ Книгѣ о скудости и богатствѣ, какъ мы видѣли, Посошковъ предлагаетъ подробную программу воспитанія и испытанія кандидатовъ священства.

и вся Писанія вѣдаеши и законъ христіанскій добрѣ разумѣеши, не отвращайся отъ поученія» и пр. (Зав. от. 134 стр.). — Наконецъ, находимъ у Посошкова правила касательно внѣшняго благоповеденія и приличія духовныхъ. «Пресвитеру подобаетъ быть всегда трезву и слово имѣть ко всякому человѣку умилительное, взоръ кроткій, ступаніе ногъ тихое... Священному чину подобаетъ имѣть чистоту во всемъ, яко въ тѣлѣ, тако и въ душѣ, подобно и въ одеждѣ, и во всякомъ своемъ житейскомъ исправленіи, чтобы житіемъ и одеждою были отмѣнны отъ простолюдиновъ: шапка была бы съ бобромъ, сапоги низкіе, лаптей бы не носили» и пр. (т. I, 30, 31; Пр. о школахъ л. 6). Безъ сомнѣнія, слишкомъ высокъ былъ этотъ идеалъ пастыря для своего времени, когда ни въ чемъ безъ исключенія «попы неотмѣнны были отъ простыхъ мужиковъ», когда, при полнѣйшемъ невѣжествѣ и нравственной бѣдности, духовные и по внѣшнему виду своему способны были возбуждать только отвращеніе къ себѣ, потому что не только по улицамъ ходили, а и у престола Божія стояли «въ гнусныхъ, раздранныхъ кафтанахъ и въ лаптяхъ, растоптанныхъ и въ калѣ обваленныхъ».

Въ своемъ рѣшеніи критически отнестись къ современному духовенству и откровенно заявить объ его вопіющихъ недостаткахъ, Посошковъ является человѣкомъ уже новаго времени, положившимъ, притомъ, начало обличительному направленію на недостатки церковной жизни и въ свѣтской литературѣ. Часто и скоро послѣ Посошкова стали повторяться жалобы на недостатки духовенства въ новой русской литературѣ. Ломоносовъ, при своемъ высокомъ взглядѣ на пастырское служеніе въ принципѣ, какъ на существенное условіе «благосостоянія и возвышенія народнаго», свидѣтельствовалъ однако, что «у насъ попы первые пьяницы», что «грамотѣ многіе изъ нихъ столько же знаютъ, сколько батракъ или коровница» у нѣмцевъ. Вообще Ломоносовъ слишкомъ презрительно относился къ современному духовенству и часто незаслуженно оскорблялъ его. Напр., въ обычаѣ крестить дѣтей въ холодной водѣ онъ усматривалъ низкое корыстолюбіе поповъ, которые «желаютъ послѣ родинъ, крестинъ, вскорѣ и похоронъ» [1]). Въ письмѣ «О пользѣ стекла» Ломоносовъ сравниваетъ упорство русскаго духовенства съ обскурантною дѣятельностію языческихъ жрецовъ, «боявшихся, какъ бы при распространеніи просвѣ-

[1]) Записки «О сохр. и размнож. россійскаго народа».

щенія не обнаружилось, что агнцевъ и воловъ жрецы ѣдятъ напрасно». Въ «гимнѣ бородѣ» Ломоносовъ также рѣзко осмѣиваетъ нашихъ «жрецовъ», которые, наряду со всѣми защитниками ложныхъ мнѣній, прикрываютъ свое полнѣйшее невѣжество бородою[1]) и пр. Кантемиръ также постоянно глумится надъ всѣмъ духовнымъ сословіемъ, не разбирая, насколько оно виновно въ своемъ невѣжествѣ. Обвиняя духовенство въ низкомъ своекорыстіи, почитая его распространителемъ суевѣрій въ народѣ (напр. въ сатирѣ «на стояніе свѣта сего»), Кантемиръ никогда не упускаетъ случая посмѣяться надъ пьянымъ попомъ, невѣжественнымъ церковникомъ, безмозглымъ чернецомъ и т. п. Татищевъ, въ Духовной своей, обращая вниманіе сына, какъ помѣщика, на духовенство, какъ средство къ «благоденственному и мирному житію» и избѣжанію злодѣяній въ жизни крестьянъ, въ то же время яркими красками дополняетъ картину неудовлетворительности современнаго духовенства, состоящаго изъ «невѣждъ, лѣнивыхъ, неученыхъ, пьяницъ», которые съ крестьянами братались, имъ мирволили, а объ своихъ обязанностяхъ ни мало не заботились (Тат. и его вр. 227 стр.).

Въ своихъ запросахъ отъ духовенства образованности, просвѣщенія, въ своихъ настойчивыхъ требованіяхъ отъ священниковъ неуклоннаго, ревностнаго исполненія пастырской обязанности учительства, Посошковъ является сознательнымъ, убѣжденнымъ сторонникомъ тѣхъ просвѣтительныхъ идей, которыя легли въ основу всѣхъ мѣропріятій Петра В. относительно духовенства и которыя слышались отъ всѣхъ передовыхъ людей новаго времени. Ломоносовъ, напр., тоже, не ограничивая обязанностей духовенства одною молитвою, поставлялъ имъ требованіе «обучать страху Божію и честнымъ нравамъ». «Главное дѣло», говорилъ онъ, «въ томъ состоитъ, что вездѣ, гдѣ только есть церковь, должны попы и причетники учить грамотѣ»[2]) и пр. Татищевъ внушалъ также своему сыну особенную заботливость найти «попа ученаго, который бы своимъ поученіемъ и предикою къ совершенной добродѣтели крестьянъ велъ». Нельзя при этомъ не замѣтить, что Татищевъ, какъ и Посошковъ, въ своихъ разсужденіяхъ о духовенствѣ посмотрѣлъ на дѣло гораздо серьезнѣе, глубже, нежели Ломоносовъ, а тѣмъ болѣе Кантемиръ. Отмѣчая недостатки въ положеніи тогдашняго духовенства, Татищевъ указалъ и

[1]) Библіогр. зап. 1859 г. стр. 461.
[2]) Лѣтоп. рус. литер. Тихонравова т. IV, стр. 197.

причины неудовлетворительности этого положенія; заявляя справедливыя требованія отъ духовенства, онъ въ то же время озаботился порекомендовать и нѣкоторыя практическія мѣры къ возвышенію самого духовенства, къ возстановленію его нравственнаго авторитета. Совершенно согласно съ Посошковымъ, и Татищевъ усматривалъ причину упадка духовенства въ его крайней бѣдности, матеріальной необезпеченности, въ его вынужденной привязанности къ пашнѣ и сѣнокосу. Поэтому, Татищевъ ставитъ первымъ условіемъ возвышенія и облагороженія духовенства освобожденіе его отъ «крайней въ деньгахъ нужды», обезпеченіе его «безбѣднымъ денежнымъ пропитаніемъ». Желая съ поднятіемъ умственнаго и нравственнаго уровня въ духовенствѣ возстановить и внѣшнее благоприличіе въ послѣднемъ, Татищевъ требовалъ совершеннаго удаленія духовенства отъ черной работы, «что ихъ сану совсѣмъ неприлично» и чтобы «навозомъ отъ нихъ не пахло» (стр. 226).

Въ заключеніе нашего разбора сочиненій Посошкова вообще и знакомства съ идеальными его возрѣніями въ частности, считаемъ нужнымъ остановиться на особенно замѣчательныхъ, по своей гуманности, разумности и новизнѣ, мысляхъ Посошкова о воспитаніи и о женщинѣ. Такіе вопросы, какъ о воспитаніи и о женщинѣ, въ исторической жизни народа, съ точки зрѣнія соціологіи, признаются вопросами первой величины. По крайней мѣрѣ признано за несомнѣнный фактъ, что первоначальное воспитаніе и вліяніе женщины имѣютъ громадное значеніе въ жизни народа, служатъ однимъ изъ главныхъ факторовъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ слагается тотъ или другой нравственный типъ народа, его характерныя черты и особенности. Въ высшей степени неудовлетворительная постановка воспитанія и положенія женщины въ древней Россіи, безъ сомнѣнія, оказала свое сильнѣйшее вліяніе въ упорномъ, продолжительномъ невѣжествѣ народа, въ его нравственной несостоятельности. Посошковъ своими сочиненіями даетъ намъ поводъ обратить вниманіе на состояніе воспитанія и положенія женщины въ до-петровской Россіи. Историческая цѣнность мыслей Посошкова въ данномъ случаѣ обусловливается уже важностію предмета; сочиненія его, разсматриваемыя съ этой стороны и въ связи съ другими памятниками древне-русской письменности и историческими обстоятельствами, представляютъ любопытнѣйшую

картину постепеннаго развитія сознанія въ русскомъ обществѣ, — постепенное освобожденіе отъ узкости взглядовъ старины и приближеніе къ гуманнымъ идеаламъ новаго времени.

Русскій человѣкъ, взятый въ первобытную эпоху его историческаго существованія, повидимому, не имѣлъ совершенно и понятія объ искуствѣ воспитанія и обученія; оно отождествлялось съ обязанностію родителей выкармливать дѣтей и совершенно сливалось и исчерпывалось обязанностію выкармливать именно христіанъ. Такой высоко-гуманный для своего времени человѣкъ, какъ князь Владиміръ Мономахъ, рисуя программу жизни для своихъ дѣтей, кромѣ общихъ нравственныхъ наставленій и одиноко стоящаго выраженія: «чего не знаете, тому учитесь; отецъ мой умѣлъ говорить на пяти языкахъ: въ томъ честь отъ чужихъ» (Духовная стр. 26), ничего не говоритъ такого, что мы привыкли соединять съ понятіями воспитанія, обученія. Въ Домостроѣ мы находимъ уже спеціальныя разсужденія — «како дѣтей своихъ воспитати, како дѣти учити» (главы XV и XVII). Но и тутъ исключительно говорится только объ ученіи страху Божію, вѣжеству, благочинію, рукодѣлію и о средствахъ къ достиженію этой цѣли, т. е. о «неослабномъ, учащенномъ» практикованіи жезла, ранъ, казненія, реброкрушенія и т. п. При такомъ отсутствіи въ идеалахъ передовыхъ людей даже мысли о нуждѣ научнаго образованія и систематически-правильнаго воспитанія, напрасно бы мы стали искать его въ жизни. «Царевичей учатъ грамотѣ и писать, а инымъ языкамъ, кромѣ русскаго, наученія въ Россіи не бываетъ... Въ думѣ бояре молчатъ, брады уставя, потому и грамотѣ не учены... Въ своемъ государствѣ русскіе люди наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ, въ иныя же государства для науки дѣтей своихъ не посылаютъ», — такъ рѣзко, но справедливо отозвался о состояніи русскаго просвѣщенія Котошихинъ (о Россіи... стр. 14, 19, 41). Великій русскій политикъ Крижаничъ также сѣтовалъ на «неумѣтельность» ни къ чему русскаго народа, «потому — объясняетъ онъ это явленіе — тупы разумы, коимъ треба есть бруса и поостренія, т. е. поученія, ибо и аритметикѣ ся не учатъ наши люди. По правдѣ Руссы должны себя звать варварами, потому что не желаютъ наукъ, остаютъ въ незнаніи, простотѣ, грубости» (Рус. госуд. I, 13, 42, 120, 159). Но напрасно этотъ свѣжій, образованный человѣкъ взывалъ къ русскому народу: «треба намъ учитися, треба добывать мудрости, треба учиться языка

греческаго, латинскаго, философіи, политики, численьницы, звѣздочетья» (I, 108, 110, 321; II, 176 и др.): само правительство стояло на запрещеніи перенимать какіе бы то ни было заморскіе извычаи.

Совершенно другой оборотъ получаетъ вопросъ о воспитаніи при Петрѣ. Великій преобразователь русскаго царства прежде всего обратилъ вниманіе на воспитаніе и далъ первый толчекъ долго потомъ занимавшимъ русскую мысль педагогическимъ идеямъ. Преслѣдуя завѣтную свою цѣль — создать политическое могущественное тѣло Россіи, и сознавая полнѣйшее, всестороннее превосходство своихъ внѣшнихъ враговъ, достигнутое путемъ просвѣщенія, Петръ настойчиво и поспѣшно началъ цивилизовать Россію. Утилитарная цѣль, естественно, сообщила таковой же характеръ всему образованію: наука цѣнилась настолько, насколько она приносила прямую пользу, насколько она дѣлала искуснаго воина, хорошаго моряка, годнаго писца и т. п. Но народъ болѣе чѣмъ прежде сталъ сторониться науки; не съ подозрѣніемъ только, а въ большей своей части съ прямымъ уже презрѣніемъ посмотрѣлъ на нее. Не понимая вполнѣ намѣреній преобразователя, простой народъ имѣлъ и нѣкоторыя дѣйствительныя причины отвернуться отъ этого односторонняго образованія, вызваннаго цѣлями государственными, часто не совпадавшими съ видимымъ благомъ народа и выгодами различныхъ сословій. Наиболѣе основательнымъ побужденіемъ уклоняться отъ заморской науки послужили учителя-иностранцы, — это, только необходимостію вызванное и вслѣдствіе рѣшительнаго отсутствія въ Россіи способныхъ, подготовленныхъ людей допущенное, самое темное пятно петровскаго образованія. Не пользуясь до Петра благосклоннымъ пріемомъ на Руси, гдѣ сомнѣвались въ универсальныхъ ихъ способностяхъ и по своему расправлялись за шарлатанство, иностранцы теперь толпами бросились въ Россію на призывъ Петра. Искатели приключеній спѣшили воспользоваться трудами и глупостію русскаго народа, являлись въ качествѣ хозяевъ къ темнымъ работникамъ. При помощи всяческихъ средствъ, забравъ въ свои руки видныя мѣста и монополіи, иностранцы систематически грабили народъ, сдѣлались самыми жестокими бичами русской самостоятельности, свободы и независимости [1]). Все русское они старались клеймить именемъ варвар-

---

[1]) Столкновенія Ломоносова съ академиками служатъ яснымъ тому доказательствомъ.

ства, потому что чрезъ это пріобрѣтали вѣсъ и кредитъ они сами, выигрывали право на степень нашихъ учителей, руководителей. Отталкивая отъ себя народъ своимъ высомѣріемъ, иноземные учители въ то же время владѣли слишкомъ ограниченными образовательными средствами. При усилившейся страсти щеголять пустотой легкаго, поверхностнаго образованія, у насъ явились цѣлыя полчища такъ справедливо осмѣянныхъ Фонвизинымъ вральмановъ-учителей и гувернеровъ-лакеевъ, портныхъ и т. п. Такіе педагоги, естественно, могли только уродовать, а не образовывать [1]). Все это, въ связи съ религіозною особенностію, возбудило въ русскомъ человѣкѣ рѣшительное отвращеніе къ иностранцамъ-учителямъ. И совершенно понятными представляются отзывы простыхъ русскихъ людей о вредѣ заморскаго ученія, объ иноземцахъ, какъ отступникахъ отъ вѣры и добрыхъ дѣлъ, какъ развратникахъ истины. Народъ отвергалъ отъ себя эту чуждую науку; онъ съ несравненно большею охотою велъ своихъ дѣтей къ грамотникамъ, начетчикамъ и мастерамъ, отдавалъ ихъ «въ науку» читать по Часослову и Псалтыри. Тутъ русскій человѣкъ не ждалъ отъ сына какихъ нибудь практическихъ познаній, но увѣренъ былъ по крайней мѣрѣ, что душа его не будетъ извращена, онъ останется въ той же общинѣ, въ которой выросъ, не станетъ презирать священныя права народа и глумиться надъ всѣмъ русскимъ, — а это были самыя явныя и слишкомъ обыкновенныя на первыхъ порахъ слѣдствія заморскаго образованія.

Воспитанникъ Домостроя и исконный патріотъ, Посошковъ не могъ, разумѣется, освободиться отъ домостройныхъ, древне-русскихъ началъ и взглядовъ на воспитаніе; съ другой стороны, онъ не могъ безусловно довѣриться новому образованію, убѣдиться въ непогрѣшимости иноземной цивилизаціи. Со свойственнымъ ему благоразуміемъ, тактичностію, По-

---

1) Въ самомъ дѣлѣ, чему напр. можно было научиться у нѣкоего Глюка, судя по его программѣ, или «приглашенію къ россійскимъ юношамъ, аки мягкой и всякому изображенію угодной глинѣ»? (Наука и Литер. при Петрѣ. Пекарскій стр. 129—131). Болотовъ жаловался на «бѣдное и весьма-весьма недостаточное» ученіе у французовъ-учителей, которые, если что и знали, то «не умѣли по русски ничего растолковать», большею же частію «не учили, а мучили дѣтей, сущими пустяками и бездѣлицами время проводя» (Мемуары. От. Зап. 1850 г. кн. 5, стр. 31). Извѣстная княгиня уже екатерининскаго времени — Дашкова жаловалась на пустоту заморскаго ученія, такъ какъ «для наученія разума ничего не дѣлали». (Записки кн. Дашковой. Москвит. 1841 г. № 1, стр. 100).

сошкомъ и въ данномъ случаѣ усвоилъ лучшія стороны древне-русскаго и новаго научнаго воспитанія, отвергая крайности и злоупотребленія того и другаго, явился, такимъ образомъ, представителемъ средняго, возможно-лучшаго направленія въ современной педагогіи. Въ его педагогическихъ идеалахъ мы находимъ слишкомъ много домостроевскаго, но за то, съ другой стороны, находимъ и слишкомъ много новаго, чуждаго Домострою. Первое и самое существенное, что Посошковъ постарался усвоить и удержать изъ древне-русскаго воспитанія, — это, дѣйствительно, высоко-прекрасное свойство послѣдняго: его строго-религіозный характеръ [1]). Все воспитаніе и образованіе человѣка, съ первыхъ признаковъ пробужденія мыслительности въ ребенкѣ, Посошковъ подчиняетъ контролю религіи и наполняетъ преимущественно религіознымъ содержаніемъ. Сильно вооружаясь противъ исключительной «свѣтскости» нѣмецкаго воспитанія, онъ, въ своемъ стремленіи сохранить вездѣ религіозный характеръ воспитанія, даже въ обученіи искусству говоренія, доходитъ до оригинальности, высказываетъ съ обычною прямотою такія замѣчанія, которыя невольно поражаютъ теперь своею странностію, предлагаетъ наставленія, по своему ригоризму не возвышающіяся надъ Домостроемъ. Довольно подробную програму первоначальнаго воспитанія дѣтей Посошковъ излагаетъ въ Завѣщаніи отеческомъ, и здѣсь-то преимущественно настаиваетъ на участіи въ этомъ дѣлѣ религіознаго элемента. «Духовному чину надлежитъ пещися, дабы отцы и матери дѣтей своихъ учили страху Божію и всякому благонравію». Подъ этимъ верховнымъ надзоромъ церкви, въ лицѣ духовенства, въ воспитаніи должно соблюдать извѣстныя предосторожности и правила. Сущность всѣхъ этихъ правилъ сводится къ тому, чтобы съ самаго неразумнаго дѣтства жизнь христіанина получала религіозное направленіе и построялась въ строго-церковномъ духѣ. Еще только «егда чадо начнетъ языкомъ своимъ нѣмотовати», Посошковъ обязываетъ «Божіе имя ему натверживати и страхъ Божій въ него

---

[1]) Религіозный элементъ въ воспитаніи былъ всецѣло удержанъ и Петромъ В. Въ наказѣ воспитателямъ царевича Алексѣя Петровича Петръ въ первой же статьѣ поименовалъ «Законъ Божій», какъ предметъ особенной важности, «понеже истинный страхъ Божій начало есть всея премудрости», и на него велѣно обратить вниманіе «паче всѣхъ вещей при возращеніи царевича». Между прочимъ царевичу предписывалось каждодневное чтеніе св. Писанія. (Дѣян. П. В. Голикова, т. 3-й, стр. 97—106).

вкореняти». «Не учи чада (начинающаго говорить) и тому, еже бы тебя звалъ тятею, а матерь — мамою, но самое ваше начальнѣйшее ученіе да будетъ: Богъ на небѣ — и, руку его взявъ, указуй на небо» и пр. Посошковъ придаетъ такое важное значеніе дѣлу первональнаго воспитанія дитяти и съ такою серьезностію настаиваетъ на необходимости проведенія строжайшихъ религіозно-нравственныхъ началъ въ воспитаніи, что даже напр. въ такомъ, собственно говоря, еще безразличномъ поведеніи родителей, когда «отецъ учитъ мать бранити и кукиши ей казати, а матери насупротивно учатъ отца бранити, бити и за бороду драти», видитъ уже «вѣчную погибель» ребенка. Въ предотвращеніе этой опасности Посошковъ и даетъ подробныя наставленія относительно обращенія съ дѣтьми, диктуетъ даже отеческія наставленія ребенку, придавая высокую степень важности и будучи безусловно увѣренъ въ спасительности такихъ требованій, обращенныхъ къ ребенку, какъ напр.: «не бранися, не дерися: Богъ съ неба смотритъ; языка не выставляй: Богъ за то тебя убьетъ» и т. п. Заботясь прежде всего о водруженіи страха Божія въ дѣтяхъ, Посошковъ, какъ самъ носитель свѣтлой, чисто христіанской религіозности, въ то же время требуетъ воспитывать и любовь къ Богу, — «чтобы они Бога любили». Съ ранней же молодости Посошковъ требуетъ внушать дѣтямъ навыкъ къ исполненію религіозныхъ обязанностей: «образамъ святымъ учите дѣтей кланятися: глаголите имъ, указуя на образы: сей образъ Божій, а сей — Богородицынъ... и ты кланяйся имъ». Проповѣдуя, какъ мы видѣли, и взрослымъ часто не особенно возвышенную, узко практическую мораль, Посошковъ и ребенку при всякомъ удобномъ случаѣ втолковываетъ эту зависимость благоденствія человѣка отъ религіозно-нравственныхъ подвиговъ съ его стороны, нерасторжимую связь добрыхъ дѣлъ съ воздаяніемъ за нихъ отъ Бога. Такъ напр., въ данномъ разѣ Посошковъ хочетъ расположить ребенка «кланяться Богу» обѣщаніями, что Богъ, «видя поклоненіе, дастъ того или того много».

Вмѣстѣ съ религіознымъ воспитаніемъ должно соединяться нравственное. Въ этомъ отношеніи Посошковъ, согласно установившимся въ древней Россіи на это дѣло воззрѣніямъ, отдаетъ полнѣйшее предпочтеніе спартанскому характеру воспитанія. Совершенно отчаяваясь въ благонадежности и нравственной пригодности человѣка, возращеннаго «въ ласканіи и во всякой потачкѣ и въ нѣгѣ», Посошковъ уже младенца ве-

лить воспитывать «въ наказаніи», чтобъ «золъ не былъ. Младенецъ аще въ юности научится злу, то уже добрымъ человѣкомъ не будетъ; а кой человѣкъ въ наказаніи возрастетъ, той всегда добрый человѣкъ будетъ». Сваливая вину недостатковъ вообще всего русскаго — «ненаказаннаго народа» на «людей начальствующихъ», Посошковъ въ частности и за дѣтей полную отвѣтственность возлагаетъ на родителей. Поэтому-то онъ и внушаетъ своему сыну особенную строгость въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, поэтому-то онъ и настаиваетъ на необходимости стариннаго пріема и метода воспитанія, по которому понятіе воспитанія отождествлялось съ понятіемъ наказанія и даже самыя слова эти стали синонимическими. «Ты, сыне мой, въ великомъ наказаніи чадъ своихъ имѣй и страху Божію, смиренію и прочимъ добродѣтелямъ учи ихъ прилежно, наказуй нещадно. Если же возрастите въ ласканіи и во всякой потачкѣ и въ нѣгѣ, то въ томъ пути не будетъ: либо пьяница будетъ, либо озорникъ, либо самый воръ... Всякое бо зло и безумство родится отъ родительской потачки». Поэтому, «ни малыя имъ воли не давай, изъ очей своихъ на малъ часъ не выпускай; крѣпко держи, еже бы никакого дѣла своимъ изволомъ, безъ вашего вѣдѣнія не дѣлали, но все бы житіе ихъ и дѣла были по вашей волѣ». Даже и послѣ, «егда отдаси сына во училище, вмѣсто себя приставь къ нему приставника вѣрнаго, старика или старуху». Съ полнымъ одобреніемъ и сочувствіемъ припоминая требованіе, заявленное еще «древними святыми — бить дѣтей своихъ нещадно», Посошковъ и самъ, вслѣдъ за Домостроемъ, рекомендуетъ въ качествѣ воспитательныхъ мѣръ тѣлесныя наказанія. Но если еще и мы не избѣжали учебныхъ экзекуцій, то тѣмъ болѣе нельзя ставить въ укоръ подобныхъ предписаній Посошкову, во времена котораго «всякое поученіе тростію чинилось», когда спеціальнымъ назначеніемъ палки полагалось «вчиненіе наученія». А съ другой стороны, строго-то говоря, едва ли и можно оспаривать Посошкова въ этой предложенной имъ спартанской теоріи воспитанія. Представляется слишкомъ вѣроятнымъ, что въ его время, при отсутствіи еще какихъ либо цивилизаціонныхъ основъ въ жизни русскаго народа, единственно *страхъ* Бога и родителей могъ предохранять подростающее поколѣніе отъ нравственной и соціальной искалѣченности; не мудрено, что «нѣга, потачка и ласканіе» являлись дѣйствительно разрушительными элементами въ воспитаніи, что «играніе губило» дѣтей и что только гроза и розга гарантировали доброкачествен-

ность питомцевъ... Въ обращеніи съ дѣтьми Посошковъ требуетъ отъ родителей такой строгости, чтобъ «и взгляду вашего боялись»; въ болѣе же важныхъ случаяхъ, напр. за какіе либо проступки, совѣтуетъ и «ребра сокрушить, безъ всякаго милосердія наказать».

Здѣсь же, т. е. въ дѣтскомъ воспитаніи, Посошковъ полагаетъ начало тѣхъ аскетическихъ правилъ поведенія, которыми онъ желалъ бы опутать жизнь и взрослаго христіанина. Внушая ревнивый надзоръ, чтобы ребенокъ «никогда празденъ не былъ и дней бы своихъ не терялъ даромъ», Посошковъ нераздѣльно съ этимъ связываетъ и другое требованіе: «и при томъ порядкѣ обучай его нужду всякую терпѣти. Въ мягкія одѣянія не облачай, даждь платье самое расхожее и грубое, дабы онъ навыкалъ терпѣнію; пищами сладостными не весьма питай, но обучай къ ядѣнію суровыхъ ядей» и пр. Особенно предостерегаетъ Посошковъ юношество «отъ пьянственнаго питья; а наипаче не пускай заморскихъ питій пити, понеже тыи здравію человѣческому вредительны, а царскому богатству истощительны». Вооружаясь противъ бездѣлья и пустыхъ, «перебивочныхъ разговоровъ», Посошковъ стремится воспитать изъ ребенка человѣка дѣловаго, серьезнаго, сосредоточеннаго по его душевной настроенности; а по внѣшнему виду онъ желаетъ такъ поставить своего питомца, чтобы на него никто, а тѣмъ болѣе женщины — «и взозрить не восхотѣли». «За шутки съ дѣвицами», наказываетъ Посошковъ своему сыну-воспитателю, «ты ребра ему сокруши, безъ всякаго милосердія накажи его, дабы впредь ни мало къ нимъ не приближался». Впрочемъ, правила, подобныя послѣднему, выходили изъ-подъ пера Посошкова не потому, чтобы онъ былъ рѣшительный гонитель женщинъ и въ принципѣ вооружался противъ общенія съ ними, а единственно изъ-за опасеній за чистоту юной души ребенка.

Гораздо интереснѣе правила Посошкова о школьномъ, научномъ образованіи. Въ этомъ случаѣ Посошковъ выходитъ уже изъ круга домостройныхъ понятій и становится піонеромъ новой педагогіи, человѣкомъ новаго времени, сознавшимъ новыя потребности жизни и новыя обязанности человѣка. Несмотря на то, что самъ Посошковъ лишенъ былъ всякаго научнаго образованія, онъ вполнѣ сознавалъ не только полезность, но совершенную необходимость науки и отводилъ для нея поле, быть можетъ, даже болѣе обширное, чѣмъ самъ преобразователь Россіи. Посошковъ стремился ко всеобщему ученію, къ общенародной грамот-

ности, не исключая и своего родоваго сословія — простыхъ поселянъ. Подобная мысль, предупредившая усилія нашего времени, была въ высшей степени замѣчательна и смѣла для той поры, когда и въ избранныхъ представителяхъ русской націи, въ духовенствѣ и боярахъ, вся сумма учености въ большинствѣ случаевъ не достигала искуства писать и граничила съ полною безграмотностію. Самъ Посошковъ, очевидно, сознавалъ, что русскій народъ не возросъ еще до сознательнаго уваженія науки и потому совѣтовалъ на первыхъ порахъ употребить даже насиліе. «Я чаю, нехудо учинить крѣпкое опредѣленіе, чтобъ и въ малыхъ деревняхъ безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ», подъ опасеніемъ «какого ни есть страхованія» (Соч. Пос. т. I, стр. 176; Зерц. оч. л. 132). Мало того, Посошковъ желаетъ просвѣтить ученіемъ даже Мордву, «закона неимущую, дней незнающую», т. е. племя полудикое и самое низкое, по представленію Посошкова: «нехудо и у Мордвы дѣтей брать и грамотѣ учить, хотя бы и *насильно*». Но особенное вниманіе, какъ мы знаемъ изъ разбора Книги о скудости и богатствѣ, Посошковъ обратилъ на духовенство. Вполнѣ сознавая разрушительныя послѣдствія невѣжества въ духовенствѣ, Посошковъ въ своихъ сочиненіяхъ и даже черезъ особыя посланія старается вызвать дѣятельность власти на поднятіе умственнаго уровня въ духовенствѣ. Если своими наступательными требованіями въ данномъ случаѣ Посошковъ повторяетъ и ранѣе его раздавшійся голосъ, напр. Стоглава, о необходимости просвѣщенія въ русскомъ духовенствѣ, то, съ своей стороны, Посошковъ заходитъ гораздо далѣе. Онъ не останавливается на образованіи только духовенства, а въ этомъ видитъ только начало дѣла, первый шагъ, не столько цѣль, сколько средство къ просвѣщенію всего русскаго народа, видитъ только необходимое условіе къ тому, чтобы «во всемъ народѣ возсіялъ свѣтъ благоразумія» (I, 22). Поэтому, не достигнувъ еще перваго пункта своихъ желаній — образованія духовенства, Посошковъ обращается уже къ будущимъ ученымъ пастырямъ и говоритъ имъ объ обязанности учить весь народъ, указываетъ, такимъ образомъ, конечную цѣль желаемаго школьнаго ученія. Замѣчательно при этомъ, что, стремясь искренно къ народному просвѣщенію, Посошковъ намѣренно какъ бы лавируетъ, старается совершенно не упомянуть объ учителяхъ-иноземцахъ, наполнившихъ Русь и назойливо предлагавшихъ свои просвѣтительныя услуги. Хотя Посошковъ и не высказывается

ясно, но очевидно, что и здѣсь имъ руководило полное сомнѣніе въ ихъ полезности и пригодности, недовольство ихъ поведеніемъ въ Россіи и опасенія за чистоту православной вѣры. Такое великое дѣло, какъ воспитаніе народа, Посошковъ желаетъ поручить никому другому, какъ только духовенству, даже соглашаясь при этомъ, по необходимости, ждать воспитанія и надлежащаго образованія самого духовенства. Священники должны убѣдить своихъ пасомыхъ отдать «дѣтей въ наученье», они же, или хотя дьячки, и должны быть первыми педагогами народа (т. I, стр. 22, 175).

Программа ученія, предлагаемая Посошковымъ, сравнительно весьма широка. Посошковъ не довольствуется изученіемъ только религіозныхъ предметовъ, доселѣ составлявшихъ для русскаго человѣка исключительную область доступнаго и безукоризненнаго знанія, но рекомендуетъ изученіе и свѣтскихъ наукъ, приписывая нѣкоторымъ высокую степень важности и образовательнаго значенія, напр. грамматикѣ (I, 11 и 12 стр.; II, стр. 300). «Паче же грамматическаго ученія потребно книжное разумѣніе, священныхъ писаній толкованіе». Кромѣ того, Посошковъ совѣтуетъ «украшатися книжнымъ ученіемъ риторскимъ и философскимъ разумомъ», совѣтуетъ изученіе грамматики словенской, выкладки цыфирной, художеству какому нибудь, особенно рисованію; также рекомендуетъ изученіе языковъ латинскаго, греческаго, польскаго и пр. Въ свободное отъ занятій время Посошковъ совѣтуетъ «неборзостное, съ прилежнымъ вниманіемъ» чтеніе книгъ и притомъ книгъ не только духовныхъ, но и гражданскихъ, «бытейскихъ», даже иностранныхъ, напр. польскихъ, но въ послѣднемъ случаѣ требуетъ строгой осмотрительности, чтобы «не обрѣсти книги на развратъ благочестивыя нашея вѣры, или какому грѣху приводящія: тыя весьма отъ себя отрѣвай, дабы благочестіе не погубити, еретикомъ бы не быть» (Зав. от. стр. 170, 8; Соч. Пос. I, 15).

Не ограничиваясь болѣе или менѣе отрывочными замѣчаніями въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ о настоятельной необходимости ученія, его программѣ, средствахъ и границахъ, Посошковъ принялъ на себя трудъ составить цѣлый спеціальный проектъ о школахъ, который онъ, какъ человѣкъ «присутствія къ власти не имѣющій», и предлагалъ на разсмотрѣніе «архіерею Божію», т. е., вѣроятно, Стефану Яворскому. Проектъ этотъ хранится въ рукописи Академіи Наукъ,

№ 102, подъ заглавіемъ: «*Посошкова проектъ о школахъ*». Въ началѣ есть приписка: «списана изъ книгъ бывшаго при Синодѣ оберъ-секретаря Леванидова 1756 года, мая 18 дня». Заканчивается сочиненіе подписью автора: «писавый сіе убогій земледѣлецъ, московскій уроженецъ, Иванъ Посошковъ».

Это небольшое сочиненіе представляется на нашъ взглядъ слишкомъ замѣчательнымъ и важнымъ, такъ какъ оно цѣликомъ наполнено мыслями, такъ сказать, предвосхищенными у великаго цивилизатора земли русской. Сказавши о необходимости образованія и изобличивши при этомъ удобномъ случаѣ невѣжество русскаго духовенства, въ которомъ «вина погибели» многихъ, Посошковъ высказываетъ свой въ высшей степени замѣчательный для того времени взглядъ на великое дѣло народнаго просвѣщенія. По его мнѣнію, просвѣщеніе умственное, образованіе школьное, также необходимы для человѣка и столь же полезны для него, какъ просвѣщеніе истинною Христіанскою вѣрою. Заслугу Петра Великаго, цивилизовавшаго Россію, онъ готовъ приравнять заслугѣ Великаго князя Владиміра, озарившаго Русь свѣтомъ истиннаго боговѣдѣнія: «отъ своего простоумія такъ дознаваюся, писалъ Посошковъ, яко за ученіе школьное не меньшія мзды пріяти (достоинъ Петръ В.) просвѣтившаго Россію святымъ крещеніемъ». Подобная мысль говоритъ сама за себя; она одна ставитъ Посошкова сыномъ новаго вѣка, человѣкомъ новаго времени. Нечего и говорить, что съ точки зрѣнія старообрядческой партіи, до-петровской Россіи, такая великая мысль, столь просвѣщенный взглядъ былъ сугубою ересью. Далѣе Посошковъ останавливается въ своемъ проектѣ на средствахъ ученія и здѣсь подробно говоритъ о необходимости составленія прежде всего подробной грамматики, съ изложеніемъ ученія о падежахъ, склоненіяхъ и пр., даже о декламаціи и способахъ произношенія «гласномъ или тихостномъ, кроткомъ». Между прочимъ Посошковъ обнаруживаетъ и въ этой области свободное, трезвое отношеніе къ предметамъ, изъ-за неприкосновенности которыхъ умирали древне-русскіе люди: онъ предупредилъ реформу Петра въ русской графикѣ и въ принципѣ рѣшилъ уже необходимость измѣненія славянской азбуки для русскаго употребленія. «Нехудо-бъ и письменъ азбучныхъ пополнить, понеже азбука есть не евангельское слово, не отъ Бога она составлена. А всѣмъ намъ зримо, что есть много лишнихъ письменъ, а многихъ нужныхъ, нашему

языку россійскому свойственныхъ, и не положено. Въ латинской, польской и въ нѣмецкой 24 литеры, а всякую рѣчь безъ измѣненія могутъ писать, а въ нашей азбукѣ 45 письменъ, а темноту такую писаніе содержитъ, яко мнозіи рѣчи пишутся измѣненіемъ противъ глаголанія настоящаго, а иныхъ реченій и написать тѣми нашими письмены не возможно». Наконецъ Посошковъ переходитъ къ главному предмету сочиненія и подробно говоритъ о должномъ устроеніи и правильной организаціи школьнаго дѣла. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя изъ тѣхъ его мыслей, которыя, въ то время принадлежа къ идеальной области желаемаго, теперь, въ нашихъ глазахъ, являются какъ-бы сбывшимися въ большей ихъ части пророчествами. «Для россійскія славы, наипаче ради духовной пользы, довелось бы въ Россіи состроить академію великую всѣхъ наукъ. И въ царствующемъ градѣ Москвѣ состроить бы академію великую патріаршу. Также же бы и въ городахъ, во всѣхъ епархіяхъ построить училища. Нехудо бы грамматическія школы построить и во обителяхъ, а у Троицы, въ Сергіевѣ монастырѣ, можно быть и цѣлой академіи. Нехудо бы тѣхъ, кто книжный разумъ имѣетъ въ себѣ и на степени возводить». Проектируя набирать «приставниковъ въ школы изъ иноковъ или изъ церковныхъ причетниковъ», что касается собственно учителей, Посошковъ рекомендуетъ,—«буде въ Греціи и въ иныхъ православныхъ странахъ самыхъ высокоученыхъ людей не обрящется, — по нуждѣ, хотя и изъ люторскія вѣры учителей достать».

Говоря объ отношеніи Посошкова къ наукѣ, мы пользуемся случаемъ для полноты и точности картины—сказать, что есть не мало въ сочиненіяхъ Посошкова мѣстъ, которыя съ перваго взгляда представляются стоящими въ противорѣчіи съ его общими просвѣтительными воззрѣніями, мѣстъ, повидимому, свидѣтельствующихъ, что онъ далеко не всегда и всецѣло держался на высотѣ своихъ гуманныхъ идей. Проповѣдуя высокое значеніе, права̀ и силу науки для человѣка, Посошковъ въ то же время шелъ, повидимому, въ разрѣзъ съ современною наукою, самъ упорствовалъ иногда въ старыхъ, уже отвергнутыхъ наукою воззрѣніяхъ. Такъ напр., нельзя обойти молчаніемъ одного, не столько, впрочемъ, въ существѣ дѣла важнаго, сколько оригинальнаго, рѣзкаго въ сочиненіяхъ Посошкова факта — его воззрѣній космографическихъ. Посошковъ въ этомъ случаѣ стоитъ рѣшительнымъ сторонникомъ старыхъ понятій о центральности земли и ярымъ антагонистомъ новой, ширившейся въ Европѣ

и проникавшей въ Россію системы Коперника. Порицая и оспаривая «проклятаго Коперника, Богу суперника», Посошковъ съ своей точки зрѣнія силится доказать, что солнце поставлено Богомъ «на тверди небесной, а не въ центрѣ всего свѣта». Ставши разъ на ложную дорогу, Посошковъ пускается въ изобрѣтенія разныхъ казуистическихъ доказательствъ своей теоріи. Такъ напр., однимъ изъ полновѣснѣйшихъ аргументовъ, окончательно поражающихъ систему Коперника, для Посошкова является тотъ, что не могъ же самъ «Господь Богъ, во время бытія Его на земли, кійждо день со землею солнцу служити». Усматривая, такимъ образомъ, въ этомъ ученіи «опакое превращеніе всѣхъ законовъ Божіихъ» и уличая по этому поводу Коперника въ «безуміи отъ высокоумія», Посошковъ переноситъ его вину даже и вообще на всѣхъ лютеранъ и не безъ раздраженія порицаетъ ихъ за то, что они «не хощутъ тѣмъ лжесоставникамъ словесе воспретительнаго изрещи» (Зав. от. стр. 156, 157). — Отмѣчая этотъ фактъ въ сочиненіяхъ Посошкова, мы однако не имѣемъ, кажется, ни малѣйшаго права винить въ томъ Посошкова и упрекать его изъ-за этого въ обскурантизмѣ. Несомнѣнно, со стороны Посошкова это былъ грѣхъ невѣдѣнія, а потому и нельзя придавать ему особенно серьезнаго значенія. Если даже и въ наше время не рѣдкость еще люди, склонные болѣе недовѣрчиво изумляться системою Коперника, нежели придавать ей вѣроятіе, то во время Посошкова она и вовсе не имѣла правъ гражданства. Извѣстно, что самъ Тредьяковскій, справедливо хвалившійся своимъ образованіемъ, доносилъ на своего соперника, Сумарокова, Сѵноду, что въ одной одѣ у него говорится «о дѣйствительномъ множествѣ міровъ и о безконечности пространства». Просвѣщенный святитель — Стефанъ Яворскій въ данномъ случаѣ тоже остался ученымъ старовѣромъ: открытіе Коперника, заподозрѣнное церковію въ противорѣчіи съ словомъ Божіимъ, отвергалось и имъ, какъ заблужденіе[1]). Можно ли, наконецъ, винить Посошкова въ этой его ошибкѣ, когда даже самъ великій Ломоносовъ не былъ свободенъ отъ неменѣе грубыхъ и непростительныхъ ошибокъ, утверждая напр., что «затмѣніе причиняетъ падежи скота и повѣтрія на людей[2]»?!

Несравненно болѣе рѣзкимъ и замѣтнымъ диссонансомъ съ взглядами Посошкова на науку звучатъ его тоже общія разсужденія о такъ на-

[1]) Пропов. Ст. Яв. т. III стр. 193.
[2]) Соч. Лом. т. I стр. 647.

званной имъ «вѣтреной премудрости». Эта вѣтреная премудрость, подъ которою Посошковъ разумѣетъ, повидимому, совокупность свѣтскихъ наукъ и вообще область не-религіознаго знанія, трактуется постоянно имъ какъ какое-то злое начало, вмѣсто пользы приносящее явный вредъ человѣку. Въ прямую зависимость отъ вѣтреной премудрости Посошковъ поставляетъ развитіе и усиленіе всѣхъ ересей, отъ нея производитъ и вообще духъ противленія Евангелію. Это странное въ устахъ Посошкова убѣжденіе настойчиво повторяется въ его полемическихъ сочиненіяхъ. Признавая за лютеранами всеоружіе такой именно мудрости, Посошковъ въ этомъ и видитъ причину еретичества: «Люторане паче всѣхъ живущихъ на земли себя вмѣняютъ мудрыми быти, *того ради* вся древняя преданія и отвергоша отъ себя». Какъ люди мудрые, они «отреклись отъ Апостоловъ, *неучившихся философіи, и избрали себѣ философа* Мартина». Съ этой точки зрѣнія, Посошковъ не безъ гордости и свидѣтельствуетъ, что большинство русскаго народа не пріобщилось этой опасной мудрости, а потому и стоитъ твердо въ православіи: «мы люди немудрые, вѣтреной мудрости не учились и *того ради* святому Евангелію противитися не можемъ, но еже въ немъ написано, тому и вѣримъ». «Мы, во православіи сущіи, вѣтреной премудрости не учились и *того ради* святому Евангелію и святыхъ Апостолъ писанію вѣримъ и вся преданія ихъ тако твердо держимъ, аще бы и ангелъ, сошедъ съ небесе, сталъ насъ инако учити, не послушаемъ его» (Зерц. оч. л. 206 об., 220 об., 202 об.). Всѣ подобныя рѣчи Посошкова объясняются, однако, весьма просто, онѣ не стоятъ ни въ малѣйшемъ противорѣчіи съ общими взглядами Посошкова на науку и съ его настоятельными запросами на нее. Дѣло въ томъ, что Посошковъ существенно различалъ истинную ученость отъ легкаго, поверхностнаго отношенія къ наукѣ, серьезное научное образованіе отъ легкомысленнаго усваиванія верхушекъ науки и модныхъ мнѣній; и относясь съ величайшимъ уваженіемъ къ настоящей, солидной наукѣ, Посошковъ справедливо порицалъ развившійся въ то время по западной Европѣ и проникавшій въ Россію этотъ, такъ сказать, пустоцвѣтъ научный. Во всякомъ случаѣ, сейчасъ высказанная теорія Посошкова не есть плодъ обскурантизма, не результатъ древне-русской замкнутости, отчужденія отъ науки и слѣпаго предубѣжденія противъ нея, а скорѣе наоборотъ — плодъ свѣтлаго, разумнаго пониманія истиннаго значенія и силы настоящей науки. Теорія эта, безъ сомнѣнія, основана была

прямо на дѣйствительной жизни, она выработана была Посошковымъ подъ свѣжими впечатлѣніями дѣйствительности, когда, по интересному свидѣтельству Посошкова, большинство новыхъ русскихъ людей, «кои только маленько губъ своихъ помазали книгочтеніемъ», увлеклись въ вольнодумство, заражались моднымъ либерализмомъ, еретичествомъ (Пр. о школахъ л. 8). Виноватъ, такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ не Посошковъ, а тѣ осмѣянные всѣми здравомыслящими современниками піонеры новой русской образованности, которые такъ плохо рекомендовали въ глазахъ русскаго народа свою заморскую ученость, новонабранную ими именно «вѣтреную» мудрость.

Теперь познакомимся съ взглядами Посошкова на женщину. — Въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка въ сферѣ общественныхъ отношеній обоихъ половъ и соціальнаго положенія женщины, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ русской жизни, произошли весьма важныя, существенныя измѣненія и преобразованія. Эти измѣненія, въ ихъ лучшей, болѣе разумной и чуждой крайностей части, отразились въ идеалахъ и нашего Посошкова. Правда, у него нѣтъ цѣльныхъ спеціальныхъ разсужденій на эту тему, но и встрѣчающіяся отрывочно мысли, по ихъ новизнѣ и гуманности, сравнительно съ старыми домостроями, въ высшей степени замѣчательны. Но чтобы опять яснѣе была историко-логическая послѣдовательность развитія новыхъ воззрѣній на женщину, возникшихъ въ XVIII вѣкѣ, мы должны и здѣсь напередъ взять въ соображеніе предшествовавшія историко-традиціонныя воззрѣнія.

Въ первобытныя времена господства грубой физической силы, понятія о женщинѣ проникнуты были грубыми, животно-эгоистическими чувствами. Какъ существо болѣе слабое, женщина естественно стала въ соподчиненное отношеніе къ мужчинѣ, потому что не могла съ нимъ соперничать въ силѣ, а слѣдовательно и въ уваженіи. Такія именно понятія о женщинѣ отразились въ «Русской правдѣ», гдѣ было ограничено человѣческое достоинство женщины и жизнь ея оцѣнена вдвое ниже жизни мужчины (только полвиры, между тѣмъ какъ за мужчину цѣлая вира). Впрочемъ это не было еще временемъ окончательнаго порабощенія женщины, потому что не всегда еще она стушевывалась предъ мужчиной и физическою своею силою: въ русскихъ былинахъ мы видимъ величавые

образы героинь, обладающихъ могучею силою и мощнымъ нравственнымъ характеромъ. Посредствомъ этихъ свойствъ, женщина пріобрѣтала часто уваженіе. Владиміръ Мономахъ, хотя и не велитъ дѣтямъ своимъ «давать надъ собою власть женамъ», все-таки завѣщаетъ любить ихъ (Духовная стр. 25). Къ худшему измѣнилось положеніе русской женщины во время татарщины. Сосѣдство и гнетъ дикаго народа разлагающимъ образомъ дѣйствовали на семейный бытъ народа. Татары развили деспотическія наклонности въ русскомъ человѣкѣ вообще и способствовали развитію варварства и жестокости въ отношеніи къ женщинѣ въ частности. На помощь практиковавшимся уже крутымъ мѣрамъ въ отношеніи къ женщинѣ явились теперь и теоретическія разсужденія, болѣе и болѣе унижавшія женщину. При сильномъ развитіи аскетическаго направленія на Руси, составилась цѣлая литература изъ поученій о злыхъ женахъ, гдѣ собраны были тысячелѣтнія изреченія мудрецовъ и примѣры библейской исторіи, являющія женщину въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ. Подъ несомнѣннымъ вліяніемъ этихъ поученій составился и въ Домостроѣ общій идеалъ жены, какъ существа совершенно безличнаго, лишеннаго всякой самостоятельности, безпрекословной рабыни своего мужа-повелителя, отъ плетокъ и произвола котораго совершенно не гарантировалось ея человѣческое достоинство. Конечно, эти книжные разсказы, поученія, идеалы, имѣли свой вѣсъ и долю вліянія на самую жизнь. Даже Котошихинъ не былъ свободенъ отъ предубѣжденія, что вообще женщины «природнымъ разумомъ простоваты». О положеніи же русской женщины онъ сообщаетъ такія свѣдѣнія: «царевны (не имѣющія права выходить замужъ ни за Русскаго, какъ холопа, ни за иностранца) живутъ, яко пустынницы, въ молитвѣ, въ постѣ пребываютъ, лица свои слезами омываютъ» [1]). «Бояре дочерей своихъ не указываютъ никому, и живутъ тѣ дочери въ особыхъ дальнихъ покояхъ». Выборъ для дочери жениха исключительно опредѣлялся волею родителей: «дочери о томъ и не скажутъ, и любится невѣста только по приданому». Наконецъ, при самомъ же вѣнчаніи «протопопъ поучаетъ новобрачныхъ, какъ имъ жити: женѣ быти у мужа въ послушествѣ, мужу поучати ее слегка жезломъ» (О Россіи...

---

[1]) Побуждаемый человѣколюбивыми чувствами, уже Крижаничъ проектировалъ устранить это ограниченіе относительно браковъ царевенъ. Рус. гос. въ пол. XVII в. т. I, 322; II, 273.

стр. 12, 119, 120, 8). Радикальную перемѣну въ судьбѣ русской женщины произвелъ петровскій переворотъ. Русскіе, отправленные за границу, увидѣли женщину въ обществѣ, во всемъ блескѣ ея красоты, и съ изумленіемъ извѣщали соотечественниковъ, какъ о «превеликой диковинкѣ», о томъ, что «женскій народъ тамъ зѣло благообразенъ, политиченъ, свободенъ, веселится на гуляньяхъ» [1]) и пр. Открыты были и у насъ ассамблеи, и русская женщина изъ своего теремнаго заключенія постепенно входила въ общество въ блескѣ европейской наружности. «Жены», говоритъ Щербатовъ, «до того не чувствовавшія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи», такъ что «желаніе быть пріятной» стало слишкомъ властно «дѣйствовать надъ чувствіями женъ» [2]). А напыщенные русскіе кавалеры, по словамъ Новикова, теперь уже «всѣ кричали: вотъ чудесное произведеніе природы, вотъ совершенное ея твореніе» и пр. и пр. [3]).

Столь діаметральная перемѣна въ судьбѣ русской женщины касалась на первыхъ порахъ, разумѣется, только высшихъ сословій, и новые порядки не могли, конечно, помутить сразу старый домостроевскій бытъ народной массы. Тѣмъ не менѣе, и въ средѣ простаго народа выдѣлялись уже личности, которыя приблизились къ новымъ понятіямъ и, не отдаваясь безусловно новому влеченію жизни, значительно возвысились надъ Домостроемъ, усвоили себѣ болѣе гуманныя, идеальныя воззрѣнія на женщину. Таковъ нашъ Посошковъ. Въ его сочиненіяхъ нѣтъ, какъ мы сказали, особыхъ разсужденій о женщинѣ и нѣтъ даже ни одного обращенія къ нимъ; но за то Посошковъ предлагаетъ сыну подробныя правила о выборѣ невѣсты и объ отношеніяхъ мужа къ женѣ. И этихъ правилъ совершенно достаточно для того, чтобы видѣть человѣчный и въ высшей степени нравственный взглядъ Посошкова на женщину, какъ на существо равное мужчинѣ, заслуживающее полнаго уваженія отъ мужа. Только предостерегая отроковъ отъ разврата, Посошковъ требуетъ удаленія отъ женщинъ и высказываетъ, очевидно, общеизвѣстныя въ ту пору сентенціи: «дѣвицъ блюдися, ни въ чемъ съ ними не сообщайся, бесѣды съ ними наодинѣ не имѣй» и пр. (Зав. от. стр. 12). Такія требо-

[1]) Наука и Литер. при П. В. Пекарскій, т. I, стр. 148.

[2]) О поврежд. нравовъ. Рус. Стар. 1870 г. т. II стр. 16.

[3]) «Живописецъ» 1774 г. стр. 20 (изд. Ефремова).

ванія, какъ мы уже выше и имѣли случай объяснять, сложились у Посошкова несомнѣнно вслѣдствіе представленія опасности разврата, какъ грѣха особенно «мерзкаго и ненавистнаго», а также, вѣроятно, и подъ вліяніемъ нравственной небезупречности тогдашнихъ столкновеній мужчины съ женщиной. Вообще же Посошковъ является положительнымъ противникомъ прежде господствовавшихъ воззрѣній на женщину, какъ источникъ грѣха. Старинное правило, гласящее, что невѣста любилась по приданому, рѣшительно отвергается Посошковымъ: считая жену такимъ же человѣкомъ, совершенно равнымъ мужу, Посошковъ и при выборѣ ея требуетъ искать тѣхъ человѣческихъ свойствъ въ ней, которыя онъ желаетъ видѣть и въ мужчинѣ. Посошковъ совѣтуетъ искать равной даже по внѣшнему положенію въ свѣтѣ. Что касается богатства, приданаго, то, какъ набрасывающее иногда тѣнь на нравственныя достоинства человѣка, какъ поводъ и средство къ развращенію, оно является для Посошкова не только необходимымъ, но даже въ нѣкоторомъ родѣ препятствіемъ при выборѣ невѣсты. «Егда начнеши искать невѣсту, то не ищи невѣсты честнѣе себя, наипаче же богатыя бѣжи, да никогда, недостатка ради твоего, поносимъ будеши отъ нея; но ищи себѣ равныя, или паче — низшія себя, понеже честна жена мужемъ, а не мужъ женою. Ты не богатства, не чести ищи въ невѣстѣ, но ищи смиренія и разума, наипаче жъ ищи въ ней страха Божія» (Зав. от. стр. 21). Полагая, такимъ образомъ, существеннымъ въ женщинѣ ея нравственныя, человѣческія достоинства, Посошковъ слишкомъ легко отзывается о внѣшней красотѣ женщины, что составляло исключительный предметъ восхищенія женщиною для ново-цивилизованнаго русскаго общества. «Еще тебѣ, сыне мой, сказую и завѣщаваю: егда невѣсту будеши избирати, то красоты преизлишнія не ищи... Аще же искать будеши красоты духовныя: смиренія, страха Божія, — и по той духовной и тѣлесную красоту получиши, то воля Божія тако ти соизволила, не опасайся пояти ю, аще и вельми будетъ прекрасна» (стр. 22). При самомъ уже выборѣ невѣсты Посошковъ требуетъ отъ мужчины полнаго къ ней уваженія и, вооружаясь противъ всякаго насилія, поставляетъ условіемъ брака добровольное согласіе невѣсты: «въ сватаніи своемъ не спѣши, но первѣе о невѣстѣ испытай, какова она есть... и буде явится ти нравна, то и себя ей покажи и освѣдомься подлинно, еже ты ей понравился ли, и егда подлинно увѣси, еже ты ей понравился, тогда и

дѣло начинай. То добро и свято, еже бы оба изъ воли и изъ любви сошлися. И егда сватаніе начнется, такого безумія не моги учинити, еже бы ти невѣстъ двухъ или трехъ во единыя времена смотрити, понеже дѣвица такой же человѣкъ, яко и ты, а не лошадь» (стр. 23 и 22). А вотъ каковы должны быть, по Посошкову, отношенія мужа къ женѣ въ ихъ «брачномъ, мірскомъ житіи»: «не моги, чадо мое, и близь себя допустити самоумничества, но во всякомъ дѣлѣ, не токмо духовномъ или во гражданскомъ, но и въ домовомъ правленіи употребляй совѣта помощницы своея. Безъ совѣта безъ женняго ничего не твори, она дана тебѣ не ради порабощенія, но ради помощи. Аще кто будетъ жену ничтожить и претворять въ рабій образъ, той будетъ Богу противно чинити» и пр. (стр. 70).

Итакъ, у Посошкова со всею очевидностію выступаетъ уже новый взглядъ на женщину, неизмѣримо болѣе человѣчный, гуманный, существенно возвышающійся надъ тѣмъ низменнымъ уровнемъ домостроевскихъ воззрѣній, по которымъ древне-русская женщина трактовалась существомъ низшимъ мужчины, существомъ, которое можно было пріобрѣтать черезъ супружество въ качествѣ жены, но съ которымъ позволительно было обращаться такъ же безцеремонно, какъ, по удачному сравненію Посошкова, съ лошадью. Сравненіе Завѣщанія Посошкова съ Духовною Татищева въ вопросѣ о женщинѣ еще болѣе усиливаетъ благопріятное впечатлѣніе, производимое Посошковымъ. Замѣчательно, что онъ не только ни на іоту не отсталъ отъ своего несравненно болѣе счастливаго, образованнаго, слишкомъ либеральнаго прогрессиста-современника, а серьезностію своихъ взглядовъ часто даже возвысился надъ барски-щепетильными требованіями послѣдняго. Въ высшей степени разумныя требованія Посошкова относительно выбора невѣсты почти цѣликомъ повторяются Татищевымъ. Послѣдній также вооружается противъ насильственныхъ браковъ и принужденія со стороны родителей, сыну своему при выборѣ невѣсты совѣтуетъ также искать равной себѣ по возрасту, состоянію и положенію, искать въ супружествѣ не богатства, но главнымъ образомъ «жены» и въ ней — «разума и здравія». Особенность Татищева въ томъ, что, какъ человѣкъ высшаго тона, онъ не могъ съ равнодушіемъ крестьянина отзываться о свѣтскихъ качествахъ невѣсты и потому въ числѣ «главныхъ обстоятельствъ въ персонѣ супруги» поставляетъ, «лѣпоту лица, возрастъ и веселость въ компаніи». Барская

натура Татищева высказалась и въ энергичныхъ предостереженіяхъ отъ брака съ «холопками»,— потому что «изъ подлости взятыя жены хотя бываютъ довольно милы, но ихъ родственники за подлость непріятны и всегда застарѣвшая подлость въ сердцахъ ихъ обрѣтаетъ свое жилище». И какъ солиденъ, какъ симпатиченъ является скромный въ требованіяхъ Посошковъ съ своимъ глубоко-мудрымъ и гуманнымъ совѣтомъ не гнаться особенно за «честію» въ невѣстѣ, искать даже предпочтительно низшую себя, потому что не мужъ бываетъ честенъ женою, а скорѣе жена прославляется чрезъ мужа! Что касается семейнаго положенія женщины, то Татищевъ почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ повторяетъ высоко-гуманныя правила Посошкова. «Имѣй въ памяти», завѣщаетъ Татищевъ сыну, «что жена тебѣ не раба, но товарищъ, помощница, во всемъ другомъ должна быть и о всемъ съ нею обще должно прилежать». Но и въ этомъ случаѣ, повидимому, тотъ же барскій гоноръ заставляетъ Татищева присовокупить предусмотрительное замѣчаніе: «храниться надлежитъ, чтобы тебѣ у жены не быть подъ властію: сіе для мужа очень стыдно, худое мнѣніе подаетъ и слабость ума изъявляетъ» (Тат. и его вр. стр. 212—214).

Реформа русскаго государства надолго заинтересовала собою русскую мысль; слишкомъ много высказано было взглядовъ на великое дѣло Великаго Петра, — взглядовъ, расходящихся до полной взаимной противоположности. Между тѣмъ какъ одни видѣли въ реформѣ только завершеніе исторически подготовлявшагося процесса, рѣшительный моментъ давно уже ожидавшагося перелома, другіе хотѣли видѣть въ ней насильничество надъ русскою жизнію и исторіею. Одни считали Петра Великаго благодатнымъ геніемъ-свершителемъ и одухотворителемъ русской народности, «богомъ Россіи», другіе видѣли въ немъ совершенно чуждое порожденіе, живое воплощеніе противунаціональнаго и даже антихристіанскаго духа. Не наше, конечно, дѣло въ данномъ разѣ входить въ разсмотрѣніе этого вопроса; мы только съ своей стороны не можемъ не указать на сочиненія Посошкова, какъ, по нашему мнѣнію, на первостепенный историческій документъ, помогающій въ осмысленіи вообще той эпохи и положительно необходимый въ рѣшеніи поставленнаго вопроса. Здѣсь предъ нами выступаетъ живой, нисколько нетронутый искуственною цивилизаціею, свободный отъ всякаго внѣшняго давленія и какихъ либо увлеченій современникъ реформы, истый гражданинъ тогдашней русской земли. Конечно, не можетъ даже мысли возникнуть объ его пристрастномъ отношеніи къ иноземщинѣ и объ его ненависти къ своему національному. Посошковъ представляетъ собою типъ здравомыслящаго чисто-русскаго человѣка, съ русскимъ умомъ и взглядомъ на вещи, съ русскимъ характеромъ и неподдѣльнымъ народнымъ складомъ рѣчи, съ его беззавѣтнымъ патріотизмомъ и, наконецъ, съ чисто національною тенденціею исправить свое отечество, облегчить положеніе своего народа. Связь Посошкова съ народомъ была для него не какимъ либо случайнымъ признакомъ, внѣшнимъ качествомъ, а, такъ сказать, природнымъ его инстинктомъ. Отсюда и народность его сочиненій не есть качество, какъ только внѣшній признакъ характиризующее ихъ, а есть невыдѣляемая ихъ сущность. Въ нихъ, какъ въ немногихъ самобытныхъ произведеніяхъ, русская письменность

явилась нерасторжимою съ народной жизнью, воплотила въ своихъ формахъ неподдѣльные народные взгляды и понятія; къ нимъ, собственно говоря, не приложима та нормальная теперь литературная мѣрка, по которой мы отыскиваемъ въ литературномъ произведеніи народности, какъ чего-то вноснаго, не столь существеннаго, могущаго болѣе или менѣе проникать сочиненіе, даже быть и не быть въ немъ. Итакъ, Посошковъ — живой представитель современной ему русской народности. Какимъ же, однако, является этотъ русскій человѣкъ въ своихъ сочиненіяхъ? — Связанный и чувствомъ, и образомъ воззрѣній, и языкомъ съ старобытною жизнію, Посошковъ въ то же время исполненъ уже всецѣло и тревожнаго духа реформы, онъ носитъ ея потребности въ груди своей, по своему, на основаніи завѣщанныхъ изстари формъ, онъ осмысливаетъ свои тревожныя сомнѣнія. Прямой наслѣдникъ старорусскихъ традиціонныхъ понятій, Посошковъ въ то же время есть уже и законный сынъ своей дѣловой эпохи, до самозабвенія преданный исканію лучшаго, исполненный новыхъ, болѣе разнообразныхъ потребностей, болѣе сложныхъ запросовъ. Самый узкій и непосредственный націонализмъ идетъ у Посошкова рука объ руку съ смѣлыми реформаторскими стремленіями. А это сознаніе нѣкоторой неполноты, недостаточности старыхъ, освященныхъ давностію формъ жизни, эти порывы къ новому, лучшему — стали общимъ знаменіемъ того времени, существеннымъ признакомъ той именно эпохи. Посошковъ и въ этомъ случаѣ не былъ какимъ либо феноменальнымъ выродкомъ изъ тогдашней жизни, совершенно оторваннымъ отъ дѣйствительности, не имѣющимъ подъ собою никакой реальной почвы. Наконецъ, и всѣ идеалы его, изъ за которыхъ онъ ратовалъ, во имя которыхъ онъ такъ или иначе относился къ существовавшему порядку вещей, положительно или отрицательно, сочувственно или саркастически, — всѣ они взяты имъ не извнѣ, не сверху откуда либо, а изъ самой жизни, изъ всей полноты прошедшаго и настоящаго русской дѣйствительности, суть выраженіе жизненнаго народнаго воззрѣнія. И вотъ такіе-то, чисто народные по своему происхожденію и національные по своему характеру идеалы Посошкова, его стремленія, желанія, проекты, являются часто до подробностей тождественными съ реформаторскими начинаніями Петра, поражаютъ своимъ сходствомъ даже въ мелочныхъ частностяхъ съ преобразовательными стремленіями и дѣлами послѣдняго... Отсюда и опредѣляется громаднѣйшая роль сочиненій Посошкова, какъ непререкаемаго

и существенно важнаго историческаго документа въ выясненіи даннаго, слишкомъ запутаннаго и высокоинтереснаго факта нашей исторіи. Если не можетъ быть и рѣчи о томъ, что для большинства закоснѣлаго въ невѣжествѣ и старообрядности русскаго люда реформа Петра была дѣйствительнымъ насиліемъ, то съ другой стороны, именно сочиненія Посошкова до очевидности выясняютъ, что она и не была совершенно чуждою русской народности, не была столь мгновенна, чтобы окончательно разрушить наши связи съ старымъ бытомъ, совершенно разъединить два міра — міръ до-петровской и послѣ-петровской жизни. При всей своей рѣзкости и наступательности, реформа, несомнѣнно, имѣла національную подкладку, носила народный характеръ, отвѣчала самобытнымъ стремленіямъ коренныхъ русскихъ людей. Сама жизнь, способная порождать такихъ людей, какъ Посошковъ, носила, слѣдовательно, въ себѣ сѣмена преобразованій, вела къ реформѣ, и мало ли могло таиться въ средѣ русскаго народа, и при Петрѣ и до Петра, такихъ смѣлыхъ, рѣшительныхъ и въ такой мѣрѣ убѣжденныхъ реформаторовъ, представителей въ то же время непосредственнаго національзма, каковъ былъ Посошковъ?! Этотъ-то общій историческій смыслъ сочиненій Посошкова, сказывающійся во всей массѣ сыраго историческаго матеріала (который мы и старались выдѣлить), въ связи съ общимъ ихъ идеальнымъ направленіемъ, выработаннымъ и возвышающимся на почвѣ живой дѣйствительности (которое мы также старались выслѣдить), и обусловливаетъ важное историческое значеніе сочиненій Посошкова, придаетъ имъ высокую степень научнаго интереса. Трудно себѣ представить существованіе болѣе объективнаго историческаго памятника, въ такой мѣрѣ безпристрастнаго среди крайностей своей эпохи и столь, однако, живо отразившаго въ себѣ современную жизнь и эти крайности, какъ сочиненія Посошкова.

Не менѣе важное значеніе имѣютъ сочиненія Посошкова и въ исторіи русской литературы. Въ своемъ содержаніи они представляютъ живое отображеніе древне-русской жизни, мастерски исполненную картину всесторонняго соціальнаго положенія Россіи, представляютъ въ себѣ, такъ сказать, итогъ, подведенный къ до-петровской жизни. А своимъ преобладающимъ и всепроникающимъ религіознымъ характеромъ и внѣшнею формою своего изложенія сочиненія Посошкова становятся послѣднимъ звеномъ древне-русской письменности, блестящимъ и полнымъ ея завер-

шеніемъ. Но въ то же время, съ другой стороны, сочиненія Посошкова носятъ неотразимую печать новаго времени и новыхъ понятій. Съ этой стороны они являются любопытнѣйшимъ, такъ сказать, введеніемъ въ новую литературу, предисловіемъ къ ней. Въ нихъ слишкомъ много мѣстъ, которыя являются совершенно достаточнымъ связующимъ пунктомъ литературной работы Посошкова съ литературою новою — если не свѣтскою, въ современномъ понятіи этого слова, то съ литературою ученою и духовною, во главѣ которой поставляются имена: Ломоносова, Татищева и пр. съ одной стороны, Стефана Яворскаго, Ѳеофана Прокоповича и пр. съ другой. Такимъ образомъ, сочиненія Посошкова связываютъ двѣ литературныя на Руси эпохи, сглаживаютъ собою слишкомъ замѣтную рѣзкость перехода отъ одной къ другой, подававшую даже поводъ къ отрицанію всякой между ними генетической связи. Самымъ фактомъ своего существованія сочиненія Посошкова блестяще доказываютъ цѣльность и непрерывность въ развитіи русской литературы, нерасторжимую связь и зависимость ея новаго періода отъ стараго. Они служатъ однимъ изъ очень немногочисленныхъ и тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ памятниковъ нераздѣльнаго единенія всѣхъ выработанныхъ существенныхъ свойствъ и характеристическихъ чертъ исключительно религіозной древне-русской письменности съ новымъ критически-дѣловымъ направленіемъ и свѣтскимъ характеромъ новой русской литературы.

Наконецъ, разсматриваемыя вообще въ исторіи русскаго прогресса, сочиненія Посошкова представляются въ высшей степени замѣчательными. Не говоря о цѣнности въ этомъ отношеніи соціальныхъ проектовъ Посошкова, по отзывамъ спеціалистовъ, ставящихъ его на ряду съ великими и образованнѣйшими политико-экономами Европы [1]); собственно богословскія воззрѣнія Посошкова представляютъ собою фактъ, въ исторіи русской цивилизаціи слишкомъ знаменательный и отрадный. Его очень во многомъ возвышенныя и очищенныя понятія религіозныя были новымъ пріобрѣтеніемъ древне-русской жизни, дорогою находкою, которую самостоятельно нашелъ, до которой додумался самъ древне-русскій человѣкъ. Богословская мудрость Посошкова была не заносная, не навязанная, а самобытно выработанная на основаніи первоисточниковъ и сознательно

---

¹) См. «Иванъ Посошковъ» Брикнера, а также въ статьѣ Тарасова—Юридич. Вѣстн. 1880 г. часть X.

прочувствованная, — была кровнымъ достояніемъ древне-русскаго человѣка, уже возросшаго до состоянія умственной зрѣлости и готоваго вступить въ новую исторію. И Посошковъ, по крайней мѣрѣ на половину, уже принадлежитъ этой исторіи. Слишкомъ выдающимися и поражающими въ сочиненіяхъ простаго, неучившагося древне-русскаго человѣка являются такія мысли, какъ высказанныя и развитыя Посошковымъ напр. объ истинномъ смыслѣ христіанской молитвы, о значеніи иконопочитанія, здравый взглядъ на суевѣрія и пр. Если эти, такъ же какъ и вообще всѣ здравыя мысли Посошкова, напр. о воспитаніи, объ устроеніи жизни, о христіанскомъ поведеніи и взаимныхъ отношеніяхъ и пр., — если эти мысли загромождаются у него предписаніями обрядовыми, если общее теряется въ частностяхъ, то это значитъ только, что царство обряда и формы было слишкомъ еще сильно и не Посошкову, разумѣется, было сломить его. Сразу отрѣшиться отъ своего времени, оторваться отъ отцепреданныхъ традицій, да еще въ такой области, какъ религія, гдѣ русскій человѣкъ былъ слишкомъ ревнивъ и осмотрителенъ, было, конечно, выше силъ Посошкова, было невозможно для него. Великій шагъ его впередъ и важная заслуга его уже въ томъ, что въ безграничномъ хаосѣ обрядности и формалистики древне-русской онъ совершенно самостоятельно, безъ всякаго сторонняго руководства, съумѣлъ уловить главную мысль, схватить сущность, понять жизнь. Въ высшей степени благороднымъ представляется его стремленіе регулировать христіанскую жизнь, просвѣтить своихъ земляковъ, одухотворить для нихъ бездушное, внести жизненный смыслъ въ то, что испоконъ вѣка выполнялъ русскій человѣкъ безотчетно. Все это сдѣлалъ Посошковъ, — въ этомъ его истинная, непререкаемая заслуга, его знаменательный подвигъ нравственный. Его новые взгляды, мысли и эти его необычныя тогда новыя реформаторскія попытки въ сферѣ древне-русской религіозной жизни ставятъ въ нашихъ глазахъ старорусскаго Посошкова гражданиномъ и новаго времени, сыномъ новой уже исторіи, достойнымъ современникомъ великаго реформатора Россіи и творца новой русской цивилизаціи.

Благодаря исключительно своему природному уму, энергіи и необыкновенной силѣ и выработанности нравственнаго характера, простой древне-русскій «холопъ» — Посошковъ съумѣлъ далеко возвыситься надъ своимъ временемъ и вырваться изъ тѣснаго кружка, къ которому онъ принад-

лежалъ. Лишенный правильнаго образованія и воспитанный въ средѣ, даже сознательно противодѣйствующей образованію, этотъ «неукъ» понялъ, однако, стремленія новаго времени и искренно радовался началу просвѣщенія. Усматривая вмѣстѣ съ умственнымъ и нравственное и матеріальное банкротство отечества, этотъ во всякомъ случаѣ полезный, талантливый труженикъ всего себя посвятилъ заботамъ о всестороннемъ — моральномъ и матеріальномъ — возвышеніи соотечественниковъ, жизнію пожертвовалъ въ усиліяхъ помочь Петру Великому въ дѣлѣ преобразованія Россіи. Сдѣлать что нибудь выше, болѣе этого у Посошкова уже недоставало человѣческихъ силъ: на избранномъ пути онъ сдѣлалъ все, что возможно было сдѣлать. И по всей справедливости Посошковъ можетъ и долженъ стать въ глазахъ потомства образцомъ, всегда заслуживающимъ подражанія и внушающимъ полнѣйшую благодарную о себѣ память. Имя его вполнѣ достойно занять одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ хроникѣ русской самодѣятельности. И Посошковъ по справедливости уже занялъ это мѣсто; онъ отысканъ въ русской исторіи и поставленъ въ ряду немногихъ, избранныхъ представителей самодѣятельности въ Россіи («Самодѣятельность» Смайльса, изд. 1881 г. т. I, стр. 203—210). Энергическій, дѣятельный и въ высшей степени честный образъ этого сына народа заслуживаетъ незабвенной памяти и полнѣйшаго уваженія отъ каждаго русскаго человѣка.

Важнѣйшія изъ замѣченныхъ опечатокъ:

Стран.	*Строка*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
9	26	земляныхъ	землянныхъ
13	17	лтъ 1725 г.	отъ 1752 г.
35	9	сочиненія Посошкова, представляютъ	сочиненія Посошкова представляютъ
62	17	представляютъ родъ	представляютъ рядъ
65	27	реформъ, то	реформъ; за то
67	31	т. II, 40, 31, 41, 50.	т. II, 31, 50.
74	29	прочаго харча» (23 с.).	прочаго харча».
77	34	о дерзостяхъ, которые	о дерзостяхъ, которыя
78	16	землевладѣльцу	земледѣльцу
108	19	ли о лѣности	или о лѣности
116	14	расвѣ	развѣ
138	25	нарѣканій	нареканій.
147	19	на правленія	направленія
152	36	то же	тоже
156	18	и, резонно	и резонно
177	13	О ле чудесе	Оле чудесе
190	2	на - чный.	на - учный
200	12	постановленій	наставленій
201	2	излавая	излагая
211	26	соблюеши	соблюдеши

